Федор Бурлацкий

МАО ЦЗЭДУН и его наследники

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1976 году издательство «Международные отношения» выпустило книгу Ф. Бурлацкого «Мао Цзэдун», получившую широкое признание у читателей. В новой работе автор исследует как период деятельности Мао Цзэдуна, который в течение многих лет руководил Компартией Китая и стоял во главе страны, так и последние события. Здесь рассматриваются основные моменты идейной и политической борьбы вокруг наследия Мао Цзэдуна после его кончины и дается характеристика основных участников этой борьбы.

http://fb2.traumlibrary.net

- Федор Михайлович Бурлацкий
  - Мао Цзэдун и его наследники
    - От автора
    - Часть первая
      - Идейный инфантилизм
      - Политический человек
      - «Китаизация» марксизма
    - Часть вторая
      - Комплекс страха и величия
      - Больная тень коммунизма
      - Перманентные потрясения
      - «Маленькие застрельщики культурной революции»
      - Радикал-националист
    - Часть третья
      - Несостоявшаяся императрица
      - Формирование альянсов
      - Новое руководство
    - Часть четвертая
      - Мумизация маоизма
      - Бремя наследования
      - Против магии слов
  - Комментарии
  - Выходные данные

Федор Михайлович Бурлацкий
Мао Цзэдун и его наследники

Мао Цзэдун и его наследники

От автора

Книга представляет собой идейно-психологический портрет Мао Цзэдуна и его наследников. Она является продолжением уже известной читателю работы «Мао Цзэдун», выпущенной в свет в 1976 году. В книге использованы разнообразные источники, характеризующие наиболее важные моменты жизненного пути Мао Цзэдуна. В первую очередь здесь надо назвать общеизвестные книги и статьи Эдгара Сноу[1], Агнессы Смэдли[2], Анны Луизы Стронг[3], Эми Сяо[4], дневниковые записи П. П. Владимирова[5], опубликованные в книге «Особый район Китая», воспоминания Ван Мина[6], Отто Брауна[7] и других политических и военных деятелей, журналистов, писателей, непосредственно соприкасавшихся с китайскими руководителями. Из числа работ советских исследователей следует упомянуть сборники «Опасный курс» (вып. I–V), труды О. Борисова, В. Бурова, А. Григорьева, Л. Делюсина, Б. Кулика, В. Кривцова, М. Капицы, М. Сладковского, А. Румянцева, С. Тихвинского, А. Титова.

Среди исследований зарубежных синологов наше внимание привлекли труды С. Шрама[8], Р. Лифтона[9], С. Карноу[10]. Автор воспользовался этими и другими произведениями, написанными с разных позиций: восторженных, как у Эми Сяо и Эдгара Сноу, или сугубо отрицательных, как у Чжан Готао[11], чтобы попытаться составить всестороннее суждение о духовном облике Мао Цзэдуна.

Большая часть книги посвящена событиям после смерти Мао Цзэдуна и характеристике его преемников, их борьбе вокруг наследия покойного председателя КПК, их взглядам, их политике. Работая над этими разделами, автор мог главным образом опереться на материалы текущей информации, поскольку новая полоса в жизни Китая еще только складывается, события еще свежи, отношения еще не устоялись, новые руководители еще не вполне обнаружили свое политическое лицо. Поэтому сведения о них нередко носят отрывочный характер.

Автор выражает благодарность за ценные замечания О. Борисову, М. Титаренко, В. Кривцову, В. Бурову, Л. Делюсину.

Часть первая

Идейный инфантилизм

В беседе с Эдгаром Сноу, которому Мао впервые изложил свою биографию, он сообщил следующий весьма любопытный эпизод своего детства. Когда ему было 13 лет, он как-то ушел из школы, за что дома в присутствии гостей отец обозвал его лентяем. Юноша в ответ нагрубил отцу и убежал из дому. Отец побежал за ним и догнал около пруда. Мао Цзэдун не умел плавать, но пригрозил, что, если отец приблизится к нему, он прыгнет в воду. Старший Мао (Жэньшэн) приказал, чтобы сын встал перед ним на колени в знак подчинения. Сын отказался, но сказал, что встанет на одно колено, если отец не будет его бить. Отец согласился с условиями сына.

«Война закончилась, — рассказывал Мао, — и я понял, что, когда я защищал свои права, выступая открыто, мой отец уступал мне. Но когда я был тихим и послушным, он только ругал и бил меня еще больше».

Мы склонны отнестись с доверием к этому рассказу. В самом эпизоде много характерного, прежде всего непокорность и бунтарство юноши. Надо представить себе китайскую семью и китайские традиции, чтобы оценить всю необычность его поведения. Конфуцианские каноны, которым неукоснительно следовали многие поколения китайцев, требовали трех видов покорности: сына — отцу, подданного — императору и всех — церемониалу и традициям. И уже с ранней юности Мао покусился на одну из них — едва ли не самую важную (впрочем, Мао не любил отца и впоследствии не раз говорил об этом).

Не лишена известной символики и другая деталь: юноша все же становится на одно колено перед отцом. Если воспользоваться собственным образным сравнением Мао, то уже в юные годы он учился владеть и силой тигра, и ловкостью обезьяны. Мао, как увидит читатель, часто приходилось идти на компромиссы: и с колеблющимися сторонниками, и с соперниками в борьбе за власть, и с иностранными деятелями. И, право же, эти компромиссы в чем-то сродни поведению юноши, преклоняющего лишь одно колено перед отцом: он не подчиняется до конца, что позволяет «сохранить лицо», в то время как преклонение колена как будто свидетельствует о покорности и согласии.

Вернемся, однако, к началу жизненного пути Мао. Он родился 26 декабря 1893 г. на юге Китая в деревне Шаошань

уезда Сянтань провинции Хунань[1]. По словам Мао, его отец — Мао Жэньшэн за годы военной службы скопил какую-то сумму денег и, вернувшись в родную деревню, стал мелким торговцем. Он скупал рис у крестьян, а затем перепродавал его в город купцам по более высокой цене.

Отец Мао мало что мог дать своему сыну в отношении образования, поскольку сам учился в школе только два года и знал иероглифы лишь настолько, чтобы быть в состоянии вести книгу приходов и расходов. Мать Мао — единственный человек его детства, о котором он вспоминает с добрыми чувствами, — была неграмотной женщиной и глубоко верующей буддисткой. Она оказала большое влияние на сына, прививая ему буддистские убеждения. Кстати говоря, возможно, именно буддизму и даосизму Мао обязан первыми сведениями о наивно-диалектических категориях, в частности о борьбе противоположных начал в природе и обществе, которыми он так охотно оперировал впоследствии.

В раннем детстве Мао учился бессистемно. Ему приходилось преодолевать сопротивление отца, который желал поскорее сделать его своим помощником для работы по хозяйству.

В восьмилетнем возрасте Мао стал посещать обычную школу, но тринадцати лет по настоянию отца бросил ее. В школе обучение строилось на зазубривании канонических конфуцианских книг. Втайне от учителей Мао, как и многие другие школьники, на уроках читал старинные китайские романы. Для этого он пользовался маленькой хитростью: клал перед собой на парту классическое произведение, под которым прятался любимый роман.

В 13 лет Мао, оставив школу, стал работать в поле и помогать отцу вести денежные счета. Когда ему минуло 14 лет, отец женил Мао на девушке старше его на шесть лет (о ее дальнейшей судьбе ничего неизвестно).

Отец рассчитывал передать со временем свое торговое дело в руки сына. Но сын проявил характер. Он убежал из дому и стал брать уроки у безработного ученого-юриста. Так продолжалось полгода. Затем под руководством старого ученого он продолжал изучать китайских классиков, а также читать современную литературу.

В возрасте 17 лет Мао поступает в школу в Дуншане уезда Сянсян провинции Хунань. Учителя отмечали его способности, знание китайских классиков, канонических конфуцианских книг. Он писал сочинения в классической манере, но увлекался не только классикой. Мао вспоминает о двух книгах, присланных ему двоюродным братом, в которых рассказывалось о

реформаторской деятельности Кан Ювэя[2]. Одну из них он даже выучил наизусть. Мао становится ярым поклонником Кан Ювэя.

Известный китайский писатель Эми Сяо, автор книги о Мао и Чжу Дэ, вспоминал о своей встрече с Мао в школьные годы:

«Потом мы рассказали друг другу, какие книги читали… Тайком от отца и учителя ему удалось прочитать много старинных китайских романов: „Путешествие на запад“, „Троецарствие“, „Пират“, „Жизнь героя Юэ Фэй“, „Шо Тан“. Он начал мне рассказывать содержание этих романов (приключения их героев так захватили меня, что впоследствии я разыскал эти книги и прочел их). Но и я знал несколько романов, которых не читал Мао. В свою очередь я принялся рассказывать их своему новому другу. Мао сказал, выслушав:

— Это хорошо, только больше всего я люблю читать про восстания.

Звонок. Надо идти в школу готовить уроки. Держась за руки, мы пошли вместе к воротам. Мао заметил, что в руках у меня книга.

— Что это у тебя?

— Биографии великих людей мира.

— Дай почитать, — попросил Мао.

Через несколько дней он вежливо и виновато вернул мне книгу.

— Извини, пожалуйста, я запачкал.

Я открыл книгу и увидел, что вся книга исчерчена значками и испещрена пометками, сделанными черной тушью. Особенно пострадали страницы, на которых шла речь о Наполеоне, Петре Великом, Веллингтоне, Вашингтоне… Мао сказал мне:

— И Китай должен бы иметь таких людей. Нужно, чтобы страна была богатая и чтобы у нее была сильная армия. Только тогда с нами не повторится то, что случилось с Индокитаем, Кореей, Формозой. Знаешь, как у нас говорят: „Передняя телега свалилась, второй стоит призадуматься“?»[3].

Большинство учащихся в этой школе были детьми помещиков; они были хорошо одеты и отличались особыми манерами. Куда было крестьянскому сыну тягаться с ними! Он имел только один приличный костюм, который берег для торжественных случаев. Кроме того, он пришел в школу после длительного перерыва и был на несколько лет старше своих одноклассников. Мао возвышался над всеми в классе, как Гулливер среди лилипутов.

Плохо одетого высокого «новенького» встретили насмешками и презрением. Он не нашел общего языка со своими сверстниками и учителями и в начале 1911 года ушел из этой школы.

Довольно любопытный образ рисует Эми Сяо — не правда ли? Юноша настойчиво ищет себя, свой путь (даже если Эми Сяо задним числом несколько приукрасил Мао). Но кое-что все же настораживает, когда вглядываешься ретроспективно в духовный облик молодого Мао. Это — чрезмерное увлечение военной героикой, независимо от того, идет ли речь об императорах, жестоких завоевателях или бунтовщиках-крестьянах.

Отношение Мао к социальным проблемам было противоречивым. Мао как сын богатого крестьянина и торговца был представителем промежуточного слоя. Психологически это самое трудное положение: он чуждался крестьянских детей, но дети помещиков тоже не считали его своим. Во время голода в 1910 году пострадавшие крестьяне просили своих односельчан выручить их зерном. Однако отец Мао продолжал возить зерно на продажу в город. Голодные крестьяне отняли у него зерно, и он пришел в ярость. «Я не симпатизировал ему, — вспоминал Мао, — но в то же время считал, что метод, к которому в данном случае прибегли крестьяне, был неправильным»[4].

Тем временем в Китае назревали бурные события. По всей стране прокатывались крестьянские восстания и городские волнения. 10 октября 1911 г. вспыхнуло Учанское восстание в Центральном Китае. Оно послужило началом революции 1911 года. Основная направленность революционного движения была республиканской, антимонархической.

Большую роль в организации революционного движения играл «Объединенный союз» («Тунмэнхой»), по призыву которого, собственно, и произошло восстание в Учане. Этот — союз был создан Сунь Ятсеном в конце 1905 года. В основу программы союза были положены народные принципы Сунь Ятсена: национализм (свержение маньчжурской династии Цин), народовластие (учреждение республики), народное благосостояние (уравнение прав на землю). В. И. Ленин высоко оценивал деятельность Сунь Ятсена, называя его революционным демократом, полным благородства и героизма. В то же время В. И.Ленин указал на утопические черты программы Сунь Ятсена, который рассчитывал, что Китаю удастся полностью избежать капиталистического этапа развития[5].

Под ударами Синьхайской революции Цинская империя пала. 12 февраля 1912 г. был опубликован акт об отречении цинской династии. Однако республиканский режим фактически служил прикрытием господства военщины, помещиков и компрадорской буржуазии.

В августе 1912 года в Пекине была создана Национальная партия — гоминьдан. «Объединенный союз» вместе с другими

возникшими в период революции либерально-буржуазными организациями вошел в ее состав. Но программа гоминьдана была значительным шагом назад в сравнении с программой, провозглашенной в свое время Сунь Ятсеном.

В то время огромное место в духовной жизни страны занимала национально-демократическая идеология. Это и понятно. Первые десятилетия XX века характеризовались усилением политической и экономической экспансии — империалистических государств в Китае, пытавшихся осуществить раздел страны на сферы влияния.

В этих условиях важнейшим требованием всех прогрессивных партий и групп в Китае было национальное освобождение страны.

Из числа первых политических работ, которые вызвали интерес у Мао, сам он называет брошюру Чэнь Тяньхуа. Основная направленность этой брошюры была антиколониальной. Брошюра начиналась словами: «Увы! Китай-будет покорен!» «После того как я прочел это, — вспоминает Мао, — я почувствовал тревогу за будущее своей страны и стал отчетливо сознавать, что долг всего народа — помочь спасти Китай».

Заметим, что начальные политические эмоции Мао были связаны с национальной проблемой. Вряд ли в ту пору он сам мог предполагать, насколько эта проблема захватит его воображение и на всю жизнь станет основой его духовного мира. Наряду с этим серьезное впечатление на Мао произвели идеи технической модернизации Китая. Он знакомится с книгой группы китайских ученых-реформаторов, которые считали, что слабость Китая происходит лишь от недостатка западной техники: железных дорог, пароходов, телефона, телеграфа и т. д.

После начала революции, в 1911 году, Мао вступил в армию. Здесь, читая «Сянцзян жибао» и другие газеты, он впервые знакомится с идеями социализма.

Через полгода Мао покинул армию, некоторое время жил в своей родной деревне и помогал отцу.

В 1913 году Мао приезжает в город Чанша — столицу провинции Хунань с твердым намерением продолжать образование. Но, выбирая профессию, он проявил большую нерешительность: некоторое время он даже мечтал попасть в полицейскую школу. Однако в конечном счете он остановился на профессии учителя и в том же году поступил в педагогическое училище, которое окончил в 1918 году.

В период учебы в Чанша Мао услышал о Сунь Ятсене, о программе «Объединенного союза». В листовке, написанной и вывешенной им в училище на стене, он пытается изложить свои общественные взгляды. То было первое публичное выражение его

политических симпатий. Впоследствии он сам назовет это выступление «довольно путаным». В ту пору Мао еще не отказался от своего восхищения китайским националистом-реформатором Кан Ювэем. Он не видел разницы между ним и Сунь Ятсеном. В своей листовке он требовал, чтобы Сунь Ятсен был назначен президентом, а Кан Ювэй — премьером республики.

Мао не только отличался хорошим знанием китайской классической литературы, но и стремился выражать свои мысли в духе ее традиций. Мао Цзэдун и здесь читает китайских философов и писателей, конспектируя их мысли в своих дневниках. Его студенческие сочинения как образцовые вывешивались на стенах училища.

Студент Мао мечтал о карьере человека умственного труда. Как он сам рассказывал впоследствии, жизнь крестьян, из среды которых он вышел, была ему чужда. В то время он считал, что «чистоплотнее всех на свете интеллигенты, а рабочие и крестьяне — люди грязные». Он полагал возможным надеть чужое платье, если оно принадлежало интеллигенту; с его точки зрения, оно было чистым; но он не согласился бы «надеть платье рабочего или крестьянина, считая его грязным»[6].

Как раз в период учебы в педагогическом училище Чанша, как об этом говорит сам Мао, его политические идеи начали принимать отчетливую форму. Вокруг одного из преподавателей училища — неоконфуцианца профессора Яна Чанцзи, читавшего этику, логику, психологию и педагогику, образовалась группа серьезно мыслящих учеников.

С самого начала Мао хотел специализироваться по социальным наукам. Естественные науки его не интересовали, и он получал плохие отметки по этим дисциплинам.

Более всего Мао по-прежнему волновали книги о великих людях Китая и всего мира. Из западных деятелей самым привлекательным для него стал Наполеон. С годами его симпатии не изменились. Беседуя в феврале 1964 года с делегацией французских парламентариев, 70-летний Мао Цзэдун заявил, что он является поклонником Наполеона и знает все его произведения. Хотя Робеспьер, продолжал Мао, был великим революционером, на него лично большее впечатление произвел Наполеон.

Имеется весьма примечательный рассказ одного из соучеников Мао — Сяо Юя, с которым они вместе путешествовали по Хунани в 1917 году. Между ними возник спор относительно императора Лю Бана (202–196 гг. до н. э.) — основателя ханьской династии. Мао утверждал, что Лю Бан был первым в истории Китая императором — выходцем из народа, преуспевшим

революционером, которому удалось свергнуть циньского деспота и основать династию Хань. Поэтому его следует рассматривать как великого героя. Сяо Юй, напротив, говорил, что Лю Бан был плохим человеком, слишком эгоистичным и эгоцентричным для императора; он устранил деспота только для того, чтобы самому стать деспотом — жестоким, вероломным и лишенным человеческих чувств. Сяо Юй напомнил Мао об отношении Лю Бана к своим полководцам, которые рисковали жизнью ради него. Когда его армия одерживала победу, эти люди становились известными сановниками. Лю Бан, боясь, что тот или другой из них может попытаться узурпировать трон, попросту убивал их. Отвечая на это, Мао заявил, что, если бы Лю Бан не убивал своих полководцев, его трон находился бы в постоянной опасности и он не смог бы долго оставаться императором.

Весьма прагматичный образ мыслей — не правда ли?

«Я очень хорошо понимал, — пишет в заключение Сяо Юй, — что Мао Цзэдун не хочет продолжать наш спор, чтобы я не мог критиковать его непосредственно. Мы оба знали, что он в своих стремлениях отождествляет себя с Лю Баном»[7].

Не Робеспьер, а Наполеон, так же как и Лю Бан, преуспевшие властители, — вот кто волнует воображение молодого Мао.

Впоследствии Мао сам откровенно рассказывал Сноу о своих уже далеко не юношеских (было ему в ту пору 25 лет) увлечениях великими правителями Древнего Китая. Он вспоминал, что долгое время считал императоров и других государственных деятелей честными и умными людьми. Он был очарован успехами правителей Древнего Китая — Яо и Шуня, Цинь Шихуана и Уди.

На всю жизнь любимыми книгами Мао стали исторические описания эпохи «сражающихся царств», эпизоды борьбы императора ханьской династии Уди с гуннами, переплетение событий в период «троецарствия», когда, по его словам, обстановка беспрерывно менялась и таланты беспрерывно проявлялись, — романы «Троецарствие» и «Речные заводи»[8], отражающие эти события. Героика этих произведений глубоко затронула самые сокровенные струны души молодого Мао. Крестьяне-повстанцы, «справедливые бандиты» из романа Ши Найаня «Речные заводи», навсегда остались в сознании Мао людьми завидной и благородной судьбы. Не случайно эти книги неоднократно рекомендовались к изучению кадрам Компартии Китая.

Большой интерес Мао проявлял к политической и военной истории Запада. По свидетельству Эми Сяо, Мао восхищала деятельность Бисмарка и даже кайзера Вильгельма. Эми Сяо уже тогда был глубоко убежден, что Мао Цзэдун станет полководцем,

«потому что он с таким блеском говорил о войне».

К литературной работе Мао приобщился через журнал «Новая молодежь» («Синь циннянь»), который издавался под редакцией Чэнь Дусю[9]. Это был просветительский журнал, который ставил своей основной задачей демократизацию науки, борьбу с невежеством и суеверием и выступал с пропагандой марксистских взглядов.

Мао в ту пору находился под сильным влиянием идей движения за новую культуру, которые проповедовал его любимый профессор Ян Чанцзи. Это течение искало способа соединить передовые идеи Запада с великим духовным наследием самого Китая.

В апреле 1917 года Мао публикует в журнале «Новая молодежь» свою первую статью. Статья была посвящена развитию физической культуры.

На первое место в статье выдвигается проблема возрождения национального величия Китая, общество которого еще совершенно не дифференцировано в сознании Мао; он предлагает восстановить дух военной доблести как гарантию спасения нации.

С 1918 года начинается и увлечение Мао анархизмом, которое было длительным и глубоким. Он знакомится в Пекине с активными деятелями анархизма, вступает в переписку с ними, а затем пытается даже создать в Хунани анархистское общество. Он верит в необходимость децентрализации управления в Китае и вообще склоняется к анархистским методам деятельности. Мао увлеченно читает работы П. Кропоткина и других анархо-социалистов.

Октябрьская революция в России и победа Советской власти дали мощный толчок не только освободительному и демократическому, но и социалистическому движению в Китае. В стране создаются первые революционно-демократические объединения студенчества, из которых впоследствии вышли многие деятели Компартии Китая. В 1919 году возникло «движение 4 мая». Это было крупное политическое выступление студентов городской мелкой буржуазии, рабочих, протестовавших против решения Парижской мирной конференции о передаче бывших немецких концессий в Шаньдуни Японии. По всей стране прокатились мощные демонстрации студентов. Возникла первая Всекитайская студенческая ассоциация. В движение включились рабочие. В 1919 году бастовали рабочие Шанхая, железнодорожники Нанкина. Вскоре возникли. первые рабочие профсоюзы и первые марксистские кружки.

Приехав в Пекин в 1918 году по рекомендации профессора Яна Чанцзи, читавшего тогда лекции в Пекинском университете,

Мао устроился помощником заведующего библиотекой Пекинского университета Ли Дачжао[10]. Это был образованный марксист и незаурядный деятель.

В 1919 году Ли Дачжао создал в Пекине кружок по изучению марксизма. Мао получил возможность участвовать в его работе. Но в ту пору, как он сам впоследствии рассказывал, в его голове еще была смесь идей либерализма, демократического реформизма и утопического социализма, к которым прибавились обрывки анархистских и марксистских идей.

Мао тогда находился в плену иллюзий общенационального единства. Под их влиянием он написал статью «Великий союз народных масс». Эта статья была опубликована в № 2, 3 и 4 журнала «Сянцзянское обозрение» («Сянцзян пинлунь») за 1919 год, редактором которого стал Мао, вернувшись в Хунань в начале 1919 года. Как свидетельствует статья, в это время Мао еще не проводит различий ни между рабочими и буржуазией, ни между красным флагом большевиков и знаменем «движения 4 мая».

В этой статье Мао утверждает, что идеи демократии и просвещения, провозглашенные Чэнь Дусю, — это как раз то, что нужно Китаю. Мао пишет о китайской нации не только как о единой, но и как о могучей прогрессивной силе. Он не проявляет особого интереса ни к положению рабочих, с которыми он не был связан, ни к положению крестьян, из среды которых он вышел.

В декабре 1919 года Мао едет в Пекин. К этому времени умер профессор Ян Чанцзи, и Мао выразил соболезнование его дочери. Через год он женится второй раз на дочери профессора Яна — Кайхуэй. Мао получает должность директора начальной школы, что укрепило его материальное и общественное положение.

Было бы наивным искать в этом молодом человеке черты будущего руководителя КПК, а тем более будущего политического и идеологического вождя многомиллионного народа. С такими чертами вряд ли рождаются, они долго формируются под влиянием исторических обстоятельств, в процессе борьбы, под воздействием заинтересованных групп и слоев, выдвигающих своего лидера. Что касается молодого Мао, то наверняка в ту пору в Китае среди радикальных студентов можно было встретить сотни людей, которые так же остро переживали национальное унижение своей страны, с такой же тоской думали о героическом прошлом Китая и так же туманно представляли себе пути к историческому возрождению страны.

Болезненно переживал Мао и собственное униженное социальное положение выходца из крестьян, которым пренебрегают представители богатых и знатных фамилий. Ему

так и не удалось попасть в университет и пришлось довольствоваться образованием, полученным в среднем педагогическом училище. Быть может, унижения, которые испытывал помощник библиотекаря, и были источником того раздражения против профессуры, против образованных людей, которое на всю жизнь стало одной из наиболее устойчивых черт его интеллекта? Быть может, именно тогда зародилась мысль о том, что «необразованные должны свергнуть образованных»? Трудно сказать. Презрение к интеллигенции, как мы увидим дальше, — это не только психологическая черта, это идеология Мао. Но так или иначе к моменту вступления в Коммунистическую партию Мао имел лишь небольшой опыт участия в студенческом движении радикально-демократического и националистического направления. Он не имел опыта участия ни в рабочем, ни в крестьянском движении.

Мы видим, что период идейного инфантилизма оказался весьма затяжным у будущего идеолога КПК. Поиск устойчивых идейных позиций, классовой основы своей начинающейся политической деятельности оказался очень трудным для человека, основные побуждения которого были связаны с проблемой национальной униженности Китая. Даже его первое знакомство с социализмом и марксизмом не повлияло радикально ни на его взгляды, ни на его социальную ориентацию. Мы не видим пробуждения серьезного интереса к рабочему движению и к его идеологии— марксизму-ленинизму.

Не будем излагать подробно все события жизни и деятельности Мао Цзэдуна в 20-30-х годах, а тем более историю КПК в этот период. Остановимся лишь на некоторых эпизодах, характерных для идейных позиций Мао, и на его первых теоретических публикациях.

Идейный инфантилизм, который мы заметили в предыдущий период деятельности Мао, сыграл немаловажную роль в его последующей теоретической и практической работе. Его политические позиции в 20-х годах нередко напоминают качание маятника — настолько велика амплитуда «правых» и «левых» колебаний Мао Цзэдуна.

Если верить Мао Цзэдуну, он стал «марксистом в теории и в некоторой степени на практике» летом 1920 года, после того как прочел «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работы «Классовая борьба» Каутского и «История социализма» Киркапа. Заметим, однако, что ставить в один ряд эти работы мог только человек, очень мало сведущий в марксизме-ленинизме. Киркап выступал против важнейших экономических идей К. Маркса, считая их «узкими,

односторонними или исторически неверными». В то же время Киркап прочувствованно изложил содержание «катехизиса» Бакунина и взгляды Кропоткина, назвав анархизм «революционным социализмом».

К весне 1921 года в Китае насчитывалось шесть небольших коммунистических кружков (в Шанхае, Пекине, Чанша, Ухане, Гуанчжоу и Цзинане). Одна группа коммунистов, в которую вошли китайские студенты (в том числе Чжоу Эньлай), находилась в Париже.

В июле 1921, года после нескольких предварительных совещаний в Шанхае собрался 1 съезд Коммунистической партии Китая. На съезде присутствовали по два делегата от каждой из шести перечисленных групп. Мао представлял хунаньскую организацию. Будущие руководители КПК Ли Дачжао и Чэнь Дусю не смогли присутствовать на съезде. В работе съезда приняли также участие представители Коминтерна и Профинтерна.

Первые заседания съезда состоялись в помещении женской гимназии на территории французской концессии в Шанхае. Школа была закрыта на каникулы, и это должно было обеспечить безопасность нелегального съезда. Однако полиция все же заметила появление в школе посторонних людей. Для большей безопасности решено было покинуть город и провести заключительное заседание в лодке, на озере, недалеко от города. Делегаты имитировали праздничную прогулку по озеру. В заключительном заседании представители Коминтерна и Профинтерна участия не принимали.

Съезд выдвинул задачу свержения эксплуататорских классов с помощью революционной армии пролетариата и установления диктатуры пролетариата. Он подчеркнул необходимость организации рабочего движения, отметил классово-пролетарский характер Компартии и выступил против сотрудничества с другими партиями. Съезд избрал Временное бюро во главе с Чэнь Дусю и высказался в принципе за вступление КПК в Коминтерн.

Мао, судя по всему, ничем не проявил себя на этом съезде. Чжан Готао — участник съезда — вспоминает, что Мао Цзэдун ни с какими конкретными предложениями не выступал. Мало что известно и о деятельности Мао в последующие два года.

На II съезде КПК, состоявшемся год спустя в Шанхае, был принят манифест с программой-максимум и программой-минимум, а также решение о вступлении КПК в Коминтерн. Мао, в то время представитель хунаньского комитета КПК, хотя и находился в Шанхае, но участия в съезде не принимал.

С лета 1922 года по рекомендации Коминтерна и в

соответствии с решениями II съезда КПК начала устанавливать сотрудничество между КПК и гоминьданом. На III съезде КПК, в центре внимания которого был вопрос о тактике партии, то есть об отношении к гоминьдану, в июне 1923 года было принято решение о том, что гоминьдан должен выступить в роли основной организующей силы в национальной революции.

Мао оказался в числе наиболее активных проводников этой линии. Выступая на съезде, он отказался от своей прежней позиции, когда высказывался за независимость профсоюзов. Мао выступил за передачу профсоюзов под руководство гоминьдана. Его активный и быстрый переход на новые позиции обеспечил ему новое положение и в КПК, и в гоминьдане. На III съезде он был избран в состав ЦК, а вскоре после этого (в январе 1924 г.) назначен заведующим орготделом, вместо Чжан Готао. На I съезде гоминьдана Мао был избран кандидатом в члены ЦИК гоминьдана. Идеологический «маятник» Мао сильно качнулся вправо. Посмотрим, как далеко зашел Мао, идя по этому пути.

В 1924 году гоминьдан был реорганизован на более централизованных началах в политическую партию. Мао принял самое активное участие в форуме гоминьдановских лидеров, которые съехались со всего Китая. Мао Цзэдун вошел в комиссию, созданную для редактирования документов съезда. И когда в 1924 году гоминьданом были созданы курсы по подготовке руководителей крестьянского движения, никто не удивился тому, что именно Мао по предложению КПК стал одним из ведущих руководителей этих курсов* хотя до этого Мао Цзэдун специально крестьянским движением не интересовался.

К этому времени, вероятно, следует отнести начало теоретической работы Мао Цзэдуна. Но мысли, которые высказывал 30-летний Мао, носили явно незрелый и противоречивый характер, хотя сами ошибки весьма типичны как для периода формирования его взглядов, так и для последующих лет. Выступая на III съезде КПК, Мао утверждал, что в Китае невозможно создать ни национальную, ни коммунистическую массовую партию, что революцию в Китай может принести с собой только русская армия с севера.

В июле 1923 года в центральном органе КПК — еженедельном журнале «Сяндао» — была опубликована статья Мао Цзэдуна «Пекинский политический переворот и торговцы». Здесь он утверждает, что лидерами в надвигающейся национальной революции должны быть торговцы.

Такие взгляды Мао дополнялись практической деятельностью в гоминьдане. В качестве члена постоянного комитета шанхайской городской организации гоминьдана он работал

вместе с одним из лидеров гоминьдана — Ху Ханьминем и даже получил насмешливое прозвище его «секретаря».

На IV съезде КПК в январе 1925 года Мао Цзэдун подвергся критике за прогоминьдановские взгляды. Сам он не только не был избран в новый состав ЦК КПК, но не был даже приглашен на съезд.

Как Мао рассказывал Э. Сноу, в конце 1924 года он заболел и был вынужден вернуться в Хунань на отдых, но его болезнь была скорее всего дипломатической. В это время он оставался объектом критики со стороны тех членов КПК, которые возражали против стремления Мао наладить сотрудничество с гоминьданом даже ценой частичной утраты независимости КПК.

Особенно значительным было «раскачивание маятника» идейных и политических позиций Мао Цзэдуна в середине 20-х годов, когда он в короткий срок проделал путь от крайне правых к крайне левым взглядам.

В период 1925–1927 годов, в пору назревания разрыва сотрудничества между гоминьданом и КПК, Мао оставался ревностным сторонником прогоминьдановской линии. Даже Стюарт Шрам, его биограф, весьма симпатизирующий Мао, не может не отметить этого. Он пишет: «В треугольнике отношений Москва — гоминьдан — КПК позиция Мао Цзэдуна в критические годы (1925–1927) была в общем ближе к гоминьдану… Этот факт является, очевидно, источником чрезвычайных неприятностей для самого Мао и его нынешних историков в Пекине, которые исказили факты, связанные с его деятельностью в этот период»[11].

Что верно, то верно. Впрочем, Мао в упомянутых беседах со Сноу намекает на то, что он продолжал сотрудничать с гоминьданом, рассчитывая в этой партии найти поддержку своему новому взгляду на роль крестьянства в революции. Но ведь вовсе не гоминьдан, которому были чужды подлинные интересы бедного и среднего крестьянства, обратил взоры КПК к деревне. Напомним, что в октябре 1923 года был основан Крестьянский интернационал (Крестинтерн). Его первый съезд состоялся в Москве в 1924 году. В мае 1924 года Крестинтерн в специальном письме к КПК подчеркнул огромное значение крестьянской проблемы для китайской революции.

Мао Цзэдун же в беседе со Сноу утверждал, будто он изменил свои взгляды на роль крестьянства лишь под влиянием роста его активности, особенно в период 1925 года. «Раньше я не вполне понимал степень классовой борьбы крестьянства. Но после 30 мая и во время большой политической активности крестьянства, последовавшей за событиями 30 мая, хунаньское крестьянство стало очень воинственным. Я… начал проводить

организационную кампанию в деревне»[12]. Почему же он умалчивает об упомянутых рекомендациях Крестинтерна?

Зиму и весну 1925 года Мао провел в родной деревне Шаошань в связи с болезнью. А осенью того же года вернулся в Кантон, где стал играть важную роль в аппарате гоминьдана, продолжая участвовать в работе курсов по подготовке руководителей крестьянского движения. Одновременно Мао получил ответственную работу в отделе пропаганды ЦИК гоминьдана. Вначале он был секретарем, а затем заместителем заведующего и, наконец, заведующим отделом. II съезд гоминьдана, состоявшийся в январе 1926 года, принял резолюцию по докладу Мао, представленному им съезду.

12 марта 1925 г. скончался Сунь Ятсен. Его последние слова были обращены к гоминьдану и к ЦИК СССР. Китайскому народу и гоминьдану он завещал сохранить союз с народными массами, сотрудничество с КПК и укреплять дружбу с СССР. Однако руководители гоминьдана очень скоро пренебрегли этими заветами. Внутри гоминьдана усилилось влияние правых элементов, которые добивались разрыва сотрудничества с коммунистами и подавления движения рабочих и крестьян. В марте 1926 года Чан Кайши предпринял первый шаг в этом направлении. Он снял коммунистов с руководящих постов в гоминьдане, отстранил их от политработы в армии, провел аресты. Но коммунистам и другим представителям левых сил в гоминьдане вое же удалось тогда избежать разрыва единого фронта.

Мао продолжает участвовать во многих мероприятиях, организуемых гоминьданом в рамках крестьянского движения, а в конце 1926 и в начале 1927 года проводит обследование организаций крестьян в ряде уездов провинции Хунань. Итогом этой поездки явился «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (март 1927 г.), написанный после полуторамесячного пребывания в провинции. Доклад был опубликован в гоминьдановских журналах, а затем в виде отдельной брошюры (апрель 1927 г.).

Некоторые биографы дают восторженную оценку этому произведению, называя его «крестьянским манифестом Мао Цзэдуна». Есть ли для этого основания?

«Если дело завершения демократической революции считать за 10/10, то доля участия в нем горожан и армии выразится в 3/10, а доля крестьян, совершивших революцию в деревне, составит 7/10»[13], — так говорится в докладе.

Кто такие эти «горожане»? Рабочие? Буржуазия? А армия — в чьих она руках? Кто руководитель революции — рабочие,

национальная буржуазия, крестьяне-бедняки? Неясно! Что касается идеи об особой роли крестьянства в надвигающейся революции, то напомним, что по рекомендации Коминтерна эта идея была внесена в важнейшие политические документы КПК того времени.

В апреле 1927 года Мао был назначен членом постоянного комитета временного исполкома Всекитайской крестьянской ассоциации, находившейся под влиянием гоминьдана. Даже промаоист Шрам отмечает, что Мао в ту пору продолжал настаивать на сотрудничестве не только с гоминьданом, но и с Чан Кайши.

Между тем 12 апреля 1927 г. Чан Кайши совершил контрреволюционный переворот в Шанхае. Через несколько месяцев представители Компартии были выдворены из гоминьдана. По стране прокатилась волна массовых арестов революционных рабочих и крестьян. Этап существования единого общенационального фронта остался позади. Вспыхнула гражданская война.

Перед коммунистами встала задача формирования своих вооруженных сил. Начало существованию Народно-освободительной армии Китая положило восстание частей гоминьдановской армии 1 августа 1927 г., руководимых Чжу Дэ, Пэн Дэхуаем, Хэ Луном, Е Тином. Одновременно в провинциях Цзянси и Хунань началось формирование крестьянских партизанских отрядов, *в* котором (в провинции Хунань) принял участие Мао Цзэдун.

V съезд КПК состоялся в Ухане через две недели после переворота, совершенного Чан Кайши. Мао под предлогом болезни не посещал заседания съезда. Он фрондировал против руководства ЦК КПК, которое незадолго до этого сместило Мао с поста заведующего крестьянским отделом ЦК КПК.

На чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа 1927 г. руководство КПК взяло курс на организацию вооруженных восстаний. Августовское совещание выработало программу организации серии восстаний в деревне. На этом совещании Мао был избран членом ЦК и кандидатом в члены Временного политбюро ЦК КПК.

В различные провинции, где крестьянское движение в ходе революции 1925–1927 годов достигло наибольшего размаха, для организации восстания, вошедшего в историю КПК как восстание «осеннего урожая», были направлены представители ЦК КПК. Мао отправился в родную провинцию Хунань.

Восстания «осеннего урожая» повсеместно закончились трагически. Ноябрьский пленум ЦК КПК в 1927 году, анализируя

причины провала этих восстаний, особо указал на ошибки, допущенные в Хунани. В решениях пленума подчеркивалось, что Мао как особый уполномоченный ЦК в Хунани, по существу, был центральной фигурой в провинциальном комитете. Поэтому он несет наибольшую ответственность за ошибки, совершенные хунаньским провинциальным комитетом. По решению пленума Мао был исключен из числа кандидатов в члены Временного политбюро ЦК КПК.

Какие же ошибки ему вменялись в вину? Главная — установка лишь на военную силу. Пленум подчеркнул, что восстание, цель которого — захват городов, а не проведение аграрной революции в деревне и не мобилизация революционных масс для участия в революции, которое не привлекает их к захвату земли и власти, — такое восстание есть «военный оппортунизм». «Самый опасный пункт — это вера лишь в военные силы и в военную подготовку…»[14].

Говоря о решениях этого знаменательного пленума, нужно отметить, по меньшей мере, два момента. Первое — указание на мелкобуржуазное происхождение и природу большинства руководящих деятелей КПК и в целом на засилье мелкобуржуазности в партии. Второе — употребление понятия «маоцзэдунизм». Этот новый уклон характеризовался как «военный авантюризм» и «винтовочное движение». Один из делегатов VI съезда КПК говорил: «После 7 августа (т. е. августовского совещания. — *Ф. Б.)* … начались так называемые восстания „осеннего урожая“. И тогда ЦК КПК говорил, что это есть военный оппортунизм, это есть маоцзэдунизм, потому что Мао Цзэдун все время настаивал, что надо действовать штыками…»[15].

В результате поражения хунаньского восстания Мао пришлось осенью 1927 года бежать с небольшой группой крестьян и беглых гоминьдановских солдат. Тут-то ему и пригодилось хорошее знание классической литературы о разбойниках прошлого. Местом первой базы стали горы Цзинган (Цзинганшань) на границе провинций Хунань и Цзянси. Эти горы — часть горного хребта Лосяо (Лосяошань)[16].

Сам Мао рассказывал Эдгару Сноу об одном из эпизодов этого периода. Два бывших бандитских главаря в районе Цзинганшань — Ван Цзо и Юань Вэньцай присоединились к Красной армии зимой 1927 года. Ван и Юань были назначены командирами полков, а Мао стал командующим «армией». Пока Мао находился в Цзинганшане, эти бывшие бандиты были «преданными коммунистами и выполняли приказы партии». Правда, позднее, когда они остались одни в Цзинганшане, они

вернулись к своим бандитским привычкам. Впоследствии они были убиты крестьянами, которые к тому времени уже организовались и были в состоянии сами защитить себя.

Любопытный эпизод, не правда ли? Бандиты были «преданными коммунистами», пока находились под руководством Мао, а потом, когда он уехал, снова вернулись к своему разбойничьему ремеслу… О, эта великая вера в самого себя! Поистине, ты можешь двигать не только бандитами из гор Цзинган, но и самими горами…

Позднее, давая объяснение по поводу того, что в его армии очень много деклассированных элементов, Мао заявил, что следует добиваться качественных изменений в характере этих людей путем политического просвещения, поскольку «субъективное создает объективное».

Однако темперамент и воображение Мао играли в этом не последнюю роль. Его увлечение романтическими героями-разбойниками нашло свое отражение в статьях, написанных еще в 1926 году, о классах китайского общества. Там он писал о деклассированных элементах — солдатах, бандитах, разбойниках, нищих и проститутках — как о потенциальных революционерах. С такой же симпатией он относится к разного рода тайным обществам. Он даже выяснил, что два бандита в его армии также принадлежали к тайному обществу, руководители которого участвовали в революции 1911 года. Симпатия Мао к бандитам «вызвала тревогу» в ЦК КПК, который обратился к Чжу Дэ с просьбой вступить в контакт с Мао и выправить некоторые его ошибки. Основная ошибка Мао была сформулирована следующим образом: «Он ведет себя как разбойник из исторического романа „Речные заводи“; отправляется на свершение героических подвигов от имени масс, вместо того чтобы поднимать массы и поручать им проводить вооруженное восстание».

Положение в небольшом, численностью всего в тысячу человек, отряде Мао было спасено приходом в начале 1928 года крупного, хорошо вооруженного 10-тысячного отряда Чжу Дэ[17]. На основе двух этих отрядов был создан 4-й корпус рабоче-крестьянской Красной армии (весна 1928 г.). По примеру других уездов было организовано советское правительство рабочих, крестьян и солдат пограничного района Хунань — Цзянси. Вскоре Мао избрали секретарем вновь созданного Особого комитета КПК пограничного района Хунань — Цзянси.

Политический человек

Мы не будем здесь останавливаться на всех перипетиях революционной борьбы в Китае под лозунгом Советов (1927–1937 гг.), национально-освободительной войны против японского империализма (1937–1945 гг.) и, наконец, гражданской войны (1946–1949 гг.). Нас интересуют идеологические и политические позиции, которые занимал Мао Цзэдун в различные периоды. Начнем с вопроса о борьбе против левых авантюристов в КПК в 30-х годах.

Заслуживает особого внимания вопрос об отношении Мао к авантюристской линии Ли Лисаня. Напомним некоторые факты. Свои взгляды Ли Лисань — фактический руководитель КПК в тот период — наиболее полно и откровенно изложил на заседании Политбюро ЦК КПК 7 апреля 1930 г. Его тактическая схема выглядела следующим образом. Китай — это страна, в которой противоречия между империалистами достигли наибольшей остроты и в которой силы империализма наиболее уязвимы. Китайская революция даст толчок мировой революции, потому что империализм все свои силы направит на подавление китайской революции, а это усилит революционный взрыв в странах Запада и в колониях Востока. Победа революции в Китае обязательно должна явиться одновременно и началом победы мировой революции.

Что следует отсюда? Отсюда следует, что, начав восстание в Китае, нужно вовлечь Советский Союз в большую войну со странами империализма, которая и послужит началом мировой революции.

На заседании Политбюро несколько месяцев спустя (август 1930 г.) Ли Лисань высказался еще более откровенно: «Когда Ухань будет у нас в руках, мы сможем поговорить с Коминтерном и русской братской партией и скажем им, что теперь наступил момент, чтобы развязать всемирную войну и чтобы советская армия вмешалась…» С его точки зрения, восстание в Маньчжурии должно было явиться прологом к «международной войне», так как Маньчжурия находилась под господством японского империализма. Вследствие этого восстания Япония начнет наступление против СССР, и возникнет «международная война». «Наша стратегия должна заключаться в том, чтобы вызвать международную войну, — говорил Ли Лисань. — Возможно, Коминтерн найдет все это неверным, но я убежден, что я прав. Монголия должна объявить себя частью советского Китая и бросить свои войска на север. Китайцев, проживающих в Сибири,

надо вооружить и двинуть сюда… Теперь Коминтерн должен взять наступательный курс. Прежде всего — Советский Союз. Он должен энергичным образом готовиться к войне… Коминтерн должен изменить свою линию и перейти в наступление. Это не троцкизм… Пятилетний план (имеется в виду в СССР. — *Ф. Б.)* может быть выполнен, только если будет взята такая наступательная линия… В противном случае Коминтерн не выполнит своего долга по отношению к революции». Рассматривая Китай как центр мировой революции, Ли Лисань полагал возможным даже «пожертвовать Советским Союзом в интересах китайской революции» (!).

Как видим, план недвусмысленный. Более откровенного и легкомысленного проявления авантюризма и национализма не сыщешь во всей истории мирового освободительного движения, которое знавало таких авантюристов, как Нечаев и Троцкий.

Как же отнеслось Политбюро ЦК КПК к этому чудовищному плану? Руководство КПК не только не отвергло с негодованием эту авантюру, а приняло ее всерьез и положило в основу практической деятельности партии. Вот наглядное свидетельство уровня и характера политического руководства в КПК!

Конечно, Ли Лисань был выразителем самых крайних тенденций авантюризма в КПК. Но он не был одинок в своих взглядах. Еще до августовского заседания в резолюции Политбюро ЦК КПК от 11 июня 1930 г. «О новом революционном подъеме и завоевании власти первоначально в одной или нескольких провинциях» намечалась организация летом 1930 года восстаний в крупнейших промышленных центрах Китая — Нанкине, Ухане, Шанхае, Пекине, Гуанчжоу и др. То был явно провокационный замысел, поскольку ни организации, способной поднять восстание, ни массового движения в этих городах не имелось. То был расчет на международный конфликт, который должен был. создать условия для победы китайской революции.

Ну, а Мао Цзэдун? Как он отнесся к этому плану? Трудно сказать со всей определенностью о его непосредственной реакции, так как в названных заседаниях Политбюро он не участвовал. Доподлинно известны, однако, два обстоятельства. Первое: никакого подобия протеста или критики с его стороны в этот период не последовало, хотя он получил соответствующие документы и информацию. И второе: он вместе с руководимыми им частями Красной армии включился в осуществление лилисаневской авантюры. Больше того, в основу упомянутой выше резолюции был положен план, предложенный Мао ЦК КПК в апреле 1929 года, — план овладения провинцией Цзянси в течение одного года. Еще одно свидетельство — решение

объединенной партийной конференции в Потоу 7 февраля 1930 г., которой руководил Мао Цзэдун. Суть решения — организация наступления на город Наньчан — столицу провинции Цзянси.

Нужно подчеркнуть, что это решение предшествовало циркуляру ЦК КПК № 70, содержавшему призыв ко всем частям Красной армии Китая захватывать крупные города. После получения циркуляра Мао и руководители других армейских частей организовали наступление на крупные города Наньчан, Ухань, Чанша, которое потерпело провал.

Исходя из этих фактов, можно без труда определить подлинную цену утверждений маоистских историков о том, что исправления линии Ли Лисаня особенно требовал Мао Цзэдун, что «он не только никогда не поддерживал лилисаневскую линию, но с исключительным терпением исправлял левацкие ошибки»[1].

Правда, в этот период он накапливает определенные представления об ошибках, слабостях и трудностях коммунистического движения в Китае. Но такие представления накапливала вся партия, ее руководство. Серьезную критику левого уклона в КПК мы находим в выступлениях Ван Мина, Бо Гу, Чжан Готао и других руководящих деятелей КПК тех лет.

Уместно отметить другое: состояние длительного кризиса в политическом и идеологическом руководстве КПК, который начался с момента создания партии и достиг особой остроты в начале 30-х годов, в период господства левооппортунистической линии Ли Лисаня и в период борьбы за ее преодоление. Этот кризис имел объективную почву.

Становление пролетарского коммунистического движения в такой стране, как Китай, не знавшей капиталистического этапа развития, с полуфеодальным характером отношений и многовековыми традициями имперской власти, не могло не быть делом чрезвычайной сложности. Невероятно трудно было всколыхнуть многомиллионное население Китая и направить все силы на решение задач национально-освободительной и буржуазно-демократической революции. Но еще сложнее было создать организованное пролетарское коммунистическое движение в условиях, когда пролетариат едва насчитывал два процента в составе населения и не имел сколько-нибудь сравнимой с пролетариатом капиталистических стран школы классовой борьбы и классового самоопределения. Невероятно трудно было добиться действенного союза рабочего класса с крестьянством, слить воедино задачи крестьянской войны, национального освобождения, социального переустройства.

Слабость руководства КПК отражала эти объективные трудности. Немаловажное значение имело и то, что социальной базой формирования кадров в КПК стала мелкая буржуазия, а также крестьянство и что, в отличие от России, интеллигенция в массе своей отшатнулась от коммунистического движения. В руководстве КПК нередко оказывались полуинтеллигенты, люди недостаточно образованные, плохо знакомые с международным опытом революционной борьбы, опытом Октябрьской революции, с марксистско-ленинской теорией.

Пусть не покажется странным такой упрек, но значительная часть руководителей КПК плохо разбиралась в специфике условий и самого Китая. В отличие от того, как это было в западноевропейском марксистском революционном движении, становление КПК не сопровождалось углубленным теоретическим анализом особенностей китайской экономики, социальных отношений, традиций власти и управления, генезиса зарождающихся капиталистических отношений.

Если западноевропейское коммунистическое движение располагало трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и ряда других теоретиков XIX и XX веков, что предшествовало или шло параллельно созданию революционных пролетарских партий и способствовало их идеологическому самоопределению, если пролетарское движение в России выдвинуло в качестве вождя В. И. Ленина, который еще до создания партии и в период ее становления разработал ее философские, идеологические и политические основы, то революционное пролетарское движение в Китае столь солидной теоретической базы не имело да и вряд ли могло иметь. Слишком неразвито было само это движение. Слишком незначительными были культурные накопления в области революционной мысли и социальной философии. Слишком сильным, было влияние националистической китаецентристской идеологии даже в КПК, не говоря уж о других массовых организациях, участвовавших или примыкавших к китайской революции, и серьезной критики этой идеологии с позиций научного социализма, пролетарского интернационализма в КПК фактически не велось.

Конечно, было бы неверным утверждать, что теоретическая разработка проблем китайской революции отсутствовала вовсе. В решениях Коминтерна, который развивал идеи В. И. Ленина о национально-освободительной борьбе применительно к чрезвычайно специфическим условиям этой страны, во многих документах КПК и выступлениях ее лидеров содержались важные установки по принципиальным вопросам борьбы коммунистов и всего народа за осуществление демократической,

антифеодальной революции и перехода к социалистической революции. И все же в отношении многих глубинных проблем стратегии КПК образовался теоретический вакуум, который одновременно касался проблем освоения международного опыта революционного движения и нащупывания специфически национальных особенностей коммунистического движения в Китае. Это было одной из причин и одновременно одним из симптомов определенного кризиса в КПК.

Что касается Мао Цзэдуна, то его теоретический багаж в ту пору ограничивался немногими статьями, докладами и письмами, о большинстве из которых мы упоминали. Он только еще начинал пробовать свои силы в анализе серьезных идеологических и политических процессов жизни Китая и китайской революции. Он только еще приобщался к размышлениям о стратегии и тактике КПК.

Тем более закономерен вопрос: в чем же причина того, что именно Мао Цзэдун выдвинулся в 1935 году на роль руководителя партии, сумел оттеснить других претендентов и за сравнительно короткий срок сосредоточить в своих руках всю полноту власти? Эту причину, на наш взгляд, следует искать как в исторических особенностях момента, в сложившемся соотношении сил внутри КПК, так и в особенностях самой личности Мао Цзэдуна как политического деятеля.

Если к середине 30-х годов Мао Цзэдун еще не сформировался как идеолог КПК, то несомненно, что к этому времени определились основные особенности и черты Мао Цзэдуна как политического деятеля; они-то и обеспечили его продвижение к руководству в КПК. Пожалуй, главную особенность его политического стиля можно было бы обозначить как поистине уникальное мастерство групповой борьбы и интриганства. Он раньше других понял, что для захвата руководства партией нужно иметь свою группировку в ЦК КПК, и стал упорно и настойчиво создавать «опорную базу» в партии.

Когда читаешь материалы и документы КПК этого периода, знакомишься с воспоминаниями соратников и противников Мао Цзэдуна, людей, которых ему удалось привлечь на свою сторону или подчинить себе, людей, которых ему удалось отодвинуть или даже изгнать с политической арены, когда читаешь воспоминания тех, кто наблюдал за ним — с симпатией или антипатией — на рубеже 20-30-х годов, видишь прежде всего это качество Мао Цзэдуна как политика. Одни объясняют это склонностью к интриганству и склокам, другие характеризуют как ловкость и изворотливость, третьи — как удачливость в политических играх. Но все сходятся в одном: Мао Цзэдун обнаруживал незаурядные

способности в борьбе за власть, которая постоянно раздирала китайское руководство.

На VI съезде КПК Чжоу Эньлай говорил, что руководящие партийные работники устраивают часто склочную борьбу, поводом для которой служит не обсуждение того или иного политического вопроса, по которому имеются расхождения во взглядах, а только личные интересы. Он говорил, что в партии не было внутрипартийной демократии, партийные комитеты не выбирались, секретари комитетов, как правило, назначались; среди руководящих работников из числа мелкобуржуазных интеллигентов процветали патриархальщина, групповщина, склока, вождизм. «Мы понимаем дисциплину слишком механически и даже нелепо, в результате меры наказания доходили до расстрела своих же товарищей»[2], — свидетельствовал Чжоу Эньлай.

Другие делегаты говорили о том же. Они отмечали, что в партии бытует «принцип»: «Если кто со мной согласен, тот может жить, а кто со мной не согласен, тот должен умереть». «Фракции возникают в КПК, — говорил один из делегатов, выступая на съезде, — не из-за разногласий, а просто происходит интеллигентская склока за то, чтобы быть на первых местах. Стремление быть вождем имеется внутри партии у многих членов партии»[3].

Это же признавал в то время Ли Лисань: «История КПК знает многочисленные случаи ожесточенной внутрипартийной групповой борьбы, особенно борьбы беспринципной (нередко просто склочной). Вследствие того, что групповая борьба в КПК носит самый беспринципный, а не политический характер, в партийных документах, в статьях очень трудно найти о ней материалы (за редким исключением). Вследствие беспринципного характера групповой борьбы в КПК все участвовавшие в ней группировки носили бесформенный характер, иногда организуясь, а иногда выступая совсем неорганизованно»[4].

Одной из главных причин этих болезненных явлений было мелкобуржуазное происхождение и немарксистские взгляды многих партийных кадров. Можно сослаться на достаточно глубокий и самокритичный анализ, который был дан в резолюции ноябрьского пленума ЦК КПК 1927 года «О ближайших организационных задачах КПК». Здесь говорилось, что одним из основных организационных недочетов КПК, имеющих огромное политическое значение, является то обстоятельство, что наиболее радикальные элементы революционной мелкой буржуазии устремились в ряды КПК, занимавшей самое левое крыло на фронте национально-освободительного движения. Эти элементы

и составили первоначальное ядро Коммунистической партии Китая.

«Этот слой был в Коммунистической партии Китая главным и основным проводником той оппортунистической, полуменьшевистской линии, которая определяла всю политику партии до контрреволюционного переворота в Ухане и которая наложила свой отпечаток на действия партийного руководства»[5].

Как раз из такой среды выдвинулся Мао Цзэдун и как раз в ней он чувствовал себя большим специалистом своего дела. КПК дала тогда немало примеров выдвижения вождей мелкобуржуазного толка; Ли Лисань был классическим представителем такого лидера. Но никто другой, пожалуй, не сконцентрировал в себе качества мелкобуржуазного вождя такого типа, как Мао. Мы приведем далее некоторые примеры внутрипартийной борьбы, с помощью которой он пришел к руководству в КПК; они проливают свет на личность Мао и методы его деятельности.

Эпизод первый касается взаимоотношений Мао и Чжу Дэ. Развитие их отношений показывает умение Мао идти на компромиссы и в конечном счете подчинять себе других руководителей.

Первая встреча между ними произошла еще в цзинганшанский период, когда Чжу Дэ пришел к Мао с отрядом, во много раз превосходившим по численности отряд последнего; а в КПК нередко осуществлялся принцип: кто командует армией, командует и в партии. Между ними произошло острое столкновение по ряду военных вопросов, но главным образом речь шла о проблеме власти и подчинения, как это часто бывало в КПК-

Участник этих событий Пэн Дэхуай рассказывал впоследствии, что у Мао Цзэдуна дурной характер, что он любит разводить склоку, что он оскорбил главнокомандующего Чжу Дэ. «Чжу Дэ и Мао Цзэдун не знались друг с другом. Методы Мао Цзэдуна очень жестоки. Если вы не подчинились ему, то он непременно изыщет способ, чтобы подчинить вас: он не умеет сплачивать кадровых работников. Мао Цзэдун чрезмерно подчеркивал роль люмпенов, считая люмпенов авангардом революции; это была люмпеновская линия. Имелись у него ошибки также и в вопросе о кулачестве. Он — узкий эмпирик».

Тем не менее вскоре Чжу Дэ пошел на сотрудничество с Мао и даже согласился признать его руководство. Если учесть, что Чжу Дэ пользовался куда более высоким авторитетом в армии и КПК, можно себе представить, сколько усилий пришлось применить Мао, чтобы привлечь на свою сторону бывалого

военачальника.

Показательно, как складывались его отношения с Чжоу Эньлаем, присланным в 1931 году в Центральный советский район в качестве руководителя Центрального бюро ЦК КПК. Это означало для Мао необходимость подчинения Чжоу Эньлаю. Мао тотчас же начал скрытую борьбу против Чжоу.

Один из участников тех событий — Се Линсяо вспоминал впоследствии, что Мао потратил много сил и энергии, чтобы добиться ликвидации нового бюро, но это не так-то легко было сделать, поскольку Чжоу также имел своих приверженцев, располагал военной властью и занимал высокое положение в партии. Это обстоятельство не давало покоя Мао Цзэдуну, и он приказал своим приверженцам и последователям создавать мнение, что организация Центрального бюро ЦК КПК нерациональна и неправильна. «За глаза Мао Цзэдун называл Чжоу Эньлая „красным верховным владыкой“ и „бюрократом“. В душе он мечтал повергнуть Чжоу Эньлая, а в открытую делал вид, что желает, чтобы Чжоу Эньлай стал Генеральным секретарем ЦК КПК. Но очень хитрый и коварный Чжоу Эньлай отвечал на это только улыбкой».

Опираясь на авторитет ЦК КПК, Чжоу Эньлай сумел на расширенном совещании Центрального бюро ЦК КПК в Нинду в августе 1932 года отстранить Мао Цзэдуна от руководящей работы. Любопытно заметить, что наряду с критикой позиции Мао по военным вопросам ему предъявили обвинение в том, что «он не понимает марксизма». Чжоу настаивал на открытой критике ошибочных установок Мао. Однако руководство ЦК КПК, находившееся в то время в Шанхае, не согласилось с этим, поскольку Чан Кайши предпринял в ту пору четвертый поход против китайской Красной армии. В такой обстановке не следовало ослаблять единство (пусть формальное) руководства.

Что же делает Мао? Он счел за благо временно отойти от дел и уехать отдыхать и лечиться. Этот метод выжидания благоприятного момента под предлогом мнимой болезни или самоустранения стал с-тех пор одним из излюбленных приемов Мао. Благоприятный момент вскоре наступил.

Переезд руководства ЦК КПК во главе с Бо Гу в Центральный советский район в Цзянси (начало 1933 г.) дал новые шансы Мао в его борьбе за власть. По совету представителя Исполкома Коминтерна Временное политбюро ЦК КПК и Бюро ЦК Центрального советского района были слиты воедино, и Бо Гу возглавил Временное политбюро и Секретариат ЦК КПК. Назначение Бо Гу позволило Мао, играя на противоречиях между ним и Чжоу Эньлаем, усилить свои позиции.

Правда, в то время Мао не входил в состав Секретариата ЦК КПК и на многие заседания ЦК не приглашался. Так, он не принимал участия в работе 5-го пленума ЦК КПК, состоявшегося в январе 1934 года. Однако Мао Цзэдун присутствовал на всех заседаниях Реввоенсовета, а иногда даже и председательствовал на них. Пользуясь своим положением председателя Временного советского правительства, Мао сразу же стал формировать новую группу против Бо Гу из числа своих соратников по армии и предпринимал энергичные усилия, чтобы перетянуть Чжоу Эньлая на свою сторону.

Уже в конце 20-х годов Мао удается создать довольно влиятельную группировку, опираясь на которую он вел борьбу вначале против Чжу Дэ, затем против комитетов КПК хунаньской и цзянсийской провинций и, наконец, против руководства ЦК КПК. В группировку в ту пору входили Линь Бяо, Чэнь И, Чэнь Чжэжэнь, Цзэн Шань, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Мао Цзэтань (брат Мао Цзэдуна) и др. С помощью этой группировки Мао Цзэдун укрепил свою власть и влияние вначале в 4-м корпусе Красной армии (армии Чжу — Мао), а затем возглавил в 1930 году так называемый Общий фронтовой комитет, подчинив себе не только все воинские части и партизанские подразделения, действовавшие в юго-восточной Цзянси и западной Фуцзяни, но также партийные и советские органы этих районов. В ходе этой борьбы под предлогом так называемой кампании по борьбе с контрреволюцией Мао Цзэдун в 1930–1931 годах физически уничтожил многих руководящих партийных, военных и советских работников, которые в той или иной степени не были согласны с ним и выступали против него. Члены руководства цзянсийского провинциального комитета партии, которое поддерживало непосредственный контакт с Мао Цзэдуном, а затем подверглось жестоким репрессиям с его стороны, указывали тогда, что для Мао Цзэдуна характерны милитаристская психология и бонапартистские замашки, что он стремится «осуществить свои мечты о том, чтобы стать императором в партии».

Тем временем обстановка в стране все обострялась в связи с японской агрессией, которая началась в 1931 году,

Попытка японцев захватить Шанхай в начале 1932 года и активизация японской агрессии в целом показали, что на повестку дня работы КПК выдвинулись новые задачи, связанные с созданием единого антияпонского фронта. Это требовало пересмотра стратегии и тактики борьбы, замены лозунгов, выдвижения новой программы единых действий антиимпериалистического фронта. Лозунг немедленного свержения гоминьдана и установления власти Советов, который

выдвигался партией до этого, объективно стал мешать мобилизации широких сил народа на национально-освободительную борьбу. В начале 1932 года по рекомендации Коминтерна ЦК КПК выдвинул лозунг национально-революционной войны против японских и других империалистов.

В январе 1934 года в Жуйцзине, столице советских районов, состоялся II Всекитайский съезд представителей советских районов. Съезд подвел итог достижениям революции и избрал Центральное правительство советского Китая. Мао был избран председателем китайского Центрального советского правительства. В отчетном докладе на этом съезде Мао говорил: «Наши Советы и Красная армия Китая несут великую ответственность за спасение китайского народа от гибели. Победа китайской революции означает не только освобождение 450-миллионного китайского народа, она является шагом к освобождению от гнета империализма всех угнетенных восточных народов, она несет смертельный удар японским и другим империалистам, пытающимся разжечь войну на Тихом океане»[6].

В октябре 1934 года начался «великий поход» Красной армии на северо-запад. Армия почти все время находилась в движении и непрерывно сражалась с противником. «Красные бойцы» преодолевали огромные трудности, пересекали непроходимые горные хребты, переплывали самые глубокие и бурные реки Китая, шли через пустыни и болота, в холод и жару, в снег и дождь, преследуемые противником, отбиваясь от гоминьдановских войск в провинциях Гуандун, Хунань, Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань, Сикан, Сычуань, Ганьсу и Шэньси. Наконец, в октябре 1935 года Красная армия достигла северной Шэньси и укрепилась на северо-западе Китая.

Во время «великого похода» во главе Красной армии стоял Чжу Дэ, Чжоу Эньлай был главным политкомисса-ром и председателем Военного совета ЦК КПК, военным советником — Отто Браун (Ли Дэ), присланный Коминтерном.

В городе Цзуньи в период «великого похода» произошло известное совещание, на котором Мао, наконец, смог осуществить давно подготавливаемый захват власти в КПК. Он настоял на созыве. так называемого расширенного совещания Политбюро ЦК КПК, которое состоялось 7 и 8 января 1935 г. Именно Мао потребовал, чтобы в совещании помимо членов и кандидатов в члены ЦК КПК приняли участие руководящие работники политуправления и генштаба, командиры и комиссары соединений (армейских групп, корпусов, отрядов, дивизий) Красной армии. Кроме того, в совещании участвовали руководящие работники Центрального советского правительства

Китая и его исполнительных органов. Все это обеспечило благоприятное для Мао соотношение сил, так как он имел более крепкие позиции в армии и советских органах, чем Бо Гу и другие деятели ЦК КПК, не так давно приехавшие из Шанхая.

Как свидетельствует участник событий, представитель Коминтерна Отто Браун, приглашенные составили преобладающее большинство и получили, вопреки положениям устава и всем нормам партийной жизни, не только совещательные, но и решающие голоса. Из 35–40 участников 2/3, а возможно 3/4, не только не были членами Политбюро, но не являлись даже членами Центрального Комитета.

Мао использовал обстановку, новые настроения в партии, сваливая всю ответственность за допущенные просчеты на своих политических противников и реабилитируя себя после поражений на совещании в Нинду, когда он был освобожден от руководящей партийной и военной работы. Верный своей тактике, он сосредоточил удар на Бо Гу, добиваясь союза против него с Чжоу Эньлаем, несмотря на то что именно Чжоу отстранил его в Нинду. Захват власти в КПК был важнее личных обид. Кроме того, и Чжоу проявил присущую ему гибкость и пошел навстречу притязаниям более сильной стороны. Не последнюю роль в победе Мао в Цзуньи сыграли участники давно сплотившейся группы его приверженцев — Линь Бяо, Чэнь И, Дэн Сяопин и др.

Внешняя сторона совещания в Цзуньи выглядела следующим образом. Первым докладчиком по вопросу об итогах борьбы против пятого похода Чан Кайши и о первом этапе западного похода был Бо Гу, занимавший в то время пост Генерального секретаря ЦК КПК. С содокладом выступил Чжоу Эньлай. Не отрицая наличия отдельных ошибок, они докладывали, что в целом политическое и стратегическое руководство ЦК КПК во время пятого похода Чан Кайши было правильным.

Эта позиция встретила решительную критику со стороны Мао Цзэдуна, Ло Фу, Линь Бяо и других военных и партийных руководителей. В результате была принята написанная Мао резолюция «Об итогах борьбы против пятого вражеского похода», в которой говорилось, что доклад Бо Гу и содоклад Чжоу Эньлая, а также их военное руководство, тактика и стратегия во время этого похода в целом были неправильными.

Но победа Мао еще не была полной. Он вошел в состав Секретариата ЦК КПК, но Бо Гу еще оставался Генеральным секретарем ЦК КПК, а военное руководство оставалось в руках Чжоу Эньлая. Можно себе представить, какие еще хитроумные ходы понадобилось сделать Мао, чтобы в короткий срок сосредоточить основную власть в партии и в армии в своих руках!

Первым шагом была замена в феврале 1935 года Бо Гу на посту Генерального секретаря Ло Фу, который был тогда союзником Мао. Ло Фу тут же предложил заменить Чжоу Эньлая Мао Цзэдуном на посту главнокомандующего Красной армией 1-го фронта, что и было сделано в марте 1935 года. Правда, вскоре Ло Фу освободил Мао от этой должности; между ними, в свою очередь, началась борьба за господство в партии. Тогда по предложению Мао была создана тройка для полномочного руководства военными делами: Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Ван Цзясян; внутри тройки незамедлительно возникли острые разногласия все по тому же пункту — кому быть главным, и эта временная группировка распалась. Тогда верх взяли новые силы, и 28 июня 1935 г. на заседании Политбюро ЦК КПК в Лянхэкоу главнокомандующим объединенной 1-й и 4-й Красных армий был назначен Чжу Дэ, а комиссаром — Чжан Готао. Для Мао последнее назначение означало новый этап борьбы за власть, на этот раз против Чжан Готао, который также намеревался бороться за руководство партией.

Трудно поверить, но все это происходило на фоне событий «великого похода», когда бойцы и командиры Красной армии действительно демонстрировали чудеса храбрости и героизма в борьбе против многократно превосходивших сил противника.

Одним из наиболее драматических был бой на Лушаньском перевале. Мао Цзэдун написал здесь первое из семи стихотворений, сочиненных им во время «великого похода»:

Горный перевал тверд как железо.
Но сегодня могучим шагом
Мы перейдем через вершину!
Горы синие — как море.
А заходящее солнце
Алеет как кровь.

Легендарным подвигом «великого похода» была переправа через реку Дадухэ. Она началась с эпизода, аналогичного эпизоду переправы через реку Уцзян, — внезапная атака на небольшой вражеский гарнизон, охранявший переправу, захват лодки и наступление штурмового отряда из 18 человек на вражеские позиции на другом берегу. На то, чтобы перебросить всю армию на другой берег по воде, потребовалось бы несколько дней, поэтому было решено захватить подвесной мост в 100 *км* к северу. Пехота должна была дойти до моста за одни сутки. Объявили об этом уже на ходу, так как не оставалось времени провести митинг, и рано утром, проведя несколько

дезориентирующих маневров, части Красной армии дошли до моста и овладели им.

Солдаты Красной армии пробрались по навешенным цепям, неся в руках гранаты и пулеметы, к городу. Они строили настилы под огнем противника, падали в реку, пробирались через горящие деревянные сооружения и, наконец, взяли город приступом.

Самым трудным испытанием был путь на север через топкие болота. Каждый неосторожный шаг приводил к тому, что человек проваливался в трясину и его тут же на глазах засасывало, если только товарищи вовремя не успевали подать ему шест.

Из этого испытания многие не вышли живыми. Оставшиеся красноармейцы после обманных маневров, прорываясь через засады и участвуя в ожесточенных схватках, в октябре 1935 года достигли, наконец, цели похода — провинции Шэньси.

Мао написал по этому поводу следующее стихотворение:

Небо высокое, облака бледны,
Мы следим, как дикие гуси
Летят на юг,
Пока не теряем их из виду.
Если мы не дойдем до Великой стены,
Нельзя будет назвать нас людьми.
Высоко на гребне гор
Наши знамена развевает ветер,
У нас в руках канат.
Когда ж мы обуздаем
Серого дракона?

Мы рассказали об этих эпизодах «великого похода», чтобы читатель получил представление о мужестве и героизме бойцов и командиров китайской Красной армии, которая не только успешно завершила его, но и в конце концов обеспечила победу народной революции. Китайские партийные и военные руководители сумели в труднейших условиях «великого похода» организовать борьбу против армии гоминьдана и местных милитаристов. Однако даже в этих условиях Мао не забывал заботиться об укреплении своей личной власти в КПК.

Как раз в наиболее драматические месяцы «великого похода» развернулся новый тур борьбы между Мао Цзэдуном и Чжан Готао. Это была трудная для маоистской группировки борьба, поскольку Чжан Готао пользовался большим авторитетом в КПК и в мировом коммунистическом движении.

Мы не собираемся разбирать все события этой борьбы, которая длилась около двух лет. Заметим лишь, что Мао сумел

использовать каждый промах своего противника, чтобы объединить против него максимально широкие группы в партийном и армейском руководстве. Прямолинейные нападки Чжан Готао на всех сторонников Мао, похвальба успехами руководимой им Красной армии 4-го фронта, споры со многими членами Политбюро по вопросу о выборе места для организации руководимого коммунистами района — все это позволяло Мао собирать силы для нанесения удара своему главному сопернику.

Необузданность и неосторожность самоуверенного Чжан Готао толкнула его на опрометчивый шаг, не подготовленный организационно и явно не выгодный для него. Располагая в Политбюро меньшинством, он решил разом изменить обстановку и потребовал перевыборов всего его состава.

Чжан Готао настаивал на созыве расширенного пленума ЦК, с тем чтобы реорганизовать ЦК, избрать новых работников в состав Политбюро. Мао Цзэдун был решительно не согласен с этим предложением и обвинил Чжан Готао в попытке использовать военную силу для реорганизации ЦК. В результате произошел раскол ЦК КПК и образовались два противостоящих друг другу центра — Политбюро под руководством Мао Цзэдуна и Временный центр под руководством Чжан Готао.

Политбюро ЦК не согласилось с требованием Чжан Готао — большинство его состава поддерживало Мао Цзэдуна. Произошел также драматический раскол сил объединившейся незадолго до этого в Сычуани Красной армии. Части Красной армии 1-го фронта (1-я и 3-я армии), которыми руководили сторонники группы Мао, двинулись на север, части же Красной армии 4-го фронта, находившиеся под командованием Чжан Готао, — направились на юг.

Каждая из сторон — Мао и Чжан Готао — впоследствии возлагала друг на друга ответственность за этот раскол, который резко ослаблял вооруженные силы коммунистов. Одно несомненно — Мао явно испытал облегчение от такого хода дел: он избавился от опасного конкурента, хотя и большой ценой, за счет интересов партии и всего движения. Такой подход у него не раз проявлялся и впоследствии. Если возникала дилемма — личная власть или интересы единства* КПК, она всегда решалась им в пользу личной власти. Это стало правилом его деятельности на всю жизнь и давало немалые преимущества в борьбе с менее эгоистично настроенными соперниками.

После вмешательства Коминтерна Чжан Готао летом 1936 года двинулся со своими войсками в пограничный район Ганьсу-Шэньси, где находились армейские части, возглавляемые Мао Цзэдуном. Но теперь они поменялись ролями. Никакого

руководящего поста в КПК первый из них не получил, а был направлен в труднейший западный поход, где войска Красной армии потерпели тяжелое поражение. Это дало возможность Мао полностью разделаться с ненавистным соперником.

Против Чжан Готао было сфабриковано «дело», собраны компрометирующие материалы: он обвинялся не только в ошибках в руководстве армией, но и в «феодальных и милитаристских привычках» и т. д.

В марте 1937 года возглавляемое Мао Политбюро ЦК КПК приняло специальный документ, который назывался «Об ошибках Чжан Готао». Сломленный духовно и подавленный, Чжан Готао отошел от партийной деятельности. Он перешел на преподавательскую работу в Академии общественных наук в Яньани. Впоследствии, в начале 1938 года, боясь преследований, он сбежал из Яньани в Ханькоу, выступил с заявлением против Мао и всей линии руководимого им ЦК КПК и в результате был исключен из партии.

Так закончилась борьба между Мао и Чжан Готао за власть в КПК. Мао одержал победу. И произошло это не потому, что он отстаивал «более правильную линию», как утверждает маоистская историография. Принципиальных расхождений между ними не было, оба они были людьми одного направления, были подвержены сходным ошибкам, одинаково страстно жаждали господства в КПК. Мао оказался сильнее в борьбе, он действовал тоньше, проявил больше воли и выдержки в сравнении со своим прямолинейным противником.

На пути к господству в КПК Мао еще предстояло пройти большой путь. На совещании в Цзуньи Мао был введен в состав Секретариата ЦК (выполнявшего в то время роль Постоянного комитета Политбюро) и фактически занял пост руководителя Военного совета ЦК Компартии Китая.

Лишь на VII съезде партии (1945 г.) Мао удалось официально закрепить за собой пост председателя ЦК КПК, который он учредил и занял в обход пленума ЦК КПК в ходе чистки, предшествовавшей съезду. Позднее, после VII съезда, в середине 1946 года, с началом гоминьдановского наступления ЦК КПК создал шесть бюро по районам, которые соответствовали шести крупным войсковым соединениям. Общее политическое и военное руководство осуществляли ЦК КПК и Народно-революционный военный совет под председательством Мао Цзэдуна. Главнокомандующим НОА был Чжу Дэ. 19 марта 1947 г. гоминьдановцам удалось захватить Яньань. После этого руководство ЦК разделилось: одна часть во главе с Мао осталась в северной части Шэньси, другая часть — рабочий комитет ЦК

КПК во главе с Лю Шаоци — обосновалась в провинции Хэбэй. Фактически же главной базой китайской революции в этот период был Северо-Восточный Китай. Здесь с помощью Советского Союза была создана военно-революционная база, сыгравшая решающую роль в победе китайской революции и образовании КНР.

Попробуем еще раз поразмышлять о том, почему именно Мао Цзэдун, а не кто-либо другой, выдвинулся на роль единоличного руководителя КПК — роль, на которую, как мы видели, претендовали многие деятели партии. Только очень ограниченные люди могут думать, что история детерминирована до деталей и лиц, и все же эта «случайность» была обусловлена. Объяснение нужно искать, как нам думается, в исторических обстоятельствах того времени.

Прежде всего сыграла роль обстановка внутри руководства КПК, где шла беспрестанная борьба различных группировок как по принципиальным вопросам стратегии и тактики китайской революции, так и вокруг проблем личной власти, влияния, престижа.

В условиях непрерывных боев с войсками Чан Кайши и других милитаристов, жестоких преследований коммунистов, особенно их руководителей в основных городах Китая, внутренняя борьба и разобщенность выступали как особая опасность, представляя собой едва ли не одну из коренных проблем в КПК. Единство, твердое руководство, дисциплина и порядок становились настоятельным требованием момента. Многие в партии, и в особенности среди военных, видели выход в выдвижении вождя, способного покончить с бесконечной борьбой и групповщиной. Были и такие в руководстве КПК, которые ждали лидера с железной хваткой, способного внести элемент жесткого порядка в разбушевавшуюся стихию, управления партией с ее постоянной сменой лидеров, каждый из которых уходил с руководящего поста с клеймом «правого» или «левого» оппортуниста, «троцкиста», «догматика», «эмпирика».

Вторая, не менее важная причина — характер обстановки в стране и во всем мире. Разбойничье нападение Японии на Китай, которое создало угрозу полного порабощения страны, не могло не углубить национально-освободительную направленность надвигавшейся революции. Патриотическое антияпонское движение охватывало все более широкие слои рабочих, крестьян, интеллигенции. Партия не могла стоять в стороне от этого и концентрировать по-прежнему свои усилия исключительно на борьбе с гоминьданом. Назрела необходимость поворота в ее стратегии и тактике, требовавшего единства действий со всеми прогрессивными силами страны против японских захватчиков.

Мао Цзэдун всей своей прежней деятельностью показал, что на первом месте для него стоит проблема национального возрождения.

Эми Сяо, восторженно характеризуя деятельность Мао Цзэдуна в середине 30-х годов, с восхищением цитирует его слова в защиту национальной свободы и величия китайского народа. Вот эти слова: «Китайский народ не стадо послушных овец. Он представляет великую нацию с богатой историей, благородным национальным самосознанием и высоким пониманием человеческой справедливости. Во имя национального самоуважения, человеческой справедливости и желания жить на своей собственной земле китайский народ никогда не допустит, чтобы японский фашизм превратил его в раба»[7].

Сильно сказано! И, конечно же, такие выступления импонировали коммунистам, прогрессивной части всей китайской нации. В обстановке, сложившейся внутри КПК, наибольшие шансы на успех в борьбе за руководство партией получили силы, которые выступили против прежней, устаревшей, а иной раз и вообще неверной линии. Мао Цзэдун умело воспользовался благоприятным моментом: в его пользу говорило то, что он выступал с критическими замечаниями в отношении прежних руководителей, правда, не по коренным, принципиальным вопросам, касающимся политической линии. Тем не менее партийная масса могла расценивать его выступления как оппозицию тогдашнему руководству КПК. Имело значение и то, что он на протяжении многих лет вместе с Чжу Дэ и другими крупными деятелями КПК занимался военной работой, которая в связи с японской агрессией и походами гоминьдановских войск выступала на передний план.

Особое значение имел тот факт, что Компартия Китая понесла огромные потери, в том числе среди своего руководства, связанного с рабочим движением Китая. Только за первые шесть месяцев после чанкайшистского переворота в 1927 году число членов КПК сократилось в пять раз — с 50 тыс. до 10 тыс. В начале 30-х годов большой ущерб партии нанесли репрессии, обрушившиеся на коммунистов в Шанхае в результате предательства. В период Похода китайской Красной армии на северо-запад страны численность КПК с 1934 по 1937 год сократилась с 300 тыс. до 40 тыс. В общей сложности с 1927 по 1935 год погибло примерно 400 тыс. членов КПК и сочувствовавших им, в том числе почти все коммунисты, работавшие в городских партийных ячейках, среди рабочего класса[8].

В 1927 году китайские генералы-милитаристы расправились с

Ли Дачжао — одним из первых популяризаторов марксизма в Китае и основателей Компартии; погиб Чжан Тайлэй — один из организаторов Компартии и комсомола, возглавивший восстание в Кантоне в 1927 году; через два года в Шанхае был казнен Пэн Бэй — создатель первого крестьянского союза в стране и первого рабоче-крестьянского демократического правительства; в 1932 году гоминьдановцы расстреляли Дэн Чжунся — члена ЦК КПК с 1922 года, одного из руководителей гонконг-кантонской забастовки; в 1935 году был расстрелян Цюй Цюбо — видный руководитель КПК, изучавший непосредственно в Советском Союзе опыт Октябрьской революции; в том же году был зверски убит один из прославленных героев китайской Красной армии Фан Чжиминь, основатель одной из первых революционных баз, участник Наньчанского восстания; погиб Су Чжаочжэн — член Политбюро ЦК КПК, председатель Всекитайской федерации профсоюзов, руководитель правительства Кантонской коммуны.

Все это не могло не отразиться на уровне политического руководства КПК.

Выдвижению Мао Цзэдуна способствовало и то, что Коминтерн был неправильно информирован сторонниками Мао о внутреннем положении в КПК, которое всегда выглядело весьма запутанным и сложным. Хотя многие руководящие деятели Коминтерна относились критически к Мао Цзэдуну, однако горький опыт прежних руководителей (Чэнь Дусю, Ли. Лисаня и др.) показывал ограниченность выбора среди руководителей китайской революции. В мировой печати не без старания Мао Цзэдуна и таких публицистов, как Э. Сноу и Эми Сяо, распространялись легенды о героизме и стойкости военных и партийных руководителей китайской Компартии, среди которых постоянно называлось и имя Мао Цзэдуна.

Наконец, личные качества самого Мао как руководителя вполне определенного типа. Читатель уже видел, что Мао обнаружил незаурядные способности в групповой фракционной борьбе внутри КПК, а это было не последним достоинством в борьбе за власть в обстановке засилья мелкобуржуазного вождизма. Но дело не только в этом.

Здесь мы подходим к вопросу о роли личности лидера КПК в специфических условиях внутреннего положения, сложившегося в КПК в середине 30-х годов, в специфических условиях страны с несозревшим пролетарским движением, страны экономически слаборазвитой, полуфеодальной, крестьянской, гигантской по своим масштабам, плохо управляемой, страны с традициями имперской власти, отнюдь не изжитыми за краткий период после ликвидации монархического строя, страны, переживавшей

особенно трудный период своей истории в связи с агрессией организованного и мощного империалистического хищника, каким являлась в ту пору Япония.

Каким же он был, этот китайский политический лидер, в душе которого совмещалось поклонение императору Лю Бану, вождям крестьянских восстаний и Наполеону Бонапарту?

Представление о Мао как о «политическом человеке» (выражение Аристотеля) мы можем почерпнуть из разнообразных источников. На первое место по ценности информации принято ставить личные впечатления и свидетельства Э. Сноу, который первым из представителей западного мира встретился с Мао Цзэдуном летом 1936 года в столице северной Шэньси городе Баоань, а затем встречался с китайскими коммунистами в 1939 году и, наконец, в 1960 и 1971 годах.

Э. Сноу написал ряд книг и статей, популяризирующих личность Мао и дело китайской революции: «Красная звезда над Китаем», «Человек магической силы», «Черновые записки о красном Китае (1936–1945 гг.)», «На другом берегу реки» и др. Свой вклад в прославление Мао Цзэдуна внесли такие американские журналисты, как Агнесса Смэдли, которая длительное время находилась в Яньани, Анна Луиза Стронгидр. Эти журналисты и писатели выступали против колониалистской политики империалистических держав и в общем стремились дать западному читателю информацию о борьбе китайского народа за свое освобождение. Свою симпатию делу китайской революции они переносили, естественно, на лидеров, возглавлявших ее, и в первую очередь на руководителя КПК — Мао Цзэдуна. Впрочем, у Э. Сноу могли быть (как мы увидим) и мотивы другого рода.

Восторженная интонация стала лейтмотивом произведений Эдгара Сноу, Агнессы Смэдли, Анны Луизы Стронг, а впоследствии была воспринята многими буржуазными исследователями современного Китая (несмотря на наше критическое отношение к культу Мао, которое не скрывалось с самого начала, в интересах объективности мы намерены обращаться и к этим источникам).

Несколько лет назад люди, интересующиеся событиями в Китае, получили в свое распоряжение неоценимый материал — дневниковые записи связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК, исполнявшего одновременно обязанности военного корреспондента ТАСС, П. П. Владимирова, который с 1942 по 1945 год работал в Яньани, постоянно общался с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями[9]. Записи П. П. Владимирова не предназначались для публикации, они были

изданы лишь посмертно и, естественно, носили особо доверительный и откровенный характер.

Наконец, мы воспользуемся документами и материалами самой КПК. Одни из них характеризуют позитивно личность и роль Мао в судьбах партии и страны, другие— негативно. Конечно, политические противники, как правило, не очень-то объективно судят друг о друге. Но зато нередко их суждения особенно остры и метки, особенно точно бьют в цель, ибо ненависть не только ослепляет, но и заостряет мысль.

Итак, что собой представлял Мао как идеолог и деятель к моменту прихода к руководству в КПК? К 1935 году Мао был уже вполне зрелым человеком; ему шел 41-й год, у него за плечами был почти 15-летний опыт активного участия в коммунистическом движении и 8-летний опыт военной деятельности.

Начнем со свидетельства Э. Сноу. Вот его первые впечатления от встреч с Мао Цзэдуном в 1936 году: «Я встретился с Мао вскоре после моего приезда: худая, примерно линкольновского типа фигура среднего для китайца роста, несколько сутуловатая, у него густые черные волосы, довольно длинные, большие проникновенные глаза, широкий нос и выдающиеся скулы»[10]. Э. Сноу пишет о Мао Как об интересном и сложном человеке, обладающем простотой и естественностью китайского крестьянина, прекрасным чувством юмора. «Говорит он так же просто, как и живет, и некоторые могут подумать, что он довольно груб и вульгарен. Однако в нем сочетается некоторая наивность с очень острым умом и глобальным подходом к вещам». «Казалось, что он был искреннем, честным и правдивым в своих высказываниях. Я смог проверить многие из его высказываний, и обычно они оказывались правильными».

Сноу характеризует Мао как сложившегося классического китайского ученого, глубоко изучившего философию и историю, с необыкновенной памятью и огромной сосредоточенностью, способного писателя. Более того, Сноу считал его военным и политическим стратегом, которому «присуща гениальность».

Как видим, Мао вызвал восхищение у Э. Сноу. «Простота крестьянина», «классический китайский ученый», «военный и политический стратег» — все эти характеристики чего-нибудь да стоят. Не отсюда ли пошли легенды о Мао как о «человеке магической силы»?

Правда, у Сноу при внимательном прочтении можно заметить и настороженные нотки: Мао любит «грубо пошутить», «могут подумать, что он довольно груб и вульгарен», ему присуща «некоторая наивность», «иногда он приходит в ярость», «казалось

(!), что он был искренним, честным и правдивым». Самым же существенным является тот факт, что Сноу пишет главным образом со слов самого Мао. Именно Мао рассказывал ему не только о политических проблемах, но и о своей личной жизни, отношениях с друзьями, не стесняясь, говорил о своих героических делах, о своей неизменной правоте и т. д.

Сноу описывает и свои беседы о Мао с другими деятелями КПК и Красной армии и даже с простыми солдатами. Например, один солдат сказал ему, что он видел, как Мао отдал свое пальто раненому бойцу. Другой говорил, что Мао отказался носить обувь, когда у красных воинов ее не было[11]. Уже тогда, стало быть, вокруг имени будущего «великого кормчего» формировались легенды, так же наивные, как и впечатляющие для простого человека.

А. С. Титов исследовал характер взаимоотношений между Э. Сноу и руководителем КПК и привел ряд интересных соображений о политической направленности публикаций американского журналиста. Основной его вывод состоит в том, что Э. Сноу уже тогда разглядел в Мао Цзэдуне решительного противника Коминтерна и «советского влияния». Именно это вызвало у Сноу самый положительный отклик.

Отметим прежде всего полную заданность книги «Красная звезда над Китаем». Записи официальных бесед, предназначаемые для печати, тщательно редактировал сам Мао Цзэдун. Это значит, что вошедшие впоследствии в книгу Э. Сноу материалы, в том числе и автобиографический рассказ Мао, равнозначны заявлениям самого Мао Цзэдуна.

Более того, когда Э. Сноу снова посетил Яньань во второй половине сентября 1939 года, Мао Цзэдун заявил, что в книге «Красная звезда над Китаем», которую, по его словам, он прочел в полном переводе, «правильно излагаются политика партии. и его собственные взгляды». «Он взял на себя труд, — вспоминает Э. Сноу, — представить меня лично на массовом митинге членов партии и военных, состоявшемся в Яньани, как „автора правдивой книги о нас“»[12].

Странно, но мы не находим в автобиографии Мао, изложенной Э. Сноу, каких-либо упоминаний о значении марксизма-ленинизма для Китая, для китайской революции, о том, что какая-либо теоретическая работа К.Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина заинтересовала его и помогла ему в практической деятельности. Здесь не упоминается также и об Октябрьской революции, о Советском Союзе, о международном рабочем и коммунистическом движении и т. п. Ни слова не сказано о китайском рабочем классе, о Коммунистической партии Китая

как партии рабочего класса. Основной упор во всем биографическом рассказе Мао сделан на проблему национального возрождения Китая, на вопрос о китайском крестьянстве и, конечно, на особую роль самого Мао Цзэдуна в революции.

Случайно ли это? По-видимому, нет. Оговорив, что кое-что Мао рассказал ему «не для печати», Сноу как бы от своего лица высказывает разного рода критические замечания по адресу Коминтерна и Советского Союза. Он утверждает, что «поскольку СССР — база мировой революции — нуждался в мире, то и Коминтерн превратился в мощный орган пропаганды мира во всем мире», что «Коминтерн из международного органа компартий превратился в инструмент национальной политики Советского Союза», что «его деятельность в Китае после 1927 года была почти равна нулю»[13].

8 другом месте Э. Сноу нарочито подчеркнуто пишет о китайском национализме Мао, утверждая, что «страстное стремление восстановить былую роль Китая как великой державы первоначально имело большое значение в привлечении образованных китайцев к марксизму». Для китайских националистов, подчеркивает он, была приемлема программа Коммунистической партии Китая на этапе буржуазно-демократической революции, которая предусматривала единый фронт с прогрессивной буржуазией, рабочим классом и крестьянством под руководством КПК, а также ликвидацию иностранного господства и завоевание полной независимости[14],

9 апреля 1949 г., незадолго до победы народной революции, Э. Сноу опубликовал в шанхайском журнале «Чайна уикли ревью» статью «Станет ли Китай русским сателлитом». В этой статье, отличавшейся резко антисоветской направленностью, он писал: «Пекин в конце концов может стать своего рода азиатской Москвой, восточным Римом, проповедующим азиатский марксизм вне контроля Москвы».

Не случайно публикации Э. Сноу с самого начала привлекли внимание официальных кругов США. По словам Э. Сноу, его книгу «Красная звезда над Китаем» читал президент Ф. Рузвельт. После этого он трижды в 1942–1945 годах приглашал Э. Сноу к себе для обсуждения китайских дел.

Эти факты проливают дополнительный свет на восторженную рекламу, которую организовал Э. Сноу Мао Цзэдуну. Он увидел в нем и в его окружении людей, способных выступить против единства международного коммунизма, разгадал потенциального противника Советской страны. Мы увидим дальше, что при всем резком контрасте оценок, данных Мао Э. Сноу и П. П. Владимировым, в этом пункте их характеристики совпали.

Трудно предположить, что, бывая подолгу в Яньани, Сноу не слышал негативных отзывов о Мао Цзэдуне. Можно ли в это поверить, если принять во внимание, что борьба за власть тогда еще была в самом разгаре и у Мао было немало влиятельных противников; вернее предположить, что Сноу сделал свой личный выбор в пользу Мао, который показался ему более перспективной фигурой, чем другие деятели. В этом смысле он не ошибся. Но только в этом.

Иначе как он мог игнорировать совершенно иные характеристики личности Мао? А ведь они имелись, и их было не так уж мало. Приведем для примера одну из них. Вот что говорилось о Мао Цзэдуне в решении цзянсийского провинциального комитета КПК от 15 декабря 1930 г. в связи с разбором его поведения: «Мао Цзэдун, как известно всем, — весьма хитрый и коварный человек с чрезвычайно развитым индивидуализмом. Его голова забита тщеславными мыслями, на товарищей он обыкновенно воздействует приказами, угрозами, опираясь на систему наказаний… Мы указываем и разоблачаем замысел Мао Цзэдуна перед партией и Союзом молодежи всей страны для их мобилизации против него, чтобы не позволить ему громить партийную организацию Цзянси, переделывать партию в свою собственную группировку, а самому в качестве императора в партии погубить китайскую революцию»[15].

На примере, публикаций Э. Сноу и Эми Сяо легко проследить, как создавались легенды вокруг имени Мао Цзэдуна. В подавляющем большинстве случаев их возникновению способствовали сам Мао, его собственные рассказы о себе. Мы видели, что именно так родилась его биография, изложенная в книге Э. Сноу «Красная звезда над Китаем», до сих пор гуляющая по свету. В книге Эми Сяо подавляющее число фактов изложено со слов Мао Цзэдуна. Разберем для примера сообщения Эми Сяо о личных качествах руководителя КПК.

Вот рассказ Эми Сяо, показывающий Мао в роли пропагандиста:

«Мао не любит длинных речей. Когда он выступает перед бойцами, то говорит десять — пятнадцать минут. Но эти несколько минут производят глубокое впечатление на слушателей.

Однажды Мао присутствовал на докладе политрука роты, длившемся два часа. На следующий день Мао зашел к нему.

— Почему у тебя ноги так искусаны комарами? — спросил Мао.

— Пришлось делать доклад бойцам на открытом воздухе. Долго пришлось говорить.

— Да, ты хорошо говорил. Напомни мне содержание доклада, пожалуйста.

Политрук обрадовался похвале Мао. Он перечислял тезисы доклада, затем остановился:

— Дальше я не помню…

— Вот видишь, ты сам забыл, а каково бойцам запомнить все это? Да ты еще ходил, пока говорил, а они стояли. Как же их-то комары искусали!

Политрук покраснел и больше никогда не делал таких длинных докладов».

Но позвольте, всей китайской Компартии известны и прямо противоположные факты! Эми Сяо мог бы с такой же правдивостью рассказать, что Мао был частенько удивительно разговорчив — и на официальных партийных совещаниях, и при личных встречах. Выступления Мао в Яньани (например, на совещании по вопросам литературы) длились часами, он снова и снова брал слово для реплик, для заключения и т. д. На VII съезде КПК (1945 г.) он выступал с трибуны шесть раз. А в 50-х годах, как мы увидим дальше, он много часов подряд говорил перед партийным активом, часто без подготовки, сумбурно, возвращаясь к теме, отвлекаясь от нее, уходя в воспоминания— личные, литературные и т. д. Но для легенды нужен был образ вдумчивого, значительного, скупого на слова вождя, — и среди масс он старается насадить именно такой свой образ.

Эми Сяо искренне восхищается поведением Мао, его явным интеллектуальным превосходством над политруком роты. Но невольно он выдает затаенный взгляд Мао на самого себя: он не только любит выглядеть мудрым, но и жаждет, чтобы эта мудрость принималась с такой же наивной восторженностью, как в описанном эпизоде. Не случайно Мао лучше всего чувствует себя среди простых крестьян, для которых каждое его слово — прозрение, и так плохо контактирует с интеллигентами, особенно с теми, кто настроен недоверчиво.

Этот бесхитростный эпизод с политруком весьма характерен для зарождающейся вождистскои психологии Мао, где постепенно. оседало соотношение «правитель — народ» (читай — простонародье). Довольно типичная психология полуинтеллигентного человека, который черпает уверенность в себе только при общении с менее образованными и культурными людьми.

Впрочем, и в этом случае можно понять Эми Сяо. Как верный член партии, он считает своим долгом превозносить ее руководителей. Не одного Мао — он также преклоняется перед другим руководителем КПК, крупным полководцем Чжу Дэ.

Показательно, что Эми Сяо объединил два названных имени в одной книжке — тогда еще Мао не возвысился над всеми другими деятелями КПК. Мы читаем в книге Эми Сяо такие строки:

«Чжу Дэ жил, как рядовой боец. Одет ои был, как рядовой боец: короткие штаны с обмотками на ногах. Только во время боев его отличал бинокль.

…Да, Чжу Дэ — народный полководец, вождь народных масс. Он никогда себя не афиширует, наоборот, всегда старается не отличаться своей внешностью, видом от командиров, рядовых бойцов, от людей из народа»[16].

Заметим, что Эми Сяо рисует Чжу Дэ почти такими же яркими красками, как и Мао Цзэдуна. Для него важны не столько лица, сколько заданность цели — формирование идеологии культа вождя КПК. Он полагал, надо думать, искренне, что это отражало интересы всей партии, поднимало ее авторитет за рубежами Китая, укрепляло единство КПК.

Кто ни одной минуты не питал подобных иллюзий по поводу Мао и чей образ навсегда останется примером политической проницательности и журналистской смелости, так это Петр Парфенович Владимиров.

Начнем с личностной характеристики Мао.

Вот что мы узнаем из книги П. П. Владимирова о человеческих качествах Мао, его привычках, образе жизни, о его отношениях с окружающими.

П. П. Владимиров описывает жилище Мао Цзэдуна в Яньани, которое ныне показывают всем туристам, и свое впечатление от первой встречи с этим человеком. «Это две смежные пещеры, добротно обшитые тесом. В глубине пещеры — письменный стол. На столе несколько книг, кипа бумаг, свечи. Пол выложен кирпичом. Мао Цзэдун сутуловат, глаза окружены морщинками, говорит на грубоватом хунаньском диалекте. В нем чувствуется деревенская натура»[17].

Интересно описание поведения Мао во время одного из первых приемов, на котором присутствовал П. П. Владимиров. Мао Цзэдуну подали бутылку голландского джина, в то время как остальных угощали ханжой (гаоляновый самогон). Мао был в поношенном даньи (одежда из хлопчатобумажной ткани типа спецовки). Прихлебывая джин из кружки, которую он держал в руках, и закусывая земляными орешками, Мао обходил гостей, подробно расспрашивая о здоровье. «От выпитого джина Мао Цзэдун раскраснелся, лицо увлажнилось потом. Однако выдержка его не покинула: все то же сознание собственного достоинства»[18].

Из рассказа П. П. Владимирова мы узнаем об альянсе Мао — Цзян Цин — Кан Шэн, который сложился уже в Яньани. Кан Шэн

— в то время личность не приметная в партии — решил с помощью Цзян Цин укрепить свое влияние на Мао. Ставка на Цзян Цин оправдывается. После того как Цзян Цин выходит замуж за Мао Цзэдуна, происходит духовное сближение Хан Шэна с руководителем ЦК КПК и налаживается действенный контакт между ними. В результате Кан Шэн становится одной из самых заметных фигур в группе Мао.

Несколько слов о том, как состоялся брак Мао и Цзян Цин. Это была четвертая по счету женитьба Мао Цзэдуна. После гибели от руки гоминьдановцев его второй жены — Ян Кайхуэй в 1930 году Мао женился в третий раз на Хэ Цзычжэнь, соратнице по революционной работе.

Цзян Цин — в прошлом театральная актриса — появилась в Яньани в 1938 году. В ту пору ей было 26 лет. Вскоре после приезда она обратила на себя внимание Мао Цзэдуна.

Имеются сведения, что в Политбюро ЦК КПК тогда раздавались голоса против развода Мао Цзэдуна с третьей женой — Хэ Цзычжэнь, которая в то время находилась на лечении в СССР, и особенно против женитьбы на женщине с сомнительной репутацией. Этот вопрос обсуждался даже на заседании Политбюро, однако Мао Цзэдун настоял на своем, заявив, что свою личную жизнь он будет устраивать так, как хочет, несмотря ни на что. Именно Кан Шэн — земляк Цзян Цин — сыграл главную роль в урегулировании этого семейного дела. Он дал на Политбюро поручительство за Цзян Цин и с той поры стал ее доверенным лицом.

Цзян Цин очень скоро стала не только подругой, но и помощницей Мао. Эта честолюбивая женщина сумела занять особое положение в партии, используя свое влияние на Мао. Некоторые биографы сообщают, что еще до брака она говорила, будто выйдет замуж за «первого человека в Китае». Цзян Цин сумела так привязать и расположить к себе Мао, что он, как ребенок, капризничал в ее отсутствие, отказывался принимать лекарства и т. п.

Новую роль Цзян Цин тонко заметил Владимиров. Уже тогда, едва оставив театральные подмостки, она стала вести себя так, будто почувствовала высокое призвание: она не просто жена — она соратник вождя. Цзян Цин старается стать полезной ему во всей его деятельности. Она опекает его как человека и помогает ему как руководителю. Незаметно она берет в свои руки часть его полномочий. Между тем, по имеющимся сведениям, Политбюро согласилось в конце концов на брак Мао лишь при условии, что Цзян, Цин не будет вмешиваться в дела партии.

Внешность обманчива. Глядя на фотографию Цзян Цин в

яньаньский период, видишь молоденькую миловидную женщину, тонкую и гибкую, как лотос, с нежной кожей лица и припухлыми губами. Но уже тогда в ее маленьких ручках сосредоточилась немалая власть. А в период «культурной революции» она уже открыто вмешалась в большую политику и оказала немалое влияние на стиль и методы проведения этой кампании.

Биографы Мао сообщают, что он долго не мог забыть о своей второй жене — Ян Кайхуэй. Летом 1937 года (до того, как он познакомился с Цзян Цин) он спросил у журналистки Агнессы Смэдли, любила ли она когда-нибудь, кого она любила и какую роль в ее жизни играла любовь. Много лет спустя он снова вернулся к этому разговору и рассказал журналистке о своем отношении ко второй жене — дочери профессора Яна. Он прочел стихотворение, которое написал в ее память в 1957 году. Там были такие посвященные ей слова: «Я лишился своего гордого тополя…»

Что касается третьей жены Мао, Хэ Цзычжэнь, оставленной им, то мы можем прочесть восторженные строки о ней у Эми Сяо: «Жена Мао Цзэдуна — Хэ Цзычжэнь — девушка из крестьянской семьи. Ей сейчас лет двадцать-восемь. Она уже десять лет носит солдатскую форму, дралась на фронте, организовывала отряды женщин-бойцов, ухаживала за больными и на своих плечах носила раненых. В боях она получила двадцать шрапнельных ран, из которых восемь были очень серьезными. Так, она приняла участие в „великом походе“ Красной армии на северо-запад, и при этом она была беременна и родила в пути. Ей пришлось оставить ребенка в крестьянской семье. Но все эти страшные переживания не согнули эту хрупкую, изящную, но по характеру необычайно выносливую и отважную молодую женщину»[19].

Другие члены семьи Мао, по-видимому, не вызывали у него особых чувств. П. П. Владимиров свидетельствует, что Мао Цзэдун равнодушен к сыновьям от брака с Ян Кайхуэй, которые учились в ту пору в Советском Союзе, и не помнит, чтобы он упомянул имя кого-либо из них или поинтересовался их здоровьем. Впрочем, и маленькая дочь мало его трогает, а если и трогает, то «благодаря стараниям супруги, которая всячески оживляет в нем атрофированные отцовские чувства»[20]. От Хэ Цзычжэнь у Мао родилось пять дочерей, все они были отданы на воспитание в крестьянские семьи в одном из районов Китая перед «великим походом». От брака с Цзян Цин родились две дочери.

Не правда ли, любопытный образ возникает перед нами, когда читаешь описание личной жизни Мао, манеру вести себя в семье и среди друзей?

Первое, что обращает на себя внимание, — это уровень

культуры Мао, как, впрочем, и его окружения. Насколько мы понимаем, ее истоки восходят к культуре состоятельного китайского крестьянина. Речь Мао с хунаньским акцентом, его склонность к грубым шуткам, его пристрастие к гаоляновому самогону и заморскому джину, его манера держать себя, пить, курить, говорить — черты, о которых сообщает П. П. Владимиров, — все это не похоже на поведение выходца из рабочей среды, пролетарского революционера.

Легко представить себе Мао сидящим в яньаньской пещере, выложенной кирпичом, освещенной свечами, попивающим голландский джин из кружки и закусывающим земляными орешками.

Попробуйте представить себе там, в его пещере, в его роли пролетарского вождя западных стран! Невозможно, как ни напрягай свое воображение! Это разный род человеческой личности, разный род субкультуры, порожденной разной средой, национальными традициями, воспитанием.

Характерная черта Мао — это полная устремленность к роли, которую он себе уготовил, — роли руководителя прежде всего в армии, а затем и в партии. Создается впечатление, что он никогда не забывает об этой своей роли, даже в самые интимные минуты жизни.

Мао запрещает себе проявлять (а может быть, просто не испытывает?) обычные человеческие чувства. Больше всего говорит об этом его равнодушие к своим детям. А ведь Мао — человек эмоциональный, что отмечали П. П. Владимиров, Эдгар Сноу и многие другие, наблюдавшие его близко. Но он настолько поглощен своей политической ролью, что все остальное приобретает для него второстепенное значение.

К этому свойству личности Мао, как и любого другого «политического человека», можно относиться по-разному. Да и проявляется оно — это свойство — по-разному. В одних случаях это подлинное призвание, почти что мистическое чувство своей исторической предназначенности как выражение целеустремленной и полностью захваченной определенной идеей натуры. Так происходит, когда имеется идея или цель, обращенная не на себя, не на удовлетворение своего властолюбия, а вовне — на служение другим людям, группам, классам, нации, наконец.

Но если этого нет, если отрешение от простых человеческих чувств и качеств, присущих любому земному существу, вызывается не потребностью служения высоким целям, а стремлением к удовлетворению своей эгоистической страсти к господству над другими людьми, то тогда мы получаем тип

человека, с такой глубиной и проницательностью описанный в «Государе» Никколо Макиавелли[21]. Личная власть, ее укрепление, ее расширение, ее постоянная максимализация становятся постоянным законом существования такого человека и тогда — что ему люди? Что ему жестокость, добро и зло?..

Однако не будем спешить с выводами. Присмотримся, ближе к интересующей нас личности и последуем дальше за ВладимироБым.

«Мао Цзэдун обычно работает ночами. Встает поздно, к полудню. По натуре честолюбив, поэтому, наверное, напускает на себя этакую многозначительность. А сам любит поесть, выпить, потанцевать, поразвлекаться с девицами, а для всех прочих проповедует жесточайший революционный аскетизм. Он вообще не прочь прикинуться пуританином. Он старательно создает о себе представление как о мудром правителе в традиционно китайском духе. Он умеет пустить пыль в глаза и, когда надобно, показать всем, как стойко „председатель Мао“ разделяет тяготы с народом, ему подают чумизу, и он стоически поедает ее, запивая водой»[22].

Остановим внимание читателей еще на одном характерном свойстве Мао, которое подметил наш проницательный соотечественник. Он пишет, что «Мао Цзэдун по натуре артист, который умеет скрывать свои чувства и ловко разыгрывать нужную ему роль даже перед хорошо знакомыми людьми».

П. П. Владимиров, по его словам, наблюдал «несколько Мао Цзэдунов». Один — создаваемый прессой — облик руководителя КПК на различного рода совещаниях, активах, пленумах. Здесь он быстр, порой шутлив и внимателен. Другой облик Мао вырисовывается во время встреч с советскими представителями, Здесь руководитель КПК — живой образ древнего правителя, слегка демократизированный обращением «товарищ» и пожатием руки. И еще. есть тот, настоящий, которого Владимиров все чаще и чаще видит наедине. Эта метаморфоза точно учитывает все национальные традиции. И в ней дань времени. Мао Цзэдун всегда появляется перед людьми таким, каким нужен в данной ситуации. Или — простой, обходительный, настоящий «товарищ по партии». Или — монументально-неподвижный, нарочито рассеянный, этакий кабинетный мыслитель, философ, отрешенный от всего земного.

Эмоциональная натура Мао проявляется и в приступах депрессии, которые нередко посещают его. П. П. Владимиров повествует об эпизоде, который проливает дополнительный свет на особенности характера этого человека. Он рассказывает о странной беседе с Мао Цзэдуном «без джина, виски и шума

гостей». Разговор шел *а* каких-то мелочах, потом Мао незаметно перекинулся на рассуждения о смерти, о неизбежности смерти, неотвратимости судьбы. Мао вслух размышлял о бренности бытия, о бессмертии. Мысль о смерти угнетает его. Увлекшись, он цитирует Конфуция, древних авторов и поэтов, приводит строфы собственных стихов…

Но более всего нравилось Мао Цзэдуну пестовать свой образ «вождя». Он может часами сидеть в кресле, не выражая никаких чувств. Следуя традициям, он представляет собой поглощенного заботами государственного деятеля. Он занят великими проблемами, все суетное, земное не может отвлечь его… «Я думаю, что в начале своей деятельности Мао Цзэдун сознательно вырабатывал в себе эти качества, — замечает П. П. Владимиров, — они не были его собственным выражением. Однако годы работы над собой сделали их частью его характера. Того характера, который должен представлять в глазах народа подлинно государственного мужа Великой Поднебесной»[23].

Хорошо схвачено: «государственный муж Великой Поднебесной». Да, Мао уже давно заботливо взращивал в себе и насаждал среди окружающих образ государственного деятеля, национального лидера, мудрого правителя. Такое раннее и преждевременное пробуждение чувств политического лидерства, по-видимому, и есть род призвания. Мы говорим — раннее, преждевременное, поскольку до действительного положения правителя всего Китая яньаньскому лидеру было еще очень далеко. И тем не менее Мао, судя по всему, уже тогда чувствовал себя чем-то большим, чем одним из руководителей одной из Партийных групп в одной из провинций гигантской страны.

Да, все-таки это род призвания — что бы ни говорили его враги в КПК. Оно характерно и для других печально известных и просто неизвестных политических деятелей XX века. Мао рано почувствовал некую предназначенность. Он стал играть отведенную ему историей роль задолго до того, как история сколотила подмостки, достойные этой роли.

Что было причиной такого внутреннего прозрения? Сказать трудно. Причинно-следственная зависимость между личностью и ее исторической ролью, если не верить в провидение, всегда представляется не вполне ясной. То ли уверенность личности в своей исторической предназначенности передается окружающим ее людям, массе и действительно выдвигает ее на страстно желаемую роль; то ли исторические обстоятельства из множества вариантов человеческого материала выбирают тот, который наиболее адекватно отвечает обстоятельствам и моменту, — кто знает? Вернее всего предположить, что здесь существует некое

взаимодействие между историей и личностью. Они ищут и находят друг друга. Но одно представляется несомненным, когда читаешь воспоминания и Владимирова, и Эдгара Сноу, и других политически мыслящих наблюдателей яньанских событий: Мао уже тогда усердно рисовал свой образ национального правителя в расчете не только на ближнюю, но и на дальнюю перспективу.

Он без устали работает ночами — и Цзян Цин без устали всем рассказывает об этом. Он ходит в залатанной одежде и фотографируется в ней; он не снимает даньи; он ест чумизу и другую скудную пищу — и афиширует это; он постоянно говорит о народном благе. Ему, видите ли, чужда забота о своих личных удобствах. Собственно, ему не нужно уж очень притворяться. Его личные вкусы действительно недалеко ушли от вкусов крестьянской среды, из которой он вышел. Но вот что важно: он не делает секрета из своих простонародных привычек. Напротив, он выставляет их напоказ. Солдаты, кадровые работники наслышаны о скромности, о доступности своего председателя…

Эдгар Сноу в период посещения. Яньани немало услышал о таких качествах народного вождя, как забота о простых людях, его готовность разделить с ними кров, одежду. Э. Сноу — любитель сенсаций — со всеми свойствами своего восторженного темперамента клюнул на это. И вот легенда о народном крестьянском вожде вышла за пределы Яньани и пустилась гулять по всему миру, рисуя образ, хорошо отработанный самим его создателем. В ту пору ни Сноу, ни другие еще не ведали о ставшем впоследствии знаменитым изречении Мао о народе как «чистом листе бумаги, на котором можно писать любой иероглиф». И первыми иероглифами на самой первой странице чистого, как белый лист, народного сознания стали иероглифы Великого Народного Вождя Великой Народной Революции.

Но Мао не только народен, значителен, скромен и доступен — как лидер он непогрешим, он безошибочен. Все предшественники Мао в руководстве КПК постоянно ошибались, скатывались то «вправо», то «влево» — и Чэнь Дусю, и Цюй Цюбо, и Ли Лисань, и Бо Гу, и Ван Мин. Только Мао не ошибался никогда.

Сколько усилий надо было затратить самому Мао и его сторонникам, чтобы изобразить в лучшем виде доморощенные суждения о классах китайского общества, чтобы обелить его идейные шатания к гоминьдану, чтобы оправдать его авантюры в период восстаний «осеннего урожая», его военные ошибки в борьбе против гоминьдановских войск, чтобы скрыть факты его послушного следования в фарватере правой политики Чэнь Дусю, а затем левой линии Ли Лисаня, чтобы исказить подлинную

картину событий в Цзуньи!

И тем не менее этот простой и грешный мыслитель был достаточно сообразителен, чтобы уже в яньаньскую пору заботливо взращивать семена своего культа, который достиг таких беспрецедентных форм и масштабов в период «культурной революции». («Культурная» — в смысле создания культа, быть может?) В этом отношении Мао Цзэдуну надо воздать должное. Будучи еще яньаньским затворником, он уже обнаружил великое мастерство подлинного создателя культа собственной личности!

Его прекрасные актерские качества этому в немалой степени содействовали. Общеизвестно, что политическая деятельность — это нередко род игры, зрители которой — миллионы. Китайцу в большой мере свойственна способность к актерству. Не случайно маски китайских актеров наиболее театрализованы в сравнении с аналогичными масками актеров любых других народов. Забота о «сохранении лица» предполагает умение быстро приноравливаться к обстоятельствам, скрывая свои чувства.

Мао мастерски владел этим искусством. Он такой, каким его должны видеть. Вот он принимает иностранных послов у себя в спальне, в постели — немощный, больной старик, которого покидают последние силы. Это не он руководит, политикой страны, не от него исходят идеи антисоветизма— что вы! Он отошел от мирских дел и думает лишь о встрече с богом… А через месяц фотографии в журналах (или фотомонтаж — какая разница?) сообщают о его заплыве по Янцзы, который должен оповестить весь китайский народ и весь мир о здоровье, силе и мужестве Правителя. Вот Мао на площади Тяньаньмэнь в Пекине перед несколькими миллионами восторженно ревущих хунвэйбинов. Он монументально неподвижен. Он молчит, едва поднимая руку, едва поворачивая голову в ответ на восторженные крики миллионов молодых глоток.

«Какой великий актер пропадает», — сказал когда-то о себе Нерон, глядя на подожженный им Рим. Мао не говорил ничего подобного. Но можно предположить, что он думал о себе в таком роде нередко…

Присмотримся теперь к Мао Цзэдуну как руководителю группы, к его поведению среди других деятелей КПК. Именно это приоткрывает завесу над механизмом, с помощью которого насаждался новый режим в партии.

«Китаизация» марксизма

Как выглядело высшее руководство КПК в тот период? Сошлемся прежде всего на характеристику О. Брауна в его статье

«Как Мао Цзэдун шел к власти».

«Самым энергичным и самым ловким среди руководителей был Чжоу Эньлай. Человек, получивший классическое китайское и современное европейское образование, обладавший большим международным опытом и выдающимися способностями, он всегда умело лавировал и приспосабливался»[1]. Он руководил политическим отделом в военной академии Вампу, когда Чан Кайши был начальником академии и главнокомандующим Народно-революционной армии гоминьдана. В 1927 году он был одним из организаторов восстаний в Шанхае и в Наньчане, однако как постоянный член ЦК и Политбюро с середины 20-х годов он совершал такие же ошибки, как Чэнь Дусю и Ли Лисань, либо же относился снисходительно к ним. Одновременно он укреплял свои собственные позиции в армии. Многие командиры были выпускниками академии Вампу.

Дополним эту характеристику наблюдениями американца Роберта Элеганта, который встречался с Чжоу Эньлаем еще до революции 1949 года. Он пишет: «Чжоу Эньлай мог быть только тем, кем он есть, так как он является верным сыном своих предков-мандаринов с их талантом выступать в качестве посредников. Его средство самовыражения — стол конференции, он ищет достижения целей в интригах и в сложном маневрировании, что в крови у китайских политических деятелей, независимо от партийного и политического убеждения. Он прекрасный администратор и верный посредник. Но едва ли творец большой политики»[2].

Ни в период Яньани, ни в последующие периоды Чжоу не претендовал на ведущую роль и не выступал в качестве возможного конкурента председателя КПК. В глазах Мао у него было еще одно огромное достоинство: он не претендовал на роль идеолога. Видимо, он очень давно понял, что этот пункт является самым болезненным для Мао, который не терпит ни малейшей конкуренции в области теории. И хотя Чжоу Эньлай был едва ли не одним из самых образованных руководителей КПК, он целиком сосредоточился на организационной работе. Всем своим видом он как бы говорил: я исполнитель, не я формирую идеологию и политику. Кроме того, он предпочитал стоять в стороне от фракционной борьбы и спешил лишь вовремя присоединиться к группировке победителей. Одним словом, незаменимый помощник при первом человеке в партии и стране. Мао хорошо понял натуру Чжоу и всеми средствами старался привлечь его на свою сторону. И преуспел в этом.

Еще одна заметная фигура в яньаньском руководстве — Чжу Дэ, уже тогда популярный герой войны, был, по описанию

Владимирова, непритязательным и скромным человеком. После Наньчанского восстания 1927 года он, как помнит читатель, объединил возглавляемые им части Народно-революционной армии с крестьянским отрядом партизан Мао. После объединения Мао, по свидетельству источников, систематически подрывал авторитет Чжу Дэ как политика. Чжу Дэ смирился с притязаниями Мао, остался главнокомандующим, но с тех пор больше не играл серьезной роли в руководстве партией.

Из высших командиров Красной армии самой заметной фигурой, по свидетельству О. Брауна, был Пэн Дэхуай. Примкнув в 1928 году вместе с руководимым им полком к Красной армии, он поддерживал Мао. Однако это не означало, что он был во всем с ним согласен. Активный и в политике, и в военном деле, он никогда не молчал, если считал, что нужно критиковать. С одинаковой резкостью он выступал как против приносящих большие потери позиционных боев, так и против распыленных партизанских действий. Его корпус был самым крупным по численности и наиболее обученным в ведении регулярных военных действий. Поэтому ему, как правило, поручались наиболее трудные задания.

Линь Бяо был молодым военачальником среди тогдашнего высшего командного состава армии. Выпускник военной академии Вампу, он после 1927 года быстро вырос до командира батальона и полка. С 1931 года он командовал 1-м корпусом Красной армии, отличавшимся большой мобильностью и поэтому отлично подходившим для маневров на окружение и обход. Как отмечает Отто Браун, Линь Бяо, без сомнения, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм ведения войны он не признавал. В политическом отношении это был «белый лист», на котором Мао мог писать все что угодно.

Особое место в руководстве КПК занимали Кан Шэн и Чэнь Бода, хотя последний в свое время получил партийное взыскание за проповедь троцкизма.

Главный ученый секретарь Мао Цзэдуна — Чэнь Бода, как о нем пишет Владимиров, — толстоватый, неуклюжий человек в очках, с несоразмерно большими ушами и глубоко, поставленными глазами. По отзывам товарными и личному впечатлению Владимирова, Чэнь Бода — хитрый и способный деятель. В отличие от Кан Шэна, у него широкие знакомства и много друзей. Чэнь Бода в 20-х годах закончил институт имени Сунь Ятсена в Москве. Обладая незаурядными способностями, он в 30-х годах выступал со статьями по теории марксизма и преподавал философию.

Чэнь Бода на добрых 30 лет стал правой рукой Мао Цзэдуна в

идеологических вопросах, редактировал его речи и труды и «подгонял» их под научную теорию. Рассказывают, что Мао, закончив написание очередной статьи или выступления, передавал их Чэню со словами: «А теперь добавь сюда марксизм»…

Что касается Кан Шэна, то он занимал в Яньани пост шефа цинбаоцзюй — начальника управления информационной службы освобожденных районов Китая, объединяющей функции органов разведки, контрразведки, суда, прокуратуры, информации. Он возглавлял комиссию по проверке кадров и оргкомитет по подготовке и проведению кампании «чжэнфын» («исправление стиля работы»), начавшейся в мае 1941 года. Кан Шэн сыграл особую роль в Яньани в период чисток партии, направленных против коммунистов-интернационалистов. Когда думаешь о Кан Шэне, невольно вспоминается сходная с ним классическая фигура Фуше, этого «вечного министра» при режиме Наполеона и других режимах того времени. Стефан Цвейг в своем блестящем трактате пророчески писал о том, что именно такие деятели будут играть все большую роль в политической жизни нашего века: «В реальной, подлинной жизни, в области действия политических сил решающее значение имеют — и это надо подчеркнуть, чтобы предостеречь от любых видов политической доверчивости, — не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а гораздо более низменная, но более ловкая порода — закулисные деятели»[3]. Кан Шэн, несомненно, из этой породы!

Владимиров выделяет Гао Гана среди других руководителей КПК. Он приветлив и правдив. Держит себя независимо. Это один из последовательных интернационалистов.

Записи Владимирова дают яркое представление о методах, с помощью которых Мао управлял своей группой. Мао не сходится близко с ее членами. Владимиров свидетельствует, что у Мао не было друзей. Были только нужные люди, ибо для него имеет ценность лишь тот, кто ему необходим сейчас. Его поглощает власть.

Взаимоотношения между людьми, окружавшими Мао, не так просты и однозначны. Возникновение группировки Мао — результат не только усилий самого Мао Цзэдуна, но и объективной борьбы внутри КПК. Не только Мао шел к группе, но и группа шла к нему. Она нуждалась в лидере — и для своего возвышения, и (как мы увидим) для осуществления определенной суммы идей в области партийного, военного, национального строительства.

Наиболее симптоматичен переход Чжоу Эньлая в маоистскую группировку. Чжоу Эньлай во многих отношениях был более

известным руководителем в КПК, чем Мао, особенно в 20-х годах. То, что Чжоу Эньлай счел возможным и необходимым уже во второй половине 30-х годов примкнуть к Мао Цзэдуну, свидетельствует и о растущей силе влияния последнего, и о растущем сближении позиций, особенно в вопросах о национальной специфике КПК, как и о специфичности задач революции в Китае, о роли крестьянства в ней и аграрной проблемы и др.

Иначе выглядит сотрудничество Мао с Кан Шэном. Люди типа Кан Шэна — слепые и безжалостные проводники любой политики любыми средствами — больше всего нуждаются в твердом хозяине. И, по-видимому, Кан Шэн рано уловил в Мао Цзэдуне именно эти качества. Он уверовал в Мао и стал правой рукой в осуществлении его самых тайных и самых жестоких акций. Кан Шэн особенно близко сошелся с Мао Цзэдуном на почве антисоветизма. Как заядлый националист, он ненавидел КПСС и считал себя национально униженным тем, что китайским коммунистам приходилось прибегать к ее помощи и использовать ее опыт.

Большой удачей явилось для Мао Цзэдуна привлечение на свою сторону Лю Шаоци, который сам имел достаточно солидный вес в партии и был способен восполнить пробелы марксистского образования Мао, теснее связать КПК с рабочим движением Китая (об этом деятеле мы еще расскажем подробнее дальше).

Мао зорко присматривался к каждому члену группы, тщательно следил за их поведением, не допуская сговора между участниками за своей спиной, натравливая одного на другого, пресекая неповиновение, улаживая обиды, ставя каждого на свое место. Особенно он не терпел рядом с собой деятелей, претендовавших на роль теоретиков. Лишь некоторые, подобно Лю Шаоци, еще продолжали сохранять подобие самостоятельности в теоретической работе, публиковать свои труды, но и то при непременном признании верховного идеологического приоритета Мао.

От Мао Цзэдуна требовались огромные усилия, чтобы сплотить этот довольно разнохарактерный коллектив людей, противопоставить его другим группировкам в КПК, подчинить эти группировки и утвердить какое-то единство, каждый раз заново преодолевая внутренние противоречия в своей группе, колебания, сомнения отдельных ее представителей, более ориентировавшихся на интернациональный опыт социализма, более прочно стоявших на позициях марксизма-ленинизма. В самой группе уже тогда были заложены все основания для ее будущих внутренних расколов, для борьбы между различными ее

участниками при столкновении разных политических линий и представлений по идеологическим вопросам перед лицом новых проблем.

Какими же средствами насаждалось господство Мао Цзэдуна и его группы? Быть может, речь шла исключительно об идейной борьбе, направленной на выработку более эффективной стратегии и тактики, на более основательный учет специфических условий Китая и исторического момента, на творческое применение марксизма-ленинизма к условиям полуфеодальной, полуколониальной страны? Вот что мы читаем у П. П. Владимирова: «Зимой 1942 года в Яньани развернулась широкая кампания (фактически эта кампания началась раньше — в мае 1941 г. — Ф. *Б.)* за „исправление стилей работы“, или, как ее еще иначе называли, „борьба за упорядочение трех стилей“, то есть партийного стиля, стиля в образовании и литературного стиля»[4]. Эта кампания получила наименование «чжэнфын». Руководство КПК придавало «чжэнфыну» исключительное значение. Инициатором кампании был лично Мао.

На фоне «чжэнфына» идеологическая борьба в Политбюро приобретает особый характер. Мао Цзэдун обвинял Ван Мина, Бо Гу, Ло Фу и других руководителей в «догматизме» — механическом перенесении опыта марксизма-ленинизма без учета китайской действительности. Чжу Дэ и Линь Боцюй в основном разделяли взгляды так называемой «московской оппозиции». Под «догматиками» Мао Цзэдун разумеет коммунистов, учившихся в СССР и ответственных в партии за политическую работу, а также партийную интеллигенцию, опирающуюся в своей работе на опыт ВКП(б)[5].

По свидетельству П. П. Владимирова, не было возможности забыться ни на минуту — везде собрания, вопли, плакаты с проклятиями «догматикам», возбужденные, изнуренные люди. Были случаи отравления представителей антимаоистских взглядов. От такого отравления опасно заболели Ван Мин и другие деятели КПК. По указанию Мао расправлялись со многими кадровыми работниками, проявлявшими самостоятельность и пользовавшимися авторитетом. Причем после расправы Мао нередко открещивался от исполнителей и взваливал всю вину на них.

Так насаждался новый режим в КПК. Его результатом явилось полное подчинение всех руководителей воле Мао Цзэдуна. Оно наглядно обнаружилось на VII съезде КПК в 1945 году.

Не следует питать иллюзий относительно позиции членов его группировки в КПК, в том числе тех, кто впоследствии оказался в числе его противников. Так, в докладе на VII съезде КПК Лю

Шаоци говорил: «Большим достижением стало то, что Мао Цзэдун изменил марксизм, придав ему вместо европейской азиатскую форму. В своем стремлении создать индустриализированную экономику Китай испытывает на себе давление и гнет передовых промышленных государств. В юго-восточной части Азии подобное положение существует во всех странах. Курс, взятый Китаем, окажет влияние на них».

Выступая на этом съезде, один из видных руководителей КПК — Ло Фу говорил, что уже на совещании в Цзуньи он добился определенных успехов в правильной оценке взглядов товарища Мао Цзэдуна, но у него еще оставались ошибки. Он прежде полагал, что можно изучать только Маркса и Энгельса, а статьи товарища Мао Цзэдуна можно посмотреть один или два раза — и достаточно. Теперь он понял, что товарища Мао Цзэдуна надо изучать. Он проработал стиль, идеи товарища Мао Цзэдуна. Ныне он объявляет себя его учеником. «Читая в прошлом марксистские работы, — говорил Ло Фу, — мы обманывали других. В будущем я буду очень бережен по отношению к учению товарища Мао Цзэдуна…»[6].

Это выступление было типичным. Съезд в целом прошел под знаком торжества идеологии и политики Мао Цзэдуна и его группы. Включение в устав КПК, принятый на этом съезде, положения о том, что идеи Мао Цзэдуна являются идеологической основой КПК, лишь увенчало коренной сдвиг, который произошел в партии за десять лет пребывания Мао у руководства КПК. Согласно уставу был введен новый партийный пост — председателя КПК, который занял Мао Цзэдун. Партия по-прежнему находилась вместе со сравнительно небольшой армией в изоляции в Особом районе Китая. Но уже в это время внутри партии стал складываться новый режим. Культ личности Мао Цзэдуна становился законом ее идеологической жизни. Безоговорочное подчинение установкам вождя и его группы, подавление всякого инакомыслия все более становятся характерными особенностями жизнедеятельности Компартии Китая.

Если раньше КПК напоминала дискуссионный клуб, где нередко сталкивались разного рода течения, противоборствовали разного рода группировки, то сейчас водворилась дисциплина, но какой ценой! Мысль Мао о том, что «выправить можно только, если перегнуть в другую сторону», легла в основу новых порядков в КПК. Демократический централизм все более уступал место военным порядкам. Сам Мао возвысился над всей пирамидой партийной и государственной власти.

Было бы, однако, неверным думать, что победа его была

абсолютной: интернационалистское течение в партии оказалось подавленным, но оно не было разгромлено до конца. Подспудная борьба продолжалась. Часть прежних руководителей КПК, которые, независимо от допущенных колебаний, все же сумели противостоять насаждению откровенного национализма и антисоветизма, оставалась в партии и все еще пользовалась известным влиянием. Более того, в самой группировке Мао Цзэдуна также можно было легко обнаружить разные течения, хотя и в рамках общей платформы. Гао Ган, а также Чжу Дэ, Пэн Дэхуай в той или иной мере сохранили приверженность международному опыту социализма, марксизму-ленинизму. Иными словами, сплоченность маоистской группировки была относительной. Внутренняя борьба в ней могла вспыхнуть (и, как покажут дальнейшие события, вспыхивала) в любой момент перед лицом новых проблем, с которыми сталкивалась китайская революция.

На какой же идейной платформе складывалась и укреплялась группа Мао? Чувства национальной ущемленности, переходящие в национализм, — вот что лежало в основе устремлений ее участников. Этот национализм своим острием был повернут Мао Цзэдуном против Коминтерна и КПСС, которые отстаивали интернациональные интересы революционного движения.

Сама обстановка в партии и стране объективно содействовала росту национальных чувств, которые так легко направить в русло национализма. Японская агрессия против Китая вызвала волну патриотизма среди всех прогрессивных и революционных элементов в стране, в том числе, конечно, в Компартии Китая. Мао ловко взгромоздился на самый гребень этой волны, и течение несло его от успеха к успеху в борьбе за власть в руководстве КПК.

Особенно характерны зигзаги маоистов в их отношении к Советскому Союзу в период Великой Отечественной войны.

П. П. Владимиров, который приехал в Яньань в мае 1942 года и пробыл здесь до декабря 1945 года, имел возможность наблюдать неприглядную картину. Испытания, выпавшие на долю советских людей, Советской Армии в первые годы войны, не только не вызывали сочувствия со стороны Мао Цзэдуна и его группы, а, напротив, стали предметом постоянных издевательских реплик и комментариев. Прямолинейно злобствовал Кан Шэн, но и Мао Цзэдун мало в чем уступал ему.

«По мере продвижения немцев к Москве во второй половине 1941 года отношение руководителей КПК (находившихся в Яньани. — Ф. *Б.)* к моим товарищам (советским представителям. — *Ф. Б.)* становилось все более неприязненным.

К декабрю 1941 года оно превратилось в почти откровенно враждебное… Ответственные работники КПК просто перестали с ними встречаться. Мао под предлогом занятости ни разу не принял никого из советских журналистов, а Кан Шэн установил слежку за ними»[7], — писал П. Владимиров. Наибольшее раздражение у маоистов вызвало то, что СССР не мог оказать тогда достаточной военной помощи китайской Красной армии, поскольку такая акция могла бы быть легко использована японскими агрессорами как повод для развязывания военных действий на Дальнем Востоке против Советского Союза.

Казалось, было очевидным, что судьбы народов всего мира, судьба всей войны в решающей степени зависели от хода тяжелой борьбы СССР против немецко-фашистских войск. От этого же зависело и будущее революционного движения в других странах, мирового коммунистического движения, в том числе и перспективы китайской революции. Казалось, было очевидным, что китайская Компартия и ее малочисленная Красная армия не смогут устоять против гоминьдана, поддерживаемого мировым империализмом, если КПК не будет чувствовать за своей спиной великую и могучую опору в лице СССР.

Между тем невозможность для СССР оказать в тот момент широкую помощь оружием китайской Красной армии вызвала такой взрыв националистических чувств у маоистского руководства, перед которым не устояли элементарные здравые соображения о зависимости исхода китайской революции от великой борьбы советского народа против фашизма.

Чрезвычайно показательно, что китайская Красная армия воздерживалась от каких-либо активных действий в борьбе против японской армии как раз в самый трудный для советского народа период боев с немецко-фашистскими армиями. Китайские руководители мечтали в ту пору только об одном — отсидеться в Яньани, накопить силы, чтобы в подходящий момент начать наступление против гоминьдановских войск. Их внимание, как и в период господства лилисаневской линии, было сосредоточено исключительно на внутренних проблемах, хотя для всякого политического мыслителя, не погрязшего в провинциализме, абсолютно очевидной была взаимосвязь задач китайской революции с общим делом борьбы против международного фашизма и империализма, с задачей единения всех сил антифашистского фронта.

Не менее характерен для Мао и крутой поворот в отношении Советского Союза в конце Отечественной войны, когда победа над гитлеровской Германией стала несомненной и близкой. Советские представители в Особом районе Китая неожиданно

превратились в самых близких друзей. Им адресовались улыбки, перед ними распахивались двери, с ними заигрывали, через них искали укрепления контактов с КПСС и СССР.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что Мао до последних минут войны не был уверен в необходимости крепить союз с СССР и пытался найти нового покровителя в лице правящих кругов США. Так что «маятник» продолжал раскачиваться.

Установление сотрудничества с гоминьданом на какой-то период внушило Мао надежды на возможность изменения позиции официальных кругов США к КПК. Он стал активно искать сближения с американцами. Он писал в ту пору: «Работа, которую выполняют сейчас коммунисты Китая, во многом сходна с той, которую выполняли в Америке Вашингтон, Джефферсон и Линкольн. Наша работа обязательно вызовет, в сущности уже вызвала, симпатии в демократической Америке»[8].

Но в конечном счете Мао остался ни с чем: правящие круги США предпочли сделать ставку на Чан Кайши, и ему пришлось рассчитывать исключительно на поддержку со стороны СССР. Это также явилось одной из причин резкого поворота в лучшую сторону в отношениях КПК к КПСС и СССР в 1945–1946 годах. Отчасти поэтому Мао Цзэдун не сразу решился открыто заявить о своих претензиях на собственное идеологическое учение. Во вводной части проекта устава КПК, подготовленного в 1940 году для рассмотрения на VII.съезде, говорилось, что КПК руководствуется в своей работе теорией марксизма-ленинизма и решениями Коминтерна. Но уже спустя пять лет в принятом на VII съезде КПК уставе партии в кратком вводном разделе (под названием «Основные положения программы») было записано, что Коммунистическая партия во всей своей работе руководствуется идеями, представляющими соединение теории марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, — идеями Мао Цзэдуна. Эти «идеи» определялись в докладе о новом уставе партии, с которым выступил на съезде Лю Шаоци, как «китайский коммунизм», «китайский марксизм», как «превосходный образец национального марксизма».

Что же представляла собой «китаизация марксизма», или «национальный марксизм», а точнее, «идеи Мао Цзэдуна», в тот период?

На протяжении яньаиьского периода (1937–1947 гг.) Мао Цзэдун уделяет большое внимание теоретической работе. Эти годы, пожалуй, можно отнести к одним из наиболее плодотворных в его становлении как идеолога КПК.

Среди наиболее значительных работ, написанных Мао в этот

период, следует назвать следующие: «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.), «Относительно практики» (1937 г.), «Относительно противоречия» (1937 г.), «О затяжной войне» (май 1938 г.), «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (декабрь 1939 г.), «О новой демократии» (январь 1940.г.), «Перестроим нашу учебу» (май 1941 г.), «За правильный стиль в работе партии» (февраль 1942 г.), «Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани» (май 1942 г.), «Наша учеба и текущий момент» (апрель 1944 г.), «О коалиционном правительстве» (май 1945 г.) и др. Всего за период пребывания в Яньани Мао написал более двух третей из числа работ, вошедших в т. 1–3 «Избранных произведений» на китайском языке и в т. 2–4 на русском языке.

В яньаньский период Мао Цзэдун явно ставит цель осуществить на деле то, что он прокламировал прежде, а именно «китаизацию марксизма».

Что же это означало?

Это означало, во-первых, тщательный отбор тех проблем в марксизме-ленинизме, которые Мао достаточно субъективно относил к существенным и важным для Китая; во-вторых, более чем своеобразную интерпретацию марксистских выводов по этим проблемам с проекцией на китайскую практику; в-третьих, разработку специфических вопросов стратегии и тактики КПК, в особенности в области партийного строительства, военного дела, управления государством, соотношения национально-освободительных, демократических и социалистических задач китайской революции, и др.; в-четвертых, скрытую ревизию идей марксизма-ленинизма (об исторической миссии рабочего класса, о диктатуре пролетариата, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и др.). И наконец, в-пятых, все работы этого периода явно имеют целью приукрасить деятельность самого Мао и «выпрямить» весьма зигзагообразную линию его политического поведения.

Изучение этих работ Мао Цзэдуна легло в основу системы партийной учебы кадров на всех уровнях, что должно было, по замыслу Мао, обеспечить идеологическое единство партии, теперь уже не на базе марксизма-ленинизма, а на базе маоизма.

Иногда говорят: «Китай — это море, которое делает солеными все впадающие в него реки». Издавна считалось, что все религиозные и другие идеологические учения, попав на китайскую почву, поглощались ею и обретали новую форму. Лозунг «китаизации марксизма» или придания ему национальной китайской формы шел в русле этой устоявшейся традиции.

На работах по философским проблемам Мао Цзэдуна,

написанных в яньаньскии период, пожалуй, не стоит особо останавливаться. Как справедливо считают специалисты (и советские, и зарубежные), эти работы не носят печати сколь-нибудь самостоятельной мысли. Они являются более или менее добросовестным изложением марксистских положений, почерпнутых, впрочем, не из самого источника, не из работ К. Маркса и В. И. Ленина, а из вторых рук — из брошюр и статей популяризаторов марксизма. Подсчитано, что в философских работах, включенных в «Избранные произведения» Мао, 80–90% текста, излагающего основы марксистской диалектики, списано более или менее дословно с переводов работ советских авторов. Надо, кроме того, иметь в виду, что большинство работ этого периода, включенных в т. 1–3 «Избранных произведений» Мао Цзэдуна, представляло собой записи устных выступлений Мао. Они затем тщательно «причесывались» Чэнь Бода, а потом снова основательно редактировались при подготовке «Избранных произведений» на китайском и русском языках.

Говоря о работах, которые (если использовать приводившиеся подсчеты) на 10–20% излагали собственно маоистские идеи, нужно остановиться прежде всего на проблеме роли крестьянства в китайской революции. Как известно, сам Мао, а вслед за ним и все его зарубежные «популяризаторы» видят главную его заслугу в теоретической разработке именно этой проблемы.

Новый ли это вопрос для марксизма? Всякий, кто знаком с историей научного коммунизма, прекрасно знает, что это не новый вопрос.

Ф. Энгельс еще в прошлом веке тонко заметил, что пролетарская революция станет успешной, если она будет дополнена новым изданием о крестьянской войне. В. И. Ленин развил эту идею. С той поры тезис о союзе рабочего класса и крестьянства в революции при сохранении руководства рабочего класса считается азбучной истиной научного коммунизма.

Коминтерн разработал эту идею применительно к слаборазвитым районам мира, где преобладает крестьянское население. II, III и IV конгрессы Коминтерна (1920–1922 гг.) наметили обширную программу вовлечения крестьян в революцию под руководством более передовых пролетарских сил.

А что же Мао? Читатель помнит, что на первом этапе своей политической деятельности (первая половина 20-х гг.) Мао вообще игнорирует эту проблему. Но затем, особенно после поездки по провинции Хунань, он становится активным проповедником крестьянской революции. И как это нередко с ним бывало, он впадает в другую крайность: подхватив идею о важной роли крестьянства, которую оно призвано сыграть в

национальном революционно-освободительном движении, он гипертрофирует ее и в конечном счете приходит к отрицанию главного в марксизме — учения об исторической роли рабочего класса.

И дело здесь не только в ценностных ориентациях самого Мао — выходца из крестьянской среды, ревностного поклонника крестьянских восстаний. Дело еще и в теоретически неверном анализе социальной структуры китайского общества.

Если у Мао в пору написания статьи «О классах китайского общества» еще не сложились представления об особой роли крестьянства в китайской революции, то в докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань Мао сделал особый упор на роль крестьянства в надвигавшейся революции. Он пишет, что подъем крестьянского движения приобретает величайшее значение. Он предсказывает, что пройдет очень немного времени и во всех провинциях Центрального, Южного и Северного Китая поднимутся сотни миллионов крестьян. Они будут стремительны и неодолимы как ураган, и никакой силе их не сдержать. Они разорвут все связывающие их путы и устремятся к освобождению. «Они проверят все революционные партии и группы, всех революционеров, с тем чтобы либо принять, либо отвергнуть их»[9].

Здесь Мао прав и неправ одновременно. Он прав, когда утверждает, что коммунистам Китая следует обратить особое внимание на крестьянское движение. Но он неправ, говоря, что именно крестьянское движение станет пробным камнем для всех революционных партий и групп. В действительности такой пробный камень — отношение к рабочему движению. Крестьянские движения нередко поддерживали не только коммунисты, но и революционные демократы, и даже представители национальной буржуазии (например, левое крыло гоминьдана в период существования единого фронта с КПК). И напротив, только коммунисты занимали последовательную позицию относительно решающей роли пролетарского движения в освободительной революции.

Еще менее прав Мао в суждениях о методах и формах крестьянской революции. Уже в этой работе обнаруживается та апология насилия, которая стала впоследствии лейтмотивом всей идеологии маоизма. Он осуждает тех коммунистов, которые выступают против «крайностей» крестьянской борьбы. Мао с восхищением рассказывает о том, что крестьяне в деревнях действуют довольно-таки «бесцеремонно». Они приходят к помещикам и разваливаются на постелях их дочерей и невесток. Сплошь и рядом они хватают богатых крестьян и помещиков,

надевают на них высокие колпаки и водят по деревням. «…В деревне создается атмосфера террора. Вот это и есть то, что некоторые называют „крайностями“, „перегибами“, „безобразиями“»[10], — замечает Мао. И каков же вывод? Террор не только нормальное явление, он необходим.

«…Революция — это не званый обед, не литературное творчество, не рисование или вышивание… Попросту говоря, в каждой деревне необходим кратковременный период террора. В противном случае будет совершенно невозможно подавить деятельность контрреволюционных элементов в деревне… Чтобы выпрямить, надо перегнуть; не перегнешь — не выпрямишь»[11].

Очень типичные рассуждения! Типичные не только для идеологов крестьянских войн в Китае (например, тайпинов). Они типичны для идеологов мелкобуржуазной революционности вообще, когда крестьянская проблема рассматривается в полном отрыве от проблем рабочего движения. Террор в деревне исторически всегда был выражением слабости крестьянского движения, не руководимого передовыми городскими слоями и классами. Это род мести, — а не конструктивная работа новых сил, имеющих могучую опору в общенациональных завоеваниях.

Перегибы Мао в крестьянском вопросе не раз подвергались критике со стороны руководства КПК. В специальном письме, адресованном Мао Цзэдуну, ЦК КПК указывал, что только пролетарское руководство может обезвредить опасность, присущую крестьянской психологии. В ответ на это Мао в письме в ЦК КПК от 5 апреля 1929 г. писал: «По нашему мнению, ошибочно (если кто-то из членов партии придерживается подобного мнения) бояться того, что усилится власть крестьянства, что она пересилит руководство рабочих и приведет к гибели революции.

Дело в том, что революция в полуколониальном Китае терпит поражение только тогда, когда крестьянская борьба лишена руководства рабочего класса.

Но революция никак не пострадает, если крестьянская борьба разовьется настолько, что крестьяне станут более могущественными, чем рабочие»[12]. Что значит — более могущественными? Практически это значит формирование из крестьян армии, а затем самой партии и органов власти.

В дальнейшем Мао — и в теории, и особенно на практике— усугубил свои ошибочные представления. Так, в его работе «О новой демократии» весьма двусмысленно характеризуется роль рабочего класса в революции. Здесь говорится, что основной силой, решающей судьбы страны, являются пролетариат, крестьянство, интеллигенция и другие слои мелкой буржуазии.

Еще более определенно недооценка роли рабочего класса прозвучала в характеристике новой революционной власти в Китае. Он писал, что названные выше классы неминуемо образуют «костяк государственной организации и организации власти в китайской демократической республике».

Таким образом, пролетариат в данном случае выступает лишь как элемент объединенной диктатуры, делит власть с другими ее участниками. Но кто же из участников этой объединенной диктатуры будет играть главную роль? Мад Цзэдун отвечал: крестьянство. «Политический строй новой демократии есть, по сути дела, предоставление крестьянству власти. Новые, подлинные три народных принципа[13] — это, по сути дела, принципы крестьянской революции… Сила крестьянства — это основная сила китайской революции»[14].

Конечно, в работах Мао можно найти заявления, что без руководства пролетариата китайская революция победить не может. Так он писал, например, в 1939 году. Но это была формальная отписка. Не случайно здесь же Мао на все лады восхваляет роль крестьянства. Он утверждает, в частности, что «крестьянские восстания и крестьянские войны были единственной движущей силой в исторической эволюции Китая». Почему же единственной? А революционная борьба в городах, а рабочее движение в новейшее время?

Повторяем, в такой стране, как Китай, крестьянство, бесспорно, должно сыграть (и играет) огромную роль в революции и в социалистическом строительстве. Но именно поэтому для Китая особенно важно вести борьбу против мелкобуржуазной стихии, привносить пролетарское сознание в массы крестьянства.

Победа народной революции в Китае завершила гражданскую войну 1946–1949 годов и привела к образованию Китайской Народной Республики. Эта революция явилась крупнейшим мировым историческим событием после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Она завершила длительную борьбу китайских трудящихся, руководимых коммунистами, против власти помещиков и милитаристов и гнета иностранного-империализма, за национальное и социальное освобождение. Она открыла величественные перспективы перед самим китайским народом и дала мощный толчок развитию революционного движения на азиатском континенте и за его пределами.

Нам нет необходимости подробно излагать историю революционной гражданской войны в Китае. Остановимся лишь на нескольких обстоятельствах, имевших решающее, на наш

взгляд, значение для победы народной революции 1949 года.

Прежде всего — о международной обстановке, которая сложилась после второй мировой войны в результате разгрома гитлеровской Германии и японских агрессоров. Вступив 9 августа 1945 г. в войну против империалистической Японии, СССР в трудных боях полностью разгромил к сентябрю Квантунскую армию — основную силу японских агрессоров на азиатском континенте. Маньчжурия и другие районы китайской территории были освобождены от 14-летнего господства Японии. При активном содействии советских частей 8-я Национально-революционная армия и Новая 4-я армия, руководимые коммунистами, освободили от японской оккупации весь Северный Китай и часть Центрального Китая. Общая площадь освобожденных районов составила в 1945 году 950 тыс. *кв. км* с населением около 100 млн. Яньань по-прежнему оставалась центром всех этих районов. Здесь находились ЦК КПК и высшие органы власти освобожденных районов.

Борьба против японской агрессии, в которой китайские коммунисты опирались на могущество и политическую поддержку Советского Союза, создала благоприятную обстановку для укрепления и роста руководимых ими вооруженных сил: в 1937 году 8-я и Новая 4-я армии насчитывали около 60 тыс. бойцов, в 1945 году вместе с частями народных армий, действовавших в Южном Китае, они насчитывали уже около 1300 тыс. человек. Кроме того, в народное ополчение и партизанские отряды входило еще около 2700 тыс. человек. Соотношение сил на протяжении гражданской войны стремительно менялось в пользу Народно-освободительной армии. Если к июлю 1946 года, когда началось генеральное наступление гоминьдановских войск против Народно-освободительной армии, гоминьдановцы располагали огромной армией в 4,3 млн. человек, то к июню 1949 года в ней насчитывалось лишь 1,5 млн. К этому времени Народно-освободительная армия уже имела около 4 млн. бойцов и по вооружению не уступала гоминьдановским войскам.

Опираясь на поддержку Советского Союза, Коммунистическая партия Китая завоевывала все больший авторитет среди китайского народа, превращаясь в действительно массовую политическую партию. В 1937 году КПК насчитывала 40 тыс. членов, а к концу войны против японских империалистов ее ряды выросли до 1200 тыс. Коммунисты составляли костяк армейских соединений.

Крепнущее сотрудничество КПК с КПСС, общая борьба против японских агрессоров, неизменная поддержка СССР китайских

коммунистов на переговорах с правительством Чан Кайши, а также с США, Англией и Францией — все это укрепляло позиции интернационалистов в Компартии Китая и ослабляло влияние маоистов.

В свое время Мао Цзэдун сам подчеркивал, что китайская революция не могла бы добиться успеха без всесторонней помощи Советского Союза и в целом рабочего движения западных стран.

«Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа во второй мировой войне, направленной против фашизма, если бы японский империализм не был разгромлен, если бы не появились страны новой демократии, если бы не поднялись на борьбу угнетенные народы Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах Америки, в Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и других капиталистических странах против правящих в этих странах реакционных клик, если бы не было сочетания всех этих, факторов, то нависшие над нашими головами силы международной реакции, конечно, были бы неизвестно во сколько раз больше, чем сейчас. Разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно, нет»[15].

Верно говорил когда-то Мао Цзэдун!

Понимая, что без помощи Советского Союза Народно-освободительная армия не сможет добиться победы над. гоминьданом, опиравшимся на мощную поддержку США и других империалистических держав, Мао Цзэдун на время отложил в сторону свои разногласия с КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями.

После победы революции в Китае Советский Союз первым признал Китайскую Народную Республику. 2 октября 1949 г. он установил дипломатические отношения с КНР. 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, соглашения о Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем. Советский Союз предоставил правительству КНР долгосрочный экономический кредит. Между двумя странами установились отношения дружбы и сотрудничества.

Все это положительно сказалось и в годы гражданской войны и народной революции, и в первые годы преобразований в КНР.

Часть вторая

Комплекс страха и величия

1 октября 1949 г. Мао Цзэдун от имени китайского народного правительства торжественно сообщил о создании Китайской Народной Республики. На фотографии, запечатлевшей этот момент, можно увидеть Мао и других руководителей на Воротах небесного спокойствия (трибуна площади Тяньаньмэнь) перед огромной толпой людей.

Незадолго до этого, 21 сентября 1949 г., была созвана первая сессия китайской Народной политической консультативной конференции в Бэйпине (Северное спокойствие), который через несколько дней был переименован в Пекин, (по-китайски Бэйцзин — Северная столица), ставшим столицей нового государства. Конференция продолжалась до 30 сентября. На ней была закреплена организация нового государства и избран состав его руководителей. Председателем правительства стал Мао Цзэдун. На заключительном заседании выступил Чжу Дэ. Его речь заканчивалась словами: «Да здравствует Председатель Мао!»

Народу ясно давали понять, что руководитель КПК становится не просто главой нового правительства, а политическим и духовным вождем всего китайского народа.

В момент победы революции Мао Цзэдуну было 56 лет. Его путь к власти был долог и труден. 28 лет прошло с той поры, как он вступил в Компартию.

Вместе с КПК. Мао тоже прошел через испытания революционной борьбы, но прошел, конечно, по-своему. Мао не мог забыть ни тяжелых уроков начала 30-х годов? когда он был выведен из состава партийного руководства, ни жестокой борьбы против Ван Мина, «московской оппозиции», Чжан Готао и других руководителей, которые стояли на его пути к руководству в КПК.

В результате победы народной революции Мао оказался на самой вершине власти в одной из крупнейших стран мира. Он председатель КПК, председатель Центрального народного правительства КНР, председатель Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), председатель Народно-революционного военного совета. Через несколько лет (1954 г.), когда была принята конституция КНР и введен новый пост главы государства, он становится председателем Китайской Народной Республики. Он просто Председатель. Это звание все более прочно закрепляется

лично за Мао Цзэдуном и оседает в сознании масс наподобие титула. Мао сразу же поселился во дворце императоров и тем самым еще раз подкрепил представление о своем особом положении в партии и государстве.

Каким он будет правителем, этот поклонник Лю Бана, Наполеона и Бисмарка?

В истории Китая, как, впрочем, и в истории других стран, редко бывало, чтобы люди, захватившие власть вооруженным путем, отказывались от нее в пользу других лиц, более способных руководить государством. Еще реже бывало, чтобы они сумели удержаться от соблазна накинуть на свои плечи тогу диктатора. Буржуазная революция в Англии в XVII веке привела к власти лорда-протектора Кромвеля. Великая французская революция XVIII века закончилась термидорианским переворотом Наполеона.

Крестьянские вооруженные восстания в Китае были связаны с традициями имперской формы власти еще более тесно. Уместно напомнить некоторые примеры прошлого, ибо, как говаривал еще А. С. Пушкин, традиции — душа держав.

В XIV веке в Китае вспыхнуло массовое вооруженное восстание крестьян, направленное против господства монголов. Крестьянский сын Чжу Юаньчжан возглавил борьбу против завоевателей. Но, обосновавшись впоследствии в Нанкине, он стал императором и основал династию Мин. В XVII веке сын шэньсийского земледельца Ли Цзычэн возглавил крестьянское войско в борьбе против минских императоров, крупных феодалов, чиновников, ростовщиков и помещиков. Восставшим удалось на короткое время завладеть Пекином. Одним из первых актов Ли Цзычэна было совершение обряда коронования на трон императора Поднебесной.

В середине XIX века в Китае произошло знаменитое Тайпинское восстание, которое вылилось в крупнейшую в истории Китая крестьянскую войну. Во главе движения стал выходец из крестьянской семьи Хун Сюцюань. Он выступил с проповедью идеи всеобщего равенства и братства и провозгласил лозунг создания «Небесного государства великого благоденствия» («Тайпин тяньго»). Четырнадцать лет тайпины мужественно боролись с иностранными поработителями и затем основали Тайпинское государство со столицей в Нанкине. В принятой тайпинами «Земельной системе Небесной династии» была провозглашена политика уравнительного землепользования, носившая антифеодальный характер. Уничтожив на подвластной им территории маньчжурскую власть, осуществив ряд демократических преобразований, в том числе широкую

выборность должностных лиц, тайпины все же не сумели отказаться от монархического устройства государственной власти. Уже в самом начале восстания Хун Сюцюань принял титул «Небесного князя».

Разумеется, перед глазами Мао Цзэдуна и его приверженцев были не только эти примеры из отечественной истории. Социалистическая революция, победившая в России, дала первый образец организации новой власти, руководимой партией коммунистов. При Ленине были выработаны важнейшие принципы коллективного руководства партией и государством, основанные на демократии и централизме.

Опыт КПСС в строительстве первого в мире социалистического государства также не мог не оказывать большого влияния на китайских коммунистов, на руководителей КПК, в том числе на Мао Цзэдуна. Но при всей ценности международного опыта им предстояло найти свои собственные решения проблем управления многомиллионной страной, едва ли не впервые полностью централизованной.

Как организовать новую власть? Какими методами руководить партией и государством? Какой должна быть роль председателя КПК в новых условиях?

То были вопросы, на которые еще предстояло дать ответ.

Особенно острой была проблема преодоления экономической отсталости— поиска форм, методов, темпов решения этой исторической задачи. В конечном счете поиск пути экономического развития составил предмет основных споров и разногласий внутри КПК, стал отправной точкой размежевания двух линий — националистов и интернационалистов, а позднее — «леваков» и реалистически настроенных политиков. Это наглядно выявилось уже к середине 50-х годов.

Вряд ли необходимо подробно говорить о том, какие колоссальные трудности подстерегали коммунистов и весь китайский народ на пути модернизации экономики и строительства социализма. Унаследованный от гоминьдановцев Китай был страной отсталой, полуколониальной. Накануне революции в деревнях проживало примерно 90% населения, 10% которого составляли помещики и зажиточные крестьяне. Очень отсталой выглядела и социальная структура города: более половины городского населения составляли чернорабочие (кули), тогда-как на долю промышленных рабочих приходилось менее 20% общей численности рабочих.

В сельском хозяйстве господствовали феодальные и полуфеодальные отношения. Почти 3/4 всей обрабатываемой земли принадлежало помещикам и зажиточным крестьянам.

Большую часть своей земли они сдавали на кабальных условиях в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Примерно 70% крестьян были бедняками (почти все они являлись арендаторами и полуарендаторами) и лишь около 20% — середняками.

Решение аграрной проблемы и проведение индустриализации, естественно, выдвинулись как коренные задачи, как самые необходимые предпосылки социального переустройства общества. КПК. в ту пору выработала в целом эффективную политику, основанную на изучении конкретных условий Китая, на творческом использовании советского опыта. Мао Цзэдун хотя и не оспаривал открыто этой линии, все же особенно подчеркивал задачи национального возрождения Китая.

«Мы намерены осуществить великое национальное (!) строительство. Работа, которую нам предстоит сделать, трудна, и наш опыт недостаточен. Поэтому мы должны упорно учиться передовому опыту Советского Союза… Чтобы построить нашу страну, мы должны довести изучение Советского Союза до общенациональных масштабов»[1].

В конце 1949 года Мао впервые приехал в Советский Союз. Впоследствии он неоднократно в своих выступлениях на партийных совещаниях в КПК (например, на совещании секретарей провинциальных и городских комитетов партии в январе 1957 г.) с раздражением вспоминал об этой поездке. Быть может, ему казалось, что он был унижем самим фактом приезда в другую страну, в то время как китайская традиция требовала, чтобы представители других государств приезжали в Поднебесную.

Но во время пребывания в Москве он высказывался в противоположном духе. Он выразил глубокое удовлетворение в связи с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и Китаем, состоявшимся в феврале 1950 года. Уезжая из Москвы 17 февраля 1950 г., Мао сделал заявление, в котором говорилось, что дружба между Китаем и Советским Союзом «вечна и нерушима». Посетив промышленные предприятия, он сказал, что экономические и культурные достижения Советского Союза будут служить примером для строительства нового Китая.

Первые усилия новой власти были направлены на преодоление последствий полуколониального, полуфеодального развития экономики. Иностранные монополии были лишены каких бы то ни было прав и привилегий. Все предприятия, которые находились в руках или под контролем феодалов и компрадорской буржуазии, были конфискованы и переданы

государству.

Одним из крупнейших социальных преобразований новой власти была аграрная реформа, которая была в основном завершена к весне 1953 года. За два с половиной года реформа охватила 450 млн. человек. О ее результатах может дать представление тот факт, что около 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян получили 47 млн. *га* обрабатываемой земли, которая принадлежала прежде помещикам. Это был поистине выдающийся успех антифеодальной революции в Китае.

Первые послереволюционные годы можно назвать наиболее интересным и даже поучительным для других развивающихся стран периодом развития Китая. За короткий срок были достигнуты внушительные успехи. Уже к 1952 году продукция сельского хозяйства выросла примерно на 50%. Общая стоимость промышленной продукции более чем удвоилась. Были восстановлены старые и созданы новые ирригационные сооружения, что имеет огромное значение для сельского хозяйства Китая, поскольку четвертая часть посевных площадей обслуживается оросительными системами. Начало развертываться движение за кооперирование сельского хозяйства.

Принятый после завершения восстановительного периода первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР (1953–1957 гг.) был выполнен успешно, а по многим показателям даже перевыполнен. К концу пятилетки, в 1957 году, Китай по объему производства стали вышел на 9-е место в мире, чугуна — на 7-е, угля — на 5-е, электроэнергии — на 13-е место.

В период первой пятилетки было в основном завершено преобразование частнокапиталистической и кустарно-ремесленной промышленности. По данным китайской печати, удельный вес государственного сектора в валовой продукции в 1956 году составил 54,6%, кооперативного — 17,1, государственно-капиталистического — 27,1, частнокапиталистического — 0,004, мелкотоварного (некооперированные кустари) — 1,2%[2]. С Помощью СССР было построено 250 крупных объектов с новым оборудованием. Построенные при помощи социалистических стран промышленные предприятия создавали основу современной промышленной системы в КНР.

В политической области в общем проводилась линия, которая отражала известное укрепление позиций интернационалистов в руководстве КПК. Идея демократической диктатуры народа нашла свое воплощение в специфических формах государственной власти. Она учитывала своеобразие условий китайской революции и задачи укрепления союза всех

прогрессивных сил, входивших в единый фронт.

В новое коалиционное правительство, созданное в 1949 году, вошли представители восьми партий и группировок, а также «независимые личности с демократическими убеждениями». У Мао как у председателя Центрального народного правительства было несколько заместителей, в том числе Сун Цинлин — вдова Сунь Ятсена. В те годы он уделял большое внимание внешнеполитической деятельности. Биографы Мао подсчитали, что с момента организации КНР — с 1949 года — до ухода с поста председателя КНР в 1959 году Мао дал около 70 формальных аудиенций дипломатам высокого ранга при вручении верительных грамот.

Опыт проведения аграрной реформы, опыт восстановления экономики при использовании национального капитала и поощрения развития мелкотоварного хозяйства, опыт создания широкого союза демократических свобод руководством КПК, накопленный в первые годы существования КНР, имел и сохраняет сейчас международное значение. Если бы Китай развивал успехи демократической революции, продвигаясь постепенно по пути социалистического строительства, он, несомненно, достиг бы новых рубежей и в развитии экономики, и в социалистических преобразованиях страны.

Однако этого не произошло. Чем ближе подходил Китай к задачам социалистического характера, тем. больше стали сказываться на его развитии негативные политические факторы.

Уже в первые годы существования КНР мировую прогрессивную общественность не могли не насторожить некоторые методы проведения реформ. Речь идет о двух взаимосвязанных формах политического давления, которые применялись еще в Яньани: идеологических. кампаниях типа «чжэнфын» и сопровождающих эти кампании массовых репрессиях. Эти методы получили распространение уже в период аграрной реформы, и особенно в период первой пятилетки.

Крупная волна репрессий началась с 1951 года, когда по предложению Мао было принято «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность» (20 мая 1951 г.). Этот закон предусматривал в числе прочих видов наказания смертную казнь или длительное тюремное заключение за разного рода политические и идеологические преступления.

В 1951 году в больших городах Китая проводились открытые показательные суды, на которых после публичного объявления преступлений «опасные контрреволюционеры» приговаривались к смерти. В одном только Пекине в течение нескольких месяцев состоялось около 30 тыс. митингов; на них в общей сложности

присутствовало более 3 млн. человек. Длинные списки казненных «контрреволюционеров» постоянно появлялись в газетах.

Что касается количества жертв, то в октябре 1951 года было — официально указано, что за 6 месяцев этого года было рассмотрено 800 тыс. дел «контрреволюционеров». Позднее Чжоу Эньлай сообщил, что 16,8% «контрреволюционеров», находившихся под судом, были приговорены к смертной казни. По оценкам западной печати, число казненных в 1951 году колеблется от 1–3 млн. до 10–15 млн. человек.

Развертывание КПК массовых идейно-политических кампаний в 1951–1952 годах было в целом продиктовано объективной необходимостью сломить сопротивление со стороны буржуазии, феодальных и полуфеодальных элементов, выступавших против народно-демократического строя.

Но одновременно с этим проводились кампании против прогрессивно настроенной интеллигенции и партийных кадров, не согласных с идеологией и практикой Мао. Осенью 1951 года по его инициативе началось движение за идеологическое перевоспитание интеллигенции. Движение началось с проработочной кампании, связанной с дискуссией о фильме «Жизнь У Сюня». В ходе кампании многие представители интеллигенции были обвинены в распространении буржуазных взглядов.

Движение за идеологическое перевоспитание проводилось главным образом среди вузовской интеллигенции. В высших учебных заведениях были созданы специальные комитеты, под руководством которых профессора и преподаватели изучали произведения Мао и историю КПК в ее маоистской интерпретации. Эта первая кампания такого рода включала излюбленные методы маоистского руководства: принуждение «перевоспитываемых» к «высказываниям начистоту» с публичным самобичеванием, с обвинениями в различных прегрешениях своих друзей, товарищей, родственников и пр.

Конечно, многие из специфических моментов этих кампаний, вероятно, можно объяснить жестокостью нравов, сложившихся в старом Китае. Зверства гоминьдановцев в годы гражданской войны не поддаются описанию; пытки коммунистов, издевательства над мирными крестьянами, массовые убийства были обычным явлением. Но должны ли коммунисты следовать этим традициям? — вот в чем вопрос. Не входит ли жестокость в обычай нового государства, когда оно становится на путь мести за прошлые преступления или проступки бывших господ?

У Мао Цзэдуна есть чрезвычайно любопытное высказывание на этот счет: «Когда китайцы говорят про смерть человека, то

называют это „белой радостью“. С одной стороны, похороны, погребение, поминовение усопшего, все скорбят. А с другой стороны, смерть называют „радостью“, благостным событием. И это соответствует диалектике. По-моему, это действительно радостное торжество… Неодобрительно относиться к смерти — значит быть не диалектиком, а метафизиком…»

По-видимому, именно с таким пониманием смерти врага как события радостного, торжественного, праздничного и связаны публичные расправы, которые так часто практикуются в Китае. Расчет, видимо, делается не только на устранение потенциальных противников, но и на создание атмосферы всеобщего торжества толпы по случаю публичной казни врага революции. Уже с 50-х годов масса становится активным соучастником избиений— вначале людей, действительно виновных, а позднее — невинных. Этот метод входит как важный составной элемент маоцзэдуновской «линии масс», а точнее было бы сказать, линии манипулирования массами.

Каков должен быть воспитательный и нравственный результат публичных судилищ? Судилищ, где нет места нормальному разбирательству дела, объективной оценке степени вины, разумному выбору адекватного наказания? Судилищ, где все решается либо усмотрением организаторов, либо спонтанным настроением толпы? «Белая радость»? Идейная консолидация? Трудно ответить на этот вопрос, поскольку мы имеем дело с психологическим феноменом, основанным на особой национальной традиции. Но одно несомненно — жестокость и произвол становятся нормой массового сознания. Среди населения распространяются, как поветрие, озлобление и страх.

Проспер Мериме, который был не только одним из лучших писателей XIX века, но и крупным исследователем социальной психологии, высказал интересное мнение относительно нравственной оценки Варфоломеевской ночи. Он говорил, что суждение об одном и том же поступке должно изменяться соответственно времени и стране. Варфоломеевская ночь была, по его мнению, большим преступлением даже для своего времени, но «массовое избиение в XVI веке совсем не такое же преступление, как избиение в XIX веке»[3].

Но даже и при таком подходе невозможно примириться с варварской практикой публичных покаяний, которые начались еще в Яньани, затем получили широкое распространение в 1951 году, а впоследствии, и особенно в период «культурной революции», стали чуть ли не обыденным явлением в жизни китайского общества. Ведь дело происходит не в XVI, а во второй половине XX века и его организаторы — это люди, претендующие

на создание самой гуманной цивилизации — коммунизма!

В полном соответствии со стереотипом механизма «чжэнфына» в 1954 году начались новые гонения на интеллигенцию. По указанию Мао началась кампания против «контрреволюционной группы» Ху Фэна. Ху Фэну — литературному критику, многие годы участвовавшему в движении революционных писателей, а после 1949 года вошедшему в состав руководства Всекитайской ассоциации работников культуры и искусства, — было инкриминировано выступление против принципа партийного руководства литературой и искусством, изложенного в яньаньских выступлениях Мао.

Исход кампании «критики» для Ху Фэна был предрешен: по обвинению в «контрреволюционной деятельности» он был арестован и осужден.

Почти одновременно был дан ход так называемому «делу Гао Гана — Жао Шуши»[4]. Обсуждение этого «дела» происходило на Всекитайской конференции КПК, состоявшейся в марте 1955 года, на которой помимо 62 членов и кандидатов в члены ЦК КПК присутствовали также 257 партийных руководителей более низкого уровня. Как сообщалось в «Резолюции об антипартийном блоке Гао Гана — Жао Шуши», принятой этой конференцией, еще в феврале 1954 года 4-й пленум ЦК «сделал участникам этой антипартийной группировки серьезное предупреждение, однако, — гневно обличала резолюция, — Гао Ган не только не признал своей вины перед партией, а, наоборот, покончил жизнь самоубийством».

Гао Ган и Жао Шуши были обвинены в «проведении конспиративной деятельности, имеющей целью захват руководства революцией и государством», в выступлении против руководящих членов ЦК. Отмечалось, что Гао Ган будто бы добивался постов «Генерального секретаря или заместителя председателя ЦК партии и премьера Государственного совета».

Но дело было совсем не в этом. Преследование Гао Гана, одного из ведущих лидеров КПК, известного своей твердой интернационалистской позицией, было очевидным проявлением борьбы двух линий в партии, симптомом разногласий внутри руководства КПК, которые касались широкого круга проблем. Не исключено, что Гао Ган настаивал на более последовательном использовании советского опыта управления экономикой, как это делалось в руководимом им Северо-Восточном Китае. Не исключено также, что «дело» Гао Гана, по расчетам Мао, должно было послужить предостережением в отношении других интернационалистов в Коммунистической партии Китая.

На партийной конференции в марте 1955 года Гао и Жао были уже названы лидерами антипартийной группировки, а в принятом обращении содержался призыв к созданию центральных и местных контрольных комиссий с целью не допустить повторения подобных случаев.

Об остроте борьбы, развернувшейся внутри партии, можно судить по противоречивой позиции, которую заняло руководство КПК после устранения Гао Гана и Жао Шуши и их сторонников. Одна тенденция проявилась в усилении контроля сверху над всеми партийными организациями путем создания центральных и местных контрольных комиссий с целью усиления централизма.

Но в решениях той же мартовской конференции содержится и другая установка, направленная против стремлений «к личной диктатуре и фракционизму, которые подрывают принцип коллективного руководства», «против подавления внутрипартийной демократии и критики» и «за борьбу против тщеславия, самодовольства и тенденции к культу личности»[5].

Как позднее стало известно, в выступлениях на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК седьмого созыва (октябрь 1955 г.) Мао Цзэдун резко обрушился на тех, кто выступал за ослабление политики репрессий.

«Некоторые говорят, что у нас совсем нет совести, — сказал Мао, — мы же говорим, что у марксистов в отношении буржуазии не много совести; это как раз тот случай, когда лучше иметь поменьше совести. Некоторые наши товарищи слишком гуманны».

Затронув специально вопрос о методах идеологической борьбы, Мао выдвинул тезис, который сыграл такую большую роль в период «культурной революции». Он заявил, что все те, кто допускает серьезные идеологические ошибки, фактически являются врагами революции. Так подготовлялось идеологическое «ложе», в которое затем легко можно было поместить любого противника «идей Мао». Врагу «идей Мао», какой бы пост он ни занимал, была уготована одна судьба: это было. уже тогда продемонстрировано на примере Гао Гана и Жао Шуши.

В сентябре 1956 года состоялся VIII съезд КПК, явившийся крупным событием в жизни китайского народа. Съезд прошел в сложной обстановке. С одной стороны, несомненно имелись немалые достижения в экономической и социальной жизни страны. С другой стороны, подспудно накапливались ошибки, трудные и нерешенные проблемы, особенно в идеологической работе партии, в ее политике в отношении интеллигенции, а также в вопросах внутрипартийной жизни. Несмотря на это, съезд

принял глубокие и в общем правильные решения.

Как отмечали на съезде многие китайские руководители, он проходил под благотворным влиянием XX съезда КПСС. В решениях VIII съезда указывалось на необходимость неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности. Особо подчеркивалось огромное значение политической поддержки и экономической помощи для Китая со стороны Советского Союза. «Без великой интернациональной солидарности пролетариата всех стран, без поддержки международных революционных сил победа социализма в Китае невозможна»[6], — отмечал съезд.

В решениях съезда говорилось, что Китаю для построения социализма необходимо осуществлять социалистическую индустриализацию и развивать прежде всего тяжелую промышленность.

Особенностью переходного периода в Китае признавалось то, что в этой стране союзником рабочего класса являются не только крестьяне и городская мелкая буржуазия, но и национальная буржуазия. Считалось, что нужно использовать метод мирного преобразования и перевода на рельсы социалистического хозяйствования капиталистической промышленности и торговли. Съезд определил, что переходный период неизбежно должен будет занять довольно длительное время — примерно три пятилетки или (как говорилось на съезде) даже немногим больше.

Сейчас, когда перечитываешь политический отчет ЦК КПК VIII съезду, с которым выступил Лю Шаоци, когда рассматриваешь этот документ в свете последующих событий, поневоле обращаешь внимание на целый ряд моментов, которые, несомненно, отражали наличие острой борьбы внутри руководства КПК по важнейшим проблемам социалистического строительства и внутрипартийной жизни.

Уже во вводной части отчетного доклада содержится предостережение против ошибок «правого» и «левого» уклона. Здесь прямо говорится, что подобного рода ошибки допускались на протяжении последних лет. «Правый» уклон заключался, по мнению Лю Шаоци, в удовлетворенности достигнутыми успехами буржуазно-демократической революции, в требовании приостановить революцию, в отказе признать необходимость ее перерастания в социалистическую, в нежелании проводить политику ограничения капитализма в городе и деревне. Что касается отклонений от генеральной линии «влево», то они заключались главным образом в требовании построить социализм «в одно прекрасное утро», ликвидировать национальную буржуазию методом экспроприации или же привести

капиталистическую промышленность и торговлю к экономическому краху путем быстрого вытеснения, в отказе признать, что переход к социализму нужно осуществлять, двигаясь вперед постепенно, в неверии в возможность достичь целей социалистической революции мирным путем. В докладе осуждались оба уклона, но особенно часто докладчик возвращался по ходу изложения конкретных вопросов к критике «левого» уклона.

В докладе отмечалось, что со второй половины 1955 года Центральный Комитет и Мао Цзэдун «покончили с правыми консервативными взглядами в партии», которые сковывали активность крестьянства в кооперировании. Вслед за этим кооперативы низшего типа в массовом порядке стали преобразовываться в социалистические кооперативы высшего типа, способные еще более эффективно организовать производство.

На этих словах стоит остановиться. Действительно, в 1954–1955 годах произошли показательные события. В то время когда высшие партийные и государственные органы отрабатывали окончательный вариант первого пятилетнего плана, Мао Цзэдун попытался навязать свою собственную политику в области экономики и социальных преобразований. Однако на первых порах он столкнулся с сопротивлением внутри руководства КПК.

Об этом можно судить по косвенным свидетельствам. На 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в июне 1955 года выступил председатель Государственного планового комитета Ли Фучунь (объявленный впоследствии сторонником «экономизма»). Он предложил осуществить к концу 1957 года кооперирование лишь 1/3 крестьян. Это предложение было официально одобрено и включено в решение 2-й сессии ВСНП от 30 июля того же года.

Однако уже на следующий день, 31 июля, на созванном совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов КПК Мао Цзэдун выступил с резкими обвинениями по адресу тех, кто якобы тормозил социалистические преобразования в городе и деревне. В речи на совещании он говорил: «Новый подъем массового социалистического движения очевиден. Но некоторые наши товарищи ковыляют, подобно старой женщине с перевязанными ногами, постоянно жалуясь, что другие спешат», Мао подверг критике мнение партийных работников, настаивавших на том, чтобы не форсировать темпы коллективизации, а сосредоточить внимание на укреплении существующих кооперативов. Он назвал правыми уклонистами тех, которые «думают, что настоящее положение в кооперативном

движении критическое», а также тех, кто полагал, будто «несколько сотен тысяч уже созданных мелких полусоциалистических производственных кооперативов выше практических возможностей». «ЦК, — утверждал Мао, — решил увеличить число кооперативов до 50%. Я считаю, что это очень небольшой рост…» Тут же он потребовал увеличить число кооперативов до 100% и обратился с этим призывом к местным секретарям КПК.

Это было воспринято, разумеется, как указание, и кооперирование пошло полным ходом. Если в июле 1955 года в кооперативах было 16,9 млн. крестьянских семей (14%), то к июню 1956 года насчитывалось уже более 108 млн. семей (90,4%). Было отброшено намеченное по плану постепенное развитие форм кооперации. Сразу в массовом порядке вводились высшие формы кооперирования. 75 млн. семей попали к этому времени в кооперативы высшего типа и только 35 млн. — в кооперативы низшего типа.

Обращает на себя внимание и такой факт. Китайская печать не публиковала июльский доклад Мао до середины октября 1955 года. Затем был созван расширенный пленум ЦК КПК (с 4 по 11 октября 1955 г.), который принял «поправку» Мао к пятилетнему плану. Характерно, что число приглашенных дополнительно к участию в работе пленума (388 чел.) было значительно больше количества членов и кандидатов в члены ЦК (163 чел.). Этот факт указывает на существовавшую, по-видимому, скрытую оппозицию предложениям Мао Цзэдуна среди членов ЦК КПК.

Были пересмотрены наметки пятилетнего плана, который предусматривал преобразование 80% частной промышленности и торговли в смешанные государственно-капиталистические предприятия. В ноябре 1955 года орган частных предпринимателей — Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев призвала к немедленной и добровольной социализации. Это значительно ускорило темпы обобществления промышленности.

Многих поражало и то, как быстро было проведено сплошное кооперирование более чем 600-миллионного крестьянского населения Китая. Каковы же были его реальные результаты в социальном и экономическом отношениях? — вот что неясно. На этот вопрос ответить нелегко, но характерно, что сам Мао был вынужден еще на октябрьском пленуме ЦК КПК выступить с объяснениями по поводу негативных сторон поспешного кооперирования. «В гибели рабочего скота частично повинны кооперативы, но главная причина не в них, — говорил Мао. — Причинами гибели скота являются трудности в решении зерновой

проблемы, вопросы, связанные с ценами на кожсырье, возрастом скота, засухой и наводнениями.

Весной этого года в деревне, сложилась напряженная обстановка, и некоторые говорили, что это вызвано созданием большого числа кооперативов. Ни в коем случае нельзя так утверждать. Главная причина — шумиха, поднятая помещиками, кулаками и зажиточными крестьянами; даже те из них, кто не испытывал недостатка в зерне, скупали его. Напряженное положение частично было вызвано трудностями решения зерновой проблемы, а частично — ложными представлениями».

Темпы кооперирования сельского хозяйства были, судя по всему, не единственным спорным вопросом в тот период. Другой важной проблемой были темпы и методы осуществления социалистической индустриализации Китая. Хотя Китай начинал индустриализацию с более низкого уровня, чем в свое время СССР, он имел возможность опереться на экономическую помощь СССР и других стран социализма, использовать научно-технические достижения всех государств.

В докладе Чжоу Эньлая на VIII съезде КПК по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства слышались отголоски борьбы, которая вспыхнула вокруг проблемы индустриализации. В частности прозвучало следующее серьезное предостережение: «Ошибочным является и другой взгляд — попытки вести строительство в одиночку, в отрыве от внешнего мира. Нечего и говорить, что для создания в нашей стране целостной промышленной системы в течение длительного периода времени по-прежнему будет нужна помощь Советского Союза и стран народной демократии…» В то же время доклад дает основания полагать, что Чжоу Эньлай все же в большей мере склонялся на сторону Мао в вопросе о темпах экономического строительства; возможно, он исходил из групповых, а не из принципиальных соображений. В этом вопросе он должен был столкнуться с Лю Шаоци, отстаивавшим линию на планомерное и постепенное развитие хозяйства страны.

В результате подспудной борьбы съезд принял довольно реалистическую программу развития народного хозяйства. Был намечен рост валовой продукции промышленности в 1962 году примерно в два раза против 1957 года с преимущественным увеличением темпов роста производства средств производства, а валовой продукции сельского хозяйства — примерно на 35%.

Предметом серьезных разногласий были и вопросы внутрипартийной демократии, а также социалистического демократизма в целом. Это нашло отражение как в основных докладах, так и в выступлениях многих делегатов съезда, а также

в принятых им решениях, в частности в новом уставе КПК. Первое и очевидное — это резкое несоответствие оценок по названным вопросам в выступлениях Мао Цзэдуна, с одной стороны, и Лю Шаоци, Дэн Сяопина и других руководящих деятелей ЦК КПК — с другой.

В своей вступительной речи Мао Цзэдун дал очень сдержанную и, по сути дела, двусмысленную оценку решений XX съезда КПСС. Он даже не упомянул о борьбе с культом личности и его последствиями. Вот те несколько слов, которые были посвящены этому вопросу в его выступлении: «На состоявшемся недавно XX съезде КПСС были также выработаны многие правильные политические установки, подвергнуты осуждению недостатки в партии». Мао явно фиксировал свое особое мнение, хотя вместе с другими членами ЦК КПК поддержал политический отчет, в котором была изложена иная позиция.

Сопоставим эту более чем лаконичную оценку с характеристиками, которые содержатся в выступлениях других китайских руководителей. «Состоявшийся в феврале текущею года XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, — говорил Лю Шаоци, — является важнейшим политическим событием, имеющим мировое значение. Съезд не только разработал грандиозный план шестой пятилетки и целый ряд важнейших политических установок, направленных на дальнейшее развитие дела социализма, и осудил культ личности, который привел внутри партии к серьезным последствиям, но также выдвинул предложения по дальнейшему развитию мирного сосуществования и международного сотрудничества, внес выдающийся вклад в дело разрядки международной напряженности»[7].

В этой связи Лю Шаоци отметил, что и в китайской Компартии происходит борьба между правильными и ошибочными линиями. Лю решительно осудил субъективизм в политике. Он говорил, что это является отражением влияния мелкой буржуазии. Однако субъективистские ошибки имеют, по его мнению, не только социальные, но. и гносеологические корни. «Кто не понимает, что правильным мнением может быть только объективное и всестороннее отражение действительности, и упорно отстаивает в работе свои субъективистские и одностороннее взгляды, тот может допустить большие или малые ошибки, несмотря на его доброжелательные побуждения»[8]. Не правда ли, это предупреждение, если учесть последующие события, выглядит весьма своевременным?

Лю Шаоци подчеркнул, что КПК приходится решать более сложные, чем прежде, вопросы, и призвал к глубокому изучению

марксизма-ленинизма и реальной обстановки в стране. Особенно настойчиво он говорил о принципах коллективного руководства и о расширении внутрипартийной демократии.

Этим вопросам был посвящен, в сущности, и весь доклад Дэн Сяопина. В нем указывалось на то, что «обожествление» личности может привести к серьезным отрицательным последствиям. «Конечно, культ личности как общественное явление, — говорил Дэн Сяопин, — имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления, и по-настоящему укреплять связи руководителей с массами, с тем чтобы во всех областях полностью осуществить линию масс и демократические принципы партии». Можно только подивиться смелости этого призыва!

Тема коллективности руководства, развития внутрипартийной демократии и борьбы с проявлениями культа личности сильно прозвучала и в выступлениях Пэн Дэхуая и Чжу Дэ.

Результатом этой борьбы явилась новая формулировка, внесенная в устав КПК, по вопросу об идеологических основах партии. Напомним, что в уставе, принятом на VII съезде КПК, говорилось, что идейно-теоретической основой партии являются «идеи Мао Цзэдуна». В новом уставе это положение было опущено. В нем сказано, что единственным руководством КПК в строительстве социализма и коммунизма является марксизм-ленинизм. VIII съезд КПК особо подчеркнул необходимость строгого соблюдения периодичности созыва съездов, пленумов ЦК и широкого внедрения системы коллективного руководства партией.

Все это — наглядное свидетельство борьбы различных направлений внутри руководства КПК и очередных маневров Мао Цзэдуна. В период VIII съезда ему пришлось временно отступить от своих планов дальнейшего насаждения режима личной власти. Эта уступка была явно вынужденной и носила тактический характер: Мао не собирался складывать оружие.

Мы подошли к поворотному пункту в биографии Мао и в целом в истории КПК. С 1957 года по инициативе Мао начался резкий пересмотр всей прежней экономической, социальной, культурной и внешней политики Китая. Борьба против «правых» элементов, политика под лозунгом «пусть расцветают все цветы», «большой скачок» и «коммуны», а затем после некоторой передышки «культурная революция» — все это звенья одной цепи, одной линии, которая стала развертываться вскоре после VIII

съезда КПК.

Каковы причины этого поворота? Имел ли он объективную почву? Каковы психологические побуждения Мао как инициатора новой политики?

Выскажем сразу свое мнение. Несомненно, причины были разные, в том числе такие, которые отражали объективные трудности индустриализации и социалистического строительства в чрезвычайно отсталой стране. В самой Компартии Китая к этому времени, в сущности, сложились по меньшей мере две мощные группировки, которые то скрытно, то явно противостояли друг другу. И не по каким-нибудь частным, а по коренным проблемам внутренней и внешней политики.

Одна группа выступала за планомерное строительство социализма с использованием помощи и опыта других социалистических стран. Именно такая линия восторжествовала на VIII съезде КПК. Другая группа — «леваков» и экстремистов — отвергала путь постепенных социальных преобразований. Ставя превыше всего возрождение Китая, понимаемое в националистическом духе, она вынашивала реакционные утопии о «военно-коммунистическом» скачке, об опережении других социалистических стран с помощью политического и идеологического насилия.

Какова была позиция Мао? Его приверженность «левацкой» и националистической идеологии нам уже хорошо известна. Мы еще не раз будем иметь случай познакомиться с ее проявлениями. Именно он (как мы увидим ниже) выступал с подобными установками. Но дело не только в его максимализме, его торопливости и склонности к военным методам, к идеологическим «взбадриваниям» энтузиазма масс.

На наш взгляд, психологические причины коренного пересмотра линии VIII съезда были связаны, с одной стороны, с комплексом страха Мао, с его опасением за собственный личный престиж и влияние в КПК и среди всего народа, а с другой стороны, с синдромом величия — национального и личного.

Мы убеждены, что именно тогда в его сознание глубоко проник страх перед возможностью полного торжества политики «анти-Мао» — либо при его жизни, либо после его кончины. Об этом наглядно свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что Мао чрезвычайно обеспокоили решения и весь ход дискуссии на VIII съезде КПК. И, во-вторых, тот факт, что сразу же после съезда Мао организовал новую крупную кампанию против интеллигенции, очередной этап «чжэнфына» — еще до того, как была намечена новая «генеральная линия», «большой скачок» и «коммунизация».

Кампания против «правых элементов», которая вскоре переросла в скрытую критику «советского ревизионизма», предшествовала пересмотру экономической политики — мы хотим привлечь внимание читателей к этому важному обстоятельству. Именно это свидетельствует о подлинных психологических мотивах поворота, совершенного Мао в 1957–1958 годах.

Не появление новой программы экономического развития («скачок», «коммуны») стимулировало борьбу Мао против «правых», а борьба против «правых» создала условия для торжества экстремистского курса и во внутренней, и во внешней политике. Платой за страх перед «анти-Мао» должна была стать демонстрация величия страны, достигаемого, разумеется, под его руководством, или хотя бы новых величественных целей, выдвигаемых именно им. Подавить противников и одновременно возбудить новую волну поклонения в партии и в народе, адресованного лично Мао как руководителю, который обещал коммунизм не в далеком будущем, а сегодня, завтра, через несколько лет, — таков был его замысел.

В самом деле, почему сразу же после VIII съезда КПК понадобилась столь грандиозная акция, как разгром «правых элементов»? Послесъездовская обстановка не давала никаких поводов для новой идеологической атаки. Тогда в чем дело? Остается предположить только одно: Мао встревожил и сам съезд, и обстановка, которая вкладывалась в партии — складывалась явно не в его пользу. Он понял, что дальнейшее развитие страны в этом направлении будет укреплять позиции интернационалистов, сторонников реалистического курса в КПК.

Особенно его взволновала наметившаяся в КПК тенденция к восстановлению системы коллективного руководства партией, которая нарушалась уже более двух десятилетий (с 1935 г.). Дело дошло до того, что из устава КПК исчезла формулировка об «идеях Мао Цзэдуна» как основе «идеологической» деятельности партии, которую он с таким трудом навязал КПК на предыдущем съезде! Волны, поднятые VIII съездом КПК, грозили затопить построенный Мао Цзэдуном (и его приспешниками) корабль личной власти.

Если пользоваться излюбленной терминологией самого Мао, можно сказать, что он имел две гипотетические возможности: либо включиться в общий поток и возглавить работу по оздоровлению партийной жизни и налаживанию коллективного руководства, где он оставался бы первым среди равных — авторитетным руководителем КПК, либо встать на пути потока, пойти против течения, подвергнуть пересмотру линию VIII съезда

КПК, осудить решения XX съезда КПСС и вернуть Коммунистическую партию Китая к методам и нормам жизни яньаньского периода.

По самой своей натуре человека, которому органически чужды методы демократического руководства, человека, глубоко зараженного идеологией культа правителя в традиционном китайском духе, Мао смог выбрать и выбрал второй путь.

Но то был нелегкий путь. Мао Цзэдуну и его приспешникам предстояло противопоставить себя не только разумным, реалистическим силам внутри КПК, но и всему мировому коммунистическому движению. Чтобы устоять на ногах и выдержать борьбу со значительной частью членов своей партии и ее руководства, Мао Цзэдуну понадобилось пустить в ход всю энергию своего ума, все свои способности мастера внутрипартийной борьбы. Правда, он имел возможность опереться внутри партии на влиятельную группу экстремистов, «леваков» и националистов, что он и сделал.

Первое, о чем позаботился Мао, — это о том, чтобы бросить тень на решения и опыт КПСС, их значимость для КПК. Делал он это не прямо, не в лоб, а исподволь, тщательно обходя вначале те проблемы, которые его больше всего беспокоили, а именно: проблемы борьбы против режима его личной власти. Что дело обстояло именно так — нетрудно убедиться. Обратимся к его выступлениям на закрытых совещаниях партийных и государственных работников Китая.

Отметим почти лихорадочную активность, которую проявил в ту пору Мао Цзэдун. Впечатление такое, будто он после длительного перерыва вновь обрел «яньаньское дыхание». Вот неполный перечень его выступлений в 1956–1958 годах: «Выступление на совещании по вопросу об интеллигенции, созванном ЦК КПК» (20 января 1956 г.); «О десяти важнейших взаимоотношениях» (доклад на расширенном пленуме ЦК КПК 25 апреля 1956 г.); «Беседа о деятелями музыки» (24 августа 1956 г.); «Заключительное слово на совещании секретарей провинциальных и городских комитетов партии» (январь 1957 г.); «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (речь, произнесенная 27 февраля 1957 г. на заседании Верховного государственного совещания); «Выступление на совещаний партийных кадровых работников в Шанхае» (20 марта 1957 г.); «Выступление на заключительном заседании III пленума ЦК КПК восьмого созыва» (9 октября 1957 г.); «Выступления на проходившем в Москве Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран» (14–16 ноября 1957 г.); «Выступление на совещании в Ханчжоу» (3

и 4 января 1958 г.); «Выступления в Наньнине» (11 и 12 января 1958 г.); «Шестьдесят три основных метода работы» (выступление на совещании в Чэнду 9 марта 1958 г.); «Выступление на второй сессии VIII съезда КПК» (3 мая 1958 г.); «Выступление на заседании руководителей секций расширенного совещания Военного совета ЦК КПК» (23 июня 1958 г.); «Выступление на совещании в Бэйдайхэ» (август 1958 г.); «Выступление на совещании в Чжэнчжоу» (6-10 ноября 1958 г.); «Выступление на совещании в Учане» (23 ноября 1958 г.) и др.[9]

Что характерно для всех этих выступлений? Их лейтмотив— пересмотр отношения к Советскому Союзу, к советскому опыту. Если в выступлениях 1956 года об этом говорится еще в довольно осторожной форме, то после VIII съезда КПК такой мотив звучит все более откровенно и недвусмысленно. Мао с присущим ему упорством начинает воздвигать идеологическую стену между китайскими и советскими коммунистами.

Тогда обстановка для прямой атаки на решения VIII съезда КПК, по мнению Мао, еще не созрела и он обнаруживает еще раз высокое мастерство боковых ударов, косвенных мер, ведущих к намеченной цели. Мао активизирует кампанию под неожиданным на первый взгляд лозунгом «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые». Это был точно рассчитанный шаг — сразу после VIII съезда КПК вызвать широкие выступления в печати со стороны откровенно враждебных социализму сил, чтобы показать тем самым всей партии, куда могут привести борьба с культом Мао, отказ от его идей, «демократизация» в партии и стране. Мао рассчитывал на практике убедить китайских коммунистов, что линия VIII съезда КПК способна будто бы лишь расшатать режим народной власти, что она якобы вредна и ошибочна.

Лозунг «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» был провозглашен заведующим отделом пропаганды ЦК Лу Дини, который сослался при этом на неопубликованное выступление Мао Цзэдуна на Верховном государственном совещании.

Заверения, которые были даны руководителем Компартии Китая, возымели действие. В китайской печати стали появляться одна за другой критические статьи, которые вначале касались тех или иных аспектов политики КПК по сравнительно второстепенным и частным вопросам, а затем все больше стали затрагиваться и самые ее основы. Эти критические публикации носили далеко не однозначный характер. Одни из них действительно имели целью подвергнуть критике те или иные недостатки в работе и улучшить дело социалистического

строительства. Другие же были направлены в целом против политики КПК, против социализма, против СССР.

Немногим больше месяца (с начала мая до начала июня 1957 г.) продолжались публикации критических материалов, причем печатались они в органах партийной печати без всяких комментариев. А уже в начале июня развернулась кампания против «буржуазных правых элементов», в ходе которой были подвергнуты гонениям отнюдь не только действительные противники социализма, но и многие люди, стоявшие на социалистических позициях и высказывавшие те или иные критические замечания. Вот что писала по поводу всей этой кампании газета «Жэньминь жибао» 1 июля 1957 г.: «За период с 8 мая по 7 июня наша газета и вся партийная печать по указанию ЦК почти не выступали против неправильных взглядов, которые высказывались публично. Это было сделано для того, чтобы… ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно и народ увидел бы все это и содрогнулся, поразившись, что в мире еще существуют такие явления, чтобы народ своими руками уничтожил всю эту мерзость… Чтобы дать возможность буржуазии и буржуазной интеллигенции развязать эту войну, газеты в течение определенного времени либо совсем не помещали, либо помещали очень немногие положительные высказывания и не наносили ответного удара по буржуазным правым элементам, перешедшим в бешеное наступление… А теперь реакционные классовые враги попали в ловушку… Некоторые говорят, что это тайные замыслы. Мы говорим, что это открытые замыслы, ведь мы заранее сказали врагам: темные силы можно уничтожить, лишь выманив их из засады, и ведь ядовитую траву удобнее выполоть, если дать ей прорасти… Выполотые же сорняки можно использовать как удобрение».

Проблема интеллигенции имела особое значение для КПК, не располагавшей сколько-нибудь широким слоем специалистов в различных областях экономики, науки и техники. Тем более ошибочной (не говоря о морально-этической стороне дела) явилась политика Мао Цзэдуна и его группы в отношении интеллигенции в 1957 и в последующие годы.

Нигилизм в подходе к культуре был характерен для маоистов с момента их прихода к руководству в КПК. Шумные кампании по «перевоспитанию», «перестройке мышления интеллектуалов» сопровождались изъятием «реакционной литературы», к которой причислялись тысячи произведений, воплощавших замечательное культурное наследие Китая и всего мира. Именно в этой обстановке росла и воспитывалась будущая многочисленная армия хунвэйбинов, столь охотно включившаяся в массовое

избиение «интеллектуалов» и сожжение книг в период «культурной революции».

Выступая на закрытом совещании в Циндао в июле 1957 года перед секретарями партийных комитетов провинций и городов, Мао интерпретировал кампанию против «правых элементов» исключительно как провокационную акцию. Обращают на себя внимание следующие моменты его выступления: «Буржуазные правые элементы, о которых здесь идет речь, включают и людей, пролезших в Коммунистическую партию и в комсомол, но по своему политическому облику ничем не отличающихся от правых элементов, находящихся вне партии и вне комсомола».

«Цинь Шихуан[10] казнил только четыре сотни конфуцианцев и в результате потерпел неудачу: не были уничтожены Чжан Л#н и Чэнь Пин[11], и ханьский император Гаоцзу[12] использовал их. Это и является примером не доведенного до конца подавления контрреволюции».

В закрытом выступлении мы не находим ни слова о демагогическом лозунге «пусть расцветают все цветы», о желательности критики со стороны других партий в адрес КПК, о методе убеждения и перевоспитания «правых элементов». Напротив, здесь все выдержано в жестких тонах, все построено на угрозах, на требовании суровых санкций. Подавить до конца тех, кого называют контрреволюционерами, — вот каким языком заговорил Мао перед партийным активом, разъясняя «либеральный» курс «ста цветов».

Комплекс «анти-Мао», который возник в 1957 году, впоследствии, как мы увидим, стал занимать все большее место в сознании председателя КПК как внутренний мотив его политики, направленной на пересмотр линии VIII съезда партии. Любой ценой гарантировать партию и страну от возможной критики идеологии маоизма даже в далеком будущем — это становится навязчивой идеей Мао. Себя он все более отождествляет с самой революцией в Китае — другие руководители могут считаться революционерами лишь тогда, когда поклоняются ему. Выступать против «идей Мао», против режима его личной власти — значит выступать против самой революции, значит защищать «советский ревизионизм», значит «идти по капиталистическому пути». Этот комплекс стоит, так сказать, за кадром новой линии, которая нашла свое выражение в политике «большого скачка» и «народных коммун».

Пересмотр внутренней политики, естественно, переплелся с пересмотром отношения к СССР и советскому опыту, в котором наиболее разумные деятели КПК черпали поддержку для обоснования реалистического курса строительства социализма в

Китае. Закрытые совещания в КПК в 1957–1958 годах проходят, в сущности, под лозунгом критики КПСС и Советского Союза. Это мотивируется как «ошибками» КПСС, так и тем, что Китаю необходимо выработать свою собственную политику индустриализации и социалистического строительства, не только более пригодную для Китая, но и представляющую собой новую ступень в развитии марксистской теории вообще.

В ноябре 1957 года Мао приехал в Москву на Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Его поведение в этот второй — и последний — приезд в СССР резко отличалось от того, как он вел себя во время первого визита. Он выступал на совещании в манере этакого учителя, который наставляет других, обучая правильному пониманию и теории, и политики. Он говорил о значении диалектики, и особенно об анализе противоположностей в социалистическом обществе; он говорил об американском империализме как о «бумажном тигре», которого не надо бояться; он говорил о 100-процентных и 10-процентных марксистах, которые должны научиться ладить между собой, и о других предметах. Присутствовавшим было дано понять, что все это — истины последней инстанции, которые должны быть приняты к руководству всеми другими партиями.

«Может быть, вам надоело, что я на этом совещании излагаю такого рода вопросы. Я ведь любитель поговорить (!) на отвлеченные темы, да и говорю я уж очень долго, поэтому заканчиваю».

Подобные сентенции вызывали лишь недоумение у представителей компартий социалистических стран, а также настороженность в отношении дальнейшей политики китайского руководства.

Выступая на Совещании представителей компартий социалистических стран, Мао еще отмечал большое международное значение социалистического лагеря и ведущую роль в нем Советского Союза. Совсем иначе звучала эта тема на закрытых совещаниях в самом Китае в тот же самый период.

Жажда величия и национального превосходства привела его к наивной мечте: в короткий срок превзойти в экономическом и военном отношении СССР и США, а значит, и все страны мира. «Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира. Сейчас Америка имеет всего немногим больше десятка водородных бомб, 100 млн. т. стали. Я не считаю это чем-то особенным. Китай должен превзойти Америку на несколько сот миллионов тонн стали», — говорил Мао Цзэдун на совещании по вопросу об интеллигенции,

созванном ЦК КПК 20 января 1956 г.

Эта идея — обеспечить ведущее положение Китая во всем мире — впоследствии заняла главное место в идеологии Мао. Борясь за эту цель, нужно преодолеть «сравнительно медленные темпы» экономического развития Советского Союза, его «односторонность и ошибки», выработать свои, более эффективные методы индустриализации, а заодно и ускоренного перехода к коммунизму.

Мао Цзэдун мечтает в короткие сроки догнать и перегнать все промышленно развитые страны и одновременно гармонично развивать все отрасли хозяйства. Как этого добиться? Неизвестно. Отсюда не только постоянные разочарования маоистов в практических результатах экономической деятельности, но и не менее постоянные метания из одной крайности в другую.

1956 год проходит под знаком дальнейшего критического пересмотра значения опыта СССР для Китая. И на этот раз (как было уже в середине 30-х гг.) кампания ведется под видом борьбы с «догматизмом». Таким путем Мао обосновывает ориентацию на ускоренный, скачкообразный путь развития Китая.

«Советскому Союзу потребовалось 40 лет, — замечает он, — чтобы производить не такое уж значительное количество продовольствия и других товаров. Конечно, хорошо, если наши 8-10 лет будут равнозначны их 40 годам. Так оно и должно быть, ибо у нас большое население и совсем другие политические условия, — у нас больше жизни и бодрости, больше ленинизма (!)». Мао отмечает даже, что «линия строительства социализма еще разрабатывается, но уже намечены основные ее положения».

Было бы прекрасно, если бы в основе этой линии при всех ее издержках лежало стремление выработать основанную на точном знании, на трезвом расчете эффективную программу индустриализации Китая, если бы Китай сумел учесть не только огромный положительный опыт КПСС, но и опыт преодоления трудностей, которые не могли не возникать перед партией, первой прокладывавшей путь строительства нового общества. Но ведь в основе поисков Мао лежали совсем иные мотивы.

Выступая на совещании в Учане (4 ноября 1958 г.), Мао Цзэдун говорил: «Сколько нужно времени для вступления всего Китая в коммунизм? Сейчас этого никто не знает, это трудно предсказать. 10 лет? 15 лет? 20 лет? 30 лет?.. Если даже через 10 лет, к 1968 году, мы будем готовы вступить в коммунизм, мы этого делать не будем. Подождем самое меньшее 2–3 года после вступления Советского Союза в коммунизм, а затем вступим сами, чтобы не поставить в неудобное положение партию Ленина и страну Октября. Ведь можно не вступать уже и тогда, когда

условия для вступления в коммунизм, по сути дела, уже готовы».

Сейчас у нас не 1968, а 1979 год. И прогнозы Мао вряд ли нуждаются в комментариях. Но даже эти сроки были слишком большими для его «революционного нетерпения». Уже через год-два после названного выступления Мао отказался «ждать вступления» Советского Союза в коммунизм и стал форсировать переход к «коммунизму» одного Китая.

Так определилась программная цель, отражавшая комплекс национального превосходства (как иначе назвать это наивное мессианство?). Определялась и негативная часть программы — отвергнуть опыт СССР, который якобы «топчется на месте». Дело было за малым: выработать позитивную часть программы. Ее место заняла политика «большого скачка» и «народных коммун» — одного из наиболее трагических экспериментов не только в истории Китая, но и всего человечества.

Больная тень коммунизма

В 1958 году в Китае началась очередная всенародная кампания. На этот раз ее объектом стали мухи, да, да, мухи, комары, воробьи и крысы. Каждая китайская семья должна была продемонстрировать свое участие в кампании и собрать большой мешок, доверху наполненный этими вредителями. Особенно интенсивным было наступление на воробьев. Его стратегия заключалась в том, чтобы не давать воробьям сесть, держать их все время в воздухе, в полете, пока они не упадут в изнеможении. Тогда их убивали. Прекрасно!

Но неожиданно все это дело обернулось экологической катастрофой. Жители Китая стали наблюдать что-то невероятное: деревья покрылись белой паутиной, вырабатываемой какими-то червями и гусеницами. Вскоре миллионы отвратительных насекомых заполнили все: они забирались людям в волосы, под одежду. Рабочие в заводской столовой, получая обед, находили в своих тарелках плавающих там гусениц и других насекомых. И хотя китайцы не очень-то избалованы, но и у них это вызывало отвращение.

Природа отомстила за варварское обращение с собой. Кампанию против воробьев и насекомых пришлось свернуть.

Зато полным ходом развертывалась другая кампания. Ее объектом стали люди — 500 млн. китайских крестьян, на которых ставился невиданный эксперимент приобщения к неведомым им новым формам существования. На них решили опробовать идею, которая запала в сознание вождя. Это была идея «большого скачка» и «народных коммун». Как началось дело?

Выступая на пленуме ЦК КПК в Лушане (23 июля 1959 г.) уже после провала политики «народных коммун», Мао так объяснял возникновение самой идеи: «Когда я был в Шаньдуне, один корреспондент спросил меня: „Народные коммуны — это хорошо?“ Я сказал: „Хорошо“, а он сразу же поместил это в газете, в чем также проявилась некоторая мелкобуржуазная горячность. Потом корреспондент должен был уехать».

Любопытно — не правда ли? Мао только обронил неосторожное замечание о «коммунах», некий корреспондент подхватил его, и вот полмиллиарда людей разом включаются в какую-то фантасмагорическую жизнь: разлучаются с семьями, становятся под ружье, почти не спят, не едят, словом, превращаются в подобие муравьев, строящих свои муравейники. И все из-за неосторожной публикации корреспондента (куда он, кстати, потом уехал?)…

Но дело, конечно, обстояло куда сложнее. Фактическая сторона его выглядела следующим образом. В начале 1958 года Мао Цзэдун отправился в провинцию Хэнань. Во время этого вояжа и появилась первая китайская «коммуна». Она родилась в апреле 1958 года, когда 27 коллективных хозяйств численностью 43,8 тыс. объединились в первую коммуну, которая была названа «Спутник». Само это весьма претенциозное название наводит на предположение, что китайские руководители имели в виду противопоставить советскому спутнику Земли нечто вроде «социального спутника» в виде «народных коммун» и зафиксировать тем самым свой собственный приоритет в «коммунизме». Именно так началась кампания по осуществлению социальной утопии Мао Цзэдуна.

По инициативе Мао в мае 1958 года 2-я сессия VIII съезда КПК одобрила так называемый курс «трех красных знамен» («генеральная линия», «большой скачок», «народные коммуны»). Его суть формулировалась так: «упорно бороться три года и добиться перемены в основном облике большинства районов страны»; «несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья».

Принятый VIII съездом КПК в 1956 году второй пятилетний план в 1958 году был признан «консервативным». Китайские планирующие органы предложили в 1958 году ряд новых вариантов плана на вторую пятилетку. В конечном счете руководство КПК приняло решение увеличить за пятилетку объем валовой продукции промышленности в 6,5 раза (среднегодовой темп роста 45%), а сельского хозяйства — в 2,5 раза (годовой темп роста 20%). Намечалось увеличить выплавку стали за пятилетие с 5,4 млн. до 80-100 млн. т. в год, добычу угля в 1962

году предполагалось довести до 700 млн. *т* (рост против 1957 г. в 5,4 раза), выработку электроэнергии — до 240 млрд. квт-ч (рост в 12,4 раза), производство цемента— до 100 млн. т. (рост в 10 раз)[1]. Намечалось построить 5 тыс. крупных промышленных предприятий. Если на 2-й сессии VIII съезда КПК ставилась задача догнать и перегнать Англию в экономическом отношении за 15 лет или несколько больший срок, то спустя несколько месяцев эту задачу намечалось осуществить уже за 5 лет или даже быстрее.

В августе 1958 года по предложению Мао было принято, решение Политбюро ЦК КПК о создании «народных коммун», и через 45 дней появилось официальное сообщение, что практически все крестьянство — 121 936 350 семейств, или более 500 млн. человек, — вступило в «коммуны».

Какие конкретно цели ставили перед собой китайские руководители?

Обратимся прежде всего к упомянутому решению Политбюро ЦК КПК от 29 августа 1958 г. Оно состоит из шести пунктов, которые содержат попытку теоретического обоснования этого шага. Здесь утверждается, что «народные коммуны» «являются неизбежной тенденцией развития обстановки». В решении указывалось далее, что создание «народных коммун» будто бы позволит значительно ускорить экономическое развитие страны. Это-де произойдет потому, что удастся высвободить и использовать больше рабочей силы для проведения агротехнических мероприятий в широких масштабах, высвободить и перевести в сферу промышленного производства рабочие руки с фронта сельскохозяйственного производства. В конечном счете создание «коммун» явится «основным курсом руководства крестьянством в деле ускорения социалистического строительства, в деле досрочного построения социализма и постепенного перехода к коммунизму».

Иными словами, политика «коммунизации» преследовала, по замыслу ее организаторов, цели как экономические— повышение эффективности общественного производства, так и социальные — ускорение строительства социалистического и коммунистического общества.

Что касается методов ускорения темпов экономического строительства, то на этот вопрос проливают свет массовые пропагандистские кампании, которые проводились в тот период. Газеты, журналы, дацзыбао (газета больших иероглифов), развешанные на стенах домов, содержали стереотипные призывы: «боритесь за каждую минуту и секунду ночью и днем, в солнце и дождь», «ешь и спи на полях и борись день и ночь», «работай, как муравей, двигающий гору». На этом последнем лозунге стоит

остановиться особо.

Организаторы «коммун» ставили задачу приобщить народ Китая к совершенно новым формам трудовых отношений, общественной жизни, быта, семьи, морали, которые выдавались ими за коммунистические формы. Предполагалось, что «коммуна», которая впоследствии должна была распространиться на городское население, станет универсальной производственной и бытовой единицей существования каждого человека. Все существовавшие до этого общественные и личные формы отношений были обречены на разрушение: кооперативная собственность и приусадебные участки, распределение по труду и сохранение дворового дохода, участие в управлении кооперативными делами и т. п. Даже семья — этот высокочтимый испокон веков в Китае институт — должна быть разрушена, а взаимоотношения внутри нее подчинены жесткому контролю со стороны властей.

Вот что можно было прочесть в ту пору в китайских газетах: «Народная коммуна — вот наша семья, не следует уделять особого внимания созданию собственной небольшой семьи…»; «Родители — самые близкие, самые любимые люди в мире, и все же их нельзя равнять с. Председателем Мао и Коммунистической партией»; «Личная жизнь — дело второстепенное, вот почему женщины не должны требовать от своих мужей слишком большой отдачи энергии…»

Ретивые исполнители на местах не только ухитрились осуществить в течение нескольких месяцев «коммунизацию» всего сельского населения страны, но и двинулись решительно вперед, огосударствив собственность кооперативов, личную собственность крестьян, военизируя их труд и быт.

Члены «коммун» отказывались не только от своего пая в качестве кооператоров, но и отдавали сады, огороды, мелкий домашний скот и даже предметы домашнего обихода.

В конце 1959 года стали возникать городские «коммуны». Вскоре движение за «коммунизацию» в городах усилилось, оно проводилось под лозунгом «все принадлежит государству, за исключением зубной щетки». Иными словами, тотальное огосударствление собственности— наиболее характерная черта проводимой кампании.

Другая черта «коммун» — военизация труда, создание трудовых армий и отказ от социалистического принципа распределения по труду. Крестьян — мужчин и женщин — обязали проходить военную подготовку, они были объединены в роты и батальоны и нередко отправлялись вооруженные, в строю, солдатским шагом на полевые работы. Кроме того, их

перебрасывали с места на место, в другие районы и даже провинции, где возникала потребность в рабочей силе.

Корреспондент пекинского агентства Синьхуа писал в ту пору: «…Через какие-то четверть часа крестьяне выстраиваются. По команде командира роты или взвода, держа развернутые знамена, они отправляются на поля. Здесь уже не увидишь людей, которые, собравшись группами по два, по три человека, курят или бродят лениво по полю. Слышны только размеренные шаги и военные песни. Неорганизованные формы жизни крестьян… ушли навсегда»[2].

Во многих «коммунах» стали применять так называемую оплату по потребностям. Члены «коммуны» получали за свой труд тарелку супа в общественной столовой и пару матерчатых тапочек. В некоторых более состоятельных «народных коммунах» декларировались «гарантии» бесплатного распределения товаров и услуг. К числу таких гарантий относились питание, одежда, медицинская помощь, организация свадеб, похорон, обучение детей в школе и т. п. Само собой разумеется, что распределение предметов потребления производилось на самом жалком, нищенском уровне, более низком, чем тот, который имели раньше крестьяне в кооперативах.

Особенностью «коммун» было также включение их в систему государственного управления. Как заявляло агентство Синьхуа (31 августа 1958 г.), «коммуны должны сочетать промышленность, сельское хозяйство, торговлю, образование, ополчение в одной единице и, таким образом, облегчить руководство». Предполагалось, что это приведет к упрощению управления, поскольку содержание низового административного аппарата и финансирование обучения в деревенских школах должны были взять на себя сами «коммуны».

Наконец, «коммунизация» зашла так далеко, что распространилась на семейную и личную жизнь крестьян. Вот что писали в ту пору китайские газеты по этому поводу: «Коллективная жизнь полностью освобождает женщину и таким образом ликвидирует семью как экономическую единицу общества». «Детей нужно отдавать воспитывать в коммуне, как только их можно будет отделить от матерей».

Печать сообщала, например, что в 500 селениях провинции Цзянсу дома крестьян были разрушены, чтобы построить новые 10 тыс. общежитий и столовых из их материала. Подчеркивалось, что концентрация домов в од-ком месте позволит осуществить «организацию по военным образцам, выполнение задач в боевом духе и коллективную жизнь… В каждом центре крестьяне собираются за 15 минут и направляются немедленно на поля,

повышая производительность труда».

В столице рабочие спали на фабриках. Их лозунгом было: «Не оставляй поле боя, не победив врага».

В Хунани «люди сражались день и ночь, оставив все свои занятия — сон, работу, собрания и даже детей — ради полей». В той же провинции в женском батальоне «ни один его член не оставил свой пост 10 дней и 10 ночей».

Крестьян объединяли в военизированные бригады и направляли то на полевые работы, то на строительство плотин; вместо работы на заводах люди лили металл в плавильных печах, сооруженных во дворах домов. Под неумолчный призыв лозунгов и агитаторов люди работали круглосуточно ради экономического чуда. «За одну ночь можно достичь такого результата, что он превзойдет то, что сделано за тысячелетия, — говорилось в обращениях. — Большой скачок открыл новую историческую эпоху, свидетельствующую о том, что Китай обгоняет Советский Союз в переходе к коммунизму»[3].

Каковы были результаты — экономические и социальные— политики «большого скачка» и «народных коммун»?

9-й пленум ЦК КПК в январе 1961 года, на котором был принят курс так называемого «урегулирования», признал, что в стране возникли серьезные экономические и политические трудности. Были резко сокращены масштабы капитального строительства, законсервировано большинство строек. Началась перестройка «народных коммун», крестьянам возвратили приусадебные хозяйства.

Первоначально китайские руководители предполагали, что тяжелые последствия «большого скачка» удастся устранить за два года (1961–1962), но эти расчеты оказались нереальными. На деле «урегулирование» официально продолжалось до конца 1965 года и захватило даже большую часть 1966 года.

Еще более драматичными были экономические последствия политики «народных коммун».

Зарубежные специалисты отмечают, что нет ничего более трудного, чем установить действительное положение дел в китайской экономике. С 1960 года Пекин не дал ни одной точной цифры. Тем не менее на основе косвенных данных они приходят к следующим выводам.

В 1957 году урожай зерна достиг 187 млн. т, что приблизительно соответствовало урожаям, которые собирали в Китае до 1937 года. Урожай 1958 года был наивысшим за всю историю страны. Однако он не был равен 375 млн. т., как об этом было заявлено маоистами в августе 1958 года. Урожай 1958 года составил 200–210 млн. г.

После этого началось снижение: 150 млн. т в 1961 году, 200 млн. т в 1963 и 1964 годах. Принимая во внимание прирост населения, происходило даже некоторое снижение потребления на душу населения по сравнению с довоенным Китаем.

В неурожайные годы норма калорий была ниже 1500 в день, стране грозил бы и голод, если бы не было введено строгое нормирование продуктов. Производство продуктов питания стабилизировалось приблизительно на уровне, существовавшем до революции. Некоторое оживление в сельском хозяйстве наступило лишь после 1962 года, оно было результатом восстановления приусадебных наделов земли и децентрализации производства «до уровня, существующего в колхозах Советского Союза»[4].

Таковы были экономические итоги эксперимента над 500 миллионами китайских трудящихся. Что касается его влияния на общественное сознание, то сам Мао в 1959 году признавал, что только 30% населения поддерживают коммунистов, другие 30 — против них, а 40% просто приспосабливаются[5].

После провала политики «большого скачка» и «народных коммун» Мао говорил: «…Я не претендую на право автора идеи создания народных коммун, я только внес предложение о них… Я виновен в двух преступлениях: первое — призывал к массовой выплавке 10,7 млн. т стали, и если вы одобряли это, тоже можете разделить со мной часть вины, но стал погребальной куклой все-таки я, никуда не денешься, главную ответственность несу я. Весь мир против опыта народных коммун, Советский Союз тоже против… Может быть, мы потерпели полное поражение? Мы потерпели только частичное поражение, раздули поветрие коммунизма, что послужило уроком для всей страны».

Так говорил Мао Цзэдун на Лушаньском совещании Политбюро ЦК КПК 23 июля 1959 г. Говорил, как видим, довольно самокритично. Погребальной куклой, однако, сделали вовсе не его, а многих рядовых кадровых работников и руководящих деятелей, которые осмелились выступить с критикой линии «скачка» и «коммун»…

Мао замечает: «Говорить неосторожно невелико искусство, нужно быть осторожнее. Хорошо еще, что крепкое здоровье позволяет нести бремя ответственности. Это лучше, чем какая-то скорбь и безутешность. Но выдвижение обвинений по важным вопросам требует осторожности. Кое-кто также выдвинул три крупных обвинения: по народным коммунам, выплавке стали и генеральной линии… Я действительно иду напролом, как Чжан Фэй (легендарный герой из классического произведения „Троецарствие“. — *Ф. Б.),* но я умею и лавировать. Я говорю, что в

народных коммунах существует система коллективной собственности, что для процесса перехода от системы коллективной собственности к системе коммунистической, общенародной собственности период двух пятилеток слишком короток, возможно, потребуется 20 пятилеток».

Итак, раньше для построения «коммунизма» в деревне достаточно было 45 дней, а теперь — не меньше 100 лет (20 пятилеток). «Маятник» сознания Мао снова резко качнулся в другую сторону.

В апреле 1958 года Мао с большой горячностью говорил: «Нет ничего плохого в том, чтобы стремиться к величию и успеху. Нет также ничего плохого… в том, чтобы немедленно получить вознаграждение за усилия. Надо ковать железо, пока оно горячо. Лучше одним рывком добиться чего-то, чем прозябать. Революция должна следовать за революцией…»

Во многих выступлениях того времени Мао повторяет, что главное — это поддерживать на высоком уровне энтузиазм народных масс. «Я был свидетелем потрясающей силы и энергии масс. На таком фундаменте можно решить любую задачу», — восторженно говорил Мао в сентябре 1958 года.

Любую ли?

По-видимому, именно в таком подходе нужно искать ответ на вопрос о том, почему намечались столь завышенные планы; даже если они и нереальны, но самим фактом своего появления должны привести к вдохновенному приливу энергии народа, поддерживать «температуру революции», что обеспечит «скачок» к обретению величия Китая, а стало быть, и к величию инициатора «скачка» — Мао Цзэдуна.

Что касается «коммунизации», то в этом деле кроме страстного стремления любой ценой опередить СССР и другие страны сыграл самую отрицательную роль и уровень понимания Мао Цзэдуном того, что означает коммунизм. Для него коммунизм — и в этом психологически едва ли не самая драматическая сторона экспериментов того времени — возврат к примитивному, военно-уравнительному обществу, которое сложилось в трудный период Яньани и в годы гражданской войны.

Наиболее развернутое изложение представлений Мао по этому вопросу мы находим в его выступлении на партийном совещании в Бэйдайхэ в августе 1958 года, то есть в момент апофеоза «коммунизации». Приведем несколько выдержек из этого выступления, поскольку они очень типичны для социальных воззрений бывшего председателя КПК. Он говорил: «В Советском Союзе военный коммунизм заключался в сосредоточении всех

излишков продовольствия. Мы тоже имеем 22-летнюю военную традицию, традицию осуществления системы бесплатного снабжения, которая тоже представляет собой военный коммунизм. Мы осуществляли коммунизм (!) в среде кадровых работников. Но и простой народ тоже испытывал на себе его влияние. Энгельс говорил, что очень многие начинания осуществлены впервые в армии, именно так оно и есть. Мы из городов пришли в деревни и объединились с сельским полупролетариатом, организовали партию и армию, мы ели из общего котла, не имели дней отдыха, не получали заработной платы; у нас была коммунистическая система бесплатного снабжения. Стоило нам снова вступить в города, как постепенно мы стали портиться, старые порядки нам теперь не по нутру. Нам захотелось одеваться в шерсть и сукно, мы стали бриться; кадровые работники превратились в интеллигентов, денежные оклады вытеснили систему бесплатного снабжения, появилась одежда трех расцветок, питание пяти категорий, а линия масс в городе перестала проводиться в полной мере».

«…Нас, несколько сот миллионов крестьян, 7 миллионов рабочих, 20 миллионов кадровых работников и учителей, по грудь захлестнул буржуазный поток. А кое-кто из нас совсем в нем утонул; Лю Шаоци стал правым, Яо Вэньюань тоже „хорош“, не лучше, чем Река зыбучих песков.

Проект решения о народных коммунах спускаем в низы. Не обязательно делать все сразу, не обязательно организовывать полки, батальоны, роты, взводы, отделения. Надо планомерно проводить в жизнь замысел, но и отказаться от народных коммун теперь нельзя. Теперь отказ был бы ошибкой».

«…В 1952 году мы ввели заработную плату. Утверждалось, что буржуазные ранги и буржуазное право такие замечательные, а система бесплатного снабжения объяснялась отсталым методом, партизанской привычкой, отрицательно влияющей на активность. На самом деле мы заменили систему бесплатного снабжения системой буржуазного права, допустили развитие буржуазной идеологии.

По-моему, надо покончить с этими вещами. Что касается денежных окладов, то их можно не отменять сразу, потому что у нас имеются профессора (!). Но в течение одного-двух лет надо провести подготовку к отмене денежных окладов. Становление народных коммун приведет к тому, что мы постепенно упраздним систему денежных окладов».

Все эти филиппики против зарплаты и табелей о рангах, призывы вернуться к потреблению из одного котла должны были находить известный отклик в отсталом массовом сознании.

Правда, не очень ясно, как быть с личным примером Мао Цзэдуна.

В период одной из кампаний какой-то человек вывесил дацзыбао в Пекине, в котором задал самому Мао Цзэдуну два вопроса, касающиеся его личной жизни: почему он поселился в императорском дворце и почему он бросил свою жену — боевую подругу, участницу «великого похода» — и женился на актрисе? Мы со своей стороны могли бы спросить, где он сейчас, автор этих вопросов? Во всяком случае, больше такие вопросы в дацзыбао не появлялись.

Впрочем, дело, конечно, не в этом. Проблема заслуживает более серьезного анализа. Все, что прокламируется в этом выступлении Мао как коммунизм, никакого отношения к марксистскому, научному пониманию коммунизма не имеет. Точно так же, как и вся практика создания «коммун». Ничто, кроме самого наименования, не роднит коммунизм Маркса и «военный коммунизм» Мао.

Для Маркса коммунизм — это общество изобилия, общество свободных людей, для которых пища, одежда и другие материальные блага уже давно перестали быть проблемой, людей, которые посвящают себя творческому труду, людей высокоразвитых и культурных, которые не знают, что такое эксплуатация и государственное принуждение. А Мао мечтал создать общество солдатской дисциплины труда, где личность — ничто, она бесплатно работает и ничтожно потребляет, где человек— в сущности лишь орудие для достижения целей, стоящих вне его самого: национального величия, военного превосходства, величия вождя и т. д. Идеал Мао скорее напоминает уравнительные общины тайпинов или военные поселения в крепостнической России, чем свободные ассоциации Фурье, а тем более коммунистические объединения К. Маркса.

Все, на что обрушивался Мао — материальное стимулирование производства, оплата по труду, плановое хозяйство и сохранение товарно-денежных отношений, — это и есть социализм. Мао здесь фактически полностью отвергает социалистический этап развития общества и прокламирует «скачок» к уравнительному обществу.

Являлись ли подобные представления монополией одного Мао или они имели своих приверженцев в кругах руководства КПК и в целом в партии?

Нет сомнения, что такие взгляды имели широкую базу в партии, которая оставалась преимущественно крестьянской по своему составу. Фактически с началом «коммунизации» во всей партии назревал идейный раскол между сторонниками социализма и проводниками «уравнительного коммунизма».

Первые, естественно, тянулись к СССР и другим социалистическим странам, показывающим пример планомерного строительства социалистического общества как необходимого этапа на пути к полному коммунизму. Вторые были более всего подвержены националистической страсти — достижению «социального превосходства» Китая над другими странами.

Трудно судить о том, в какой обстановке происходило провозглашение новой генеральной линии и как вели себя ее противники. Не исключено, что они также поддались порыву и так или иначе включились в кампанию «скачка» и «коммун». Об этом свидетельствует, например, выступление Лю Шаоци на 2-й сессии VIII съезда КПК с речью, в которой и было объявлено о политике «большого скачка» (можно, однако, предположить и другое: это была вынужденная уступка Мао Цзэдуну или продуманный тактический ход). Обращает на себя внимание упоминание Лю Шаоци в этой речи о серьезных разногласиях среди партийного руководства по поводу новой линии. Вполне вероятно, что он имел в виду Пэн Дэхуая и его сторонников, о выступлении которых против линии «скачка» и «коммун» было сообщено лишь впоследствии. Но, видимо, большинство руководителей КПК в той или иной мере были тогда охвачены угаром «коммунизации».

Первые симптомы поражения политики «скачка» и «народных коммун» проявились очень быстро. Это позволило противникам экстремистской линии активизировать свои действия. На 6-м пленуме ЦК КПК, который состоялся в Ухане (в ноябре-декабре 1958 г.), была принята пространная резолюция «О некоторых вопросах, касающихся народных коммун». Внешне она, как это принято в КПК, где тщательно заботятся о сохранении «лица», вовсю трубила о победах: «В 1958 году над бескрайним горизонтом Восточной Азии взошло солнце, солнце новой формы организации общества — народной коммуны…» Но на самом деле уханьская резолюция била отбой и давала сигнал к отступлению. Всем своим содержанием она была направлена против «забегания вперед», подвергая критике людей, которые «переусердствовали», думая, что построение коммунизма — «дело совсем несложное». Резолюция подтверждала постепенность процесса перехода к коммунизму, указывая, в частности, что процесс «насаждения коммун» займет не меньше 15–20 лет.

Более трезвый подход нашел свое отражение и в решениях 7-го пленума ЦК КПК (в апреле 1959 г.), посвященного проверке упорядочения работы «народных коммун» в сельских районах. Наконец, 8-й пленум ЦК КПК, состоявшийся в Лушане в 1959 году, фактически зафиксировал отказ от «коммунизации».

Пленум принял решение о том, что коммуны должны передать все общественное достояние производственным бригадам, а их самих необходимо преобразовать фактически на началах производственных кооперативов.

Лишь в 1967 году в китайской печати появились сообщения об открытом выступлении в период, предшествовавший созыву 8-го пленума ЦК КПК, с критикой Мао и его курса группы видных руководителей КПК и КНР: члена Политбюро ЦК КПК, министра обороны маршала Пэн Дэхуая, заместителя министра обороны, начальника генштаба НОА Хуан Кэчэна, кандидата в члены ЦК, секретаря комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу и др.

Летом 1959 года в ряде заявлений, особенно в «Письме, содержащем изложение мнения», Пэн Дэхуай осудил «привычку преувеличивать» и «мелкобуржуазный фанатизм», которые вынудили партию «совершить левые ошибки». Он заявлял, что при отсутствии конкретного и разумного планирования лозунг «политика — командная сила» (установка, выдвинутая Мао) является недостаточным руководством и что в партии должна осуществляться «большая демократия». Пэн Дэхуай также критиковал другие аспекты политического руководства КПК. Хотя он не называл конкретно лиц, ответственных за провалы, было ясно, что он выступал против стиля руководства Мао. На самом пленуме маршал Пэн Дэхуай сделал развернутое и широко обоснованное заявление, в котором разбирал недостатки «большого скачка» и «коммун». Приведя статистические данные, он показал резкий спад в экономике, дезорганизацию хозяйства и снижение жизненного уровня населения. В частности, он отметил, что в 1958 году население получило только половину того количества продуктов питания, которое оно потребляло в среднем ежегодно за 1933–1953 годы. Пэн Дэхуай утверждал, что проведение курса «трех красных знамен» способствовало появлению «мелкобуржуазного фанатизма». Стало также известно, что он критиковал и внешнеполитический курс, имея в виду начавшийся процесс ухудшения отношений КПК с КПСС и другими коммунистическими партиями.

Мао отверг критику, особенно резко выступив против выдвинутого Пэн Дэхуаем обвинения, что, «оторванные от реальности, мы не сумели добиться поддержки масс». Он заявил, что поедет в сельскую местность, «чтобы повести крестьян с целью свергнуть правительство», если положение настолько плохое, как говорят критики.

8-й пленум принял резолюцию, осуждающую «антипартийную группировку во главе с Пэн Дэхуаем», обвинив ее в выступлении против «генеральной линии», «большого скачка» и «народных

коммун»; пленум охарактеризовал письмо Пэн Дэхуая как «программу наступления на партию правооппортунистических элементов». Тем не менее имеются сведения, что на самом пленуме Чжу Дэ защищал Пэн Дэхуая, а Лю Шаоци и другие руководители в основном занимали нейтральную позицию.

Итак, несмотря на то что на этих пленумах ЦК КПК фактически была поддержана линия противников экстремизма, отыгрались как раз на критиках. Маршал Пэн Дэхуай был посажен под домашний арест. Пострадали также и другие участники открытой борьбы.

Резолюции 6, 7, 8-го пленумов ЦК КПК свидетельствуют о серьезном сопротивлении тех сил, которые выступали за более реалистический курс.

В китайскую печать просочились факты и о том, что Лю Шаоци в январе 1962 года на созванном им в ЦК КПК расширенном рабочем совещании высших партийных работников, где присутствовали 7 тыс. человек, прямо подверг критике политику «большого скачка» и «коммун». Он отметил, что «нынешние трудности на 3/10 — результат стихийных бедствий, а на 7/10 — результат ошибок». Больше того, косвенно он взял под защиту и позицию Пэн Дэхуая.

Тем не менее официально продолжала торжествовать линия Мао на ускоренное построение коммунизма в Китае. Однако все, что декларировал и осуществлял Мао, насаждая «народные коммуны», — это, если использовать выражение Маркса, больная тень настоящего коммунизма. Это «коммунизм» военный, казарменный, «коммунизм» с консервативными и даже реакционными феодальными чертами. И подобно тому, как тень при закате солнца уродливо отражает предмет, так и военно-бюрократический «коммунизм» служит уродливым изображением коммунизма подлинного.

Перманентные потрясения

17 апреля 1959 г. в зале Хуайжэньтан, в одном из самых живописных уголков бывшего «запретного города» императоров минской и цинской династий, состоялась сессия Всекитайского собрания народных представителей 2-го созыва.

С самого утра сюда устремились сотни делегатов. Пестрая одежда национальных меньшинств Синьцзяна, Внутренней Монголии, Тибета, Сычуани яркими пятнами мелькала среди традиционных кителей из темного сукна и синих ватников — типичной одежды китайских кадровых работников и активистов. Сюда же направлялись десятки журналистов, кино- и фоторепортеров. Многим впервые довелось пройти через «ворота нового Китая» и попасть в огромный зал со стенами, покрытыми красным лаком. Все в зале были явно взволнованы: им предстояло переизбрать председателя Китайской Народной Республики — Мао Цзэдуна.

Это было неожиданно. Это было странно и необъяснимо. В Китае считалось само собой разумеющимся, что Мао Цзэдун будет и впредь оставаться во главе государства. Почему же он уступает высокий пост председателю Постоянного комитета ВСНП Лю Шаоци? Что за этим кроется?

До последнего момента среди депутатов ходили слухи, что Мао Цзэдун все же изменит свое решение и по настоянию авторитетного собрания будет вновь избран на этот пост. Но вот на трибуну поднимается заместитель премьера Чэнь Юнь. Он предлагает избрать председателем Китайской Народной Республики Лю Шаоци. Через 15–20 минут объявляются результаты голосования; «за» высказались 1156 человек, «против» — 1. После этого к Лю Шаоци первым с поздравлением подошел Мао Цзэдун и долго жал ему руку. Весь зал разразился рукоплесканиями и стал шумно скандировать: «Десять тысяч лет товарищу Мао!»

Лю Шаоци имел основания для определенного личного торжества, которое он мог рассматривать и как торжество защищаемой им политики. Мог ли он думать, что через несколько лет его, официального главу Народной Республики, объявят «черным бандитом» и будут публично предавать анафеме под крики и улюлюканье разбушевавшейся толпы! Вряд ли это могло прийти в голову и кому-либо из 1156 делегатов, собравшихся для торжественного акта в зале, который по иронии судьбы носил название «милосердного». И лишь один человек (не ему ли принадлежал единственный голос, поданный против избрания

нового председателя КНР?), вероятно, уже вынашивал свои далеко идущие замыслы…

Ушел ли Мао с этого поста добровольно и каковы были его дальнейшие планы? Анализ его высказываний, а также обстановка в период ликвидации пагубных последствий курса «большого скачка» и «коммун» наводит на следующую мысль: Мао ушел сам, но под давлением неблагоприятных обстоятельств. Это был маневр, вынужденная уступка, чтобы успокоить страсти, достигшие большого накала.

Об этом прежде всего свидетельствует та забота, которую он проявил о выгодном ему толковании своей отставки среди широких масс. Он говорил (1958 г.): «До сентября нынешнего года надо подготовить людей (!) к тому, что я покину пост председателя Китайской Народной Республики. Сначала среди кадровых работников различных ступеней, затем на заводах и в кооперативах следует организовать разовое широкое обсуждение, чтобы выяснить мнение на этот счет кадровых работников и масс и добиться согласия большинства. Я оставлю пост председателя республики, чтобы быть только председателем партии. Это даст мне возможность высвободить время для выполнения дел, которых от меня требует партия. Это также соответствует состоянию моего здоровья. Если в ходе обсуждения окажется, что массы не поддерживают, не одобряют этого предложения, им можно разъяснить, что в будущем, в случае крайней необходимости (I), партия примет соответствующее решение и я снова смогу занять этот руководящий государственный пост. Имея в виду все это, прошу разъяснить кадровым работникам и массам, дабы не создалось ложного мнения по данному вопросу».

Мао не исключает возможности снова вернуться на этот пост! И, главное, он очень озабочен, чтобы в массах не возникло и тени сомнений о сохранении его особого положения в партии и государстве.

С. Шрам полагает, что после провала «большого скачка» и «народных коммун» Мао остался не только председателем партии, но и харизматическим вождем китайской революции. Однако в 1959–1960 годах, после того как экономическая политика приняла более осторожный и разумный характер, Мао ограничил свою деятельность исключительно сферой международных отношений[1].

Это неточно. Мао и не думал уступать область внутренней политики Лю Шаоци или другим руководителям. Он и не собирался отказываться от особого положения в партии и государстве. Он просто использовал «метод обезьяны», который уже не раз помогал ему в трудные периоды: отойти в тень,

создать видимость уступки, а затем снова перейти в наступление. Что это именно так, свидетельствуют его высказывания десять лет спустя, когда противники «скачка» и «коммун» были окончательно повергнуты. Вот что он говорил 24 октября 1968 г.: «Что касается вопроса об уходе с должности, то „культ“ надо создавать в любом случае. Группа нуждается в руководителе, Центральный Комитет нуждается в первом секретаре. Если бы не было мельчайших частиц как основы, не было бы дождей. Если сумятица начнется лишь после моей смерти, то лучше, чтобы она началась уже сейчас, пока я еще жив.

Так уж странно устроен мир. Можно подниматься ввысь, но не дано сойти вниз. Надо учитывать, что, может быть, одна часть будет согласна, а другая нет. Массы могут не проявить должного понимания и сказать, что все выбиваются из сил, а ты в самый разгар боя уходишь. Надо объяснить со всей ясностью, что дело обстоит не так, что я не ухожу; лишь когда мы перегоним в соревновании Америку, я предстану перед Марксом».

Оставим пока без внимания его примечательную фразу о том, как и когда он «предстанет перед Марксом». Но очевидно, что и в момент ухода с высокого государственного поста «право на культ» он оставляет исключительно за собой. Он хорошо понимал, что это право дает ему куда большие прерогативы власти, чем должность председателя КНР. Странно, но провал «скачка» и «коммун» не только не ослабил культ Мао, а даже как-то подхлестнул его.

Это был далеко не стихийный процесс. Мао искусно воспользовался согласием ЦК КПК предоставить ему возможность «сосредоточиться на теоретической работе» и высвободить больше времени для… постепенного укрепления своих позиций и подготовки к переходу в генеральное наступление против всех, кто еще осмеливался ему перечить.

Выступая на 9-м пленуме ЦК КПК, фактически зафиксировавшем отказ от политики «скачка» и принявшем курс на «урегулирование», Мао весьма прозрачно дал понять, что считает принимаемые пленумом решения сугубо временными. Более того, по его настоянию пленум принял решение о продолжении и усилении преследования всех недовольных той самой политикой, на ликвидацию катастрофических результатов которой были направлены все разработанные пленумом экономические меры. Развернувшееся затем новое «движение за упорядочение стиля городских и сельских кадровых работников» было направлено против «врагов» и «плохих элементов», которых Мао в целом по стране насчитал в количестве 10% от всего населения (т. е. от 600 млн. человек!). Как установившаяся

закономерность движение, унаследовавшее многое от яньаньского «чжэнфына», дало толчок очередной кампании по чистке КПК, сопровождавшейся массовыми репрессиями (вплоть до расстрелов) и высылкой кадровых работников на «трудовое перевоспитание» в деревню.

Одновременно Мао Цзэдун сосредоточил усилия на превращении армии, где недовольство экономическими последствиями курса «трех знамен» приобрело сравнительно большие масштабы, в свою надежную опору, Уже в 1960 году по инициативе Линь Бяо, сменившего Пэн Дэхуая на посту министра обороны, началась кампания «за превращение армии в школу идей Мао Цзэдуна», сопровождавшаяся движением за «упорядочение» и «исправление стиля» в партийных организациях НОА. Только за семь месяцев этого движения — с июля 1960 по февраль 1961 года — из КПК было исключено 1200 армейских работников.

Со второй половины 1962 года, как только наметились первые признаки стабилизации экономического положения в стране и ослабла висевшая над Китаем угроза голода, Мао Цзэдун и его сторонники приступили к осуществлению целой серии антидемократических кампаний, направленных на раздувание культа «вождя» и военизацию жизни страны, которые с начала 1964 года приняли особенно широкие масштабы и проходили под общим лозунгом «учиться у Народно-освободительной армии Китая». С целью пропаганды культа Мао в 1963–1965 годах одно за другим развертываются движения «за социалистическое воспитание», «за революционизацию», «за изучение произведений Мао Цзэдуна», в ходе которых распространялись «указания Линь Бяо» о том, что чтение или изучение той или иной работы Мао Цзэдуна является священной обязанностью всех военных кадров.

С 1963 года началась систематическая проработка отдельных групп и лиц из партийной и творческой интеллигенции. В июле 1964 года было распространено «указание» Мао Цзэдуна о необходимости «революционизации» творческих союзов китайской интеллигенции, поскольку-де «их работники… последние годы находятся на грани перерождения в ревизионистов». В 1964–1965 годах было проведено «перетряхивание» руководства всех творческих союзов, входивших во Всекитайский союз работников литературы и искусства.

К этому же периоду (лето 1964 г.) относится появление впервые на политической арене небезызвестной читателю Цзян Цин, ждавшей своего звездного часа почти 30 лет. В сложившейся обстановке она сочла необходимым взять на себя труд по

«реформе» китайского классического театра и его репертуара.

Впрочем, внешне (как это уже не раз бывало) Мао усиленно создавал видимость самоограничения своей активности. Семидесятилетний председатель КПК в беседах с представителями коммунистических и рабочих партий, с иностранными делегациями, с зарубежными послами все чаще жалуется на здоровье. Он утверждает, что отошел от практических дел, что перестал конкретно заниматься вопросами экономического и культурного строительства, а интересуется исключительно теоретическими проблемами. Он демонстрирует свое неучастие в полемике между китайскими и советскими коммунистами.

В печати западных стран стали все чаще мелькать сообщения, что Мао Цзэдун тяжело болен, что он уступает место другим, более молодым деятелям.

Основоположник даосизма Лаоцзы считал идеальным способом управления государством «недеяние», что означает такой способ управления, когда правитель активно не вмешивается в естественный ход событий, а полагается лишь на моральное воздействие. Почему бы и Мао Цзэдуну не полагаться главным образом на влияние своих идей, своего верховного авторитета, а остальное предоставить другим деятелям партии и государства?..

Эдгар Сноу, который встречался с Мао в 1965 году, специально интересовался вопросом о его здоровье. Сноу говорил, что Мао Цзэдун вообще-то человек крепкого здоровья, хотя незадолго до встречи он перенес серьезную болезнь.

Один из личных врачей председателя КПК сказал Сноу, что у Мао нет никаких органических нарушений и что недомогание, которое он переживает, типично для людей его возраста. Сноу имел продолжительную беседу с Мао, который даже проводил его до машины и медленно пошел назад, опираясь на руку сопровождавшего его человека.

В беседе со Сноу, которая длилась четыре часа, Мао много говорил о смерти. Он рассказывал о том, что оба его брата были убиты, жена казнена, сын погиб в корейской войне, но что, как это ни странно, «по-видимому, в нем смерть не нуждается»… «хотя бывали случаи, когда в бою он весь был покрыт кровью бойцов, умиравших рядом с ним».

Его собственная смерть представлялась ему как умерщвление самой революции. Он считал возможным даже такое развитие событий, что молодое поколение «пойдет на сговор с империализмом, вернет в Китай остатки клики Чан Кайши и примкнет к контрреволюции».

Логика его мысли состояла, видимо, в том, что он один остался гарантом революционности Китая и его жизнь бесценна для страны…

В дальнейшем сведения о состоянии здоровья Мао Цзэдуна становятся все более противоречивыми, поскольку публичные его выступления были редкими. Многие на Западе высказывали предположение, что у него болезнь Паркинсона.

Так ли это, трудно сказать, скорее всего дело объяснялось новым периодом занимательной игры Мао в «дипломатическую болезнь». Одно бесспорно: в начале 60-х годов, после провала «скачка» и «коммун», великий мистификатор на время несколько уходит в тень. Но он и не собирается уходить с политической арены. Напротив, он лихорадочно готовит идеологическую платформу для нового наступления на своих противников и на саму партию, которая молчаливо согласилась с его поражением в Ухане и поддержала новую линию, предложенную Лю Шаоци и другими деятелями.

Это легко заметить, когда читаешь инспирированный им сборник «Да здравствует ленинизм!» (1960 г.), которым началась едва завуалированная полемика с КПСС и другими компартиями. Это видно из таких документов, подготовленных под руководством Мао, как «Указания по социалистическому воспитанию в деревне и другим вопросам» (1963 г.), «Против бюрократизма» (1963 г.), «Исторические уроки диктатуры пролетариата» (1964 г.) и др. Наконец, это видно из серии статей, опубликованных в китайской партийной печати после Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 года, в которых пересматривалась совместно выработанная на совещании генеральная линия мирового коммунистического движения.

В этот период формируются основные тезисы последующей кампании «великой пролетарской культурной революции»: об обострении классовой борьбы в социалистическом обществе; о диктатуре пролетариата как механизме подавления не только враждебных новой власти элементов, но и членов партии, «идущих по капиталистическому пути», так называемых «каппутистов»; о неизбежности периодических кампаний типа «чжэнфына»; «о борьбе против бюрократизма и обновлении аппарата власти».

Уместно в этой связи вернуться к решениям 8-го Пленума ЦК КПК от 16 августа 1959 г. Само это решение было по своей сути направлено на пересмотр политики «большого скачка» и «народных коммун», на урегулирование экономики и обратную реорганизацию «коммун» (при сохранении их названия) в кооперативы. Но в решении не только нет и намека на критику

автора отвергнутого курса — Мао Цзэдуна, а, напротив, поются новые дифирамбы его вновь продемонстрированной мудрости. «Король умер — да здравствует король!» В Китае эта формула была сильно модифицирована: «Мао потерпел провал — да здравствует Мао!»

Само название упомянутого решения еще раз подтверждает нашу мысль о связи между борьбой с «правыми» элементами и экстремистской политикой Мао. Это название звучит так: «В защиту генеральной линии партии: за борьбу против правого оппортунизма».

В 1963 году Мао пишет обширный документ, который носит название «Против бюрократизма»: «Я попытался обобщить проявления бюрократизма в следующих 20 пунктах», — говорит Мао. Далее он подробно описывает различные формы бюрократизма, укоренившегося, на его взгляд, в партийном и государственном аппарате Китая. Какова же направленность этого документа? Вот что мы в нем читаем: «…Если возник бюрократизм, то неизбежно появляется сепаратизм по отношению к высшим инстанциям». Бюрократизм — это «непомерно раздутое самомнение и самообольщение»; «чиновничья спесивость, почитание лишь одного себя…»; «чрезмерная забота о насыщении своей утробы…»; «стремление использовать своих людей, сколачивать клики»; «пристрастие лечиться от несуществующих болезней».

Поверхностно описывая те или иные проявления бюрократизма, Мао неожиданно делает вывод (ради которого, по-видимому, и написан весь документ) о том, что важнейшим источником бюрократизма внутри Китая является «империализм, который объединился с „ревизионизмом“», намекая на СССР и другие социалистические страны. Между тем главный источник бюрократизма в Китае — режим личной власти, порождающий произвол в решении крупнейших социальных проблем, — остается вне критики. Поэтому все филиппики против тех или иных мелких проявлений бюрократизма выглядят как критика «сверху вниз», с вершины власти в направлении отдельных неугодных лиц, которые могут быть ошельмованы как бюрократы.

Лозунг борьбы против бюрократии, который не мог не находить живого отклика в массах, оказался чрезвычайно удобной платформой для последующих нападок Мао на тех или иных руководителей КПК, которые отдавались на публичное поругание хунвэйбинам.

Новое наступление Мао в области идеологии ознаменовалось и первым изданием его «цитатников». Они были выпущены типографией политотдела армии в мае 1964 года (до этого

печатались только произведения в целом) и должны были отныне играть основную роль в массовом воспитании. Культ Мао получил новые стимулы роста.

Немалую роль в его насаждении играл Линь Бяо. Приведем любопытный документ, дающий психологическую картину механизма насаждения идейного влияния Мао. Речь идет о телефонном разговоре между Мао и Линем (1964 г.), о котором стало известно из публикаций хунвэйбинов в период «культурной революции»:

«Линь Бяо: Сейчас вся страна углубленно изучает произведения Председателя Мао.

Мао Цзэдун: Я не хочу, чтобы меня просто копировали и пересказывали. Нужно выдвигать основное, не нужно суеверного преклонения, нужны новые концепции, новое творчество.

Линь Бяо: Нужно, чтобы идеи Мао Цзэдуна были основным ядром.

Мао Цзэдун: Хорошо!

Линь Бяо: Не следует ограничиваться хозяйственным строительством, нужно и духовное строительство».

Мао как будто даже слегка сопротивляется «суеверному преклонению» перед собой, но под «давлением» напористого маршала все же быстро соглашается с тем, чтобы его идеи стали «основным ядром» во всех областях жизни и деятельности китайского народа.

Новая кампания по изучению «идей Мао» внутри страны переплелась с развертываемой одновременно полемикой китайского руководства против линии международного коммунистического движения.

Известно, что после революции политика КНР на мировой арене шла в общем русле политического курса всего социалистического содружества. Крутой поворот во внешней политике фактически совпадает по времени с переходом к политике «большого скачка» и «народных коммун».

Первым симптомом пересмотра курса на мирное сосуществование было обострение обстановки в Тайваньском проливе в августе 1958 года после артиллерийского обстрела прибрежных островов, занятых гоминьдановцами. Эта акция была предпринята в нарушение советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г. без консультаций с Советским Союзом.

Другим симптомом пересмотра курса мирного сосуществования был китайско-индийский конфликт весной 1959 года.

Можно предположить, что цели Мао и его окружения состояли не только в стремлении укрепить влияние КНР на этом

континенте, но и в попытках обострить международную обстановку в период ослабления напряженности в мире.

Выступив на деле против политики мирного сосуществования, Мао и другие китайские руководители стали круто менять свое отношение к другим странам социализма и к коммунистическим партиям.

В сборнике «Да здравствует ленинизм!» (1960 г.) была впервые изложена особая линия КПК по коренным вопросам современности. Важнейшие проблемы войны, мира, революции, коммунизма толковались в духе «идей Мао». Развернув кампанию против КПСС и других марксистско-ленинских партий, Мао преследовал и внутриполитические цели. Он стремился ослабить позиции интернационалистов в КПК.

Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, созванное в Москве в 1960 году, сумело преодолеть разногласия с КПК и выработать общую платформу. Небезынтересно отметить, что делегация КПК была представлена Лю Шаоци, Пэн Чжэнем, Лу Дини и другими деятелями, которые впоследствии подверглись суровым преследованиям в Китае. Представители КПК пытались провести в Заявлении, принятом Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий, тезисы и формулировки, отражающие особую позицию китайского руководства. Однако делегация КПК все же согласилась подписать Заявление. Это было важным достижением в борьбе за сохранение единства коммунистического движения.

Но уже в 1961–1962 годах по инициативе и под личным руководством Мао в печати КПК началась публикация статей, которые были направлены на пересмотр Заявления. Затем группа Мао уже открыто отказалась от совместно принятых документов коммунистического движения, выдвинув пресловутые «25 пунктов предложений к генеральной линии коммунистического движения». Этот документ целиком противопоставлял программу Пекина по всем важнейшим вопросам войны, мира, революции и социалистического строительства общей линии марксистско-ленинских партий.

Мао Цзэдун и его сторонники навязали 10-му пленуму ЦК КПК (сентябрь 1962 г.) решение об усилении борьбы против «современных ревизионистов», под которыми лидеры КПК подразумевали СССР, другие социалистические страны и марксистско-ленинские партии. В коммюнике пленума впервые говорилось о необходимости отстаивать не Декларацию (1957 г.) и Заявление (1960 г.) московских совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, а «революционные принципы» Декларации и Заявления.

Особенно ясной стала политика Мао по нагнетанию международной напряженности в период карибского кризиса осенью 1962 года. Заявления Пекина носили в ту пору явно подстрекательский характер. Пользуясь тем, что внимание всего мира было отвлечено от других районов, Китай возобновил военные действия на границе с Индией. После преодоления карибского кризиса Мао развернул новый тур антисоветской кампании. В конце 1962 — начале 1963 года китайское руководство опубликовало серию директивных статей (их автором впоследствии был назван Мао Цзэдун), направленных против политики КПСС и других компартий.

В редакционной статье, опубликованной в «Жэньминь жибао» 8 марта 1963 г., был поднят вопрос об Айгуньском (1858 г.), Пекинском (1860 г.), Петербургском (1881 г.) договорах, которые определяют почти всю линию советско-китайской границы. Пекин выдвинул претензии на «право наследования» всех территорий, когда-либо захваченных монгольской, маньчжурской и другими династиями, правившими в Китае.

В 1964–1965 годах пекинское руководство заявило о том, что Китай якобы имеет право примерно на 1,5 млн. *кв. км* советской территории.

Пекин пошел на резкое ограничение всех форм межгосударственных отношений с СССР и другими социалистическими странами. В начале 70-х годов экономическое сотрудничество КНР с большинством из них было свернуто по всем направлениям (удельный вес социалистических стран во внешней торговле КНР упал с 68% в 1959 г. до 20% в 1967 г.). Китайские наблюдатели перестали участвовать в работе постоянных комиссий Совета Экономической Взаимопомощи. КНР отклонила предложение о совместном изучении и использовании социалистическими странами космического пространства; вышла из Объединенного института ядерных исследований; односторонне денонсировала соглашение пяти социалистических стран о проведении совместных научно-исследовательских работ в районе Тихого океана. Со многими социалистическими государствами был сокращен до минимума или прекращен вовсе научно-технический, культурный и спортивный обмен.

Подготавливалась почва для «великой пролетарской культурной революции». Кто был ее инициатором? Какие цели она преследовала?

В разгар «культурной революции», в ноябре 1967 года, в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья, где, кажется, впервые рассказывалось о событиях, которые непосредственно предшествовали развертыванию этой кампании.

«В 1962 году, — говорилось в статье, — на расширенном заседании ЦК КПК пролетарский штаб во главе с Председателем Мао начал ожесточенную схватку с буржуазным штабом… Близкий соратник Председателя Мао товарищ Линь Бяо, высоко держа великое красное знамя идей Мао Цзэдуна, подтвердил на этом совещании, абсолютный авторитет Председателя Мао и идей Мао Цзэдуна, а китайский главный ревизионист (имелся в виду Лю Шаоци. — *Ф. Б.)* на совещании развернул бешеное наступление на Председателя Мао и идеи Мао Цзэдуна. Он вне себя от злобы восклицал: „Выступать против Председателя Мао — значит выступать лишь против отдельного человека…“

После совещания китайский главный ревизионист собрал своих антипартийных выучеников и с удесятеренным бешенством активизировал свою заговорщическую деятельность по контрреволюционной реставрации, тайно подготавливая общественное мнение к узурпации власти в партии и в государстве»[2].

Дальше в статье сообщалось, что выступавший на совещании Пэн Чжэнь «всеми силами распространял контрреволюционную ересь о том, что великий вождь Председатель Мао должен сойти со сцены».

Даже если в этих словах и содержится преувеличение фактов, все равно можно видеть, какой остроты достигла борьба в КПК еще задолго до «культурной революции».

После описанной вспышки, о которой стало известно только спустя пять лет, ожесточенная борьба, хотя и в скрытой форме, нарастала. В китайской печати стали появляться сообщения о преследованиях или «разоблачениях» тех или иных лиц из среды интеллигенции и партийных работников среднего звена. Главные же участники борьбы до поры до времени оставались в тени.

Здесь мы сталкиваемся с первой характерной особенностью «культурной революции». Это была заранее задуманная акция по устранению противников Мао Цзэдуна. В зарубежную печать проникли сведения о том, что уже на секретном заседании ЦК КПК *Ц* сентябре 1965 года Мао Цзэдун провозгласил программу развертывания «культурной революции», состоявшую из нескольких этапов. На первом из них предполагалось нанести удар по определенной части деятелей литературы и искусства. На втором этапе намечалось осуществить чистку в партии, государственном аппарате и других звеньях управления. На третьем этапе предполагалось полностью утвердить «идеи Мао Цзэдуна» в КПК, а возможно, и возобновить политику «большого скачка» в экономике, а также усилить экстремистскую внешнюю политику.

В ноябре 1965 года шанхайская газета «Вэньхуэй бао» опубликовала статью Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической пьесы „Разжалование Хай Жуя“». Автор пьесы У Хань был обвинен в стремлении «опорочить линию Мао Цзэдуна». То был первый выстрел «культурной революции». Следующим объектом нападок явился секретарь пекинского горкома КПК Дэн То, прежде занимавший пост главного редактора «Жэньминь жибао». Летом 1966 года было организовано новое крупное «дело»: подвергнуты разгрому «группы монархистов во главе с ректором, секретарем парткома» в Пекинском университете. Вот как описывает очевидец расправу с ректором университета, а также со многими профессорами.

…На голову «критикуемому» надевают бумажный колпак или же канцелярскую корзину для использованной бумаги. На колпаке (корзине), а также на плакате, который прикрепляется на груди, пишутся обвинения. В таком виде «критикуемый», стоя на коленях, предстает перед разъяренной толпой или собранием, причем каждый присутствующий стремится физически оскорбить его (толкнуть, схватить за руку, ударить). Ораторы, выступления которых то и дело прерываются возгласами участников митинга: «Защитим Мао Цзэдуна!», «Выметем дочиста ревизионистскую нечисть!» и т. п., перечисляют все грехи «критикуемого», ему самому слово не дается, и он должен молча (иногда в течение двух и более часов) воспринимать критику. Если же он теряет над собой власть и начинает рыдать, то это лишь ожесточает его мучителей[3].

Позднее подобные расправы стали проводиться по всей стране. Результатом их нередко бывали убийства «критикуемых» разъяренной толпой или последующее самоубийство людей, которые не выдерживали издевательств.

По мере развертывания в Пекине кампании становилось ясным, что она направлена и против первого секретаря пекинского горкома, члена Политбюро и секретаря ЦК КПК Пэн Чжэня. В июне 1966 года было принято решение о реорганизации пекинского горкома КПК. Пэн Чжэнь был фактически отстранен от всех постов.

Следующей жертвой из среды партийных работников явился Чжоу Ян, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПК. На протяжении ряда лет именно он выступал с наиболее усердными разоблачениями «советского ревизионизма». Однако в ходе проработки он был обвинен в том, что критиковал культ Мао Цзэдуна.

Вскоре был найден «козел отпущения» и в среде партийных экономистов. Директор Института экономики Академии наук КНР

Сунь Ефан, который раньше занимал видные посты в Госплане и в статистическом управлении, был объявлен «верховным жрецом экономизма». Выяснилось, что его главный грех состоял в том, что он позволял себе размышлять над проблемой увеличения производительности труда и оптимального использования ресурсов страны и призывал применять в этих целях опыт СССР и других стран социализма.

Волны раздуваемой кампании поднимались все выше и выше, подкатываясь непосредственно к подножию политического олимпа КНР. После отстранения Пэн Чжэня «стихийная» кампания все более умело направлялась в одну цель: против «главарей черной банды», под которыми имелись в виду председатель республики Лю Шаоци, генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин и ряд других членов руководства партии и страны.

Особенность «культурной революции» заключалась в том, что проводилась она меньшинством, хотя и возглавляемым лидером партии, против большинства в руководстве ЦК КПК. Не случайно кампания началась исподволь: Мао не решался дать бой своим противникам в рамках обычных партийных норм.

Только в августе 1966 года был созван 11-й пленум ЦК КПК для рассмотрения вопроса о «культурной революции». Но и он был проведен без соблюдения элементарных норм партийной демократии. В связи с созывом этого пленума в зарубежной печати фигурировало сообщение о том, что около половины членов ЦК КПК не присутствовали на заседании, поскольку многие из них уже стали жертвами хунвэйбинов. Зато здесь присутствовали «революционные учащиеся» и военные, не входившие в состав ЦК КПК-

Во время работы пленума, 5 августа 1966 г., Мао Цзэдун опубликовал свою дацзыбао под названием «Огонь по штабу», в которой обвинял «некоторых руководящих товарищей в центре и на местах» в том, что они «осуществляли диктатуру буржуазии и пытались подавить бурное движение великой пролетарской культурной революции».

Эта дацзыбао, по Сути дела, призывала к разгрому центральных и местных партийных органов, объявленных буржуазными штабами. 8 августа пленум принял решение «О великой пролетарской культурной революции», в котором говорилось: «В настоящее время наша цель заключается в том, чтобы разгромить тех, кто находится у власти и идет по пути капитализма».

Пленум произвел важные изменения в составе руководства КПК. Из пяти заместителей председателя ЦК КПК (Лю Шаоци,

Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь и Линь Бяо) на этом посту был оставлен один Линь Бяо. Изменился состав Политбюро и Секретариата ЦК; после пленума они вновь подверглись чистке, а Секретариат фактически перестал функционировать. Таким образом, хотя Мао Цзэдун не смог на пленуме полностью избавиться от оппозиции (впоследствии он говорил, что его поддержали лишь немногим более половины участников), именно против Лю Шаоци и его сторонников был направлен основной удар. Постепенно все яснее обнажался замысел Мао Цзэдуна и его группы: покончить со всякой оппозицией.

Решения 11-го пленума были прямой ревизией не только решений 10-го пленума ЦК КПК (сентябрь 1962 г.), но и решений VIII съезда КПК, причем как 1-й, так и 2-й его сессий.

В резолюции пленума содержалось беспрецедентное даже для нравов КПК положение, согласно которому «революционные учащиеся» освобождались от ответственности за все совершенные в «ходе движения преступления и правонарушения, кроме убийств, отравлений, поджогов, вредительства, хищения государственных тайн и контрреволюционных преступлений».

…18 августа 1966 г., выступая на митинге на одной из площадей Пекина, Мао Цзэдун официально перед сотнями тысяч молодых людей объявил о создании организации хунвэйбинов. Он сказал, что она имеет не только общенациональное, но и интернациональное значение.

Этот митинг был снят на пленку. Фильм, основанный на этом событии, показывали в Китае и за рубежом. Зарубежные зрители были потрясены фильмом. Его сравнивали с фашистским фильмом такого же накала — «Торжество воли» — о Гитлере в Нюрнберге.

Мао Цзэдун шел медленно, держась за руку десятилетней девочки; движения его казались скованными. Он вышел вперед и заговорил о создании нового союза людей — союза бессмертия мужчин, женщин и детей, вступающих в вечно революционный процесс.

Многие представители Запада присутствовали на последовавшей за этим демонстрации детей от 13 лет и старше. Дети были экзальтированы, наэлектризованы, возбуждены.

Западные обозреватели более или менее единодушно полагают, что организация хунвэйбинов была запланирована и вылеплена опытными скульпторами заблаговременно. Но для простых китайцев возникновение этой организации было преподнесено как результат революционного творчества масс.

Через каких-то несколько дней сотни тысяч юных участников организации буквально наводнили всю страну, объявив

беспощадную войну «старому миру».

С 18 августа по 26 ноября 1966 г. в Пекине состоялось восемь массовых митингов хунвэйбинов с участием Мао Цзэдуна, на которых присутствовало около 11 млн. человек. На них выступали также Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Цзян Цин.

Хунвэйбины писали в своем манифесте: «Мы — красные охранники Председателя Мао, мы заставляем страну корчиться в судорогах. Мы рвем и уничтожаем календари, драгоценные вазы, пластинки из США и Англии, амулеты, старинные рисунки и возвышаем над всем этим портрет Председателя Мао».

Кто непосредственно был инициатором этого движения хунвэйбинов? На этот счет нет никаких сомнений. Движение было инспирировано самим Мао Цзэдуном.

Хунвэйбины росли в условиях невиданного прославления Мао Цзэдуна, фанатичного преклонения перед ним. С самого раннего возраста этих юношей и девушек воспитывали в духе воинствующего национализма, пренебрежительного отношения к культуре, традициям и опыту других народов. Они идейно формировались в обстановке непрекращающейся антисоветской кампании и имели извращенные представления о социалистическом строительстве в других странах, о самих идеалах социализма. Их можно было легко обмануть и увлечь демагогическими лозунгами.

Хунвэйбины разгромили многие книжные магазины в Пекине, Шанхае и других городах; отныне они могли торговать исключительно произведениями Мао Цзэдуна. На улицах многих китайских городов запылали костры, в которые были брошены книги, «не соответствующие идеям Мао Цзэдуна». Памятники А. С. Пушкину в Шанхае и Сунь Ятсену в Нанкине были разрушены.

Хунвэйбины установили обязательную повинность, согласно которой все жилые здания и общественные помещения должны были быть украшены портретами и плакатами с изречениями Мао Цзэдуна. Они останавливали автобусы, трамваи и троллейбусы, если на них не было подобных украшений.

Подвергая разгрому семьи и дома противников «идей Мао Цзэдуна», хунвэйбины помечали дома «преступников» специальными знаками, совсем как во время печально знаменитой Варфоломеевской ночи.

Вскоре фразы о «социалистическом воспитании трудящихся», о «новой пролетарской культуре» были отброшены в сторону. С предельной откровенностью заявлялось, что «великая пролетарская культурная революция вступила в этап борьбы за всесторонний захват власти».

Были разогнаны партийные комитеты, руководящие органы

комсомола, Всекитайская федерация профсоюзов. Затем маоисты стали захватывать руководство в центральных и местных органах печати, в провинциальных органах власти. Наконец, дело дошло до ЦК КПК; 2/3 его состава, избранного VIII съездом в 1956 году, были ошельмованы и отстранены от практической деятельности. Одиннадцать из пятнадцати членов и кандидатов в члены Секретариата ЦК КПК, в том числе генеральный секретарь Дэн Сяопин, были объявлены «черными бандитами», а более половины членов и кандидатов в члены Политбюро также объявлены «врагами идей Председателя Мао» и подверглись травле. В опале оказались и восемь из девяти китайских маршалов.

Только трое из семнадцати членов Политбюро избежали критики и преследований — это, разумеется, сам Мао Цзэдун, затем Линь Бяо и Чжоу Эньлай. Командовала хунвэйбинами «группа по делам культурной революции», которую возглавили Чэнь Бода, Кан Шэн, прозванный в свое время «палачом партии», и супруга Мао Цзян Цин, работавшая до этого в министерстве культуры. Неожиданно она была назначена секретарем Постоянного комитета Политбюро ЦК, хотя до этого не входила даже в состав ЦК КПК. Она особо специализировалась на преследованиях деятелей культуры и «чистке» репертуара театров, кино, учебных программ в университетах.

Хунвэйбины устроили публичное судилище над Пэн Чжэнем, Лу Дини — кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК КПК, Ло Жуйцином — заместителем премьера и начальником генерального штаба НОА и многими другими крупными руководителями. Сохранилась фотография, как хунвэйбины схватили Ло Жуйцина, ноги которого после попытки покончить самоубийством были в гипсовом лубке, его притащили на хунвэйбиновское судилище; он стоит перед яростной толпой с заломленными назад руками и искаженным от боли лицом.

Более хитрая тактика была применена к председателю КНР Лю Шаоци и генеральному секретарю ЦК КПК Дэн Сяопину. До осени 1968 года их имена не назывались открыто в печати. Лю Шаоци именовался «самым крупным лицом в партии, идущим по капиталистическому пути», хотя все уже знали, о ком идет речь. Но «массам» (так назывались судилища) их так и не «показывали».

После соответствующей подготовки и организации специального «подготовительного комитета» началось «наступление на Лю Шаоци». Ежедневно несколько тысяч человек в течение недели наводняли улицы Пекина и провинциальных центров, пугая жителей выкриками, лозунгами, песнями и

барабанным боем, неся плакаты с карикатурами, направленными против Лю. Толпа требовала его казни. Вначале его обвиняли только в том, что он выступает против «культурной революции», а также позволяет себе делать намеки на культ личности Мао.

Вскоре список обвинений пополнился тем, что предки Лю были помещиками, что он пролез в ЦК нечестным путем, что он плохо обращался со своими многочисленными женами.

Накал страстей вокруг Лю достиг того, что хунвэйбины похитили одну из дочерей Лю и заставили ее выступить против своего отца. Двадцатилетняя дочь Лю была студенткой университета. Не выдержав нажима, она уступила и подтвердила перед толпой, что ее отец «более двадцати лет» был в оппозиции к Мао; она назвала свою мачеху «монархисткой».

Хунвэйбины схватили сына Лю Шаоци, и он прошел через те же испытания. Сын Лю Шаоци окончил авиационный институт в Советском Союзе. На собрании в Пекине его заставили потребовать, чтобы его «отец — собачья голова — безоговорочно уступил Председателю Мао и склонился перед волей народа, иначе ему придет конец».

Дальнейшая судьба Лю Шаоци неизвестна. Председатель КНР, один из самых видных организаторов Коммунистической партии Китая, участник гражданской войны, известный деятель международного освободительного движения просто исчез — исчез бесследно и, видимо, навсегда. У Лю Шаоци были свои ошибки в разные периоды деятельности в КПК, но, разумеется, вовсе не те, о которых трубили со всех амвонов в период «культурной революции»: он никогда не выступал за «реставрацию капитализма» в Китае.

В начале 1967 года, когда было официально объявлено об установлении военного контроля над партийными и государственными органами, эра хунвэйбинов подошла к концу. Их миссия была выполнена, и с ними быстро и безжалостно расправились.

В течение этого года Мао несколько раз выступал с замечаниями в адрес хунвэйбинов. Он говорил, что их действия «граничат с анархией», что учащиеся и интеллигенция по-прежнему заражены «буржуазной идеологией», что они «левые» только по форме, а по содержанию— «правые» и т. п. Выступая на одном из митингов в июле 1968 года, Мао, «не скрывая слез», по словам одного западного обозревателя, говорил хунвэйбинам: «Вы предали меня и, более того, в вас разочаровались рабочие, крестьяне и солдаты Китая!».

В печати появилось пространное сообщение о том, что Мао прислал корзину плодов манго рабочим и крестьянам,

пропагандирующим его «идеи» среди студентов Пекинского университета. Получив этот нехитрый подарок, «люди радовались, рыдали и выкрикивали изречения Мао». Как выяснилось, за этим крылась некая символика: корзина фруктов была преподнесена не студентам университета, а рабочим и крестьянам. Как ни странно, но таким путем Мао дал понять о закате эры хунвэйбинов и о поощрении бригад из рабочих и крестьян, занятых пропагандой маоизма.

Впрочем, эти бригады состояли из рабочих и крестьян только номинально. В действительности и здесь командовали военные, задачей которых было взять под жесткий контроль деятельность хунвэйбинов.

Что же стало с 25 млн. хунвэйбинов, которые служили верной опорой Мао в 1966 году? Активисты, около 7 млн. человек, были сосланы на физические работы в отдаленные провинции в соответствии со следующим указанием Мао: «Образованных молодых людей крайне необходимо направлять в деревню, чтобы крестьяне-бедняки и низшие середняки могли перевоспитывать их». Если верить китайской печати, то Линь Бяо утверждал впоследствии, что переселение имело иную причину: ликвидировать безработицу среди лиц с высшим образованием; хунвэйбинов, по его словам, «сначала обманули и в конце концов превратили в пушечное мясо».

Молодежь отвечала на это снижением общественной активности. «Культурная революция.» создала атмосферу страха, ненависти, взаимных обвинений в среде молодежи. На митингах и собраниях люди задыхались, кричали, и никто уже не мог понять, во имя чего и против чего. Поэтому еще в период «культурной революции» стало усиливаться стремление части молодежи отойти в сторону от общественной жизни.

Эти «китайские хиппи» становились все более типичным явлением по мере того, как свертывалось движение хунвэйбинов.

Так была перечеркнута «романтическая» страница «культурной революции» — резко пошло на спад движение хунвэйбинов, лозунги которых нередко до сих пор находят отклик среди анархиствующей молодежи Запада. На авансцену снова вышли подлинные организаторы всей этой кампании со своими далеко не романтическими планами и замыслами.

Среди загадок «культурной революции» едва ли не самой трудной является лозунг «захвата власти», выдвинутый Мао Цзэдуном в начале 1967 года. Захват — кем и у кого?

С 1949 года политическая власть в Китае находилась в руках КПК, возглавляемой Мао. Зачем же ему понадобилось на 18-м году пребывания у власти в стране и на 32-м году руководства

партией вновь «захватывать» власть?

Одно из двух: либо он почувствовал реальную угрозу своей власти, либо он хотел утвердить ее в новых, еще более авторитарных формах. Оба эти объяснения в сознании Мао, в сущности, должны были сводиться к одному знаменателю: он мыслил свою власть только как власть Правителя Китая.

Во всяком случае, несомненно, что угроза была достаточно серьезной. Необузданная полемика в период «культурной революции» выплеснула на поверхность многочисленные факты идейно-политической борьбы внутри КПК на протяжении длительного периода.

Эта борьба в Китае в течение многих лет велась в скрытой форме. Общественность не имела возможности судить о различных позициях ее участников. Но вот завеса несколько приоткрылась.

Как мы уже выяснили раньше, задолго до «культурной революции» в КПК сложились две конфликтующие группы. Одна выступала за планомерное строительство социализма в Китае с учетом международного опыта социализма, другая — возглавляемая Мао, — за насаждение «военного коммунизма» и разрыв с СССР и другими социалистическими странами.

Это не значит, что оппозиционные силы в КПК следует рассматривать как единую группировку. Напротив, сейчас видно, что они представлены различными течениями. Особое место занимали такие ветераны партии, как Гао Ган, Чжан Вэньтянь (Ло Фу), Пэн Дэхуай и др.

Их позиции отличались большей последовательностью в марксистской теории, искренним интернационализмом. Как раз среди них мы находим людей, которые разрабатывали обоснованную альтернативу политике Мао, способную обеспечить развитие Китая по социалистическому пути. Иное течение представляли такие деятели, как Лю Шаоци, Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин. Они долгое время сами насаждали культ Мао Цзэдуна, пытались «сочетать» интернационализм с национализмом. И только после провала «большого скачка» и «коммунизации» они выступили с инициативой «урегулирования» и стали скрытно вести борьбу против экстремистской линии Мао.

Идейные разногласия внутри оппозиционных сил, по-видимому, и послужили одним из источников их слабости перед лицом наступления маоистов. Очевидно также, что борьба внутри КПК и ее руководства обострялась по мере усложнения задач, вставших перед партией и страной, и по мере усиления попыток Мао Цзэдуна силой навязать свой курс, укрепить режим личной власти.

Почему же и каким путем сумел победить Мао — проводник экстремистской политики внутри и вне Китая? Победить, несмотря на то что эта политика уже была испытана на деле («большой скачок», «народные коммуны»), скомпрометирована и даже отвергнута партией? Победить в условиях, когда его власть в партии сильно заколебалась?

Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что Мао сумел опереться на такие рычаги власти, которые дали ему решительный перевес внутри партии. Эти рычаги — военная власть и власть духовная, идеологическая. И трудно сказать, которая из них сыграла большую роль. В конце концов, офицерский корпус армии — это те же члены партийного руководства. Идеологический режим, режим культа личности Мао — вот что дало ему силу одолеть своих достаточно могучих противников. Можно представить себе, как горько раскаивались Лю Шаоци и другие повергнутые лидеры КПК в том, что они сами насаждали культ единоличного вождя Мао Цзэдуна, оградив его в сознании партийной и беспартийной массы невидимой стеной от критики, от контроля и ответственности перед партией и народом!

Хунвэйбины — это наиболее очевидный инструмент идеологического режима личной власти Мао. Но таким же инструментом была и вся атмосфера в партии, в армии, в государственном аппарате, в самих душах миллионов и миллионов людей. Призвать к ответственности или снять с поста председателя КПК — в массовом сознании это равносильно тому, чтобы отстранить самого бога…

С момента прихода к руководству в 1935 году Мао стал все более возвышаться над другими руководителями, так что в конце концов он смог безнаказанно игнорировать волю большинства ЦК КПК, волю партии и народа. Только в такой обстановке Мао сумел в период «культурной революции» отстранить не только ЦК КПК, но и всю партию, комсомол, профсоюзы и другие организации от решения коренных проблем политики.

В самом деле, легко заметить четкий рубеж в истории КПК — до и после 1935 года. До 1935 года было созвано шесть съездов КПК — и это в условиях труднейшей и ожесточенной борьбы и преследований. После же этого рубежа первый съезд партии был созван только через 10 лет, в 1945 году, хотя имелась полная возможность для его созыва раньше, поскольку КПК и Народно-освободительная армия функционировали в компактном Северо-Западном районе.

За первые пятнадцать лет существования народной власти был созван фактически только один, VIII съезд КПК, хотя по уставу партии их за этот период должно быть три. Также

нерегулярно проводились и пленумы ЦК КПК. Они созывались время от времени, спорадически, без всякого соблюдения уставных норм. И что еще более важно, к моменту их созыва, как правило, уже осуществлялся новый курс, и их участникам оставалось фактически лишь одобрить заготовленные рецепты, а не обсуждать их по существу. Мао очень неохотно соглашался проводить съезды партии и пленумы ЦК КПК, которые при всех их недостатках все же оставались форумами для обсуждения политических проблем.

В КПК и государстве в целом годами создавался такой режим, когда выполнение личных предписаний Мао, какими бы они ни были, рассматривалось как элементарное требование партийной дисциплины. В период «культурной революции» произошла расплата. Многие в КПК понимали пагубность нового курса, но не могли открыто даже заикнуться об этом: не было ни традиций, ни норм, ни институтов, позволяющих безнаказанно обсудить идеологию и политику Мао.

В обстановке идейного раскола в ЦК КПК особую роль должна была сыграть армия. Мао Цзэдун на протяжении многих десятилетий возглавлял Военный совет ЦК КПК. В период «культурной революции» Военный совет фактически возвысился над ЦК КПК и стал основным органом центральной власти.

С начала 1967 года реальная власть в стране стала переходить в руки военных. В 1967 году начали создаваться новые органы партийной и административной власти, получившие впоследствии название «ревкомов».

Из 12 провинциальных «ревкомов», организованных в период с августа 1967 по конец марта 1968 года, 9 возглавлялись военными. В других «ревкомах» они заняли должности заместителей председателей.

Создание «ревкомов» на провинциальном уровне было завершено к осени 1968 года (7 сентября в Пекине состоялся митинг, посвященный этому событию). В результате их создания фактически был установлен прямой контроль вооруженных сил над основными административно-территориальными единицами.

Еще до созыва IX съезда КПК решением 12-го расширенного пленума ЦК (октябрь 1968 г.), проходившего при закрытых дверях, вся руководящая власть в стране была закреплена за так называемым «пролетарским штабом» во главе с Председателем Мао Цзэдуном и заместителем Председателя Линь Бяо. Этот «штаб» заменил собой все высшие государственные и партийные органы. В него вошли (вместе с Мао Цзэдуном) 14 человек, пятеро из которых — военные (Линь Бяо и его жена Е Цюнь, начальник генерального штаба НОА Хуан Юншэн и два его заместителя),

трое — руководители органов безопасности (Кан Шэн — глава «спецгруппы по расследованию при ЦК КПК», министр общественной безопасности Се Фучжи и его заместитель, бывший телохранитель Мао Цзэдуна Ван Дунсин), четверо — «идеологи» (Чэнь Бода, жена «великого кормчего» Цзян Цин, зять Мао Яо Вэньюань и близкий к клану Мао Чжан Чуньцяо, председатель шанхайского «ревкома»). Членом «пролетарского штаба» стал и Чжоу Эньлай.

«Пролетарский штаб во главе с Председателем Мао и заместителем Председателя Линем уже стал единственным руководящим центром всей партии»; этот «штаб» является «единым руководящим центром… всей страны и всей партии», говорилось в официальной печати.

Итак, еще до IX съезда КПК в основном сложился режим военно-бюрократической диктатуры КНР. Его характеризует активное участие армии в государственном управлении и в целом в политической жизни страны, «огосударствление» партии, слияние партийного и государственного аппаратов.

IX съезд КПК, который проходил с 1 по 24 апреля 1969 г., закрепил новый политический режим, хотя и не преодолел неопределенность и неустойчивость его форм, внутреннюю борьбу групп в его институтах. На съезде, проходившем в обстановке строжайшей секретности, будто бы выступил Мао Цзэдун с «необычайно важной» речью. Она, однако, не была опубликована, как, впрочем, и многие другие материалы съезда. В печати появились коммюнике об открытии, ходе и завершении работы съезда, отчетный доклад ЦК КПК, с которым выступил Линь Бяо, текст нового устава и сообщение о составе избранных съездом руководящих органов партии. В докладе Линь Бяо главное место было уделено поношению свергнутой оппозиции и восхвалению успехов «культурной революции».

В принятом съездом новом кратком уставе КПК (преамбула и 12 статей) обращает на себя внимание несколько моментов. Первое — положение о новом порядке выборов «путем демократических консультаций». Это означало прямой подбор делегатов на следующие съезды. Второе — право ЦК КПК создавать «некоторые необходимые комплексные и оперативные органы, которые в едином порядке ведут текущую работу партии, правительства и армии». Это — попытка узаконить органы власти типа так называемого «революционного (или пролетарского) штаба». Третье — устав содержал беспрецедентный пункт о наследовании поста председателя КПК. Линь Бяо был объявлен в уставе «продолжателем дела товарища Мао Цзэдуна».

В руководящем органе партии — Политбюро ЦК КПК военная

группа составила большинство: из 21 члена Политбюро ЦК КПК 9-го созыва 15 занимали те или иные должности в НОА. Если же к группе военных отнести самого Мао Цзэдуна и Се Фучжи, занявшего пост председателя пекинского «ревкома» и имевшего в прошлом генеральское звание, то окажется, что в составе Политбюро только четыре человека не были связаны с вооруженными силами. Политбюро, в свою очередь, возглавлялось узкой группой руководителей, входивших в его Постоянный комитет. В него вошли: Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Кан Шэн и Чэнь Бода. А на самой вершине пирамиды возвышались Мао Цзэдун и Линь Бяо — председатель и единственный заместитель председателя ЦК КПК-

Режим личной власти Мао Цзэдуна существовал Не на пустом месте. Он имел широкую социальную опору. Прежде всего речь идет о группе «ганьбу» — так называют в Китае функционеров, занятых в партийном, государственном, хозяйственном, военном аппаратах управления. В состав этой группы входит, по имеющимся оценкам, примерно 20–30 млн. человек. Они назначаются исключительно сверху на основе строгого отбора, причем главным критерием отбора считается преданность «идеям Мао Цзэдуна». В числе «ганьбу» основное место принадлежит военным, а также технократам, вышедшим из военной среды. Эта группа — главная опора нынешнего режима власти.

Осенью 1970 года в японских и западных органах печати появился (впервые — 5 ноября 1970 г. в «Токио симбун») текст проекта новой конституции КНР. Хотя позднее была принята новая конституция КНР, названный проект представляет самостоятельный интерес, поскольку он непосредственно отразил чаяния организаторов «культурной революции». Главной заботой создателей проекта было закрепление личной власти Мао Цзэдуна. В ст. 2 проекта Мао Цзэдун именуется «великим вождем всех наций и народностей всей страны, главой нашего государства, пролетарской диктатуры, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны».

Вождь нации — это звание мало чем уступает титулу императора…

«Заместитель Председателя Линь Бяо является близким соратником Председателя Мао и его преемником, заместителем главнокомандующего вооруженными силами страны», — говорится в той же статье. По иронии судьбы именно этот столь лестный, казалось бы, для Линь Бяо пункт проекта послужил камнем преткновения на пути «ближайшего соратника» к обретению столь заманчивого наследства.

Характерно, что в проекте закреплялась не только

политическая, но и идеологическая власть Мао Цзэдуна. Его «идеи» объявлялись «руководящим курсом всей деятельности народа, всей страны» (ст. 2). «Основная обязанность граждан КНР — поддержка Председателя Мао Цзэдуна и его близкого соратника, заместителя Председателя Линь Бяо» (ст. 26). В преамбуле проекта имя Мао Цзэдуна упоминалось восемь раз.

Проект конституции, разработанный в 1970 году, говорит о том, что главной целью «культурной революции» было коренное изменение идеологического и политического режима в Китае, а не личное соперничество между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци, как думали некоторые поверхностные наблюдатели, особенно в начале «культурной революции».

В самом политическом режиме Китая можно выделить как самостоятельный объект анализа идеологический режим. Под этим мы понимаем характер идеологии, господствующей в китайском обществе; механизм, с помощью которого эта идеология внедряется в сознание общества; соотношение этой идеологии с другими идеологиями в рамках общества; взаимодействие идеологии и политики.

В Китае, который на протяжении веков управлялся не столько с помощью законов, сколько на основе системы идеологического воспитания и принуждения, идеологические ценности занимали одно из первых мест в системе политической власти.

Для понимания политических режимов и политической практики Китая в прошлые эпохи далеко не второстепенное значение имеет ориентированность правящих сил и широких масс на ту или иную систему идеологических ценностей, воплощенных в даосизме, конфуцианстве, легизме или уравнительных идеях крестьянских движений типа движения тайпинов в середине XIX века.

Руководители Китайской Народной Республики, отвергнув многие атрибуты прошлого, тем не менее не сумели порвать с этой традицией. «Культурная революция» должна была, по более или менее осознанному замыслу ее зачинателей, завершить работу по формированию идеологического режима, основанного на «идеях» Мао Цзэдуна. Она перепахала почву духовной культуры всего Китая, добиваясь уничтожения любых идейных ценностей, которые не укладывались в прокрустово ложе маоизма.

В политическом отчете ЦК КПК IX съезду отмечалось: «Последние полвека Председатель Мао… сочетая всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции, унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм в области политики, военного дела, экономики, культуры,

философии и т. д., поднял его на совершенно новый этап. Маоцзэдун-идеи есть марксизм-ленинизм такой эпохи, когда империализм идет ко всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире»[4].

IX съезд КПК в принятом на нем уставе партии не только закрепил особое положение вождя в лице «товарища Мао Цзэдуна» в партии, но и объявил «идеи Мао Цзэдуна» идеологической основой КПК, восстановив тем самым тезис из устава партии, принятого на ее VII съезде в 1945 году, а затем отмененного VIII съездом в 1956 году.

В 1965 году резко возросли тиражи изданий работ Мао Цзэдуна по всей стране, причем в некоторых провинциях в 20–40 раз по сравнению с 1963 годом. В одном только 1966 году было издано 3 млрд. «цитатников» Мао Цзэдуна на многих языках мира.

Идеологический режим, установившийся в результате «культурной революции», означал прежде всего искусственное и принудительное сужение господствующими силами духовной культуры партии и всего китайского народа: что не отвечает «идеям Мао Цзэдуна», что противоречит либо не подтверждает их, должно быть отвергнуто.

Это относится и к национальным традициям культурной жизни самого Китая, и к духовной культуре всего человечества. Это в неменьшей степени относится и к марксизму-ленинизму.

Весь марксизм, подобно шагреневой коже, сужается и преобразуется в нечто иное — маоизм. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин сохраняют свое место на маоистских знаменах. Их портреты можно увидеть на стенах многих официальных учреждений страны. Но идеология марксизма подменяется идеологией маоизма. Высшим критерием истины провозглашаются исключительно «идеи Мао Цзэдуна». Никто не может, ссылаясь на Маркса или Ленина, ставить под сомнение маоистские идеи. И наоборот: любой маоистский тезис или установка закрывает дорогу для пропаганды противоречащих им марксистских идей.

Механизм функционирования маоистской идеологии также преобразуется. Если раньше, особенно в период VIII съезда КПК, еще возможна была осторожная полемика, направленная против тех или иных маоистских установок (как видно на примере докладов на съезде Лю Шаоци и Дэн Сяопина), если в период «урегулирования» на заседаниях высших партийных органов еще была допустима критика маоистских идей «скачка» и «коммунизации», то после «культурной революции» даже этот род урезанного демократизма становится невозможным. «Идеи Мао

Цзэдуна» священны и неприкосновенны. Их можно только цитировать и восторженно пропагандировать.

Это не значит, что идейная борьба после «культурной революции» полностью прекратилась. Это невозможно, сколь бы ни был суров политический режим. Кроме того, перед Китаем стоят настолько сложные и острые проблемы во внутренней и внешней политике, что неизбежно возникают и будут возникать альтернативные предложения, суждения, взгляды. Но вся эта борьба идет под куполом маоизма, малейшее отклонение от которого смерти подобно. Идеологическая дубина при посредстве газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци», агентства Синьхуа и многих других органов печати, радио, телевидения действует с неослабевающей силой. Она становится важным инструментом власти.

Деятели, которые в тот или иной момент берут верх во внутренней политической борьбе, немедленно пускают в ход эту дубину, чтобы окончательно добить своих противников. Линь Бяо, если судить по его официальным выступлениям, был верным проводником маоистских установок, никогда не допускал ни малейших отклонений от маоистской идеологии, не претендовал на роль идеолога. Тем не менее после политического крушения он был немедленно объявлен врагом «идей Мао Цзэдуна». В Китае при Мао не было более опасного обвинения, чем это.

Ты можешь быть буржуа и получать свои проценты от капитала — это никто не поставит тебе в вину. Ты можешь допустить злоупотребление властью, присвоить казенные деньги, обогатиться за счет государства. Тебя будут судить, но к тебе будут снисходительны. Ты можешь быть даже уличен в уголовных преступлениях — кражах, мошенничестве, разбое, членовредительстве. Эти преступления заслуживают наказания, но это не самые тяжкие преступления.

Самый тяжкий преступник, которому нет и не может быть пощады, — это человек, выступивший против «идей Мао Цзэдуна». Такого сурового идеологического режима не знало даже европейское средневековье со всеми его религиозными войнами и инквизицией. Прецеденты подобного религиозного фанатизма можно найти, пожалуй, только лишь в китайской истории в определенные периоды.

Не только антимаоизм, но и немаоизм насильственно изгонялись из духовной жизни китайского общества. Никаких альтернатив в сфере духовных ценностей у китайца не должно было быть. Выбор один, и выбор окончательный.

Плоской и убогой становилась интеллектуальная жизнь и внутри самой партии. Если раньше те или иные руководители

еще могли позволить себе иметь собственное суждение по поводу намечаемых политических решений, то потом это было исключено. Робко высказывая то или иное частное или чисто профессиональное суждение, они должны были тут же сослаться на цитату из Мао Цзэдуна. Все взоры были обращены к пьедесталу, на котором он восседал. А на пьедестале нередко царит безмолвие (не «белое безмолвие», описанное Джеком Лондоном, а скорее «белая радость» — символ смерти, о котором говорил Мао). И тогда образуется вакуум в решении многих проблем.

Специфическая особенность маоистского идеологического режима — это так называемая «линия масс». Некоторые ее внешние формы могут показаться даже весьма демократичными поверхностному наблюдателю. Публикация дацзыбао, в которых критикуются те или иные руководители; участие молодежи «на равных» в дискуссиях со старшими — студентов с профессорами, школьников с учителями; коллективное творчество рабочих и крестьян, сочиняющих стихи, поэмы, драмы, рассказы, — все это на первый взгляд выглядит пусть наивными, но все же какими-то средствами выяснения общественного мнения.

Однако направленность этой общественной активности разбивает в прах всякие иллюзии на ее счет. Массы могут творить только в духе официальной идеологической линии, в духе самых последних маоистских установок. Если сегодня поощряется критика Лю Шаоци — критикуйте сколько угодно, где угодно и как угодно, в самых крайних выражениях. Критикуйте его, но не трогайте Линь Бяо. Если завтра выяснится, что Линь Бяо является заговорщиком, «агентом социал-империализма», вы можете сколько угодно и как угодно поносить Линь Бяо, но не трогайте Чжоу Эньлая. Еще вчера было разрешено критиковать Дэн Сяопина, но сегодня он снова вошел в состав высшего партийного руководства. Поспешите взять обратно все свои критические замечания на его счет, если не хотите серьезных неприятностей.

Иными словами, «линия масс» — это метод манипулирования народом и опоры вождя на народ, воплощающий его «идеи». Это метод направления общественной активности по строго ограниченным каналам. Одновременно это способ отстранения или преследования активной части интеллигенции и сознательной части рабочего класса, и беспартийной, и партийной, поскольку через их голову Председатель прямо и непосредственно апеллирует к простым душам простых «представителей» народа.

Мы уже рассказывали о методах внесудебной расправы за идеологические «преступления», которые применялись

хунвэйбинами, но к концу «культурной революции» они сами стали жертвой таких методов.

«Маленькие застрельщики культурной революции»

Перед IX съездом КПК стали объектом массовых репрессий. По сообщениям зарубежной печати, 27 января 1969 г. на одном из стадионов Пекина после своего рода митинга, именуемого судом масс (где имитируется процесс судопроизводства), были публично казнены 19 юношей из числа бывших хунвэйбинов. Аналогичные расправы проводились 10 и 11 февраля того же года в городе Янчэнсяне в присутствии 50 тыс. человек.

…Осенью 1971 года над территорией Монгольской Народной Республики разбился самолет с китайскими опознавательными знаками. На месте падения были обнаружены остатки самолета и обгоревшие до неузнаваемости трупы летчиков и пассажиров. Вещи и бумаги почти не сохранились, и поэтому невозможно было установить, кто находился в самолете и с какой целью нарушена монгольская граница. Одновременно разбился вертолет, поднявшийся в воздух с территории студенческого городка университета Цинхуа в Пекине. Все пассажиры, кроме одного, по сообщениям западной печати, покончили с собой. Китайские официальные лица и китайская печать некоторое время хранили гробовое молчание по поводу этих инцидентов. И только спустя полтора месяца Чжоу Эньлай впервые официально сообщил о гибели китайского самолета над территорией МНР и о том, что в нем находился Линь Бяо, который будто бы хотел перебежать на сторону «советских ревизионистов».

Так мировая общественность узнала о новой жертве политической борьбы в Китае. Линь Бяо, который незадолго до этого был объявлен вторым человеком в Китае и преемником председателя КПК, неожиданно предстал как «глава авантюристического заговора против Мао Цзэдуна», как «агент социал-империализма» и «черный бандит».

Мы не будем вдаваться в рассмотрение перипетий этого странного дела, которое напоминает детективную историю. Был ли на самом деле Линь Бяо в самолете, пересекшем границу Монгольской Народной Республики, как и почему погиб самолет, действительно ли имел место заговор против Мао Цзэдуна — все это до времени останется загадкой. Нас интересует политический и особенно идеологический аспект инцидента.

После разоблачения «заговора Линь Бяо» официальная китайская пропаганда одно время проявляла растерянность. Было неясно, за что и с каких позиций следует идеологически

прорабатывать бывшего военного министра. Линь Бяо в глазах китайцев был до этого вождем «культурной революции», составителем первых «цитатников» Мао. Как руководитель хунвэйбинов Линь Бяо в свое время носил красную повязку № 2, а Мао — повязку № 1. Весь народ должен был присягать на верность Линь Бяо как «ближайшему боевому соратнику Мао Цзэдуна». В уставе КПК, принятом на IX съезде, и в проекте новой конституции КНР, обсуждавшемся в 1970 году, Линь Бяо был объявлен преемником председателя Мао Цзэдуна.

Но в 1973 году на X съезде КПК Чжоу Эньлай заявил партийной массе и всему народу, что Линь Бяо был «буржуазным карьеристом, заговорщиком, лицемером, ренегатом, предателем родины, авантюристом». Партийная пропаганда вскоре сообщила, что Линь Бяо (жена его тоже была членом Политбюро, а сын занимал командный пост в ВВС) «мечтал о создании наследственной династии семейства Линь».

Одно время печать в Китае называла Линя «левым», затем он неожиданно стал «правым». Наконец, выяснилось и главное его идеологическое преступление: Линь Бяо — ни больше ни меньше, как последователь и ученик Конфуция.

Конфуций умер около двух с половиной тысяч лет назад. Линь Бяо погиб несколько лет назад. Какая ниточка связывает эти имена?

Заметим прежде всего, что отношение Мао и его соратников к конфуцианству до этой кампании было весьма противоречивым. Во многих выступлениях Мао Цзэдуна, особенно на закрытых совещаниях в КПК, содержатся многочисленные ссылки на Конфуция. Китайцы знают, что в знаменательный 1919 год он поднялся на священную гору Тайшань и посетил могилу учителя Куна.

Личный секретарь Мао — Чэнь Бода, один из организаторов «культурной революции», который исчез с политической сцены почти одновременно с Линь Бяо, считал Конфуция своего рода прародителем научного коммунизма. Лю Шаоци также совершил паломничество на могилу философа на горе Тайшань. Президент Академии наук КНР Го Можо даже причислял Конфуция к революционерам. В начале 1973 года в Пекине вышел первый брошюрованный том «Истории философии». Там о Конфуции говорилось: «В его теории были реакционные и прогрессивные идеи».

Кто же дал антиконфуцианское знамя новой идеологической кампании? По-видимому, опять лично Мао Цзэдун.

2 февраля 1974 г. «Жэньминь жибао» сообщила, что «политическая борьба масс, критика Линь Бяо и Конфуция»

ведутся «по инициативе и под руководством нашего великого вождя Председателя Мао». В заключение этой статьи «Жэньминь жибао» процитировала отрывок из стихотворения Мао:

Пусть веют ветры,
Пусть бьются волны!
Это лучше, чем праздно
Гулять по окруженному стеной двору.

Волны поднялись на новую высоту, и ветры подули с новой силой… И вот на протяжении ряда лет в Китае свергали авторитет Конфуция — прямого наставника злополучного маршала. Свергали методично, основательно. Свергали в Пекине и Шанхае, в Гуанчжоу и Чэнду, в Ухане и Тяньцзине. Свергали по радио и в газетах, в официальных плакатах и дацзыбао, с оперных подмостков и с университетских кафедр. Свергали на улицах и дома, на специальных собраниях и случайных сходках, на атомных заводах и в деревнях, в научных центрах и школах. Этим были заняты «ганьбу» из центральных правительственных учреждений в их неизменных френчах с накладными карманами и «ганьбу» помельче в костюмах из бумажной материи, бывшие хунвэйбины в тапочках, в темных брюках и белых майках, дети в синих штанишках.

Давайте поразмышляем, почему Конфуций вызвал такой прилив раздражения у Мао и его приверженцев.

Учитель Кун жил в VI–V веке до н. э., в период напряженной политической борьбы между разрозненными китайскими царствами и беспорядков внутри самих этих царств. Мыслители того времени мало интересовались проблемами духа и материи, смысла жизни, смерти и бессмертия, строения вселенной и воли богов. Их больше волновали живые проблемы трудной жизни того времени. Учитель Кун думал и писал о том, как управлять государством, какими должны быть правитель и его подданные, как сохранять единство и могущество народа, как приумножить богатства страны и как утешиться в бедности. Он создал патриархальную теорию государства как большой семьи, где добродетельный правитель подобен отцу, а подданные — послушным детям.

«Лунь юй», что означает «беседы и высказывания», — это единственное произведение китайской литературы, которое передает более или менее достоверно взгляды самого Конфуция. Подобно Сократу, учитель Кун дошел до нас в записях своих учеников, которые собрали его высказывания в отдельное произведение после смерти учителя. Поэтому текст «Лунь юй»

имеет множество редакций.

В Китае издавна существовала добрая имперская традиция вторжения властей в духовную жизнь народа. Сами императоры время от времени, устав от военных походов, начинали походы против великих философов и мыслителей в тщании превзойти их своей мудростью и прославить свое имя — не только на поле брани, но и в духовном промысле.

В III веке до н. э. при императоре Цинь Шихуане произошло знаменательное событие, которое известно в Китае как «сжигание книг» и «закапывание живых конфуцианцев». «Лунь юй» был запрещен и подвергнут сожжению, а 460 ревностных проповедников конфуцианства были закопаны в землю живыми.

А зачем, собственно, живыми? Откуда такое озлобление у императора? Можно только догадываться о причинах по косвенным свидетельствам. По-видимому, более всего правителя раздражали советы философов, их вмешательство в дела государства, их поучения, как управлять народом, которые шли вразрез с интересами укрепления императорской власти.

Следуя заветам учителя Куна, философы проповедовали принцип *«жэнь»,* или «человеколюбие», и поведение *«цзюньцзы»*, или «благородного мужа», — высшего эталона человеческой добродетели. Вот что мы читаем по этому поводу в книге «Лунь юй»:

«Там, где царит человеколюбие, прекрасно. Поэтому, когда кто-либо поселяется там, где нет человеколюбия, разве он мудр?»

«Благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду». «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду». «Благородный муж стремится быть медленным в словах и быстрым в делах».

«Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать, почему». «Можно отказаться от пищи, С древних времен еще никто не мог избежать смерти», но «без доверия народа государство не сможет устоять».

«Если совершенствуешь себя, то разве будет трудно управлять государством? Если же не можешь усовершенствовать себя, то как же сможешь усовершенствовать других людей?»

«Кто-то спросил: „Правильно ли отвечать добром на зло?“ Учитель ответил: „Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром“».

Ну как не понять раздражение императора Цинь Шихуана, когда ему пытались навязать подобные советы? Советники государей вообще редко преуспевали в истории. Пример Никколо

Макиавелли может явиться классическим в этом отношении. Его советы были отвергнуты Медичи, а сам он пережил тюрьму, опалу, ссылку. Глупые или слабые правители иной раз пользовались советами умных царедворцев, но становились в итоге их рабами, подобно блаженному Федору Иоанновичу — послушной жертве Бориса Годунова. Умные правители пользовались советами, скрывая их источник. А сильные и жестокие правители отправляли советников на эшафот или в изгнание, подобно Ивану Грозному.

Но спор императора и философа не завершился сожжением книг и погребением живьем «верных конфуцианцев». Дело сильнее Слова, но Слово более живуче, чем Дело. Книги возродились из пепла и на века захватили воображение китайцев. Возродились, подобно Фениксу или сказочной лошади-дракону, которые олицетворяют в Китае высший уровень морали и благоденствия в государстве. Феникс и лошадь-дракон, исчезнувшие при Цинь Шихуане, появились при новых правителях. И вот уже во II веке до н. э. в начале правления династии Хань становятся известными три редакции «Лунь юй», а позднее текст «Лунь юй» вместе с другими конфуцианскими текстами был выбит на каменных стенах.

Канон конфуцианства, подобно христианскому канону, не ограничился лишь «беседами и высказываниями», почерпнутыми у самого учителя. В него вошли «Ли цзи» («Книга обрядов»), «И цзин» («Книга перемен»), «Шу цзин» («Книга истории»), «Ши цзин» («Книга песен»), летопись «Чуньцю» («Весна и Осень»). Все эти книги были включены в состав конфуцианского «Пятикнижия» («У цзин»).

Каждый культурный человек, а тем более тот, кто претендовал на какую-нибудь должность, должен был хорошо знать «Пятикнижие». Позднее, в эпоху неоконфуцианства (XII в.), требования конфуцианского канона были сужены. Появился так называемый «Малый канон», или «Четверокнижие» («Сышу»), в который вошли лишь произведения, выражавшие основы конфуцианства.

Двадцать пять веков китайцы поклонялись учителю Куну. Они находили в нем источник мудрости и простых житейских советов: как относиться к отцу и вообще к предкам, к старшим братьям, к другим людям, к уездному начальнику, помещику, к правителю. Как относиться к знанию, научиться размышлять, предвидеть будущее, как соблюдать ритуал, как делать похоронную церемонию печальной, как быть благородным мужем, как управлять Поднебесной. Об этих и многих других предметах можно было узнать, читая «Пятикнижие» или «Четверокнижие».

В отличие от христианства, конфуцианство не было религией. Но оно было верой не менее прочной и глубокой, чем христианство или магометанство. В основе этой веры лежало признание мудрости ее источника — великого учителя Куна и господство традиций: каждый верил потому, что верил его отец, его дед, его прадед, все его предки.

Вот над кем были занесены длани 700 млн. китайцев (мы исключаем младенцев до трехлетнего возраста, которых, наверное, все-таки не смогли включить в кампанию)! Вот какого поистине могучего духовного титана свергали с пьедестала в Китае! Вот где подлинная великая революция в культуре, умах и душах великого народа!.. Душа очищается от тины традиционного верования, ум — от паутины устаревшей мудрости. Пьедестал, на котором 25 столетий возвышалась маленькая фигурка скромного учителя Куна, свободен…

Но во имя чего? В каких целях свергается это былое величие?

Быть может, китаец хочет приобщиться к современной культуре, к современному знанию? Он жаждет овладеть наукой и техникой последней трети XX века? Он мечтает о новой жизни, о новых отношениях между людьми, о новых формах управления — о социализме?

Тогда понятно, хотя многие формы, многие методы идеологических кампаний и коробят нас своими странностями, своими жестокостями. Но в конце концов традиция есть традиция; даже когда она умирает, она сохраняет верность самой себе, хотя бы в отношении ритуала своей смерти. Все это было бы так, если бы…

Если бы… не голопузые мальчики и девочки в детских садах, которые скандируют хором, дирижируемые обаятельной девушкой в синих брюках и белой кофточке: «Десять тысяч лет Председателю Мао!»

Если бы шахтер, черный от угольной пыли, который 30 часов не выходил из забоя, не восклицал: «Я сделал это в честь мудрого учителя Мао!» Если бы 15-летние хунвэйбины, юноши и девушки, не кричали на своих сборищах: «Смерть конфуцианцам, вечная жизнь Председателю Мао!» Если бы хирург, который произвел сложнейшую операцию на сердце, не заявлял при этом: «Я сделал это потому, что следовал учению Мао!» Если бы солдаты, стреляя в чучела «ревизионистов», не кричали при этом: «Уничтожим всех врагов Мао!» Если бы 200 типографий во всех крупных городах Китая, давно забросившие печатание не только «Пятикнижия», но и обыкновенных школьных учебников по физике и математике, не воспроизводили денно и нощно в миллиардах экземпляров «красные книжечки» Мао Цзэдуна. Словом, если бы пьедестал,

освобождаемый от учителя Куна не использовался тут же для водружения на него знакомой фигуры Председателя Мао.

Как видим, Правитель был побежден Философом тоже не навечно. Спор между Цинь Шихуаном и Конфуцием через много веков стал предметом идеологического размежевания сил в Компартии Китая. Судите сами.

Маоисты преподносили критику Конфуция как отрицание всей феодальной культуры, эксплуататорской по своей сущности. Но тогда как понять тот факт, что критики Конфуция противопоставляют ему любимый образ Мао — Цинь Шихуана, которого превозносили в Китае как образец всех добродетелей?

Критика Конфуция вскрыла не только факт продолжения групповой борьбы в тогдашнем руководстве Китая, но и противоречивые тенденции — конфуцианскую и легистскую, проходящие через всю китайскую историю. Легистская тенденция, которая прославлялась, не имеет ничего общего с властью закона, она подразумевает власть всемогущего правителя. Не случайно прототипом легистского правителя является Цинь Шихуан.

Такая интерпретация легистов дается и самими маоистами. В одной из статей «Жэньминь жибао» говорилось: «Закон Шан Яна, составителя законов Цинь Шихуана, направлен на уничтожение закона с помощью закона и уничтожение войны с помощью войны». Вывод статьи: «Управлять страной с помощью насилия — это историческая необходимость».

Мы не собираемся входить здесь в обсуждение вопроса об исторической роли Конфуция. Его роль определяется уже тем фактом, что он сохранял свое влияние в Китае на протяжении тысячелетий, точно так же как всем опытом страны подтверждена узость и консервативность системы его взглядов, которая пришла в острый конфликт с современной эпохой. Мы не хотим вступать в полемику и по поводу места Цинь Шихуана в истории.

Ясно одно, что вся эта шумиха вокруг Конфуция никакого отношения, в сущности, не имела ни к нему самому, ни к его идеологии. Достаточно одного того факта, что этот философ зачислен в «одну банду» с опальным маршалом Линь Бяо, который имел такое же отношение к философии, как Конфуций к военному ремеслу.

О, эти поистине загадочные восточные сфинксы, которые через тысячелетия встают из мертвых, тревожат души живых и лихорадят правительства и народы! Мир с удивлением взирает на потоки живой энергии, устремленные к гробнице человека, умершего много столетий назад, на растрату великих сил великого народа…

На X съезде КПК (24–28 августа 1973 г.) произошло

определенное отступление маоистов, по крайней мере словесное, от ряда наиболее одиозных лозунгов и установок периода «культурной революции». В материалах съезда и в других его политических и пропагандистских документах все чаще мелькают ссылки на диктатуру пролетариата, упоминания о руководящей роли рабочего класса и его партии, принципе мирного сосуществования.

Однако X съезд КПК обошел молчанием все основные теоретико-политические проблемы, вставшие перед партией и страной после того, как кульминационный период «культурной революции» остался позади. По всему видно, что Мао Цзэдун по-прежнему не располагал программой развития страны — экономической, социальной, внешнеполитической, — рассчитанной на длительную перспективу.

X съезд полностью воспроизвел линию Мао на милитаризацию страны. Напомним, что IX съезд КПК призвал всю страну «готовиться на случай войны, готовиться на случай стихийных бедствий», «рыть глубокие туннели» и «запасать зерно». Эта линия нашла полное подтверждение на X съезде: «… Быть полностью подготовленными к возможной агрессивной войне со стороны империализма и особенно к внезапному нападению советского ревизионистского социал-империализма на нашу страну». Съезд обратился к рабочему классу, к крестьянам-беднякам и середнякам, к командирам и бойцам НОА и ко всему многонациональному китайскому народу с призывом «непременно усилить подготовку к войне». Эти установки были включены в устав КПК, принятый X съездом.

Наиболее значительным событием после этого съезда было утверждение новой конституции КНР, принятой на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва в январе 1975 года (сам Мао, правда, не присутствовал на сессии ВСНП, а предпочел в это время встречаться с лидером западногерманских правых кругов Штраусом).

Конституция закрепила режим личной власти Мао Цзэдуна, опирающийся непосредственно на армию и апеллирующий к отсталым классам Китая.

Интересно отметить, что, в отличие от первоначального проекта конституции (о котором мы говорили раньше), в утвержденном ее варианте опущены положения о преемственности верховной власти в КПК и КНР. Мао на этот раз отказался назначить кого-либо своим официальным преемником. Это наводит на мысль о том, не являлось ли включение в проект конституции статьи о преемнике — Линь Бяо всего лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы объединить тем самым против него

всех других членов руководства КПК? Если бы Мао действительно серьезно относился к вопросу о преемственности власти, он наверняка настоял бы на включении подобного пункта в текст новой конституции.

«Культурная революция» окончилась, но ее идеология полностью сохранилась. Сохранились и те силы, которые ее вдохновляли. «В бурном море не обойтись без кормчего» — значит для самого сохранения роли и исторических подмостков для «кормчего» нужно, чтобы море было бурным, нужно создавать обстановку перманентных потрясений и хаоса в Поднебесной. И тогда один лишь «кормчий» будет в состоянии восстанавливать порядок, выступая вершителем судеб всего народа.

Радикал-националист

С кем же мы имели дело в лице Мао Цзэдуна: со сбившимся с пути марксистом или националистом, позаимствовавшим нечто у марксизма?

Из всех суждений о Мао Цзэдуне, которые нам довелось читать или слышать, самыми интересными нам показались несколько его собственных высказываний: «Во мне заключен дух тигра, и он преобладает, но вместе с ним уживается и дух обезьяны», — писал Мао Цзэдун в письме своей жене Цзян Цин. «Нам надо соединить Карла Маркса и Цинь Шихуана»[1], — говорил он на одном из собраний партийного актива. «Наш коронный номер — это война, диктатура»[2].

Подобные сентенции могут показаться просто проявлением экстравагантности. Но нельзя исключить, что, быть может, именно они дают разгадку этой личности…

Перелистаем еще раз страницы идейной биографии Мао и обратим внимание на его собственные суждения об эволюции своих взглядов.

В беседе с японскими социалистами, состоявшейся 10 июля 1964 г., то есть когда Мао уже перевалило за 70 и когда он стал подумывать о «встрече с Марксом», он вспоминал: «Я участвовал в буржуазно-демократической революции 1911 года. С тех пор я учился 13 лет: 6 лет я посвятил изучению трудов Конфуция, и 7 лет я читал произведения капитализма. В студенческом движении участвовал и выступал против тогдашнего правительства.

Только мысль создать какую-нибудь партию мне не приходила в голову. Маркс мне не был знаком, и о Ленине я тоже ничего не знал. Поэтому у меня не возникало мысли организовать коммунистическую партию. Я верил в идеализм Конфуция и в дуализм Канта.

В 1921 году была создана Коммунистическая партия. Тогда во всей стране было 70 членов партии. Они избрали 12 делегатов. В 1921 году состоялся I съезд партии, на котором я был в числе делегатов. Там было еще двое… Впоследствии они вышли из партии. Еще один стал троцкистом. Этот человек жив по сей день и живет в Пекине.

Я и этот троцкист — мы еще живы; третий, кто еще жив, — это заместитель председателя республики Дун Биу. Все остальные либо погибли, либо совершили предательство. С 1921 года, года основания партии, и вплоть до Северного похода в 1927 году мы знали только, что мы хотим совершить революцию, но как надо совершить революцию — методы, линия, политическое

планирование, — в этом мы абсолютно не разбирались.

Позднее. мы постепенно стали что-то понимать — борьба научила нас. Возьмем для примера земельную проблему: 10 лет я посвятил изучению классовых отношений в деревне. Или проблема войны, на это тоже ушло 10 лет. 10 лет я воевал, и только потом я овладел искусством ведения войны.

Когда в партии появились правые уклонисты, я был левым. Сейчас, когда в партии возник „левый“ оппортунизм, меня называют правым оппортунистом. Никому не было дела до меня, одинокий и покинутый, один я и остался. Я всегда говорю, в ту пору был один-единственный будда, который первоначально был всемогущ, но его выбросили на свалку, он ужасно смердел. Позднее, во время „великого похода“, мы провели совещание в Цзуньи; и тогда я, вонючий будда, снова начал благоухать».

Довольно откровенный рассказ. Мао и не думает изображать из себя человека, который овладел теорией марксизма-ленинизма. Напротив, он настойчиво подчеркивает (как и в рассказе Э. Сноу за 30 лет до этого) традиционно-китайские основы своего образования и мировоззрения. Как следует из его слов, в сущности, он не придавал большого значения на начальных этапах революционной деятельности выработке идейной платформы— все руководители в его изображении были на невысоком уровне в теории. Быть может, эти признания навеяны настроениями старого человека, который склонен вышучивать грехи и заблуждения своей молодости?

Вернемся к автобиографическому рассказу Мао, записанному Эдгаром Сноу в Яньани. Перелистаем его снова ретроспективно, уже с учетом нашего знания последующей деятельности Мао Цзэдуна. И вот что бросается в глаза: Мао настойчиво, нарочито и сознательно демонстрирует перед Сноу свою приверженность идеям национального возрождения Китая и как основу своих политических взглядов, и как главный мотив революционной деятельности. Конечно, он говорит о себе как о коммунисте и марксисте, но только во вторую очередь.

Касаясь своей реакции на события русско-японской войны 1905 года, Мао не скрывает, что все его симпатии были на стороне Японии как азиатской державы. Он рассказывает, как в школу, где он учился, приехал учитель, побывавший в Японии. Он носил фальшивую косу, в связи с чем его прозвали «фальшивый заморский черт». «Многие студенты не любили „фальшивого заморского черта“, — повествует Мао, — но я любил слушать его рассказы о Японии. Он преподавал музыку и английский язык. Одна из его песен была японской и называлась „Бой в Желтом море“. Я до сих пор помню некоторые чарующие слова этой

песни. В то время я знал и ощущал красоту Японии и разделял ее гордость и могущество, воспеваемые в этой песне, посвященной победе над Россией».

Напомним, что, по словам Мао, его самые первые политические эмоции были связаны с пробуждением чисто националистических чувств, вызванным «угрозой расчленения Китая», о которой он впервые узнал из брошюры Чэнь Тяньхуа. Речь шла о японской оккупации Кореи и Формозы, о потере сюзеренитета над Индокитаем, Бирмой и другими странами. «После того как я прочитал это, почувствовал тревогу-за будущее моей страны и начал понимать, что долг всего народа — помочь спасти Китай».

Позвольте, но разве утрата установленного цинской династией формального господства над Индокитаем, Бирмой и другими соседними государствами создала угрозу «расчленения Китая»? Ведь эти государства никогда не были собственно китайской территорией. Что же так взволновало юношу? Судьба народов этих стран или ослабление могущества китайской империи?

На вопрос Э. Сноу о целях коммунистов в антияпонской войне — думает ли он о возвращении Китаю всех территорий, захваченных Японией, или только об изгнании Японии из Северного Китая — Мао ответил недвусмысленно: «Непосредственной задачей Китая является возвращение всех наших территорий, а не только отстаивание нашего суверенитета до Великой китайской стены». У него уже тогда было своеобразное представление о «наших» территориях.

Но и на этом не остановились притязания Мао. Он прямо заявил Э. Сноу, что Китай претендует и на территорию Монгольской Народной Республики… «Когда в Китае победит народная революция, республика Внешняя Монголия автоматически станет частью Китайской федерации по собственной воле».

Э. Сноу — мы уже разбирали выше его мотивы — считал Мао прежде всего националистом, а затем коммунистом и еще в период гражданской войны предсказывал неизбежный конфликт Мао (в случае победы революции) с КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями. Эту позицию, в сущности, разделяет и Стюарт Шрам, хотя он и доказывает приверженность Мао Цзэдуна «ортодоксальному марксизму». «Мао, — пишет он, — был националистом задолго до того, как он стал коммунистом или революционером любого разряда»[3]. Именно С. Шрам под этим углом зрения рассматривает основные вехи становления идейной биографии Мао Цзэдуна. Сам Мао, вспоминая много лет спустя о

начальном периоде своей деятельности, отмечал: «…В нашей партии… говорили, что у меня нет и капли марксизма, а они — стопроцентные большевики».

Следует отметить, что незнание иностранных языков было распространенным явлением среди китайской интеллигенции и отсутствие переводов на китайский язык произведений западной литературы ограничивало кругозор китайских коммунистов и Мао в частности. На это накладывался традиционный национализм, воспитанный на ложной героике прошлого.

Китайцы всегда смотрели на свою страну как на «срединную империю», и это неудивительно. В течение трех тысяч лет своей истории Китай никогда не вступал в контакты с внешним миром на равных началах, в том числе с более развитыми странами. Даже более могущественные, но находившиеся на более низкой ступени социального развития соседи Китая — монгольские и маньчжурские завоеватели — быстро ассимилировались и приняли китайскую культуру. И Мао Цзэдун с полной уверенностью в своей правоте, играя на патриотических чувствах аудитории, неоднократно заявлял: «Новый Китай, народный Китай, должен занять среди народов земли по праву принадлежащее ему место — первое место».

Мао Цзэдун, явно бравируя, в 1957 году говорил: «У меня прежде были различные немарксистские взгляды, марксизм я воспринял позже. Я немного изучил марксизм по книгам и сделал первые шаги в идеологическом самоперевоспитании, однако перевоспитание все же главным образом происходило в ходе длительной классовой борьбы»[4].

Можно легко поверить ему на слово: вряд ли он когда-либо всерьез изучал произведения Маркса. В период, когда формировались взгляды Мао, на китайский язык вообще было переведено не так уж много работ Маркса, Энгельса, Ленина. Переводы их основных работ появились в Китае позднее, в 30-40-х годах. Читал ли их Мао? Трудно сказать. Во всяком случае, он почти не упоминает об этом в своих выступлениях.

Тем не менее в идейных взглядах Мао Цзэдуна в 30-40-х годах можно проследить определенную эволюцию — от мелкобуржуазной крестьянской революционности к овладению начальными основами марксизма-ленинизма. Но и тогда Мао, находясь в плену идеи национального возрождения Китая, не стал подлинным марксистом-интернационалистом.

Со второй половины 50-х годов под влиянием объективных трудностей, с которыми сталкивалась КПК на пути строительства социализма в экономически отсталой стране, а также усилившихся претензий Мао на роль руководителя «мировой

революции» стала проявляться все более явственно еще одна эволюция в его взглядах — в сторону полного восстановления мелкобуржуазных и националистических идей, прикрываемых марксистской терминологией.

В одной из своих ранних статей Мао Цзэдун писал: «Мы должны впитывать все то, что может нам сегодня пригодиться. Однако со всем иностранным следует обращаться как с пищей, которая сначала разжевывается во рту, перерабатывается в желудке и кишечнике, смачивается слюной, желудочным и кишечным соком, а затем разделяется на отбросы, которые устраняются, и экстракт, который усваивается; только тогда пища становится полезной для нашего организма. Подобно этому нам не следует проглатывать все иностранное целиком, без разбора»[5].

Оставим на совести автора «физиологические» сравнения. Возьмем суть дела: что Мао позаимствовал у марксизма, а что — отверг?

Менее всего его интересует теоретическая база марксизма — диалектический материализм. Мы не найдем у Мао Цзэдуна никаких мало-мальски серьезных попыток не только разработки, но и популярного изложения проблем философии естествознания, теории познания, логики и т. п. Это относится и к теоретическим основам Марксовой политической экономии. Мао Цзэдун никогда даже не задавался целью с фактами и цифрами в руках проанализировать современный капитализм или развитие капитализма в самом Китае. Экономика и экономический анализ всегда составляли «белое пятно» у Мао и маоистов. Теорию классовой борьбы и революции они и не пытались связать с экономическими законами общественного развитии. Пренебрежение подлинной теорией, то есть глубинным знанием действительности, неизбежно вело руководителей КПК к крайне упрощенным, схематичным и вульгаризаторским представлениям о проблемах современного мира.

Что касается исторического материализма, то в произведениях Мао Цзэдуна мы находим, как правило, две-три излюбленные темы: вопрос о противоречиях в общественной жизни, вопрос о роли практики как критерия истины и некоторые другие, которые, как показывает анализ, толкуются поразительно однобоко.

Теория строительства социализма в Китае также рассматривалась Мао Цзэдуном умозрительно, без какого-либо анализа экономической структуры китайского общества. Из его работ не видно, что он вполне отдает себе отчет в существовании объективных законов перехода от капитализма к социализму. Напротив, он уповает на волевые, насильственные,

административные методы преобразования общества. Это, разумеется, отразилось и на характеристике самих идеалов социализма, которые выводятся не из потребностей высокоразвитого общественного производства, не из классовых интересов наиболее передовой социальной силы — пролетариата, а из представлений мелкобуржуазного уравнительства.

Пока Мао Цзэдун не претендовал на роль «ведущего теоретика» в освободительном движении, он охотно заимствовал не только отдельные мысли, но и приводил обширные цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма. И тем не менее все его работы, в том числе ранние, показывают, что он никогда прочно не стоял на почве марксизма. Это в особенности относится к тем проблемам, которые Мао пытался разрабатывать самостоятельно, применительно к условиям Китая.

Для нас имеет второстепенное значение вопрос о том, насколько искренне Мао причислял себя к подлинным или даже к «наиболее последовательным» марксистам.

Остается фактом, что он отбросил либо извратил важнейшие идеи, положения, стороны марксизма-ленинизма.

В сущности, для Мао Цзэдуна вся теория сводилась к нескольким постулатам: противоречия как обоснование необходимости насилия в обществе; партизанская война и крестьянская революция как универсальные способы завоевания власти; стратегия «скачка», «коммунизации», «культурной революции» как путь строительства социализма и коммунизма; военный коммунизм и режим личной власти как реальное воплощение диктатуры пролетариата; неизбежность мирового конфликта и развертывания гражданской войны как единственного пути мировой революции; «промежуточные зоны» и борьба против «сверхдержав» как средства объединения «революционных сил» вокруг Китая и т. п.

Зададимся вопросом: нужно ли было творчески применять общие принципы марксизма-ленинизма с учетом огромного своеобразия конкретных условий китайской действительности? Конечно же, нужно. Китай отличается существенными особенностями от стран Европы и Америки как страна с огромным преобладанием мелкобуржуазного крестьянского населения, страна, которая не прошла сколько-нибудь значительного пути капиталистического развития, страна с длительными (более 2–3 тыс. лет!) имперскими традициями. Кроме того, существуют еще обычно недооцениваемые особенности в психологии населения Китая, в сознании которого не могло не оставить глубокого следа тысячелетнее господство конфуцианства и других феодальных идеологических течений.

Известно, что в 30-40-х годах в двери Китая непосредственно стучалась антифеодальная, антиимпериалистическая революция. Все это должно было, разумеется, найти отражение в политической линии китайских коммунистов, но не в основах идеологии партии, если она хотела оставаться коммунистической. Мао Цзэдун же видоизменил и препарировал саму теорию марксизма-ленинизма, пытаясь приспособить ее для решения тех или иных конкретных задач, выдвигавшихся КПК. В этом, кстати говоря, сущность его высказывания о том, что из марксизма надо «впитывать то, что может сегодня пригодиться нам».

Приспособленный на потребу дня «китаизированный марксизм» мог дать определенные результаты лишь на начальных этапах китайской революции, когда она носила главным образом антифеодальный, антиимпериалистический характер. Но чем ближе страна подходила к подлинно социалистическим задачам, тем больше проявлялась вся однобокость и слабость маоизма, не учитывавшего уже накопленный опыт строительства социализма. Именно в этом смысл ошибок пекинского руководства в конце 50-х годов: провал попыток «перескочить» в коммунизм, не заботясь всерьез о создании современной индустриальной базы, о развитии демократии, о подъеме благосостояния народа. В свою очередь, эти провалы и связанные с ними разочарования нашли уродливый выход в обострении национализма, в стремлении добиться великодержавных целей с помощью авантюристической внешней политики.

С самого момента своего зарождения и до настоящего времени марксизм является идеологией масс. Однако не любых масс, а наиболее передовых, прежде всего пролетариата. Заметим, что В. И. Ленин всегда обращался к сознательному рабочему, к мыслящему пролетарию, к передовому интеллигенту, к просвещенному крестьянину. И это понятно: носителем передовой теории может стать лишь передовая часть общества. Совсем другое дело — мелкобуржуазная идеология. Она апеллирует к отсталой массе, чувства которой умеет ловко разжигать.

Для XX века вообще характерно, что к активной политической деятельности приходят самые широкие массы — от сознательных пролетариев до лавочников и других мелких буржуа. Поэтому всякая политическая философия в наш век стремится получить массовую поддержку.

Вакханалия «красных охранников» — тоже массовое движение. В него были вовлечены миллионы людей. Но это движение с такой идеологией и такими целями, которые не

имеют ничего общего с социалистическими идеалами и интересами пролетариата. Такая масса жаждет разрушения, жаждет обожествляемого предводителя. Ее действия легко перерастают в слепое озлобление, жестокость, разгул национализма.

Для такой мелкобуржуазной массы особенно характерен антиинтеллектуализм. Если передовой рабочий и сознательный крестьянин изо всех сил тянутся к культуре, к науке, которая несет им слово правды, указывает путь, то отсталая масса относится с пренебрежением и даже озлоблением не только к культуре прошлого, ной к передовой современной культуре. Толпа разрушает ее как нечто мешающее, сложное, непонятное.

Француз Андре Мальро в 1965 году услышал от самого Мао: «У нас есть общественные слои, которые хотят идти по пути ревизионизма… Это старые помещики, разбросанные по всей стране, немногочисленные, но влиятельные прежние богатые крестьяне, прежние капиталисты, интеллигенция, журналисты, писатели, профессора, учителя…»

Заметьте! Вся интеллигенция хочет идти по пути «ревизионизма», а стало быть, вся она нуждается в хунвэйбиновской чистке.

Мао полностью игнорирует гуманистическую сущность марксизма, для которого революция — это освобождение личности от социальных оков. Для Мао нет реального, живого человека с его интересами, потребностями, чувствами, настроениями. Он мыслит только категориями массы, категориями миллионов. Он убежден, что если какая-то общественная группа в конечном счете выиграет в борьбе, скажем, в военном столкновении, то цена, которой достигнут этот выигрыш, значения уже не имеет. Ведь отдельная личность — ничто в сравнении с массой.

На поверку, однако, оказывается, что пренебрежение личностью оборачивается подавлением масс, расправой с самой передовой частью народа. Именно так разворачивались события в Китае: вначале подверглись безжалостному преследованию и травле отдельные интеллигенты, затем несправедливые гонения распространились на тех или иных партийных деятелей и, наконец, «чистке» были подвергнуты десятки и сотни тысяч людей — в партийном и государственном аппарате, в армии, профсоюзах, на заводах, фабриках, в деревнях. А самое главное — возобладал такой политический курс, который нанес огромный вред материальным и духовным интересам народа.

Мао Цзэдуну была свойственна и гносеологическая ограниченность, что особенно сказывалось на его отношении к

сложным проблемам современности. Это проявилось в неспособности понять последствия, к которым ведет научно-техническая революция, изменения в военно-техническом характере современной войны, связанные с созданием термоядерного оружия, и многое-многое другое.

Идейная борьба внутри КПК имеет не только социальную, но и гносеологическую почву. Это не только борьба, где сталкиваются интересы различных классов, прежде всего рабочего класса и мелкой буржуазии. Это еще и борьба культур, а точнее, «субкультур», столкновение мнений людей разного уровня марксистской и общей образованности.

Мао не случайно так настойчиво возвращался к мысли о том, что «в истории необразованные свергали образованных». В самой КПК он стремился опереться на самую отсталую в культурном отношении часть кадров. Он снова и снова вспоминал о периоде Яньани, хотя партия как раз за последующие десятилетия накопила куда более важный и разнообразный опыт. Не случайно Мао к концу жизни включил в свою «референтную группу» Кан Шэна, Цзян Цин и других людей, олицетворявших в его сознании яньаньскую весну.

Такие деятели, как Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Пэн Чжэнь и даже личный секретарь Чэнь Бода, по-видимому, вызывали все большее раздражение у Мао именно тем, что пытались реалистичнее, а стало быть, и умнее судить о новых проблемах развития Китая, в то время как сам он с годами все больше тянулся к идейному примитивизму яньаньских времен. И в каждой социальной группе Мао искал опору как раз среди менее образованных и менее культурных элементов: он натравливал, бедных крестьян на середняков, неквалифицированных рабочих на квалифицированных, люмпенов на кадровый пролетариат, студентов на профессоров, учеников на учителей. И среди угнетенной массы он отыскивал самые «антикультурные низы», для которых каждое его слово — откровение, а самый его облик — синоним государственного величия.

Непонимание исторической роли пролетариата, апелляция к мелкобуржуазной анархической толпе, что так неприкрыто обнаружилось в период «культурной революции», попытка опереться на нее для борьбы против партии, против самых передовых сил в рабочем классе, крестьянстве, интеллигенции — нужно ли более наглядное доказательство немарксистской сущности маоизма?

В делом для понимания соотношения марксизма-ленинизма и маоизма характерно ленинское определение природы мелкобуржуазной социалистической идеологии: «Чрезвычайно

широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм… крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные „лозунги“, те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов»[6].

Нетрудно понять, почему Мао сохранял на своем идейном знамени марксизм-ленинизм и при всех своих амбициях не решался оставить на знамени только маоизм. Это объясняется огромным авторитетом научного социализма в глазах передовых сил КПК, рабочего класса, китайской интеллигенции. Но кроме политических расчетов была, по-видимому, и другая причина, чисто психологическая. Мао в глубине души всегда испытывал неуверенность в себе как в идеологе. Если бы он официально отказался от марксизма, образовался бы абсолютный вакуум в отношении основных характеристик развития современного Китая и всего мирового развития. Можно представить себе, насколько нелепо выглядели бы попытки заменить маоистскими терминами такие ключевые понятия марксизма, как социализм, коммунизм, диктатура пролетариата, общенародная собственность, империализм, колониализм, и т. д. Поэтому Мао шел по пути более чем своеобразного истолкования привычных для нас марксистско-ленинских категорий, понятий, терминов.

Это не новое явление. История идеологий и религий дает примеры самого противоречивого истолкования одних и тех же учений. Вспомните хотя бы толкование эпигонами подлинного христианства известных слов «Не мир пришел Я принести, но меч», породившее в дальнейшем самую реакционную и жестокую политику церкви. Толкование Мао Цзэдуном марксизма во многом сродни такому подходу, в чем мы имели возможность не раз убедиться.

Как же сочеталась националистическая идеология Мао с тем, что он понимал под марксизмом-ленинизмом? Это происходило прежде всего через персонификацию так называемого «марксизма-ленинизма нашей эпохи» с личностью самого Мао Цзэдуна. Он не мог, конечно, предлагать миру китайский национализм как интернациональную идеологию. И поэтому он предлагал «идеи Мао Цзэдуна» в качестве «самого последнего, самого совершенного» слова марксизма-ленинизма.

Мы видели, что во все трудные периоды истории КПК, во все переломные периоды своей собственной политической деятельности Мао Цзэдун хватался за идеи национализма как за спасательный круг или средство объединения сил для борьбы против своих политических противников в КПК.

Приведем чрезвычайно характерное высказывание Мао на

заседании Верховного государственного совещания в январе 1958 года: «У нашей нации, как показывают последние 7–8 лет, появились перспективы. Особенно обнадеживающим был прошлый год… Появились лозунги, например „за 15 лет догнать Англию по выпуску стали и производству других важнейших видов промышленной продукции“, „больше, быстрее, лучше, экономнее“… У всей нации в целом появились огромные перспективы; пессимисты неправы, именно огромные перспективы, а не средние или малые перспективы и, тем более, не отсутствие перспектив. Все дело в слове „огромные“.

Наша нация сейчас постепенно пробуждается. В результате этого она смогла сокрушить империализм, феодализм, бюрократический капитализм, смогла осуществить социалистические преобразования, смогла взяться за упорядочение стиля работы, начать борьбу с правыми. Китай беден и неграмотен. Раз беден — значит способен подняться на революцию, а неграмотный легко воспринимает новые идеи. Западный мир богат и грамотен, люди там роскошествуют, багаж их знаний слишком велик, там засилье буржуазной идеологии.

Сейчас состояние нашего производства совершенно не соответствует нашему положению. Мы — страна с древнейшей историей, а по производству стали не можем сравняться с Бельгией: она выпускает 7 млн. тонн, а мы всего 5,2 млн. тонн. Энтузиазм масс очень высок и вселяет уверенность в то, что мы сможем догнать Англию за 15 лет».

Заметьте: Мао говорил о нации в целом, о Китае, о китайцах, как в годы своей молодости.

«Наша нация пробуждается» — не ответ ли это на знаменитые слова его любимого героя Наполеона: «Китай спит, пусть спит — горе будет, когда он проснется»?…

«У нации в целом появились огромные перспективы», а где же классовый подход, где интересы рабочих, крестьян, где интернациональные чувства китайских коммунистов? «Западный мир богат», но почему это должно вызывать раздражение и осуждение? Да и какой западный мир — буржуазия или пролетариат?

Заметьте и другое: как раз в эту пору Мао все более отрицательно начинал говорить о революционных возможностях стран Запада, все чаще нападал на «оппортунизм» рабочего класса капиталистических стран, все решительнее противопоставлял «передовой революционный Восток» «гнилому отсталому Западу».

Мао говорил на совещании в Чэнду (5 марта 1958 г.): «… Ленин называл передовой Азию и отсталой Европу. Это истина.

Она верна до сих пор. Европа отсталая, а Азия передовая».

Еще раз заметьте: сопоставляются не классы — рабочие и буржуазия, не различные типы государств — социалистические и капиталистические, а расы и континенты — Европа и Азия.

Наконец, в период «культурной революции» националистические чувства Мао, умноженные на националистический угар хунвэйбинов, достигли своего апогея. И тогда не только «отсталая Европа», не только американский «бумажный тигр», но и социалистический Советский Союз оказались враждебной Китаю силой, «социал-империализмом», «угрозой с Севера», и Мао призывает укреплять армию, расширять ополчение, создавать термоядерное оружие, «рыть траншеи, запасать зерно и готовиться к войне».

Круг замыкается: Поднебесная снова оказывается в кольце враждебных государств; их, правда, не называют, как раньше, варварскими, а называют «контрреволюционными», «идущими по пути капитализма», «гегемонизма», «империализма». Слова другие, но суть прежняя — традиционный великоханьский шовинизм. Национальные чувства, закономерные на этапе борьбы за национальное освобождение, будучи насаждаемы и подогреваемы в условиях политической независимости в интересах правящей группы Мао, дали, говоря его словами, весьма ядовитый новый цветок, втройне опасный для других народов и для социалистического сознания самого китайского народа.

Важнейшей традицией китайской философии было превалирование в ней политических, а не мировоззренческих проблем. Философия и естествознание, теория познания, логика занимали самое незначительное место у древних китайских философов различных школ. В центре их внимания всегда находились вопросы управления государством и обществом, регламентация отношений между различными социальными группами населения, между правителями и народом, между правителями и чиновниками, между правителями и философами и т. д. Но эти же вопросы находились в центре внимания и Мао Цзэдуна. Вся его философия, по сути дела, сводилась к учению о противоречиях, а само это учение — к вопросам о характере взаимоотношений между различными классами и социальными группами, к методам классовой и групповой борьбы.

А концепция власти? Независимо от символики, которую использовал Мао Цзэдун (новая демократия, диктатура пролетариата), в конечном счете дело свелось к трактовке традиционной китайской проблемы — взаимоотношения правителя и народа. При этом партия, органы государства, армия,

по сути дела, рассматривались в полном соответствии с традициями китайской философии, под углом зрения их роли как инструмента взаимодействия правителя и народа. Правитель разрушает или воссоздает эти инструменты власти в соответствии со своей волей и ради наиболее адекватного их служения намеченным им целям.

Влияние конфуцианства на Мао Цзэдуна и маоизм сказалось прежде всего в области мировоззренческих проблем. Наряду с этим маоизм следует конфуцианской традиции использования идеологии как инструмента власти и подчинения, социализации индивидов. Что касается форм и методов осуществления власти, то здесь маоизм, пожалуй, скорее противостоит конфуцианским установлениям. Конфуцианский принцип «ли», нередко переводимый как ритуал, церемониал, благопристойность, как основа порядка в стране, глубоко чужд маоизму, который тяготеет к произволу в управлении и предпочитает не связывать себя никакими установлениями и нормами. Конфуцианское «ли» было не только принципом следования древним обрядам и традициям, но и способом ограничения власти императора, или сына неба, со стороны просвещенной родовой знати. Эта традиция также была отвергнута Мао Цзэдуном. Еще в большей мере противостоял его взглядам конфуцианский принцип «жэнь» (человеколюбие) и учение о «цзюньцзы» (благородный муж, совершенная и гуманная личность). При всем несходстве конфуцианского «жэнь» и современного понятия гуманизма тем не менее конфуцианство выступало против деспотизма и произвола, в защиту просвещенной имперской власти, опирающейся на просвещенную и добродетельную родовую знать. Не случайно именно конфуцианство стало объектом особых нападок нынешних руководителей Китая. Точно так же им не случайно импонирует идеология легистов, которая сыграла немаловажную роль в борьбе за укрепление деспотической власти императоров династии Цинь.

Один из наиболее видных представителей легизма — Хань Фэйцзы (около 280–233 гг. до н. э.) критиковал конфуцианство с не меньшей экспрессией, чем это делали маоисты. И, подобно им, Хань Фэйцзы видел высший идеал в абсолютно ничем не ограниченной власти правителя. Отвергая принцип «жэнь», он утверждал силу и насилие в качестве основы порядка в государстве и мудрого управления. Хань писал:

«…Человеколюбие и чувство долга, рассудительность и ум — это не то, чем поддерживают государство».

«Если, к примеру, желать великодушной и мягкой политикой управлять народом в напряженную эпоху, то это все равно, что

без узды и плети править норовистой лошадью».

«…Ясно, что человеколюбием нельзя управлять. К тому же народ прочно подчиняется силе и мало может помнить о чувстве долга».

«Ведь ума у народа недостаточно, чтобы полагаться только на него, это очевидно. Поэтому-то, возвышая служилых, требовать мудрых и умных, а осуществляя правление, возлагать надежды на народ — все это ведет к смуте; невозможно посредством этого управлять»[7].

Простое сопоставление приведенных сентенций легистов с постулатами маоистов показывает их почти родственную близость. Их сближает и установка на силу как источник власти, и борьба против конфуцианского гуманного управления, и идеал абсолютной личной власти, и антиинтеллектуализм, и взгляд на народ как на чистый лист бумаги. И даже сугубо маоцзэдуновское изобретение — противоречия внутри народа — имеет свою отдаленную предтечу в утверждении Хань Фэйцзы о противоречиях между верхами и низами, законом и службой.

Конечно, можно найти прецеденты многих негативных явлений современного Китая и в действиях правящих классов, господствовавших в далеком прошлом этой страны. Можно не сомневаться, что многие просвещенные китайцы, глядя на бесчинства хунвэйбинов, разжигавших костры из книг классиков китайской и иностранной культуры, вспоминали о варварском сожжении конфуцианских трудов при императоре Цинь Шихуане. Не исключено, что, слушая истошные выкрики и призывы хунвэйбинов в защиту Мао, видя проявления их злобной нетерпимости к любому инакомыслию, китайцы вспоминали изречение Конфуция: «Сколь прискорбно, однако, следование учениям, отклоняющимся от ортодоксального!» Вероятно, и мессианство маоистов, которые рассматривают китайскую революцию и «идеи Мао Цзэдуна» как образец для всего мира, не может не напоминать традиционных претензий на роль Китая как цивилизующей силы, которая оказывает благотворное влияние на все окружающие страну «варварские» народы.

Мы видели, как претензии Мао от десятилетия к десятилетию росли прямо-таки в геометрической прогрессии. Еще в докладе на 6-м пленуме ЦК КПК в октябре 1938 года Мао фактически претендовал на китаизацию марксизма, говоря о том, что его нужно воплотить в определенную «национальную форму».

Сама по себе это гигантская задача. Приспособить учение, которое возникло на почве развитого капиталистического общества, на почве западной цивилизации, к цивилизации совершенно иного типа, к экономически неразвитой стране,

которая хочет сделать скачок от феодализма и восточного деспотизма к вершинам общечеловеческой цивилизации — коммунизму, — этой задачи было бы достаточно для гениального научного и политического ума.

Если бы Мао Цзэдун решил одну эту задачу, он на века заслужил бы памятник от всего человечества (впрочем, такая задача непосильна для самого гениального ума. Она может быть результатом лишь всех передовых интеллектуальных сил и в Китае, и в других развивающихся районах мира).

Мао Цзэдун, увы, не справился даже частично с этой задачей. Вершина власти не однозначна вершинам научной мысли. Идеи «скачка», «коммуны», «культурной революции», как мы могли убедиться, совсем не отражали специфических требований Китая. «Скачок» и «коммуны» еще до Мао Цзэдуна жили в мозгах у «левых» коммунистов, а потрясения типа «культурной революции» уже давно пропагандировались анархистами и троцкистами. Где же здесь национальная форма марксизма? В конечном счете Мао Цзэдун выбрал банальнейшую альтернативу развития Китая — превращение его в крупнейшую военную державу, оснащенную термоядерным оружием. Что же в этом специфически китайского? И какое это имеет отношение к научной теории о преобразовании общества на началах социализма и коммунизма? Любое великодержавное сознание, не связанное ни с какой идеологией, может додуматься до такой простейшей установки.

В 60-70-х годах Мао видел себя уже в новой роли. Это роль духовного вождя всего современного человечества. 3 млрд. экземпляров — таков тираж «цитатников» Мао Цзэдуна, изданных на иностранных, языках к 1966 году. В предисловии к ним мы читаем: «Идеи Мао Цзэдуна есть марксизм-ленинизм эпохи всеобщего крушения империализма и торжества социализма во всем мире». IX съезд официально закрепил это исключительное положение председателя КПК. Его «идеи» были объявлены вершиной научной мысли, марксизма-ленинизма современной эпохи, а сам он — учителем всех народов, главным и, по существу, единственным теоретиком-марксистом всего мирового коммунистического движения.

«Идеи Мао Цзэдуна» означают ни больше ни меньше, как «огромный скачок… знаменующий собой вступление марксизма-ленинизма в совершенно новый этап, этап идей Мао Цзэдуна».

Учитель человечества… Об этом не могли мечтать ни Конфуций, ни Будда, ни Христос, ни Карл Маркс… Вот она, «достойная роль» для простого крестьянского сына из китайской провинции, втайне мечтавшего стать новым Лю Баном, новым

Наполеоном, новым Бисмарком…

Теперь попробуем обобщить наши представления о фигуре Мао Цзэдуна как идеолога и политика. Мы уже приводили его сакраментальную фразу: «Нам надо соединить Карла Маркса и Цинь Шихуана». Эта фраза, пожалуй, дает путеводную нить для наших выводов о бывшем идеологическом и политическом лидере Китая.

Являлся ли Мао Цзэдун идеологом, самобытным мыслителем или это был прагматический политик, который использовал идеологию для обоснования тех или иных своих политических акций? Это не простой вопрос, и на него невозможно дать однозначный ответ. Одно для нас несомненно, что политик в нем брал верх над идеологом. Его военная и политическая деятельность составляла основу его характера, его интересов, его собственной системы ценностей, его жизненных ориентации.

Тем не менее его деятельность в области идеологии являлась таким же реальным фактом, как и политическая деятельность. И, независимо от наших оценок, она представляет собой мощный фактор жизни китайского общества, его идеологического режима, важную составную часть всей политической системы страны.

Мы уже говорили о том, что нужно различать два явления: идеологию как систему взглядов, как теорию, как школу философской мысли, как систему ценностей и идеологию как составную часть политического режима. В этом втором своем значении роль маоизма в современном Китае трудно переоценить.

Но сейчас нас интересует первый вопрос: в какой степени Мао Цзэдун являлся самостоятельным и оригинальным идеологом, теоретиком, мыслителем?

Его роль как политического деятеля вытекала из самого факта его многолетнего руководства Компартией Китая, а затем и всей страной. Но сравнима ли с этим его роль идеолога? За этим вопросом стоит не просто наше желание полнее понять эту сложную и разнообразную человеческую натуру. За этим стоит еще и прогноз влияния маоизма в будущем.

Мы склонны считать, что Мао Цзэдун, несмотря на свои большие усилия и вопреки своим необычным претензиям, все же не являлся ни крупным теоретиком и идеологом, ни тем более крупным социальным мыслителем. И дело не только в том, что все его так называемые «идеи» предельно политизированы и самым тесным образом привязаны к злободневным вопросам. И не в том, что в его деятельности теоретическая работа занимала всегда подчиненное место. И даже не в уровне его культуры и знаний, о чем мы уже писали выше.

Теоретическая работа Мао Цзэдуна, если оставить в стороне чисто политические цели, представляла собой более или менее добросовестные попытки приложить к китайской действительности те или иные идеи, позаимствованные у марксизма, анархизма, троцкизма и др. При этом получалось так, что сами западные идеи интерпретировались в духе специфически китайских теорий, убеждений, верований, традиций. Классовая борьба, диктатура пролетариата, противоречия, критерий практики, «скачок», «коммуна», «культурная революция», «промежуточная зона» — все эти идеи имеют своим источником те или иные марксистские, анархистские, троцкистские и другие теории. За исключением, пожалуй, «промежуточных зон», любая из названных нами идей даже терминологически имеет свой аналог в марксизме, «полумарксизме» или «околомарксизме». Но Мао Цзэдун интерпретировал все эти идеи по-своему, поскольку в его изложении эти идеи накладывались на социальную психологию и культуру широких масс, в сознании которых специфически китайские традиции, конечно же, живут и по сей день.

Мао Цзэдун как идеолог — натура глубоко противоречивая.

Мы берем на себя смелость утверждать, что здесь, на этом поприще, он проявил себя как человек смятенный, неуверенный, непоследовательный и подверженный постоянным колебаниям и, в современном смысле, малообразованный. Он как будто бы шел по шаткому льду: шаг вперед, два назад, два вперед, шаг назад. Он провозглашал какой-то теоретический постулат, превращал его в политическую установку, торопился претворить ее в жизнь, а затем быстро откатывался назад, как только выяснялось, что она не дала желаемого результата — отвергалась большинством в партии, не принималась массами, привела к падению производства, престижа страны или самого автора идеи и т. д. Мы уже имели случай наблюдать за этими колебаниями при подходе Мао Цзэдуна к тем или иным вопросам экономической, политической, социальной теории и практики КПК.

Мы видели огромную амплитуду колебаний в подходе к вопросам экономики социализма, особенно роли товарного производства, в оценках значения советского опыта для Китая.

Такую же картину мы наблюдали и в отношении самих основ его мировоззрения. Он испытывал колебания даже в вопросе о пригодности марксизма вообще в условиях китайского общества. Соотнесение значимости марксизма и тех или иных китайских школ теоретической мысли было неясно ему самому. Мао Цзэдун спорадически возвращался к вопросу о значении национальных традиций для Китая, тех или иных классических произведений

для воспитания китайских коммунистов и всего китайского народа.

Постоянные идеологические колебания Мао Цзэдуна особенно ясно обнаружились в его практической деятельности. Знал ли Мао Цзэдун, какой должна была быть структура власти в Китае, механизм управления, формы и методы планирования и руководства и т. д.? Начало «культурной революции» как будто бы показывало намерение ее инициаторов полностью заменить существовавшие институты политической системы другими институтами. Выражалось недоверие ко всем представительным формам правления, а также к партии, к государственному аппарату, общественным организациям. Одна армия оставалась вне институциональной критики. А какие органы создавать взамен? Это и было неясно. Шел какой-то поиск с неопределенными целями, как будто человек бросается вплавь в реку, но не ведает, к какому берегу плыть.

Если говорить о психологических предпосылках многих идеологических и политических кампаний, инспирированных Мао Цзэдуном, то своим истоком они нередко имели его собственный, весьма своеобразный личный опыт. На всю жизнь для него идеалом оставалась деревня, с которой были связаны его детские и юношеские впечатления, и армия, которая обеспечила успех всей его политической карьеры, особенно армия. Мао Цзэдун был глубоко предан нравам, укладу жизни, характеру отношений, присущих армии.

В Мао Цзэдуне как в личности был заложен в первую очередь политик, во вторую — военный и только в третью — идеолог. Эмоциональные побуждения шли впереди трезвых теоретических расчетов. В результате — провал за провалом: ни «коммуны», ни «культурная революция» не преодолели бюрократизма, различий в политическом и социальном положении разных категорий партийных, государственных, военных работников и в целом не привели к осуществлению идеалов военного коммунизма армейского типа, о возврате к которому мечтал Мао Цзэдун. Страна стала другой, время стало другим, задачи стали другими, чем в яньаньский период или в период гражданской войны.

Понятно, что во главе современного Китая не мог не стоять человек, который не выдвигал бы ту или иную программу реформ, направленную на преодоление отсталости страны. Крах Чан Кайши был обусловлен не столько военными причинами (слабостью армии, продажностью или бездарностью ее руководства), сколько социально-политическими: реакционное правительство Чан. Кайши не предлагало китайскому народу никакой программы экономических и социальных

преобразований, направленных на превращение Китая в развитую индустриальную державу.

Мао Цзэдун еще в 30-х годах понял, что он может преуспеть как политический руководитель лишь при условии, если сумеет выступить одновременно в роли крупного идеолога, способного наметить пути экономического и социального возрождения Китая. И даже тогда, когда предлагаемые им идеи оказывались явно ложными или неэффективными («скачок», «коммуна», «культурная революция»), их общая внешняя направленность на преодоление вековой отсталости, на обеспечение новой роли Китая давала Мао Цзэдуну в глазах широких масс в самом Китае индульгенцию: недостаточность, неэффективность и даже бесчеловечность средств оправдывались величием целей.

Человек, который в глазах миллионов китайцев пытался вновь воссоздать утраченный «золотой век», построить коммунию, близкую к идеальному древнему обществу «датун», наверное, заслуживал их уважения, даже если его усилия были тщетными… В конце концов, может быть, виноват был не он сам, а плохие помощники, которые его окружали, да и вся многомиллионная масса, которая не вполне понимала гениальные предначертания «великого кормчего», учителя и вождя…

К какому же типу политических лидеров можно отнести Мао Цзэдуна? Для ответа на этот вопрос попробуем использовать несколько моделей типологии лидерства, предложенных в разные эпохи политическими мыслителями Китая и западных стран.

Очевидно, Мао Цзэдуну мало подходит модель идеального правителя, которую разработали Конфуций и конфуцианцы. Эта модель рисует образ просвещенного и добродетельного монарха, благородной личности, которая управляет народом, опираясь на культурный слой аристократии. В упоминавшемся памятнике «Лунь юй» так рисуется образ идеального правителя и идеального правления:

«Правящий с помощью добродетели подобен Полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий».

«Там, где царит человеколюбие, прекрасно».

«Цзи Канцзы спросил Кунцзы об управлении государством: „Как Вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?“ Кунцзы ответил: „Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым“».

Мао Цзэдун как политический руководитель и деятель скорее подходит к тем образцам, которые Конфуций считал отрицательными примерами правителей. Все, что учитель Кун полагал отвратительными качествами: убийство невинных людей,

пренебрежение к их нуждам, торопливость, навязывание скачкообразного развития и др., — в большой степени можно было бы отнести к характеристике бывшего руководителя Китая. Кунцзы полагал народ активным соучастником процесса управления, считая главной предпосылкой силы государства доверие народа к своему правителю. Мао же считал народ чистым листом бумаги. Из него, как из воска, можно лепить любые социальные фигуры, на нем можно ставить любые эксперимент![7] («большой скачок», «народные коммуны», «культурная революция» и др.).

Но куда ближе к характеристике Мао стоят модели политического руководства, выработанные теоретиками легистской школы, прежде всего упоминавшимся Хань Фэйцзы. В основу своей концепции он положил государственный интерес абсолютной монархии, которому должны быть подчинены интересы всех групп населения, всего народа. В управлении народом он предлагал исходить из дурных качеств людей, считая, что хорошие, благородные люди являются скорее исключением, чем правилом:

«…Правитель, владеющий искусством управления, не рассчитывает (на людей), случайно оказавшихся хорошими, а идет по пути, непременно дающему успех».

«…Просвещенный правитель делает крутыми свои законы и строгими свои наказания».

«Обучать людей человеколюбию и чувству долга — это все равно, что прельщать людей умом и долголетием. Здравомыслящий правитель не воспримет этого»[8].

Эти и подобные им сентенции, несомненно, были близки Мао Цзэдуну, который, как мы видели, уповал прежде всего на силу, на насилие и в управлении государством, и в осуществлении экономических и социальных преобразований. Подобно Хань Фэйцзы, Мао Цзэдун презирал конфуцианский принцип «жэнь», изгонял книжников и интеллектуалов из числа своих помощников, приближал к себе жестких военных и твердых администраторов. Его тезис о великих потрясениях в Поднебесной перекликается с суждениями Хань Фэйцзы о напряженных эпохах, а его стремление к идеологической и внешнеполитической экспансии также сродни утверждению Хань Фэйцзы о том, что «быть властелином Поднебесной (означает) иметь возможность нападать на других».

Но, конечно же, и модель правителя, разработанная легистами, отнюдь не раскрывает натуру Мао Цзэдуна как политического лидера. Она проливает свет лишь на некоторые его черты, которые уходят своими корнями в одну из наиболее

влиятельных в Китае традиций управления государством. И это не так уж удивительно, поскольку, как бы ни был современен сегодняшний человек, он является продуктом длительной исторической эволюции.

Что по-настоящему удивительно, так это сходство политического портрета Мао с теми образами, которые 500 лет назад запечатлел на другом конце евразийского континента Никколо Макиавелли. Его модель государя исходит из власти как самоцели. Главное для государя — завоевание и укрепление власти, все остальное подчинено этой задаче. По его словам, государь «должен взять примером лисицу и льва, так как лев беззащитен против сетей, а лисица беззащитна против волков. Следовательно, надо быть лисицей, чтобы распознать западню, и львом, чтобы устрашать волков… Однако необходимо уметь хорошо скрыть в себе это лисье существо и быть великим притворщиком и лицемером: ведь люди так просты и так подчиняются необходимости данной минуты, что, кто обманывает, всегда найдет такого, который даст себя обойти. Наконец, он должен быть всегда готов обернуться в любую сторону, смотря по тому как велят ветры и колебания счастья, и, как я говорил выше, не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»[9]. И еще: «Князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если он будет держать своих подданных в единстве и верности… гораздо вернее внушить страх, чем быть любимым, если уж без чего-нибудь одного пришлось бы обойтись. Ведь о людях вообще можно сказать, что они неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до наживы»[10].

Любопытное совпадение: Макиавелли рассказывал в «Истории Флоренции» о том, что в древние времена ее руководители раз в шесть-семь лет осуществляли то, что называлось новым захватом власти. Они подвергали избиению людей, которые могли стать конкурентами в борьбе за руководство городом, и тем предотвращали опасность государственного переворота и заговоров. Разве не напоминает это установки Мао Цзэдуна о том, что раз в семь-восемь лет необходимо осуществлять «культурную революцию»?

Макиавеллиева модель, изложенная в максимах «Государя», имеет много общих черт с портретом абсолютного монарха, нарисованного Хань Фэйцзы. Оба они исходили из посылки о дурной природе человека; оба они полагались прежде всего на силу в управлении государством; оба они советовали государю не гнушаться никакими средствами, коль скоро речь идет о единстве, безопасности и величии государства. И если идеальным

монархом такого типа для Макиавелли был Чезаре Борджа, то легисты нашли свой образец в лице Цинь Шихуана, методы правления которого значительно ближе стоят к практике Борджа, чем к конфуцианскому идеалу. Мы видим, что традиции имперской власти хотя и имеют, разумеется, свою специфику в разных цивилизациях, тем не менее достаточно близки во всех странах и на всех континентах. И как раз в русле таких традиций, несомненно, находились многие стороны деятельности Мао Цзэдуна, когда речь идет о методах и формах осуществления власти. А лев и лисица, разве они не сродни тигру и обезьяне?..

Но, конечно, и макиавеллиева модель отнюдь не дает нам всех ключей для понимания руководителей такого типа, как Мао Цзэдун. Он являл собой пример руководителя, который опирается на широкую народную массу. Его тезис о «линии масс» — это не просто демагогия, а определенная форма взаимодействия руководителя и народа, форма властвования, предполагающая стимулирование массовой активности в тех областях и в тех направлениях, которые отвечают предначертаниям вождя. Кроме того, Мао Цзэдун сочетал в себе не только качества политического руководителя, но и идеолога, выдвигающего определенные цели по преобразованию общества. Высший государственный интерес у него сочетался с целями крутой ломки общественных отношений и самой психологии народа, призванных в конечном счете обеспечить величие нации и величие государства.

Тогда, быть может, для характеристики Мао Цзэдуна более подходит модель харизматического лидера, выдвинутая Максом Вебером и разработанная дальше его последователями? Упомянем в качестве примера последователя Вебера Омари де Рейнкорхтома, который в своей книге «Грядущие Цезари» писал: «Цезаризм является логическим следствием двух причин: роста мировой империи, которая не может более управляться республиканскими институтами, и постепенного распространения массовой демократии, которая завершается концентрацией верховной власти в руках одного человека»[11].

Однако и веберовская модель, на наш взгляд, едва ли полностью применима к Мао Цзэдуну. Имеются определенные черты, которые роднят его с лидерами подобного типа, например установка на единоличную власть, прямая апелляция лидера к массам, фюреризм, претензия на идеологический диктат и др. Но харизматические лидеры появлялись в условиях кризиса республиканской парламентской власти. Они представляли собой альтернативу буржуазно-либеральным лидерам.

Слоит, на наш взгляд, сослаться на суждения двух тончайших

исследователей сокровенных тайн природы цезаризма — Уильяма Шекспира и Бернарда Шоу, которые дали в своих великих творениях две противоположные трактовки причин преуспеяния подобного рода вождей. Уильям Шекспир, рисуя образ Юлия Цезаря и в особенности его эпигонов, которых он наблюдал в елизаветинскую эпоху, видел в цезаристах главным образом проявление дурных свойств человеческой природы — непомерного честолюбия, властолюбия, беспринципности. Бернард Шоу возражал Шекспиру, утверждая, что подобный Цезарь никогда не смог бы завоевать симпатии людей и добиться успеха на политическом поприще: «В Шекспире не было Цезаря, как не было его в самою ту эпоху, которую открыл Шекспир, а мы благополучно продолжаем его бытие»… «Шекспир отлично знал слабости человека, но не увидел его силы, его способность быть Цезарем»; «Шекспировский Юлий Цезарь не высказывает ни одной мысли, которая украсила бы заурядного американского политикана из Таммани Холла, — не говоря уже о реальном Юлии Цезаре». Сам Бернард Шоу в своей пьесе «Цезарь и Клеопатра» попытался нарисовать образ идеализированного Юлия Цезаря — тонкого политического мыслителя, деятеля и дипломата, значительно возвышающегося над средой не только своим умом, но и своими нравственными качествами. Только такой Цезарь, по мнению Бернарда Шоу, мог победить Помпея и стать кумиром римского народа.

Бернард Шоу упрекает Шекспира в нарушении исторической правды в изображении не только Юлия Цезаря, но и других деятелей той эпохи: Брута, Кассия, Антония. «Какой же это Брут!?» — восклицает Шоу. — «Шекспир показывает нам вылитого жирондиста за 200 лет до его рождения…». Но в этом как раз сила поэтического гения Шекспира: его политические портреты настолько типичны, глубоки и разнообразны, что аналогию им (разумеется, не копию) можно найти в любую эпоху. Дантон, Марат и Бонапарт в период французской революции дали подобие Брута, Кассия и Цезаря[12].

Но при всем несходстве концепций цезаризма Уильяма Шекспира и Бернарда Шоу они сходились в одном: и там и здесь рисуются незаурядные, в сущности, великие человеческие характеры, темпераменты, умы. Современная эпоха дала новый тип цезаризма, который не мог найти отражения в литературе прошлого. Им присущ в какой-то мере тот же набор качеств, присущий подобному типу личности во времена Древнего Рима или английской и французской революций: жажда власти, непомерное честолюбие, беспринципность, демагогия. В одном своем свойстве, однако, они разительно непохожи. Это не гении,

это не крупные таланты. Типичный современный цезаризм — это выдающаяся посредственность. Он плохо образован, он антикультурен и нередко антиинтеллектуален. Его сила — это сила, описанная Макиавелли, — полузверя-получеловека. Это животная способность к внутригрупповой борьбе, к выдвижению и господству посредством закулисных интриг, манипуляций людьми, безжалостного уничтожения противников. Будучи выходцами из масс, они шестым чувством улавливают их настроение, умеют подлаживаться к нему и манипулировать массами, их сознанием. Когда же такая натура приправлена хорошей дозой идеологического фанатизма (искреннего или демагогического), она обретает огромную силу воздействия и в рамках малой политической группировки, и на широком поприще массового сознания.

Место Мао Цзэдуна в истории определяется особенностями революционного движения в странах, где рабочий класс еще не превратился в класс для себя и ведущую силу в обществе, где отнюдь не преодолены многовековые традиции имперской власти, иными словами, это особый случай.

Появление вождя такого типа едва ли можно признать случайным. Карл Маркс и Фридрих Энгельс еще в прошлом веке указывали на мелкобуржуазных вождей подобного рода, которые нередко примыкают к коммунистическому движению.

Для течений «тоже-социализма», независимо от того, носили они название анархизма, троцкизмаили других «измов», всегда была особенно характерной вера в насилие и культ вождя. Сторонники этих течений уповали только на силу даже при решении чисто хозяйственных проблем. А для абсолютного насилия нужна и абсолютная власть, нужен культ вождя, диктатор, наделенный абсолютными полномочиями. Вот почему личные амбиции играли колоссальную роль во взглядах и Бакунина, и Троцкого, и других мелкобуржуазных идеологов. Ф. Энгельс писал о стремлении Бакунина поставить пролетарское движение на службу своему раздутому честолюбию и эгоистическим целям. Он подчеркивал, что такие люди под предлогом завоевания господства рабочим классом стремились захватить господство для самих себя.

Что касается Троцкого, его мания величия может быть сравнима только с той же манией, коей страдают некоторые его нынешние вольные и невольные последователи.

Впрочем, мы и здесь не собираемся проводить аналогий.

Лидера такого типа, как Мао Цзэдун, можно было бы назвать в его честь маоистским типом современного радикал-националистического лидера. Не исключено, что история

освободительного движения в других районах развивающегося мира еще не раз будет выдвигать на историческую арену подобных руководителей. И если перефразировать приводившееся выше изречение Мао Цзэдуна, то можно сказать, что он соединяет в своем лице вовсе не Карла Маркса и Цинь Шихуана, а скорее всего этого последнего и Троцкого. Национализм, самовластие, реакционный социальный утопизм, культ насилия — вот опознавательные особенности Мао как политического вождя.

Часть третья

Несостоявшаяся императрица

9 сентября 1976 г. в 0 часов 10 минут скончался Мао Цзэдун. Его смерть не была неожиданной. Уже более трех месяцев Мао не появлялся на публике. Во второй половине дня поступило официальное сообщение; началась траурная церемония. Она длилась девять дней и закончилась 18 сентября на площади Тяньаньмэнь перед бывшей резиденцией императоров.

Смерть есть смерть, ее прихода все мы ждем по старине, говаривал Твардовский. Все ли? — А ждут ли ее, верят ли в неизбежность ее прихода люди, которые, подобно Мао Цзэдуну, наделены неслыханной властью, управляют судьбами сотен миллионов людей? Судя по всему, они не могут допустить самую мысль о бренности своего существования, им мучительно смириться с тем, что они уравнены с теми миллионами людей, над которыми они привыкли возвышаться. В свою очередь, этим миллионам униженных тоже трудно поверить, что человек, который мнился им богом, смертен так же, как и они. Они смотрят с каким-то мистическим ужасом на это павшее величие, на бренные останки того, кто повелевал всеми.

Выступая 17 сентября на торжественных похоронах Мао Цзэдуна, Хуа Гофэн говорил о верности идеям и политической линии Мао, о том, что вся партия и весь народ объединяются вокруг партийного руководства.

Но кончина Мао не только не объединила его преемников, а, напротив, привела к резкому обострению политической борьбы. Похороны Мао, которые были обставлены как национальная трагедия, не слишком долго занимали умы его наследников. Еще не был решен вопрос о том, как поступить с останками — захоронить в земле, кремировать или забальзамировать, еще не отзвучали речи, посвященные погребальному ритуалу, как наследники мертвой хваткой вцепились друг в друга. Когда улеглась пыль, одна группа осталась лежать на ковре.

То была Цзян Цин и ее приближенные. Вскоре появились официальные сообщения о заговоре «банды четырех» — Чжан Цуньцяо, Ван Хунвэня, Цзян Цин, Яо Вэньюаня, которые готовились наследовать Мао и намеревались, если верить китайской печати, установить «фашистскую диктатуру».

Теперь утверждают, что Мао предостерегал партию против попыток переворота со стороны Цзян Цин. В китайской печати

пишут, что «Председатель Мао перед своей смертью со всей серьезностью рассказал товарищу Хуа Гофэну историю о Лю Бане, который перед смертью осознал, что императрица Люй и другие из ее клана вступили в заговор с целью предать страну и узурпировать власть. Хуа Гофэн не забыл этих слов Председателя Мао и оправдал его высокое доверие. Говорят, что, когда Мао умирал, кто-то услышал, как Цзян Цин сказала: „Мужчина должен отрекаться в пользу женщины. Женщина тоже может быть монархом. Императрица может существовать даже при коммунизме“».

Так ли это — бог весть, но Цзян Цин, эта несостоявшаяся преемница председателя КПК, которую за один месяц раздавило тяжкое бремя наследования, несомненно заслуживает нашего внимания.

От великого до смешного один шаг… Это первое, что западает в сознание, когда думаешь о стремительном взлете и унизительном падении Цзян Цин. В 1965 году она вышла из семейного небытия на политический горизонт и, мелькнув подобно гаснущей звезде, исчезла с него уже в 1976 году.

«Культурная революция» выплеснула ее к самым вершинам власти, к самому подножию политического Олимпа Китая. И вот, лишь месяц спустя после кончины ее супруга, с ней было покончено. Она утратила все — политический вес, преклонение и, главное, заманчивую перспективу повторить судьбу жен императоров Китая, которые наследовали их корону, их деятельность, их культ.

Самым унизительным для нее было то, что поражение произошло фактически без борьбы, в жалкой форме. Не потребовалось никаких потрясений ни в партии, ни в государстве — никто не вступился за вдову «красного солнышка». Простой дворцовый акт ареста решил дело.

Воистину история повторяется дважды: вначале — как трагедия, а затем — как фарс. Это вторая мысль, которая приходит на ум, когда взвешиваешь еще раз странную судьбу претендента на должность «красной императрицы». На такие вещи не претендуют. О них не говорят вслух: их либо имеют, либо не имеют. Мао прекрасно понимал это и не подумал набросить тогу императора на свои августейшие плечи, а довольствовался скромным титулом Председателя. Иное дело — Цзян Цин! Все ее вспышкопускательство в период «культурной революции», вся ее сумбурная активность, вся ее суетливая «дамская» политика, весь этот исток ее политического восхождения и исход ее нисхождения, этот двусмысленный финиш спринтерского марафона удивительно подтверждают

гегелевскую сентенцию о странном стремлении исторических событий взглянуть на себя снова — на этот раз в кривом зеркале.

Судьба Цзян Цин, несомненно, имеет и семейно-психологическую сторону. Она подтверждает еще одну тривиальную сентенцию о том, что жена (не всегда, разумеется) является продолжением недостатков мужа. Всей деятельностью, особенно в последний десятилетний период жизни, она спародировала биографию своего супруга и, надо отметить, не к его славе и чести. Взяв его за образец в борьбе за власть и влияние и опираясь к тому же на его могучую поддержку, она вообразила, что может добиться тех же результатов. Почему бы нет? Если она могла быть его половиной на протяжении сорока лет, его личным секретарем, тайником, в который он складывал все свои политические секреты, его дублершей на многочисленных митингах перед хунвэйбинами, если она могла заседать в Политбюро ЦК КПК рядом с ним, почему же она не может сыграть его собственную роль? Кин, играющий короля, — это уже не Кин, а король. Она пыталась шаг за шагом повторить его продвижение к власти, ступать, как он ступает, говорить, как он говорит, применять те же методы политической борьбы с соперниками и общения с массами, которые применял он. И что же? Актерство, пародия, одна пародия. Кроме амбиции нужна и амуниция. Там, где он ходил через горы препятствий и горы трупов, она семенила ножками, оставаясь лишь у подножия.

Все это так. Но если бы судьба Цзян Цин была интересна как элемент семейной хроники Председателя, мы не стали бы говорить о ней подробно. Эта судьба интересна сама по себе. А интересна она тем, что Цзян Цин показала удивительно точную модель жизни и деятельности одного из распространенных типов современного архиреволюционера или квазиреволюционера — «левака» в его чистом, незамутненном обличье. Сейчас общественность повсеместно спорит о том, что представляют собой «левые» экстремисты — те, кто убивает Моро и взрывает Версаль. Они, эти представители «красных бригад», выдают себя за самых последовательных революционеров.

Каковы их портреты? Пока они не стали известными. Но не надо далеко ходить за примерами: перед нами Цзян Цин — классический образец этого «красного бригадира», вознесенного на вершины власти и потому особенно раскованного, особенно опасного. Нет нужды, что это женщина. Нет нужды, что это жена Председателя. Как личность, она классична и законченна. Ее деятельность — наглядный пример того, что стали бы делать «красные бригады», если бы они — спаси, господь, и помилуй! — где-либо пришли к власти. И в этом мы постараемся убедить

читателя.

…В 1972 году, то есть примерно семь лет спустя после выхода на политическую арену, Цзян Цин решила, что настало время забить заявочный столб на бессмертие. Собственно, дело было не только в поиске известности и личной славы. Дело шло ни больше ни меньше как об осуществлении первого шага на головокружительном пути к абсолютной власти в Китае. Причин выступить именно в этот момент, вероятно, было две: прогрессирующая болезнь Мао Цзэдуна, которому в то время было уже 79 лет, и крушение последнего претендента на роль наследника Мао — Линь Бяо в конце 1971 года. «Культурная революция» вознесла ее на роль национального лидера, если не с повязкой № 2 (еще жив был Чжоу Эньлай), то, по крайней мере, с красной повязкой, на которой мог быть поставлен впоследствии любой номер, даже первый…

Для осуществления своего замысла Цзян Цин, естественно, воспользовалась примером Председателя, пошла путем, проторенным Мао Цзэдуном. Она была свидетелем той всемирной рекламы, которую Мао организовал себе через посредство Эдгара Сноу в конце 30-х годов. «Красная звезда над Китаем», как помнит читатель, принесла широкую известность Мао Цзэдуну и содействовала укреплению его власти в Особом районе Китая.

Этот накатанный прием — развернутое автобиографическое интервью — должен был, по-видимому, по замыслу Цзян Цин, произвести сенсацию в зарубежной печати и в качестве бумеранга, вернувшись в Пекин, вознести ее на вожделенную высоту.

Для осуществления своего замысла она выбрала объект довольно случайный. То была рядовой специалист по китайской лингвистике Роксана Уитке, приехавшая в Пекин для сбора материала по китайской словесности, которая, конечно же, не мечтала о серьезном вторжении в сферу политики. Неожиданно для себя безмерно удивленная Роксана Уитке была приглашена к всесильной супруге председателя КПК, которая на протяжении многих дней и ночей (более 60 часов общего времени) диктовала ей свою автобиографию. Не полагаясь целиком на стенографические способности своего вынужденного интервьюера, Цзян Цин одновременно включала магнитофоны, с которыми сверялась запись американки. Расшифрованные тексты были потом выправлены (быть может, самой Цзян Ции или ее помощниками и секретарями, которые, кстати, участвовали в беседе) и переданы Роксане Уитке, став, таким образом, автобиографическим документом.

В 1977 году Р. Уитке издала этот документ в Бостоне и Торонто, озаглавив его «Товарищ Цзян Цин», под своей фамилией[1]. Собственно, ставить свою фамилию Р. Уитке имела мало оснований, ее личный вклад составляет едва ли одну сороковую — пятидесятую долю книги. Это очень краткие описания обстановки, в которой проходили беседы, а также невыразительные, бледные комментарии.

Чтобы читатель мог составить личное мнение о вкладе Р. Уитке в книгу и об уровне ее проникновения в столь не простую политическую жизнь Китая, приведем несколько ее реприз.

«В товарище Цзян Цин, — пишет Р. Уитке, — как ее называли все в Китае, было какое-то особое очарование, которое я почувствовала, находясь рядом с ней. Затем я почувствовала, что расстояние рассеивает это очарование, а в том, что она пишет, этого очарования вообще нет (!). Несмотря на свой возраст, она обладала особой привлекательностью (некоторые могли бы сказать сексуальностью). Ее внушительный монолог сопровождался театральными сменами настроений, от ярости к нежности или к бурному веселью. Она подобна изменчивому облику той революции, которую она возглавляла».

Сексуальность 64-летней Цзян Цин, о которой говорит Уитке, конечно же, явление спорное. Не менее спорно утверждение, что именно она возглавляла «культурную революцию», а не была одной из театрализованных кукол в руках куда более солидного режиссера — Мао Цзэдуна.

Поистине Цзян Цин нашла себе достойного биографа. Как не вспомнить о Мао, который остановил свой выбор на Эдгаре Сноу с его незаурядным литературным талантом и политической проницательностью…

Или вот еще один шедевр — касательно мотивов, которыми руководствовалась Цзян Цин, пригласив Роксану Уитке для развернутого биографического интервью. Оказывается, мотивы, по мнению последней, состояли в желании добиться «признания историей» и в попытке записать свое прошлое таким, каким его знает она одна. «Конечно, — продолжает автор, — Цзян Цин рисковала, предавая все широкой гласности, она бросила вызов концепциям коммунистической эпохи (!)… Вряд ли она стала бы открыто оспаривать аксиому, что массы творят историю и что поэтому следовало бы писать о них. И все же она не могла забыть, что, живя в тени Мао в Яньане, она упустила возможность сделать свое место (!) и свои дела (!) известными».

Выходит, что дело лишь в истории, ради которой Цзян Цин работала в поте лица, надиктовывая Уитке свою биографию — со дня рождения до политического вознесения. А быть может, Цзян

Цин преследовала не столь возвышенную цель обрести посмертную известность, но вполне земные надежды — занять опустевшее со времени гибели Линь Бяо кресло преемника Мао Цзэдуна?..

Особенно забавны параллели, которые проводит Р. Уитке между Цзян Цин и Мао Цзэдуном как политическими деятелями. «Цзян Цин и Мао (она смещена, он умер), — пишет Р. Уитке, — неизбежно будут сравниваться как личности и как руководители. Преданность делу (!) была свойственна как ей, так и ему, но контраст был поразителен». В чем же этот контраст? А вот в чем: «Ей не хватало идеологической виртуозности, широты охвата исторического прошлого, сочности, остроты, а также отрешенности, иногда до абсурда (!), поэтической возвышенности, которые изредка смягчали лакированный образ Мао».

Вот так откровение! Все различие между Цзян и Мао как политических деятелей состояло, видите, в ораторском искусстве, а также в способности доводить свое кредо до такого абсурда, который лакирует даже самый неблаговидный образ. Будь у Цзян немного более сочности языка и идеологической виртуозности, она, наверняка, стала бы преемницей председателя КНР.

Несколько слов об обстановке, в которой происходили беседы. Вот как описывает Роксана Уитке свою первую встречу с Цзян Цин: «Открылась дверь, и, широко шагая, Цзян Цин вошла в комнату, стиснула мне руку и испытующе посмотрела мне в глаза: наши руки опустились, но глаза оставались прикованными друг к другу, казалось, целую вечность (две минуты, быть может), прежде чем были произнесены первые слова. Цзян Цин была в очках с коричневым пластиковым верхом, которые я уже видела на ее портретах начала 60-х годов. Ее свежее, оливкового цвета лицо блестело, ее нос и щеки хорошо очерчены. В общем, они напоминают нос и щеки Мао (!). Телесного цвета бородавки на кончике носа и в нижнем правом углу рта скорее украшали, чем портили ее лицо… Как почти все в Китае, она носила пластиковые туфли белого цвета. Под стать им была белая пластиковая сумочка, вполне соответствующая стилю культуры нашего собственного пролетариата… Комната была обставлена в непритязательном стиле, свойственном интерьеру революционного Китая. Небольшие кресла, столики для закусок, легкие деревянные стулья для помощников и переводчиков. Ароматный чай был подан в кружках цвета морской волны».

Итак, бородавки на лице — счастливая мета судьбы по китайским поверьям, как и у Мао. Кружки тоже. Мао Цзэдун во время бесед с Эдгаром Сноу тоже попивал из кружек, правда не

чай, а свой любимый напиток — джин.

Цзян Цин была настолько поглощена воспоминаниями о прошлом, что было нелегко оторвать ее от них. Каждый вечер, часов в 10–11, к ней потихоньку приближался худощавый джентльмен, чтобы доложить, что обед подан. Это повторялось несколько раз, пока она, наконец, прекращала свой рассказ. Затем она предлагала: «Вымойте руки, если хотите, и встретимся опять в столовой».

Подаваемая пища была необычна, но прекрасно приготовлена. Каждый обед включал примерно десяток различных блюд из мяса и дичи. Почти непрерывно между приемами пищи подавали чай или крепкую рисовую водку «маотай». Цзян Цин обычно ничего не пила, а лишь пригубливала бокал, фактически не делая ни одного глотка. Замечая, что Р. Уитке не отказывала себе в спиртном, Цзян Цин довольно улыбалась и говорила, что ничего не имеет против.

Во время беседы присутствовал Яо Вэньюань, переводчица и еще один-два человека. Они, по словам Р. Уитке, то и дело клевали носом и оживляли себя горячим чаем, а также чередованием холодных и горячих компрессов, мокрых и сухих полотенец. Что до Цзян Цин, то она оставалась свежей как огурчик, несмотря на 8-10-часовые монологи. Вот что делает с людьми вдохновенная цель…

Впрочем, довольно о Роксане Уитке. Вернемся к несостоявшейся «красной императрице». Интересно, как сама она объясняла свое желание встретиться с Р. Уитке. Речь шла о ее «самовыражении», хотя это слово весьма приблизительно передает характер интервью: «Давайте я вскрою себя перед вами», — сказала Цзян Цин в самом начале встречи с Роксаной Уитке. Вскрою… Ну что ж, посмотрим, что же показало «вскрытие».

Перейдем собственно к биографии, рассказанной Цзян Цин. Не будем подробно останавливаться на ранних годах ее жизни. Приведем лишь несколько эпизодов, которые показывают, как она, подобно Мао, старалась «выпрямить» канву своего извилистого жизненного пути.

Цзян Цин родилась в одном из городов провинции Шандунь, где в свое время находилось государство Лю. В XIX веке Шандунь раздиралась на части восставшими тайпинами, а также женским боевым корпусом «красные фонари» (впоследствии именно так была названа первая «революционная опера», инспирированная Цзян Цин).

Родители Цзян Цин были бедные, необразованные люди. Они могли преподать ей только несколько основных конфуцианских

заповедей. Какое образование получила Цзян Цин? По ее словам — совершенно бессистемное. Школу она не посещала. Едва научившись грамоте, она стала сама читать китайские и зарубежные книги. Больше всего она мечтала в юности о славе кинозвезды. Она с упоением посещала кинотеатры, тратя на это последние деньги.

Каковы были ее политические симпатии в молодые годы? В 30-х годах Цзян Цин, по собственному признанию, «в основном придерживалась неистово националистических позиций». Ярче всего ей запомнились два события — мукденский кризис 1931 года и нападение Японии на Шанхай в январе 1932 года. Когда вести об этих посягательствах на Китай дошли до Циндао, где тогда находилась Цзян Цин, она вместе с другими молодыми людьми «решительно потребовала», чтобы правительство проводило твердую политику отпора Японии. Оскорбленное национальное чувство — это то немногое, что действительно роднит политическое сознание Цзян Цин и Мао, как, впрочем, и подавляющего большинства других деятелей КПК — его соратников и наследников.

В 18 лет она вступила в Коммунистическую партию. Работая в библиотеке, она познакомилась с коммунистической литературой.

Роксана Уитке, разумеется, пропустила мимо ушей сообщение Цзян Цин о ее «неистовых националистических взглядах». Но зато она страстно набросилась на факты, повествующие о поразительном совпадении судеб Мао и Цзян: оба они работали в юности в библиотеке. Это показалось восторженной американке чуть ли не симптомом фатальной неизбежности их брачного союза…

В ответ на вопрос Р. Уитке об очевидном сходстве биографий — ее и Мао, поскольку оба они занимали вначале скромные должности библиотекарей в университете, и о вступлении в КПК почти синхронно — примерно через год после поступления на эту должность (с разрывом в 12 лет, естественно) Цзян Цин резко парировала: «Меня нельзя сравнивать с Председателем. Он вел большую многостороннюю работу в Китае, а я выполняла лишь отдельную незначительную работу среди студентов, крестьян, рабочих во время освободительной войны».

Что это была за «незначительная партийная работа», так и не удается выяснить из автобиографии Цзян Цин. Она об этом не смогла сказать даже двух вразумительных слов. Зато, говоря о своих молодых годах, она сосредоточила внимание на нескольких болезненных пунктах, которые, по-видимому, представляли собой наиболее трудные барьеры ее жизненного пути в 30-х годах. Это

те самые пункты, на которые указывало Политбюро ЦК КПК при вступлении ее в брак с Мао Цзэдуном и характеризовали ее в глазах высшего партийного руководства как «сомнительный элемент». Каковы же эти трудные места ее биографии?

Пункт первый касается кратковременного нахождения Цзян Цин в гоминьдановской тюрьме в начале 30-х годов. Собственно, речь, скорее, шла не о том, из-за чего она попала в тюрьму, а о том, почему ее выпустили, поскольку после этого события в партийной организации, где она подвизалась, распространилось мнение, будто она предала в тюрьме своих подруг и только поэтому была так быстро освобождена из-под стражи.

Цзян Цин раньше вообще ничего не рассказывала о периоде 30-х годов. Эпизоды ее биографии того периода дали повод нынешним китайским руководителям изображать ее как женщину легкого поведения, которая приобщилась к коммунистическому движению по заданию гоминьдана.

Газета «Жэньминь жибао» уже после ареста Цзян Цин сообщала о том, что в период «культурной революции» она стремилась всеми средствами ликвидировать все следы своей прошлой деятельности. Так, в 1968 году Цзян Цин поручила своим агентам из секретной организации под видом «красных охранников» совершать обыски в домах, где могли находиться фотографии, документы, относящиеся к 30-м годам, и уничтожать все, что могло ее компрометировать.

В 1964 году Цзян Цин встретила человека, которому было известно ее прошлое. Она поспешно установила связь с агентом Линь Бяо и заявила: «Вам следует воспользоваться этими смутными временами и схватить моего врага. Если у вас есть какие-либо враги, скажите мне, я сама разделаюсь с ними». Газета сообщает, что Цзян Цин обнаружила женщину, которая в 30-х годах была ее служанкой, и велела арестовать ее, после чего эта женщина долго сидела в тюрьме.

Газеты сообщают также, что, когда в 1934 году Цзян Цин была арестована агентами гоминьдана, ее допрашивал некий Чжао Яошань. Она созналась там во всем и «предала дело революции». Цзян Цин всегда скрывала эти факты и долго разыскивала Чжао Яошаня. Цзян Цин успокоилась только тогда, когда узнала, что он уже умер. В 1964 году она выясняла у руководителя службы безопасности, нет ли в архивах каких-либо документов, касающихся ее ареста в 1934 году.

В 1966 году она с тем же вопросом обратилась к начальнику охраны Мао. Опасаясь, что документы могут быть обнаружены, она обратилась к Чжан Чуньцяо с просьбой арестовать двух вышеупомянутых людей — служанку и следователя,

допрашивавшего ее.

Другой, не менее трудный барьер преодолевала Цзян Цин, когда рассказывала о своей актерской биографии. Странно, но факт, что после кратковременного заключения в тюрьме она получила приглашение от прогоминьдановской Лиги культуры, которая предоставила ей несколько ролей. Именно после этого началась ее довольно успешная карьера в театре, а затем и в кино.

В кино Цзян Цин работала в 1936–1937 годах. Ей было тогда 18 лет, и ее сокровенная мечта состояла в том, чтобы к 21 году стать кинозвездой. Работая актрисой, она уже не состояла в Компартии, она подвизалась в шанхайском отделении христианской ассоциации молодых женщин. Рассказывая об этом неожиданном вираже своей политической биографии, Цзян Цин посчитала необходимым сделать специальное заявление Р. Уитке. «Пристально вглядываясь в меня, — пишет Р. Уитке, — она сказала, что иностранцы не сознают, как глубока ее приверженность к коммунизму. Они ничего не знали о ее близости к Компартии и к руководителю КПК». Откинув голову назад, театрально улыбаясь, она добавила: «Моя настоящая специальность — это выкорчевывать камни и валуны». Р. Уитке в книге сама вынуждена была заметить по этому поводу, что путь Цзян Цин к христианству и коммунизму выглядит довольно странно и требует «большего исторического пояснения, чем то, что она дала».

Но пока Цзян Цин дошла до рассказа о «культурной революции», ей пришлось корчевать еще не один валун и камень, в изобилии разбросанные на пути ее актерской карьеры в 30-х годах. Она упомянула о ролях, сыгранных ею в театре, но не обмолвилась ни одним словом о своих ролях в кино, даже в ответ на прямые вопросы Р. Уитке. И это не случайно. То были либо пустые развлекательные фильмы, либо политические фильмы прогоминьдановского содержания. Дотошная Р. Уитке разыскала фильмы и убедилась в этом сама. В Китае долгое время ходили слухи, что Мао Цзэдун приказал уничтожить все фильмы, где снималась Цзян Цин.

Вскоре Цзян Цин опять дошла до своего очередного валуна: ей надо было как-то объяснить, почему она оставила свою довольно успешно развивавшуюся актерскую карьеру и бросилась в авантюрную поездку в Яньань. А дело было вовсе не в политических предпочтениях. Причина была личного и довольно неблаговидного свойства. На нее обрушился серьезный общественный скандал, который и вызвал ее отчаянное решение. В период работы в кино ее имя было связано с именем актера и

критика Та На, руководителя небольшого общества искусств. Говорили даже, что она вышла за него замуж. Однако вскоре она бросила своего немолодого покровителя, что привело его на грань самоубийства. Участники кружка искусств подняли шум вокруг этой истории, а затем она была раздута прессой в сенсацию. При этом все единодушно указывали на Цзян Цин как на виновницу личной трагедии Та На. Она стала мишенью для издевательств и поношений и вынуждена была пожертвовать актерской карьерой.

Впрочем, Цзян Цин так и не пыталась объяснить мотивы своего приезда в Яньань, хотя ее недоброжелатели приписывали ей в ту пору нечаянно оброненную фразу: «Я выйду замуж за самого знаменитого человека в Китае».

Когда Цзян Цин дошла в своем рассказе до приезда в Яньань, Роксана Уитке, конечно же, возжаждала узнать подробности ее встречи и брака с Мао Цзэдуном. Как Цзян Цин попала в его личное окружение? Это было отнюдь не просто: соратники, охрана, жена, наконец. Ответ был уклончивым. Если Цзян Цин сама проявила инициативу к встрече, то почему этого надо стыдиться? Что за запоздалое ханжество? Ведь сама она рассказывала, что еще в Шанхае до нее доходили слухи о странствующем вожде красных Мао Цзэдуне и его грозном соратнике Чжу Дэ. «У нее не было никаких сведений о его внешности и только слабое представление — о его личности». Стало быть, уже тогда образ Мао заинтересовал ее.

Цзян Цин тем не менее настойчиво твердит, что именно Мао Цзэдун проявил инициативу в отношении встречи с ней уже вскоре после ее приезда. Когда она узнала об этом? Он сам разыскал ее и дал ей билет на свою лекцию, с которой выступал в Институте марксизма-ленинизма. Удивленная и преисполненная благоговейного трепета Цзян Цин, по ее словам, сначала отказалась, но тут же поборола смущение и пошла слушать лекцию. Отсюда ведет начало их связь, которая долгое время тщательно скрывалась от окружающих.

Здесь возник еще один матримониальный барьер, который пришлось преодолевать бедной женщине. Ей очень хотелось снять с себя ответственность за развод Мао Цзэдуна с его прежней женой. И вот что она сообщила: «Когда я приехала в Яньань, Мао не жил со своей женой — Хэ Цзычжэнь уже больше года. Они были разведены, и она лечилась в Советском Союзе». Цзян Цин сообщает, со слов Председателя, что его жена была очень упрямой женщиной. Она так и не поняла «политический мир Мао». (Хэ вместе с Мао проделала «великий поход», зато молоденькая и хорошенькая актриса интуитивно сразу

приобщилась к таинственному миру вождя…)

Причина, оказывается, была в том, что Хэ якобы происходила из семьи помещиков и торговцев и привыкла к довольству и удобствам. Правда, она заявила во время «великого похода», что она хочет принять в нем участие, но, привыкнув к праздной жизни, «отказалась резать бумагу и делать другую простую работу…» Не правда ли, какой прекрасный повод для развода?

Выясняется, что проблемы, связанные с ее трудным характером, еще более осложнились при постигшем ее несчастье: она была несколько раз ранена во время похода, это подорвало ее физическое и душевное равновесие. В конце 1935 года она сама (со слов Цзян Цин) оставила Председателя. Мао был недоволен ею, поскольку она будто бы вымещала свое раздражение и свою болезнь на детях, постоянно избивала их. В результате опеку над детьми взяли какие-то люди (почему Мао не взял их к себе?), а Хэ поместили в психиатрическую лечебницу. И впоследствии она много раз лечилась методом шокотерапии.

Так повествует Цзян Цин. Но, как известно, женщины были бы хорошими обманщицами, если бы придерживались одной версии. Увы, Цзян Цин не ограничилась этими объяснениями и предложила еще одну версию, что еще более снижает наше доверие. Оказывается, до Цзян Цин Мао Цзэдун, если верить ее словам, был увлечен другой актрисой — Лили У. Именно она и расшатала почву под супружеством Мао и Хэ и стимулировала его желание обрести новую подругу. Его тогдашняя жена Хэ узнала о флирте Мао с Лили У и обвинила ее в том, что она расстроила ее брак с Мао Цзэдуном. Иными словами, Цзян Цин не несет никакой ответственности за развод Мао. Как видно из книги, эта тема волновала Цзян Цин едва ли не больше, чем перипетии «культурной революции». «О, женщины, — говорил поэт, — непостоянство ваше имя!» Непостоянство или суетность?..

На всех этих подробностях можно было бы не останавливаться, если бы они не проливали дополнительный свет на личность самого Мао Цзэдуна и в особенности на Цзян Цин. Мы выяснили занимательные подробности: человек, который взвалил на себя впоследствии нелегкое бремя осуществления «революционных» реформ в сфере культуры в Китае — Цзян Цин не училась даже в школе; ее политические предпочтения были связаны с оскорбленными национальными, а не с социальными чувствами; ее вхождение в КПК и выход из партии были в одинаковой мере несерьезны; ее увлечение коммунизмом чередовалось с увлечением христианством; ее актерская судьба толкнула ее к весьма низкопробным с точки зрения художественного вкуса и вполне лояльным в отношении

гоминьдана фильмам. Из всего этого можно понять, отчего Политбюро ЦК КПК так отрицательно отнеслось к браку Мао Цзэдуна с актрисой, имевшей сомнительное и даже подозрительное прошлое.

Каковы были взаимоотношения между Цзян и Мао Цзэдуном? Этот вопрос имеет значение не только для понимания поведения Мао Цзэдуна в семье, но и дли объяснения той роли, которую неожиданно стала играть Цзянь Цин в ходе «культурной революции». Сама ли она выдвинула себя на эту роль при поддержке или несопротивлении председателя КПК или он в силу сентиментальной привязанности либо политических расчетов решился основать семейную «династию председателей КПК»?

Р. Уитке утверждает, что Цзян Цин мучила постоянная неуверенность в стабильности отношения Мао к ней. Эта неуверенность отчасти проистекала из-за судьбы ее предшественниц. Она знала, что Мао развелся с первой женой, которая, правда, была навязана ему родителями. Затем он женился, как казалось, по большому чувству, на дочери глубоко уважаемого им профессора. Она родила ему трех сыновей. Впоследствии она была казнена гоминьдановцами. Третью жену, которая сопровождала его во время «великого похода», он отправил в Советский Союз, а после возвращения заключил в психиатрическую больницу. Перед глазами у Цзян Цин были примеры бесчисленных разводов в высшем руководстве (у Лю Шаоци было шесть жен).

Однако неуверенность Цзян Цин коренилась не только в воспоминаниях прошлого. Она была связана с тем, как складывались ее взаимоотношения с Мао в настоящем, особенно в период, когда она так нуждалась в его поддержке. В начале «культурной революции» она бросила весь свой застоявшийся темперамент на поприще борьбы за власть, схлестнувшись с такими могучими противниками, как Лю Шаоци, Линь Бяо, Дэн Сяопин. Имела ли она твердую гарантию, что Мао поддержит ее и что ей не придется разделить судьбу других претендентов на наследование?

Мао не любил живых преемников. Выдвигая их на эту роль, он обрекал их тем самым на заклание. Почему, собственно, для Цзян Цин должно быть сделано исключение? «Как никакая другая женщина, — пишет Р. Уитке, — она в свое время совершила ницшеанский скачок через свое поколение и жила, все больше проникаясь фаустовским убеждением, что нет искусства, которым она не могла бы овладеть, что нет науки, которую она не сумела бы познать, которую она не смогла бы завоевать». Больше того, добавим мы, она прониклась убеждением, что нет политической

деятельности, которая ей не была бы по плечу. В какой мере эти ее черты были стимулированы самим Мао Цзэдуном, который также был склонен к крайностям, хотя и умел тонко вести тактическую игру на противоречиях своих соратников?

Все это остается не вполне ясным.

Цзян Цин рассказала своей собеседнице о подаренной ей Мао художественной фотографии, на обороте которой она переписала то, что было неопубликованным стихотворением Мао, посвященным лично ей. Следуя традиции говорить о природе, а фактически о политике, Мао сравнил Цзян Цин с чудесной горной вершиной, почти всегда окутанной туманом, поднимающимся от реки. Лишь изредка эта вершина освобождается от тумана.

Здесь непереводимая игра слов. Дело в том, что, приехав в Яньань и выйдя замуж за Мао Цзэдуна, бывшая актриса решила порвать со своим сомнительным прошлым во всех отношениях и сменила свое нежное актерское имя Лань Пин («голубая кувшинка») на более твердо звучащее, хотя тоже не лишенное кокетливости имя Цзян Цин, что означает «лазурная река». В стихотворении Мао над этой рекой поднимается туман к вершине горы, которая становится почти невидимой. Действительно, ее деятельность в тот краткий период, когда она выступала в роли калифа на час от культуры, вряд ли могла претендовать на ясность и рациональность, даже если исходить из поставленной ею перед собой цели.

О характере взаимоотношений супругов говорят короткие ремарки Цзян Цин по поводу Мао Цзэдуна. Она ни разу, даже по ошибке, не назвала его мужем или по имени. Она называет его только Председателем. По-видимому, на протяжении долгой жизни с ним она привыкла видеть себя не в роли супруги, а в других ролях — помощника, а затем соратника. Она оберегает его, но не так, как оберегает жена любимого человека, а как оберегает секретарь высокочтимого начальника.

Цзян Цин рассказывала, что Председатель с ней суров, ведет себя как строгий учитель. Конечно, он не ведет ее за руку как некоторых, но все же он чрезвычайно строг с нею. Даже некоторые из присутствующих товарищей наверняка знают о Председателе больше, чем она, жаловалась Цзян Цин. (Речь шла, вероятно, о Яо Вэньюане.) «Может быть, это объясняется тем, что я крайне невежественна» (!), — заметила сама Цзян Цин. Это признание, впрочем, не мешало ей выступать в роли всезнающего учителя для других, ниже стоящих деятелей искусства, литературы, образования.

«Мы живем вместе, — продолжала Цзян Цин, — но он человек молчаливый, не любит много говорить. А уж если

заговорит, то обычно о политике, экономике, культуре, о международных делах, внутреннем положении, обо всем, что приходит ему на ум. Иногда он касается „маленьких радиопередач из народа“. Сведения, которые можно получить из этих маленьких передач, являются не слишком ценными».

Что это за «маленькие передачи»? По-видимому, речь идет о систематических доносах органов безопасности по поводу настроений масс, которые передавались Мао Цзэдуну Ван Дунсином. Вот откуда он черпал свои знания о народе, которыми так гордился, формулируя свою «линию масс». Впрочем, сам он полагал этот источник не очень надежным…

Какую роль играла в последнее время Цзян Цин при Мао Цзэдуне? Как ее можно понять, она выступала в роли «патрульного» в сфере культуры и просвещения. Она просматривала газеты и журналы, отбирала заслуживающие внимания — как хорошие, так и плохие — произведения и давала их на рассмотрение Председателю. Иными словами, она выступала в роли помощника по вопросам культуры и, вероятно, была в глазах Мао Цзэдуна достаточно серьезным авторитетом в этих вопросах.

Почему? Быть может, она считала себя особо компетентной в области культуры? Отнюдь нет. Сама же признавалась в том, что когда дело касается знаний, то ей «далеко до остальных товарищей», что ей не хватает «систематических знаний». «Единственное мое достоинство в том, что, раз начав что-нибудь, я не отступаю, пока не добьюсь своего». Этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы выступать в роли советника, предлагающего те или иные практические решения, затрагивающие судьбы отдельных художественных произведений и их авторов, а также целых направлений в области музыки, стихосложения, балетного творчества и т. д.!

Неуверенность Цзян Цин в стабильности отношения к ней Мао Цзэдуна особенно усилилась в связи с ее притязаниями на политическую роль. Так и не ясно, до каких пределов Мао поддерживал эти притязания. В его письмах к Цзян Цин нет теплоты, но, пожалуй, есть откровенность— чуть большая, чем даже в выступлениях на закрытых совещаниях, где он не очень-то стеснял себя в отношении формы и стиля. Но эта откровенность тоже специфична. Она напоминает модель взаимоотношений Учителя с большой буквы и маленького ученика, быть может, близкого, но не очень-то любимого.

В китайской печати приводятся письма как доказательство скептического и даже плохого отношения Мао к Цзян Цин и ее политической деятельности. Трудно сказать, насколько они

достоверны. Но имеются письма, которые она цитирует сама в своей автобиографии. Когда знакомишься с ними, складывается впечатление, что Мао поддерживал ее суждения в области руководства сферой культуры, образования, науки, но относился с сомнением к самой возможности выдвижения ее на роль общенационального лидера. Все же для этой роли недостаточно быть женой Председателя и купаться в лучах его славы. Необходимо иметь какую-нибудь политическую биографию и, быть может, чуть-чуть иной набор интеллектуальных и политических качеств. Но, как бы отрекаясь от личных моментов в своих рассказах о Мао, Цзян Цин отнюдь не стесняется говорить и действовать от его имени, как будто именно ей доверено оберегать его авторитет и толковать его идеи.

Цзян Цин рассказывает о том, как она созвала однажды представителей двух распущенных киностудий, чтобы изложить им свои претензии. Главная претензия состояла в том, что «эти мошенники» (слова Цзян Цин) подготовили хроникальный фильм о Председателе, который принимает парад хунвэйбинов, но коварно сняли церемонию так, чтобы представить в выгодном свете Лю Шаоци. Цзян Цин заявила, что нужно вырезать из фильма все кадры, изображающие Лю, Дэн Сяопина и Тао Чжу (ее соперника в сфере руководства культурой). Она потребовала запретить документальный фильм, изображающий Лю Шаоци и его жену Ван Гуанмэй во время их поездки в Индонезию в 1963 году, — фильм, который тоже был на пути к экрану, — за то, что он пропагандирует «буржуазную придворную жизнь».

«Председатель терпеть не может, чтобы его снимали для кино, — напомнила Цзян Цин. — Он был таким еще в те времена, когда я только познакомилась с ним в Яньани. Все честолюбивые „революционные“ кинооператоры стремятся заснять Председателя, но (если не считать особо торжественных случаев) Председатель не разрешает им снимать его за работой. Между тем представители буржуазии готовы драться изо всех сил, лишь бы их запечатлели хоть на одном кадре. Лю Шаоци вел себя весьма своеобразно. Он обычно старался оказаться рядом с Председателем и делал вид, будто с ним разговаривает… Уж он-то никогда не старался отойти в сторону».

Каков был Мао в семье? Как он относился к детям? Что рассказывает об этом Цзян Цин? Мы уже слышали о том, что он был довольно равнодушен к своему многочисленному потомству. Еще в детстве он восстал против железного конфуцианского канона о полном подчинении детей своим родителям. А когда он стал отцом, он перенес свое бунтарское отношение в этом вопросе на отношения с детьми, он не питал к ним особо нежных чувств и

не требовал от них сыновней любви. Большинство своих детей он рассеял по стране в трудные годы гражданской войны, да и те, которые были при нем, держались от него на почтительном расстоянии. Цзян Цин даже не упоминает о его отношениях с сыновьями, хотя некоторые из них, получив образование в Китае или в Советском Союзе, жили и работали в стране. Выступая как-то перед хунвэйбинами, которые задали вопрос, как относиться к своим родителям, Цзян Цин в полном соответствии с канонами Председателя сформулировала следующий лозунг:

Если родители — революционеры, Дети должны стать их преемниками. Если родители контрреволюционеры, Дети должны бунтовать против них.

С детьми, говорила Цзян Цин, не следует обращаться как с «частной собственностью». Это «богатство народа, наследники народа». Тот, кто монополизирует собственных детей как сокровище, дарованное небесами, неизбежно будет игнорировать чужих детей, особенно детей трудящихся, и считать их ничего не стоящими.

«Возьмите, к примеру, нашу дочь (Ли На), — продолжала Цзян Цин. — Когда она училась в начальной школе, она рассказала мне, что ее учитель говорил ей о книге „Тихий Дон“ Михаила Шолохова. „Хочешь, я тебе ее почитаю?“ — спросила я. — „Да, мама“. Читая, я объясняла ей, что она должна относиться к этому как к материалу по советской истории или как к истории советских войн. Но это нехорошая книга, потому что герой ее — предатель и контрреволюционер. „Как ты можешь так говорить, мама? Все говорят, что это хорошая книга“.

Критиковала она меня потому, что тогда еще не позволялось критиковать эту книгу. Я ей велела никому не рассказывать о нашем разговоре. Я объяснила, что прочла книгу и высказала лишь свое личное мнение» (это мнение по поводу «Тихого Дона», конечно, — наглядное свидетельство «интеллектуального превосходства» матери над дочерью…).

Справедливости ради надо сказать, что Цзян Цин, в отличие от Мао, проявляла трогательную заботу о своей дочери. Эта забота простиралась так далеко, что в разгар «культурной революции» она выхлопотала завидное местечко для Ли На — дочери Мао от брака с ней. В 1967 году Ли На стала-главным редактором «Цзефаицзюнь бао», которая на время оттеснила «Жэньминь жибао», став центральным органом ЦК КПК. В тот же период она выдвинула и свою падчерицу Ли Минь в Научно-технический комитет при министерстве обороны в Пекине в качестве руководителя, ведающего ядерными исследованиями. Этого нельзя сказать о сыновьях Мао от прежних жен — Цзян Цин

и не думала заботиться о них.

При содействии Цзян Цин зять Мао, Яо Вэньюань, направлял всю шанхайскую печать, а впоследствии стал видным членом Политбюро КПК. Племянник Мао, Мао Ааньсинь, во время «культурной революции» стал заведующим отделом пропаганды в провинции Хэйлунцзян, потом — также членом президиума революционного комитета этой провинции, а год спустя — и заместителем председателя революционного комитета провинции Ляонин (обе эти провинции являются важными промышленными центрами в Северо-Восточном Китае).

Однако довольно семейной и полусемейной хроники. Пора, наконец, познакомиться поближе с Цзян Цин как с героем «культурной революции». Этому посвящена большая часть ее автобиографического интервью.

Каковы были мотивы приобщения Цзян Цин к политической деятельности в начале 60-х годов? Что ее привело на эту соблазнительную, но скользкую стезю? Из довольно хаотичных ее высказываний можно сделать следующие выводы.

Цзян Цин рассказывает, что как раз в начале 60-х годов она излечилась от очень тяжелой болезни и именно тогда преисполнилась решимости оставить свое имя в истории революционного движения. Она начала печататься в юношеских и женских журналах под своим настоящим именем, которое в те дни мало кому было известно. В какой же сфере можно осуществить это свое страстное желание запечатлеть, себя в революционной истории? Конечно же, в сфере искусства и литературы, в которых она, как бывшая актриса, особенно компетентна…

Другой мотив — вполне понятное и возрастающее чувство зависти Цзян Цин ко многим женам руководящих деятелей КПК, и больше всего к блистательной Ван Гуанмэй — супруге Лю Шаоци. И еще один чисто женский мотив — страх перед приближающейся старостью и желание обрести компенсирующую сферу жизнедеятельности.

«Я хочу навсегда сохранить свою молодость», — то была одна из первых фраз, услышанных Р. Уитке от Цзян Цин. Может быть, это и было причиной ее включения в политическую жизнь? Жажда продлить свою жизнь — на этот раз в новой для себя сфере, на политическом поприще…

Что же, все это достаточно веские основания для борьбы за власть… Но вот что по-настоящему поражает, когда читаешь ее откровения: Цзян Цин искренне полагает, что именно она дала толчок и платформу «культурной революции». Непосредственную инициативу в осуществлении этой кампании она, ничтоже

сумняшеся, приписывает лично себе. Выясняется, что именно она еще весной 1962 года после многолетних споров убедила, наконец, Председателя в настоятельной необходимости усиления идеологического контроля над литературой и искусством путем их прямого подчинения «пролетарскому руководству». Именно она по поручению Мао составила проект политического заявления для ЦК КПК (Цзян Цин тогда еще не была его членом). Составленный ею документ стал известен как циркуляр от 16 мая 1962 г. Его следует рассматривать как шаг на пути к «культурной революции», подчеркнула Цзян Цин.

Цзян Цин утверждает, что как раз в эту пору она начала собственный «крестовый поход» против всех театральных постановок, воскрешавших отжившее прошлое. Она разоблачала «пьесы о привидениях» (в основе которых лежали предрассудки и народные верования) и драмы о феодальном обществе и буржуазии как «надстроечные элементы, не соответствующие развивающемуся социалистическому базису Китая».

Оказывается, что Председатель Мао, поддавшись уговорам жены, сделал знаменитое высказывание, которое затем многократно повторялось его приспешниками и хунвэйбинами: все пьесы, изображающие «привидения» или «императоров и принцев, генералов и министров, гениальных ученых и красавиц», следует запретить. Для пущей выразительности он обвинил министерство культуры, в котором после победы революции верховодили Чжоу Ян, Ся Янь, Линь Мохань и их окружение, в том, что оно — «министерство императоров и принцев, генералов и министров, гениальных ученых и красавиц…»

Какова была идеология Цзян Цин, если можно употребить это выражение, учитывая ее политическую и философскую инфантильность? «Идеология» была очень простая — она основывалась на установках Мао, высказанных еще в Яньани, о необходимости создания «социалистической надстройки», которая должна соответствовать «социалистическому базису». Этой надстройкой может быть только пролетарская культура. Как создать пролетарскую культуру? Этот вопрос вначале не очень-то занимал супругу Председателя. Одно ей было ясно: прежде всего нужно полностью выкорчевать всю культуру прошлого.

Вооруженная этой идеей, которая давала если и не очень глубокую, то во всяком случае понятную ей самой «политическую линию в искусстве», Цзян Цин ринулась врукопашную против носителей/ феодальной культуры. Подходящий случай представился во время фестиваля современной пекинской оперы, состоявшегося в июне — июле 1964 года. До этого события Цзян Цин не претендовала на заметную роль на многолюдных

конференциях. Этот фестиваль стал ее политическим дебютом. Министерство культуры организовало его по поручению ЦК КПК: после широкого показа новых театральных постановок представители центральных органов пропаганды должны были дать инструктаж о том, как театр должен служить интересам пролетариата. Премьер-министр Чжоу Эньлай, составлявший список ораторов, приняв во внимание, что Цзян Цин недавно проводила обследование оперных трупп по всей стране, предложил ей написать статью по проблемам преобразования пекинской оперы. Но публикация ее статьи, отметила Цзян Цин в беседе с Р. Уитке, задержалась на три года, тогда как выступления других ораторов были опубликованы немедленно. Лишь в мае 1967 года статья появилась в партийном журнале «Хунци». Почему? Потому что ее «враги» (лица, возражавшие против того, чтобы она занимала видное положение в мире искусства) исказили ее первоначальный текст, а затем отказались дать ему официальное одобрение. И пока этих людей не сняли с постов, ее идеи не могли быть обнародованы. (Может быть, ради публикации этой статьи и произошла «культурная революция»?!..)

Любопытно рассмотреть основные положения статьи, которые впоследствии стали политическим кредо Цзян Цин. В статье Цзян Цин обрушивалась на анахронизмы в искусстве и политической жизни и потребовала создания настоящей надстройки, способной «защитить социалистический экономический базис». Она привела «поразительные» цифры, политический смысл которых казался ей очевидным.

«В стране, — говорила она, — имеется три тысячи театральных трупп (не считая любительских и незарегистрированных). Из них примерно 90 — современные профессиональные драматические коллективы, 80 — артистические ансамбли, остальные (более 2800) — труппы, ставящие разного рода оперы и дающие народные музыкальные представления. Наша оперная сцена занята императорами, принцами, генералами, министрами, учеными и красавицами, а в довершение всего — привидениями и монстрами. Что касается 90 современных драматических трупп, то они не всегда изображают на сцене рабочих, крестьян и солдат. Они тоже отдают предпочтение иностранным и историческим пьесам… В нашей стране более 600 миллионов рабочих, крестьян и солдат и лишь горстка помещиков, кулаков, контрреволюционеров, преступников, правых и буржуазных элементов. Кому мы должны служить — этой горстке или 600 миллионам?»

«Хлеб, который мы едим, выращивается крестьянами. Одежда, которую мы носим, дома, в которых мы живем, — все это

сделано рабочими. На страже нашей национальной безопасности стоит Народно-освободительная армия. Мы же не воплощаем их образов на сцене. Я хотела бы задать вопрос: на стороне какого класса выступаете вы, артисты? И где она — артистическая „совесть“, о которой вы все время говорите?»

В опере необходимо поощрять «образцовые спектакли». К таким спектаклям относятся «Красный фонарь», «Искра в камышах», «Смелый налет на полк „Белого тигра“», «Налет на бандитскую крепость». Среди руководящих деятелей, слушавших эти оперы и рекомендовавших изменения, были, конечно, Председатель и земляк Цзян Цин, глава службы безопасности Кан Шэн, о ком она говорила очень тепло: «Он хотел получить мою любимую фотографию с пионами, но я не отдала ее».

Итак, все искусство, которое было посвящено представителям господствующих классов, должно быть отброшено. В самом деле, разве могут волновать простых рабочих и крестьян душевные муки обманутого в своих чувствах отца, если он был английским королем Лиром? Какое дело рядовым труженикам до королевского сына Гамлета? Могут ли они одобрить поведение тринадцатилетней Джульетты, которая бросилась на шею явному представителю привилегированного класса — Ромео? Все эти Ричарды, Людовики, как, впрочем, и герои китайских опер — императоры, министры, со всей их антинародной деятельностью, со всем их безнравственным поведением, должны быть раз и навсегда выброшены за борт искусства. Вместе с ними должны быть преданы забвению и имена авторов произведений мировой классики, поскольку они занимались изображением представителей господствующих классов — Байрон с его Чайльд Гарольдом, Пушкин с его Евгением Онегиным, Лев Толстой с его князем Андреем, да и все другие-

Все это могло бы показаться смешным, когда бы не было так грустно. Примитивное словотворчество Цзян Цин, освященное именем и властью Мао Цзэдуна, подхваченное хунвэйбинами, обрушилось впоследствии, как лавина, на головы интеллигентов — представителей литературы, музыки, драматургии, науки, стремившихся в меру своих сил служить новой власти.

Формирование альянсов

Интересно проследить, как пародирует Цзян Цин методы борьбы Мао Цзэдуна со своими политическими противниками. Она вносит в них элемент мелкой женской обиды, который забавно переплетается с политическими расхождениями, занимающими в ее сознании, разумеется, второстепенное место.

В этом духе повествует Цзян Цин о своей борьбе с Пэн Чжэнем, Лю Шаоци, а также впоследствии и с Линь Бяо.

Выяснилось, что после фестиваля пекинской оперы, прошедшего, по мнению Цзян Цин, с большим успехом, Лю Шаоци со своей женой Ван Гуанмэй, явно задетые успехом Цзян Цин, в августе и сентябре 1964 года совершили поездку по стране. Формальным поводом для нее, раздраженно заметила Цзян Цин, было участие в кампании «четырех чисток», но в действительности они делали все, чтобы помешать осуществлению «пролетарского курса» Председателя Мао.

Весной 1966 года, продолжала Цзян Цин, конфликт распространился на все области. В феврале (когда Мао совершал поездку по Ханчжоу и Хунани) она руководила шанхайским совещанием по вопросам литературы и искусства в вооруженных силах. Здесь была подвергнута критике так называемая «группа пяти», которая возглавлялась мэром Пекина Пэн Чжэнем — человеком, еще до того выступавшим против требований Цзян Цин об осовременивании оперы. По сути, их линия, признала Цзян Цин, была рассчитанным ударом по ее программе привнесения социализма в искусство.

Когда сложилась группировка Цзян Цин? Это произошло перед началом «культурной революции». Об этом можно судить из следующего ее рассказа.

— Знаете ли вы, кто такой товарищ Яо Вэньюань и что он сделал? — спросила Цзян Цин, представив Р. Уитке этого человека. — В начальный период культурной революции он организовал публикацию статей, критикующих реакционную линию в искусстве и литературе. Конечно, прежде всего я получила одобрение Председателя Мао Цзэдуна, а потом ездила в Шанхай, где меня поддержал товарищ Кэ Цинши (бывший мэр и секретарь партийной организации Шанхая). Однако большинство статей написано товарищем Яо Вэньюанем.

— Работа осуществлялась под руководством Председателя Мао и была организована товарищем Цзян Цин, — подчеркнул Яо Вэньюань. — В то время развернулась исключительно тяжелая борьба. Вот почему Председатель Мао сказал, что Пекин был

тогда для нас неприступной крепостью.

Что сблизило членов будущей «банды четырех»? Судя по всему, Яо Вэньюань, Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэй действительно сделали ставку на Цзян Цин. Это может показаться странным, поскольку она едва ли располагала такой же властью и влиянием, как в свое время Лю Шаоци, потом Линь Бяо, затем Чжоу Эньлай. Но, по-видимому, у членов группировки не было другого выбора, как только опереться на Цзян Цин, которая, в свою очередь, искала, на кого бы опереться внутри политического руководства ЦК КПК. И в этом деле она также подражала Мао Цзэдуну. Свое восхождение на вершину он тоже начал с создания группировки, однако в нее входили действительные вожди, имевшие не только большой авторитет в партии, но и располагавшие широким влиянием среди огромного числа руководителей меньшего масштаба. Иное дело Цзян Цин. Халиф на час, она могла создать группировку, которую отличало авантюристическое калифатство. Представители «банды четырех» нашли друг друга, поскольку они были близки по своим биографиям, по случайному обретению высокого положения, по непомерным политическим вожделениям.

Напомним, что в период «культурной революции» резко ослабли позиции «старой гвардии» и, напротив, усилились позиции Кан Шэна и некоторых других близких к Цзян Цин людей (Чэнь Бода). Как раз тогда возникла авантюристическая шанхайская группировка, которая рвалась к власти. Не исключено, что именно эта группа вместе с Кан Шэном была инициатором выдвижения Цзян Цин на роль тарана в борьбе за власть и влияние.

Правда, Цзян Цин пыталась обрести и более мощную опору. Как увидим дальше, ее активно поддерживал все тот же Кан Шэн. Она искала контактов с Чэнь Бода. Но большинство крупных деятелей КПК вначале не принимали ее всерьез. Они шли на уступки, но не включали ее в свою группу и тем более не входили в ее группировку. Ее претензии на крупную политическую роль должны были казаться им довольно странными и уж, конечно, малореальными. А в качестве союзницы в своих собственных планах она была им, вероятно, не очень нужна, хотя ею и можно было воспользоваться как неким каналом влияния на Мао Цзэдуна — не больше.

Но сотрудничество с Яо Вэньюанем и другими молодыми деятелями все же не давало прочной опоры Цзян Цин в Политбюро ЦК КПК. И тогда она сыграла ва-банк и предложила союз человеку, который мечтал заменить Лю Шаоци, а впоследствии и стать преемником Мао. Речь идет о Линь Бяо.

Цзян Цин не постеснялась сообщить Р. Уитке о своих усилиях в этом направлении, которые дали свои результаты.

В феврале 1966 года Цзян Цин и Линь Бяо заключили частную сделку. Она предложила ему все блага, которые ему сулил союз с женой Председателя, искушенной в вопросах «культуры», в обмен на место верховного советника по вопросам культуры в армии. И Линь Бяо пошел на это. И только несколько месяцев спустя после того, как было покончено с Лю Шаоци и многими другими крупнейшими деятелями КПК, стал неизбежен конфликт между Линь Бяо и шанхайской группировкой во главе с Цзян Цин.

Получив официальные «полномочия» от Линь Бяо, Цзян Цин для начала созвала совещание по вопросам литературно-художественной работы в вооруженных силах в Шанхае.

Цзян Цин прибыла в назначенное время. На ней была мужского покроя солдатская одежда, какую она носила все годы «культурной революции». Очутившись перед морем солдатских голов, она заговорила извиняющимся тоном, вызывая в воображении традиционный образ самоотверженной китайской женщины. В последние годы слабое здоровье мешало ее работе, и она недостаточно усердно изучала идеи Председателя Мао. Правда, это она составила проект доклада для X пленума, где устанавливались принципы обновления культуры, но Председатель три раза переделывал его, прежде чем отдать в печать. В этом докладе, напомнила она слушателям, подчеркивалась необходимость развязать классовую борьбу по всей стране, укрепить пролетарскую идеологию и ликвидировать буржуазную. Последнюю она презрительно назвала «черной линией 30-х годов». Эта линия включала такие «грехи», как «правдивое описание», «широкий путь реализма», «углубление реализма», «нейтральные персонажи», «нелюбовь к запаху пороха». «Нужно осудить не только эти буржуазные ошибки, но и русских буржуазных литературных критиков — Белинского, Чернышевского и Добролюбова, а также театрального деятеля Станиславского», — заявила Цзян Цин.

Нужно вырвать монополию из рук профессиональных критиков, лишенных верной ориентации и не обладающих достаточным боевым духом, и передать это дело в руки масс. «Мы должны изменить свой литературный стиль, поощрять сочинение коротких популярных статей, превратить критику произведений литературы и искусства в кинжалы и ручные гранаты и умело пользоваться ими в рукопашном бою… Мы против запугивания людей терминологией и жаргоном. Только так мы сможем разоружать самозванных литературных критиков и

искусствоведов», — вещала Цзян Цин.

В предисловии к своим «Неприятным пьесам» Бернард Шоу писал: «Каждый деспот, чтобы сохранить душевное здоровье, должен иметь хотя бы одного непокорного подданного. Даже Людовик XI терпел своего исповедника, который отстаивал духовного владыку против владык мира сего. Демократия отняла скипетр у деспотов и вручила его суверенному народу; но и у этого нового владыки есть свой исповедник, а именно — критика. Критика не только полезна с медицинской точки зрения, — она приятна толпе еще и потому, что утоляет ее кровожадность своими гладиаторскими боями; ее зависть — своими нападками на великих людей; ее потребность в преклонении — хвалой, которую им возносит. Критика говорит вслух то, что всякий хотел бы сказать, но не смеет, а если и смеет, то не может по недостатку уменья. Ее иконоборчество, ее призывы к бунту, ее кощунства вызывают приятный трепет даже у тех, кого не шокируют; таким образом, критик соединяет в себе исповедника и придворного шута»[1].

Удивительно точное суждение, но оно отражает лишь ограниченный опыт западной цивилизации. «Культурная революция» в Китае через посредство таких деятельниц на поприще критики, как Цзян Цин, дала нам модель отношения к этому предмету, рожденному в лоне традиций восточных цивилизаций. Здесь тоже, поощрялась и даже культивировалась критика, поощрялось участие масс в этом занятии. Но объект критики был строго определен самим верховным властителем: то были люди и идеи, отданные им самим на заклание широким массам. Тем самым достигалась двоякая цель — удовлетворялся критический аппетит масс и еще более возносилось в Поднебесной «красное солнышко» — Мао Цзэдун. Надо отдать должное Цзян Цин, она поднаторела в роли подобного возбудителя критических настроений широких масс.

К началу лета 1966 года позиции Цзян Цин были сильны, как никогда. В феврале ее официально назначили советником по культурной работе в армии. Цзян Цин постепенно стала обретать политический опыт общения с массами. Но опыт этот был весьма своеобразным. Здесь ей трудно было опереться на образец поведения Мао Цзэдуна, который давно уже не выступал перед народом. Все последние десятилетия он выступал почти исключительно на совещаниях партийных, военных деятелей, представителей интеллигенции и т. д. Даже во время «культурной революции», когда Мао находился перед восторженными хунвэйбинами, он ограничивался, как правило, многозначительным молчанием, что, естественно, вызывало бурю

восторгов…

Непосредственно окунувшись в массу хунвэйбинов, Цзян Цин взяла себе в качестве образца поведение своего давнишнего друга Кан Шэна; она обращалась к нему за советом по всем острым и неясным проблемам, которые возникали в ходе «движения масс».

В 1966–1967 годах осмелевшая Цзян Цин стала экспериментировать как политический трибун на многочисленных митингах. Какие же идеи она несла массам? И каков был стиль ее выступлений? Вот некоторые образцы, о которых повествует она сама.

16 августа 1966 г., всего за два дня до того, как Мао выступил перед многомиллионной армией хунвэйбинов, Цзян Цин вместе с членами группы по делам «культурной революции» прибыла на пекинский Рабочий стадион, чтобы взять на себя руководство массовым митингом «революционных учащихся и преподавателей». Члены ее группы, одетые одинаково в простые военные комбинезоны, стояли под дождем, извергавшимся со свинцового неба. Цзян Цин открыла митинг сакраментальной фразой: «Председатель Мао просил меня передать вам привет!»

«Сегодня вокруг нас бушует буря. Мы не цветочки в оранжерее, — гремел Яо Вэньюань. — Мы все должны закалиться, чтобы быть готовыми к яростной классовой борьбе». Он запел гимн «культурной революции», который к тому времени воспринимался всеми как хвалебная песнь Председателю Мао: «В бурном море не обойтись без кормчего».

Неутомимая супруга Председателя, которая только к ноябрю 1966 года успела появиться на семи из восьми массовых митингов хунвэйбинов, обратилась, наконец, непосредственно к деятелям культуры. Набор ценностей, которые она пропагандировала, был все тот же. Свою речь от 28 ноября 1966 г. перед работниками литературы и искусства она сама рассматривает как «важное философское высказывание». Как же выглядит это «философское высказывание»? А вот как.

Вернувшись к жизни после продолжительных болезней, сказала Цзян Цин, она вдруг столкнулась с фактом существования исторических противоречий. Социалистическая нация упорно продолжает ставить (и смаковать) пьесы о духах, императорах, чиновниках, генералах, ученых и шикарных женщинах, продолжает искать развлечения в знаменитых иностранных драмах. Если мы не приведем надстройку в соответствие с социалистическим экономическим базисом, то подобные драмы неизбежно «разрушат» этот базис.

Цзян Цин предостерегала против привычки наслаждаться радостями импортированной культуры. Империализм— это

одряхлевший капитализм, паразитирующий и прогнивший. Современный ревизионизм — это продукт империалистической политики и разновидность капитализма. Они не способны создавать хорошие произведения. История капитализма насчитывает несколько столетий, и все же он располагает лишь жалким количеством «классических» творений. Они (капиталистические писатели) создали кое-какие произведения, скопированные с «классиков», но произведения эти стандартны и уже не привлекают народ, а значит, они целиком упадочнические. С другой стороны, есть вещи, буквально наводняющие рынок, — такие как рок-н-ролл, джаз, стриптиз, импрессионизм, символизм, абстракционизм, модернизм и т. д.; список можно продолжать до бесконечности… Одним словом, налицо упадочничество и похабщина, которыми пользуются, чтобы отравлять и разлагать сознание народа.

Цзян Цин осудила космополитизм 30-х годов в Китае. То, что Лю Шаоци нравилось разнообразие культуры, проповедь им «общенародной литературы и искусства», означает «буржуазную либерализацию», тогда как Председатель учит, что литература и искусство должны служить «пролетарской диктатуре», писатели и деятели искусств должны «вместе с рабочими, крестьянами и солдатами участвовать в самых жарких схватках классовой борьбы».

Все просто, ясно, недвусмысленно. Заметьте, как идет постоянная эскалация культурного нигилизма среди «леваков». Один говорит: надо создать пролетарскую культуру. Другой предлагает: нет, этого мало, надо уничтожить всю непролетарскую культуру. Третий утверждает: нет, и этого мало, надо уничтожить всех носителей непролетарской культуры. Четвертый включается: нет, и этого мало, надо уничтожить и потребителей непролетарской культуры. Пятый шумит: и этого мало, надо уничтожить всех носителей непролетарской культуры другого сорта, например, «ревизионистской советской культуры». Шестой кричит во весь голос: нет, и этого мало, надо уничтожить всех носителей мнимой пролетарской культуры, кроме тех, кто воспевает «красное солнышко» — Мао Цзэдуна. Это становится единственным критерием «пролетарского» характера культуры, и, наконец, на этом сходятся все…

Для понимания духовного облика Цзян Цин особенно характерно ее отношение к террору в период «культурной революции». Она ни словом не обмолвилась о трагической судьбе Пэн Чженя, Лю Шаоци, Чэнь И, Хэ Луна, их жен и детей, а также многих сотен других деятелей, с которыми она была знакома или о которых слышала. Она полагала, что «революция в области

культуры» — переделка литературы, драматургии — не может не сопровождаться «революционной ликвидацией» носителей противоположных, буржуазных начал. Они должны быть выметены как сор — эта фраза хунвэйбинов была понята так, что они должны быть измордованы, избиты, оплеваны, унижены и убиты, на то и «великая пролетарская культурная революция». Она с восторгом сообщает Р. Уитке, что уже в 1966 году «началась гражданская война», полагая такую войну единственным средством утверждения пролетарских начал в духовной жизни, а главное — установления контроля со стороны ее группы за всем производством культуры.

Напомним о преследованиях, которым подвергалась по наущению Цзян Цин семья Лю Шаоци, прежде всего его супруга — Ван Гуанмэй. Она закончила два высших учебных заведения и работала переводчиком с английского в иностранном отделе ЦК КПК. Она вышла замуж за Лю Шаоци двадцати четырех лет. Лю был вдвое старше ее.

Лю Шаоци до этого разошелся со своей пятой женой. Первая его жена была казнена чанкайшистами в начале 30-х годов, остальные были живы. У Лю Шаоци от брака с Ван Гуанмэй были две дочери (кроме того, у него было несколько сыновей и дочерей от предыдущих браков). Шестая жена была изящна, красива и умна (на Западе много писали об особом озлоблении против нее со стороны стареющей Цзян Цин и даже искали в этом одну из причин гонения на Лю Шаоци).

Ван Гуанмэй всегда имела при себе минимум вещей на случай, если ее посадят в тюрьму. На одном из очередных допросов хунвэйбины продержали ее с шести утра до десяти вечера. Время от времени ей давали успокоительные капли. Ван Гуанмэй сопротивлялась атакам своих юных инквизиторов:

Обвинитель: Наденьте другое платье.

Ван Гуанмэй: Не надену.

Обвинитель: Вы не должны возражать.

Ван Гуанмэй: На мне хорошее платье.

Обвинитель: Это выходное платье. Вы же в суде.

Ван Гуанмэй: Я не буду надевать другое платье. Оно мне не нравится.

Обвинитель: Тогда зачем же вы его носили в Индонезии?

Ван Гуанмэй: Тогда было лето.

Обвинитель: А зачем же вы его надевали в Лахоре?

Ван Гуанмэй: Я его не надену, что бы вы ни говорили.

Обвинитель: Но вы же в суде. Осторожнее! Если будете упрямиться — берегитесь.

Ван Гуанмэй: Мне все равно. Даже если я умру.

Обвинитель: Мы хотим вас иметь живой. Наденьте платье.

Ван Гуанмэй: Давайте говорить серьезно.

Обвинитель: С вами вообще не собираются говорить.

Ван Гуанмэй: Вы не имеете права посягать на мою свободу.

Обвинитель: Вы буржуйка. Инакомыслящая. Демократия на вас не распространяется. Для вас — диктатура. Вы лишены свободы.

Ван Гуанмэй: Я не надену это платье. Но если я допустила ошибки, я готова выслушать критику.

Обвинитель: Вы признаны виновной. Наденьте то платье, которое было на вас в Индонезии.

Ван Гуанмэй: Тогда было лето. Летнее платье — для лета. Зимнее платье — для зимы.

Обвинитель: Прекратите свой вздор. Все это — буржуазные замашки и капризы.

Ван Гуанмэй: Председатель сказал, что мы должны следить за изменениями в климате и вести себя соответствующим образом.

Обвинитель: Председатель говорил о политическом климате. А вы можете замерзнуть даже в своем меховом манто. Ну, будете надевать платье?

Ван Гуанмэй: Нет.

Обвинитель: Что вы думаете об отставке Лю Шаоци?

Ван Гуанмэй: Радуюсь ей. В Китае больше не будет ревизионизма.

Обвинитель: Но мы все-таки должны свести с ним счеты. Как вы думаете?

Потом группа студентов повалила ее на пол. С нее стали срывать платье под поощрительные возгласы и советы присутствующих[1].

Дальнейшая судьба жены Лю Шаоци и ее детей покрыта тайной.

Жестокость в отношении противников «идей Мао» сопровождалась нагнетанием антисоветской истерии. Печать и радио КНР призывали водрузить «знамя Мао Цзэдуна на Красной площади». С 26 января 1967 г. в течение двух недель днем и ночью у здания посольства СССР раздавалась брань, усиленная репродукторами; сожжение на кострах чучел, изображавших советских людей, попытки поджечь здание посольства — все использовалось, чтобы наэлектризовать фанатичную толпу обманутых людей, натравить их на Советский Союз. 17 августа 1967 г. ворвавшиеся на территорию советского посольства хунвэйбины устроили погром в помещении консульского отдела, угрожали сотрудникам физической расправой — все это при полном бездействии китайской охраны.

В своем образном рассказе о «культурной революции» Цзян Цин не нашла ни слова для осуждения всех этих актов вандализма. Впрочем, однажды и ее как будто смутили крайности «культурной революции». И здесь мы подходим к пониманию психологии «левацкого» терроризма. Цзян Цин рассказывает о взаимной борьбе и взаимных расправах, которые начались в Пекинском университете. Напомним, что она рассказывает об этом шесть лет спустя, когда выстрелы уже отгремели, «культурная революция» осталась позади и наступило относительное затишье. Тем более характерна ее ретроспективная оценка актов терроризма.

В разгар «культурной революции» в университетах внезапно вспыхнула борьба между различными группировками, сопровождавшаяся насилием, убийствами и самоубийствами. Как всегда, застрельщиком выступил пользовавшийся высоким престижем Пекинский университет. Там выдвинулись молодые люди, распалившие пламя мятежа, которое вскоре вылилось в прямые акты террора — и против профессуры, и внутри самой студенческой массы.

Как сообщает сама супруга Председателя, события в Пекинском университете озадачили ее. Было ли студенческое восстание — кровавый инцидент 18 июня 1966 г. — контрреволюционным (направленным против Мао) или революционным и, следовательно, заслуживающим поддержки как позитивная тенденция молодого поколения? Впоследствии она публично признавалась, что положение, судя по сообщениям, было крайне «ненормальным»: «Я с удивлением узнала, что некоторых молодых людей из безупречных семей (крестьянских и пролетарских), из чьих дацзыбао и других выступлений явствовало, что они хотят участвовать в революции, заклеймили как контрреволюционеров». Это обвинение свело многих из них с ума, а некоторых толкнуло на самоубийство. Во время беседы с Р. Уитке она снова выразила недоумение, почему столь многие молодые люди «хорошего классового происхождения» решили покончить жизнь самоубийством. В самом деле, почему?

Чему больше удивляться: наивности этих пассажей или странной игре случая, которая дает в руки таких людей власть над миллионами?

Чтобы узнать настроение студентов, она решила посетить Пекинский университет и почитать их дацзыбао. Когда она сообщила о своих планах Лю Шаоци, у него «вытянулась физиономия». Она быстро связалась с Чэнь Бода, Кан Шэном и другими членами группы по делам «культурной революции», расспросила их об обстановке в Пекинском университете и

сообщила их мнение Председателю. В университете ее встретила Не Юаньцзы, автор первой подстрекательской дацзыбао. Они вместе бродили между старыми зданиями, построенными в стиле времен династии Мин, внимательно изучали расклеенные на стенах дацзыбао и останавливались, чтобы поговорить со студентами и преподавателями, которые были, конечно, ошеломлены внезапным визитом товарища Цзян Цин. Только после многочасовых расспросов она поняла, что мятежные студенты и преподаватели, которых недавно подавляли «рабочие группы», — не контрреволюционеры, как об этом первоначально сообщали, а «революционеры, откликнувшиеся на первую волну дацзыбао».

Что же волнует Цзян Цин в этом эпизоде? Бесчинства юнцов? Их невероятная жестокость, разнузданность страстей, вызванная к жизни в борьбе за цели, о которых они ничего даже не подозревали? Нет, ее волнует сакраментальный вопрос: является ли осуществляемое насилие «революционным» или «контрреволюционным». Ее сердце не затронуто. Взволнован только мозг и бьется в нем один только пульсик: «за культурную революцию или против революции» убивают друг друга «пролетарские» студенты? Наконец, она все же приходит к выводу, что это все же революционно, и успокаивается — раз революционно, стало быть, и говорить нечего о жестокостях, о насилии, о крайностях. Ее бедный ум, слабо вооруженный критериями для суждения, терялся в догадках. А Мао Цзэдун, по-видимому, помалкивал, что еще более затрудняло дело. Скажешь, что движение контрреволюционное— а потом будет дана ему положительная оценка, и тебе самой, того и гляди, придется выступать с покаянием…

Но если поскрести эту псевдореволюционную оболочку, то под ней легко обнаружить совсем другие мотивы, совсем другой психологический пласт: не искренняя, пускай ложно понятая, революционность, а лишь личные и отнюдь не возвышенные страсти: зависть, властолюбие, тщеславие. Она завидовала давно и упорно супруге Лю Шаоци, которая успешно выступала в роли его помощницы и соратницы. Поэтому у нее не находится ни слова сочувствия по поводу драматической судьбы этой женщины и ее детей. Она была лично задета Пэнь Чжэнем: он отнесся Пренебрежительно к ее вторжениям в сферу культуры. И в ее душе нет места для жалости к этому старому деятелю и человеку, когда его публично подвергает пыткам разнузданная толпа хунвэйбинов. Лю Шаоци был потенциальным конкурентом Мао Цзэдуна, а значит, и ее конкурентом, и она требует, чтобы толпа разбила его голову, как тухлое яйцо. Ее революционное

фразерство на деле оборачивается низменной борьбой за власть, сведением личных счетов, насильственным утверждением своего превосходства.

«В наш век уж так заведено: бьется человек, выходит в люди и давай давить других», — писал Бернард Шоу. Это сказано как будто специально о Цзян Цин, которая приложила поистине «героические» усилия для того, чтобы выбиться в люди, идя к этой цели любыми средствами. Бернард Шоу тонко почувствовал и другое свойство этих авантюристических натур — страсть к разрушению, неспособность к сколько-нибудь здравой конструктивной работе. «А какая польза людям от разрушения? — вопрошал Шоу. — Перебей они полицию, кто будет охранять их же безопасность? И пойдут жечь дома и, конечно, начнут с дворцовых палат, когда прежде всего надо было спалить дотла свои лачуги и трущобы. И потом голыми руками их возьмет первый же толковый авантюрист, который под маркой спасителя отечества наберет армию, обучит ее, оденет, будет платить ей жалование. Возьмите Кромвеля, Наполеона, да кого угодно! Убереги, господи, народ от самого себя!».

Народ нередко становится беззащитным и обманутым орудием таких авантюристических деятелей, поскольку в его недрах накапливается законный протест против унижения и угнетения, которым он подвергается со стороны властей, и первый его порыв — разрушить все общественное здание, на котором покоится несправедливая система.

Судя по рассказу Цзян Цин, Чжоу Эньлай сделал попытку остановить террор «леваков». Он выступил на митинге 17 сентября 1966 г. На митинге присутствовали также Чэнь Бода (которого подозревали в «ультралевых» настроениях) и Кан Шэн. Премьер-министр осудил вооруженных активистов, назвав их «мелкобуржуазными анархистами», упорно не желающими прекратить гражданскую войну. Что касается Цзян Цин, то она восторгалась «развернувшейся гражданской войной», ее замечания ограничились защитой лишь своей группировки и своей резиденции. Она сообщила слушателям, что накануне группа из 30 с лишним человек «по-бандитски» разгромила редакцию партийного журнала «Хунци», а десять человек из провинции Ганьсу силой проникли в Чжуннаньхай (резиденцию высшего руководства КПК) и ворвались даже в штаб-квартиру Председателя Мао, где и были схвачены.

В ходе разговора с Р. Уитке Цзян Цин с осуждением отозвалась о некоторых других нигилистических акциях хунвэйбинов, в частности о поджоге официальной резиденции английского поверенного в делах. Перед тем как поджечь здание,

китайские юнцы и девицы пинали ногами английских служащих обоего пола, плевали на них и подвергали всевозможным сексуальным надругательствам. Однако Цзян Цин ни словом не обмолвилась о бесчинствах в советском посольстве: что делать, политика есть политика, «ревизионистов» не следует жалеть даже в случаях прямого разгула террора.

В июле 1966 года Председатель Мао написал ей письмо с «блестящими предсказаниями», вспоминала Цзян Цин. В своем письме он выдвинул задачу — ниспровергнуть правых в партии и во всей стране. Конечно, добавила Цзян Цин, ниспровергнуть их всех не удастся. Через семь-восемь лет развернется новое движение под лозунгом «Уничтожить демонов и чудовищ». И тогда будет еще больше «чисток». Председатель ясно дал понять, что любой «правый коммунист», который попытался бы совершить в Китае государственный переворот, будет уничтожен. Любое действие, направленное против 95% населения, обречено на провал. Написанное Председателем в 1966 году — не досужие домыслы, заявила Цзян Цин, его предсказания сбылись.

Сбылись, конечно, но совсем не так, как думал Председатель. «Правые коммунисты», в том числе изгнанный Дэн Сяопин, легко сумели взять реванш после смерти Мао, и в жертву на этот раз была принесена Цзян Цин.

Даже рассказывая об этом эпизоде, Цзян Цин не вполне отдавала себе отчет в подлинных целях Мао и подлинной подоплеке «культурной революции». Она хваталась то за одно, то за другое звено в происходящем — свои вторжения в сферу культуры, личные обиды на Лю Шаоци, его жену, борьбу с «ревизионизмом», заговоры Линь Бяо, — ее бедная головка не могла вместить весь этот поток и понять его главное направление. Все дело было в ложной исходной посылке: она полагала себя чуть ли не пружиной всех событий, тогда как была не более чем суетливой марионеткой. Ею играли многие — сам Мао со своего недоступного возвышения, Кан Шэн, Линь Бяо, Яо Вэньюань. Марионетка была повсюду, во всем участвовала, и потому ей казалось, что все исходит от нее. Эта иллюзия кружила голову, в которую заползали все более тщеславные надежды и замыслы.

Эти надежды усилились в связи с падением последнего официального претендента на наследование власти Мао — Линь Бяо. В автобиографическом интервью Цзян Цин содержится любопытная версия крушения бывшего министра обороны КНР. Она рассказывает, что Линь Бяо не только замышлял покушение на Председателя Мао, но и предпринял несколько попыток совершить его, намереваясь убить «всех товарищей из

Политбюро». «Его люди сделали план нашей резиденции и собрались подвергнуть ее бомбардировке, чтобы разом покончить с нами всеми». Очень «правдоподобный» способ расправы с членами Политбюро — не правда ли?

Не довольствуясь этой версией, Цзян Цин тут же предлагает иную: люди Линь Бяо установили тайный контроль над резиденцией Мао Цзэдуна, приготовили яд, чтобы постепенно подкладывать его в пищу Председателя Мао и самой Цзян Цин. Доказательство? Вот оно: почти весь 1969 год она «страдала невралгией, которая отрицательно сказалась на деятельности мозга и памяти. Лишь недавно она выздоровела». Видимо, Линь Бяо подкладывал очень щадящий яд…

Присутствовавший на встрече Яо Вэньюань счел нужным восстановить официальную версию этого события и вставил следующее: Линь Бяо-де пользовался поддержкой «советских ревизионистов». После провала он бежал в направлении Советского Союза, захватив жену и сына. Выбитый из колеи и охваченный паникой, он бросился в объятия врага. Предав партию и страну, он сам подписал себе приговор — его самолет разбился в Монголии.

— Такие товарищи, как премьер, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и я, — продолжала Цзян Цин, — стояли на стороне Председателя Мао. Они («ультралевые» сторонники Линь Бяо) повсюду разжигали пламя пожара, а мы действовали как пожарная команда и сражались, чтобы защитить ветеранов. Целью Линь Бяо было ниспровергнуть ветеранов, захватить власть и сделать так, чтобы «советские ревизионисты» немедленно ввели в Китай свои войска. Однако, как сказал Председатель Мао министру Шуману, он одним махом покончил с Линь Бяо.

Во всем этом нельзя обнаружить ни грана правды, Линь Бяо был одним из наиболее антисоветски настроенных деятелей, что видно из его выступлений, и одним из активных творцов культа Мао Цзэдуна.

Из рассказа Цзян Цин можно видеть, что Мао Цзэдун уже давно планировал расправу с Линь Бяо, использовав его предварительно против Лю Шаоци. Что касается Цзян Цин, то она подталкивала Мао в этом направлении, видя в Линь Бяо своего потенциального соперника.

Наибольшее место в автобиографии Цзян Цин занимает рассказ об апофеозе ее деятельности: это реформа всей сферы культурной жизни Китая. Вот когда она, наконец, самоутвердилась в среде, которая отвергла ее 30 лет назад, взяла реванш за унижения, за обманутые ожидания славы и поклонения. Поощряемая Мао, она железной метлой прошлась по

всем закромам и сусекам духовной жизни страны, ни один не оставив без своего августейшего внимания.

Вспоминая о событиях начала 60-х годов, она с болью призналась, что ее появление — после многих лет отсутствия — в кругах драматических актеров, танцоров, музыкантов сделало ее чрезвычайно уязвимой для критики. Когда она стремительно вышла на первый план в качестве единоличного руководителя искусства, с ней отказывались сотрудничать, а некоторые даже составляли против нее заговоры. Но такая враждебность не могла остановить ее.

Цзян Цин не скрывала от Р. Уитке, что она добивалась верховной власти над сценическим искусством и в конечном счете над национальной культурой. С какой целью? С целью «революционизировать» умы людей. Она полагала, что ей необходима такая власть над сознанием народа для упрочения личной власти и авторитета и для укрепления позиций ее верных последователей. Кроме того, стать директрисой национальной драмы означало узурпировать историческую прерогативу мужчин — «играть роль распорядителя и определять то, что должно ставиться».

Нужно ли говорить, что никакого отношения к марксистскому пониманию путей формирования социалистической культуры и методов руководства им вся эта левацкая практика не имеет. Зато она имеет прямую связь с традициями имперского Китая.

Известно, что танский император Мин Цзун учредил при дворе актерскую труппу, которую назвал «Грушевым садом»; такой же патронаж над театром осуществляли его преемники. Последняя правительница маньчжурской династии вдовствующая императрица Цы Си так увлекалась театральным искусством, что соорудила для себя в Летнем дворце высокую открытую сцену в витиеватом стиле династии Мин. Там инсценировались любовные романы и истории о сыновней почтительности, ставились пьесы в духе буддийского учения, в которых фигурируют религиозные маски. Сама вдовствующая императрица не довольствовалась ролью простой зрительницы. Время от времени она и ее протеже — юный император Тун Чжи облачались в фантастические костюмы и выступали в амплуа далеко не таких августейших особ, какими они были.

Наведя порядок в области драмы, Цзян Цин занялась музыкой. Она призналась Р. Уитке, что слышала лишь немного западной музыки и даже не могла бегло читать ноты, но в начале 60-х годов она энергично занялась самообразованием. Многие годы Цзян Цин была уверена, что китайцы в состоянии обогатить

свою музыкальную культуру на основе зарубежных достижений, но, познакомившись ближе с западной музыкальной культурой, она решительно отвергла эту идею.

«С молотом в руке, — объявила она, — подняв сжатый кулак, я пошла в наступление на все старое». Услужливые деятели из сферы музыки немедленно отреагировали, однако многое еще оставалось неясным, и вот начались споры, какой должна быть «революционная музыка». Некоторые хотели, чтобы вся музыка была только симфонической. Другие предлагали ориентироваться только на сольные инструменты или положить в основу вокальное искусство.

Между тем собственное представление Цзян Цин о музыке было расплывчатым. Весь ее прошлый багаж складывался из трехмесячного обучения в драматической школе в Цзииани в молодости. Она училась игре на некоторых музыкальных инструментах, в том числе и на рояле. На инструктаже перед прибытием президента Никсона в Пекин весной 1972 года ей сказали, что он играет на рояле исключительно хорошо. Однако Цзян Цин все же решилась поиграть при нем на рояле. «Вы первый иностранец, при котором я играю на этом инструменте», — сказала она смеясь.

Но нет таких гор, на которые не могли бы взобраться тигры И вот в течение нескольких лет после 1964 года Цзян Цин посещает консерваторию и проводит много времени на концертах. Она, по ее словам, внимательно наблюдает, как устроены и как звучат иностранные инструменты. Слушая звучание кларнетов, гобоев, флейт и других инструментов в сольном, камерном и симфоническом исполнении, она начинает ценить их возможности сочетания с другими группами музыкальных инструментов, в том числе и китайских. Эти набеги в музыкальные круги для посвященных не были легкими, признает она. Она остро ощущала то, что известные музыканты относились к ней высокомерно, поскольку у нее не было серьезных познаний в области музыки. Но у нее было одно явное преимущество перед ними: они не решались принести революцию в мир музыки, тогда как она была наполнена этой решимостью. Приобретая музыкальные знания, она старалась привлечь музыкантов к деятельности, призванной превратить музыку в средство «революционной пропаганды».

Для начала Цзян Цин и ее сторонники запретили практически всю прежнюю музыку, как и прежние театр и кино. Следующим шагом было создание образцовых спектаклей— «янбань си». В конце 50-х годов так называли образцовые поля, созданные во время «большого скачка» для активизации

соревнования. Теперь термин «янбань» распространился с базиса на надстройку. Этим подчеркивалось, что область искусства ничем существенным не отличается от сельского хозяйства и что культура должна соответствовать образцам, выдвигаемым новой революционной эпохой.

К 1968 году, когда «культурная революция» пошла на убыль, было создано в общей сложности восемь «янбань си». Среди них четыре оперы («Красный фонарь», «Шацзябан», «Взятие хитростью горы Вэйхуань», «Налет на полк „Белого тигра“»), два балета («Женский красный батальон» и «Седая девушка»), фортепианный концерт «Хуанхэ», а также серия скульптурных работ. Появление каждого из этих образцов становилось крупным политическим событием, ему посвящались первые полосы газет, философские обобщения партийного журнала «Хунци». Восемь «революционных классических произведений» постепенно были дополнены несколькими произведениями изобразительного искусства, главным из которых был портрет Мао Цзэдуна, направляющегося в голубой униформе исследовать условия труда на Аньюаньских шахтах.

Когда президент США Р. Никсон посетил Китай ранней весной 1972 года, Цзян Цин пригласила его на представление революционного балета «Женский красный батальон». Похоже, что балет ему понравился, он попросил назвать имена драматургов, композиторов, режиссеров. «Они созданы массами», — ответила ему Цзян Цин. Никсону нелегко было понять такое объяснение, рассказала Цзян Цин и добавила, что, собственно, и нельзя было ждать от него понимания всей огромной важности ее личной ответственности за создание нового образцового театра для китайской нации.

Не обойдена была вниманием, разумеется, и кинематография. Как и прежде, целью Цзян Цин было выявить публично пороки современного кино и наметить новые эталоны. С самого начала ее усилия натолкнулись на противодействие тогдашнего министра культуры и его сторонников в области кино. И к 1966 году, как сообщалось в китайской печати, Цзян Цин «вынесла смертный приговор капиталистическому правлению кинодеятелей». «Творческие монологи» были заклеймены как «нигилизм и декаданс». «Буржуазная» система перенесения центра тяжести на режиссера была отменена и заменена «партийной системой демократического централизма». Надо, однако, отметить, что в ходе бурных дебатов, в которых к тому времени тон задавали сторонники Мао, ни в одной партийной или хунвэйбиновской публикации не осмеливались напомнить, что Цзян Цин, новая хозяйка киноискусства, сама

некогда была кинозвездой.

В течение нескольких лет энергичного руководства Цзян Цин удалось полностью парализовать деятельность актеров и актрис кино, равно как и режиссеров и директоров, многих из которых она попросту разогнала. «Создание абсолютно нового искусства без применения опыта прошлого было почти неразрешимой задачей, — призналась Цзян Цин. — Этот процесс требовал неустанного кропотливого труда».

«Ради таких целей, — заявила она с вдохновением, — я и простые люди готовы начать новую войну!»

Прекрасные слова! Чего стоят детские упражнения «Бесов» у Ф. М. Достоевского в сравнении с таким неистовством и таким размахом!

Реформатор оперы, реформатор драмы, современного кино… Какая соблазнительная роль выпала на долю бывшей маленькой шанхайской актрисы! Подумайте сами: на протяжении веков создавалась, пестовалась, совершенствовалась удивительная китайская опера, которая не имеет прецедентов. В муках творчества, борений, споров на протяжении XIX и XX веков китайские интеллигенты развивали современную драму, которая учитывала и национальные традиции, и западное искусство. На протяжении десятилетий китайские режиссеры и актеры приобщались к созданию своего кинематографа, тянулись к лучшим мировым образцам, искали способы отразить в этом самом популярном жанре новую жизнь китайского народа. Все эти усилия — ничто в сравнении с державной волей. Едва овладев нотной тетрадкой, Цзян Цин уже твердо знает, как перестроить всю музыкальную культуру — на меньшее она не согласна, меньшее — масштаб муравьиного труда этих маленьких, робких, запуганных, ищущих у нее же поддержки и признания интеллигентиков. Нет, вся музыка должна обновиться в революционном духе. Весь театр должен перестраиваться, весь кинематограф, вся литература, критика, наука должны подчиниться требованиям «пролетарской» культуры.

Но каковы эти требования? Что кроется под этим звучным словечком? Сколько ни повторяй слова о соответствии духовной надстройки социалистическому базису, все равно останется открытым вопрос, отчего пролетариату не нужна опера, симфония или джаз, а нужны только вариации на тему пресловутой песни: «В бурном море не обойтись без кормчего». В этих требованиях пролетаризации невозможно обнаружить ни одного рационального зерна, ни одной здравой мысли о действительном совершенствовании социалистического искусства, ни одного конструктивного предложения, ни одного остроумного

замечания. За всем этим стояло только одно — тщеславное актерское чувство, жажда личного контроля, личного влияния, личного вторжения, личного решения. «Критерий революционности», «критерий пролетаризации» искусства, культуры, науки использовался лишь как дымовая завеса для установления абсолютного господства «императрицы от культуры» над измордованной, поверженной и коленопреклоненной толпой поэтов, музыкантов, кинематографистов, актеров.

Хорошо властвовать вообще, а властвовать в среде, где ты был унижен, — восхитительно. Комплекс неполноценности бывшей актрисы Лань Пин нашел себе мощный выход в этой «культурной вакханалии». Еще раз подтвердилась проницательнейшая мысль К. Маркса, адресованная в свое время анархистам, о том, что под видом борьбы за господство пролетариата они ищут личного господства.

Герберт Уэллс в «Новом Макиавелли» нарисовал картину торжества социал-демократического социализма: «Стоит им прибрать мир к рукам, — писал он, имея в виду фабианцев, — как на земле не останется ни единого деревца, зато вся она будет установлена пронумерованным и покрашенным зеленой краской листовым железом (для тени) и аккумуляторами, вырабатывающими солнечный свет».

Один из руководителей фабианцев Уэбб, по определению Уэллса, обладал «неугасимой энергией подлинной посредственности». Победа социал-демократов для Уэбба означала триумф функционеров, «безупречных уэбб-бабочек, необъяснимо честных, радостно исполнительных, мерцающих лаковым блеском, но отнюдь не сверкающих, как стальные клинки… Истинно необходимых (как их обойдешь?!) и незаменимых слуг рабочего мира — верных слуг, надежных слуг, а на поверку — властных и властвующих слуг. Как виртуозно они снуют по своим аккуратно запутанным делам и как укоряюще взмахивают своими образцово сложенными зонтами, когда им навстречу вылезает какой-то случайный гражданин, позабывший побрить свой характер и застегнуть на все пуговицы свое воображение!»[2].

В респектабельном лейбористском варианте социализма гениальный фантаст сумел разглядеть черты казармы, где господствующие функционеры грубо навязывают свой образ мысли, характер, вкусы и темперамент всему обществу. Что же говорить о маоизме, социалистический идеал которого целиком формировался по образу и подобию представлений и идеалов, вкусов его создателей и пропагандистов: Мао Цзэдуна, Кан Шэна,

Чэнь Бода, Цзян Цин, Яо Вэньюаня и иже с ними. Самой Цзян Цин и в голову не могло прийти, что деятели культуры, так же как и широкие массы людей, имеют право на свое профессиональное суждение и о характере социалистической культуры, и о методах руководства ею, и о самих социалистических идеалах.

Особенно нетерпимой была Цзян Цин в отношении зарубежного кино — «империалистического» и «социал-империалистического». На вопрос Роксаны Уитке о том, как обстоит дело с публичными выступлениями в Китае иностранных артистов, она ответила, что решение в подобных случаях принимается в зависимости от идеологического содержания зарубежного произведения. До «культурной революции» Китай вел широкий культурный обмен с другими странами. Но после «культурной революции» (в ходе которой Цзян Цин поставила под свой контроль и международный культурный обмен) на заграничные гастроли были отправлены только две труппы, прошедшие переподготовку под ее личным контролем.

Р. Уитке робко спросила Цзян Цин о возможности возобновления постановок в Кигае иностранных пьес. В этом нет смысла, ответила она. Конечно, иностранные драмы были популярны в 30-х годах, когда желание ставить спектакли превосходило число произведений, пригодных для этого. Поэтому ставились пьесы по мотивам иностранных фильмов, например японского «Убийство детей» и ирландского под названием что-то вроде «Закрывайте ваши чемоданы», в которых Цзян Цин играла главные роли. Однако самый большой успех выпал на долю пьес, поставленных по настоящему драматургическому сценарию. Среди них «Нора» Ибсена, «Гроза» Островского, «Ревизор» Гоголя. Их сценическая трактовка в Китае была замечательной, намного лучшей, чем европейские постановки, отличавшиеся прямолинейностью, призналась Цзян Цин. Но все это — далекое прошлое.

За всем этим сумбуром политических и околокультурных суждений оставался неясным один вопрос: каковы же были собственные, подлинные литературно-художественные вкусы Цзян Цин? Не те, которые идут для открытых выступлений, а те, которые выявляются лишь в ходе закрытых просмотров. И тут мы сталкиваемся с явлением поразительным, хотя и не столь уж неожиданным. И в начале, и в конце интервью Р. Уитке она много раз с восторгом и грустью вспоминала о кинофильмах с участием Греты Гарбо и других голливудских «звезд». Р. Уитке спросила, нельзя ли достать из архивов и показать сейчас китайской публике эти ленты как выдающиеся «отрицательные примеры буржуазного искусства».

«Эти буржуазные демократические фильмы следует оставить для закрытых просмотров», — категорически заявила Цзян Цин. Если бы народ посмотрел эти фильмы, он бы подверг их резкой критике по политическим соображениям. Но их публичный показ и критика были бы крайне несправедливыми по отношению к Гарбо, поскольку она не китаянка. То же самое Цзян Цин сказала и о Чаплине (почти все фильмы с его участием она видела в 30-х гг.). Она признала, что фильм «Новые времена» обличает диктатуру. И все же Цзян Цин считает правильным, что эти фильмы смотрят и оценивают «только они» (руководители). Но об этих закрытых просмотрах нельзя рассказывать народу. «Если вы увидите Грету Гарбо, скажите ей, что я посылаю ей привет. Она великая артистка», — сказала Цзян Цин.

И вот однажды вечером после позднего обеда в Кантоне и приятной прогулки Цзян Цин сообщила Р. Уитке, что у нее есть сюрприз. Она приказала доставить на вечер из Пекина самолетом фильм с участием Гарбо — «Королева христиан», выпущенный в 1933 году. Она сказала, что это издавна один из самых любимых ею фильмов. Вот где остановилось эстетическое развитие «великого революционера» и реформатора китайской культуры. Развлекательный Голливуд — тайная, тщательно скрываемая слабость Цзян Цин. Но, преследуя высокие цели, она наступает на горло собственной песне: только таким путем мы куем подлинно пролетарское искусство.

Что можно сказать по поводу подобного инфантилизма? Цзян Цин осталась в своих вкусах на уровне 30-х годов, она обожала сентиментальную мелодраму, начисто лишенную социального содержания. И эта женщина тщилась создать новое пролетарское искусство, мнила себя революционером в области культуры! Полное раздвоение сознания — одно для себя, для своей души, втайне от всех, другое для массы, так сказать, ролевое сознание — взятые напрокат из костюмерной ее супруга оценки, критерии, установки в области искусства. Такое раздвоенное сознание, видимо, стало нормой и для многих активистов КПК: они говорили и поступали как надо, а не как хочется, отвергая и собственное мнение, и собственный вкус.

И все же надо отдать должное Цзян Цин: через все перепады «культурной революции» она смогла пронести главное, ради чего стоило так неутомимо работать.

Уже в ходе «культурной революции» и в особенности после ее завершения Цзян Цин, в полном соответствии со стереотипом поведения Мао, стала постепенно формировать собственный культ. Мотив, который использовался при этом, — не семейная, а духовная близость к супругу, монополия на самое

последовательное проведение ею линии вождя. Она выдвигала себя на роль наиболее послушного и умелого ученика, продолжателя его дела.

Представители «банды четырех», избравшие ее в качестве средства для усиления своего влияния, немало потрудились над этим, тем более что под их контролем находились средства массовой информации. Свой — и довольно значительный — вклад в это дело внесли, разумеется, представители опекаемых ею сфер — литературы, изобразительного творчества, науки.

На протяжении 60-х годов ни одного другого руководителя КПК (разумеется, кроме Мао) не превозносили так, как Цзян Цин. Никому другому не было позволено издать в виде отдельной книги свои политические статьи и речи. Единственным исключением была Цзян Цин. Весной 1967 года она тоже начала становиться чем-то вроде объекта поклонения масс.

Вот что писали, например, редакторы хунвэйбиновского органа в статье «Наш привет товарищу Цзян Цин, великому знаменосцу культурной революции» (здесь к Цзян Цин отнесен эпитет, данный Мао Цзэдуном Лу Синю. — *Ф. Б.):* «Прошло 35 лет с тех пор, как она (Цзян Цин) впервые приняла участие в революции во время „инцидента 18 сентября“ (1931 г.). Какие это были волнующие 35 лет! За 35 лет она многое сделала для партии, но она никогда не появлялась перед публикой. Когда бандитская клика Ху Цзуннаня развернула свое жестокое наступление, товарищ Цзян Цин находилась рядом с Председателем Мао и была одной из тех, кто последним покинул Яньань. На протяжении самого критического периода она неизменно следовала за Председателем Мао в походах и в боях как на юге, так и на севере страны — боях, которые привели к разгрому многомиллионной армии, находившейся под контролем семейства Чан Кайши. После национального освобождения товарищ Цзян Цин бессменно выполняет обязанности секретаря Председателя Мао и проводит в жизнь его идеи…»

Преданные ей хунвэйбиновские журналы публиковали биографические очерки, в которых прослеживался и восхвалялся каждый ее шаг на пути к господству над культурой. В этих боевых листках ее «революционные пьесы» превозносились за то, что они «приводили надстройку в действительное соответствие с базисом», как «драгоценное достояние мирового пролетариата», «сверкающие жемчужины пролетарской литературы и искусства… сияющие вместе с идеями Мао Цзэдуна, — замечательный плод личного участия товарища Цзян Цин в практике борьбы и искусства».

В мае 1967 года, когда отмечалась 25-я годовщина

опубликования работы Мао «Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани», несколько радикальных студенческих журналов поместили на своих обложках портрет Цзян Цин. Ее всегда изображали в строгой военной форме, с красной книжечкой в правой руке, в лучах, исходящих от лица Мао, как от солнца, а на заднем плане изображались в миниатюре массы. Эта «революционная» иконография сопровождалась многословными хвалебными статьями. Вестник «Синь Бэйда» восхвалял ее как «лучшего ученика» Мао, а значит, образец преданности Председателю и его пролетарской линии в области культуры, хвалил ее умение «различать любовь и ненависть», исходя из классовых позиций. Среди множества сообщаемых о ней подробностей упоминалась ее пикантная привычка раздавать «Избранные сочинения» Председателя, снабженные ее собственным автографом.

Не только молодые, но и многие из стариков испытывали потребность петь ей хвалу. Почтенный писатель Го Можо на торжественном заседании (под председательством Цзян Цин), посвященном 25-летию яньаньского форума, выступил с панегириком в ее честь:

> Дорогая товарищ Цзян Цин, Вы подаете нам прекрасный пример для подражания,
>
> Вы умеете творчески изучать и применять на практике непобедимые идеи Мао Цзэдуна.
>
> На фронте литературы и искусства Вы бесстрашно бросаетесь в атаку.
>
> И в результате на китайской сцене ныне господствуют героические образы рабочих, крестьян и солдат.
>
> Мы должны добиться того же самого и на мировой сцене!
>
> Вчерашний день Китая — это сегодняшний день многих афро-азиатских стран,
>
> А сегодняшний день Китая станет их завтрашним днем.
>
> Мы будем бороться за полное освобождение угнетенных стран и народов,
>
> Мы поднимем великое красное знамя идей Мао Цзэдуна над всеми афро-азиатскими странами,
>
> Над всеми шестью континентами и четырьми морями.

Разумеется, все это еще не был настоящий культ. Это маленький, едва нарождающийся культик. Здесь мы

обнаруживаем то же, что и в других случаях, — пародию, актерство, а не подлинную политическую игру. Роль культа невозможно просто изобразить, это не грим и не мантия, которую набрасываешь себе на плечи. Луи Наполеон был бы также смешон в роли императора, как естествен в этой роли был Наполеон Бонапарт. Культик Цзян Цин так же напоминает культ Мао Цзэдуна, как пустоцвет— реальный плод.

Эти песнопения, которые, вероятно, неплохо оплачивались, кружили голову бывшей актрисе. Неумеренное тщеславие все более уступало место неуемной жажде власти. Власти — как самоцели. Власти — не как источника экономических выгод и тем более не для осуществления какой-то прогрессивной деятельности. Древняя и самая примитивная концепция власти как страсти к господству, влиянию, контролю, к ее все большей максимализации. Эта примитивная, очень наивная страсть, которая не усложнена какими-то другими целями, стала предметом деятельности Цзян Цин, как, впрочем, и «леваков» вообще. У Цзян Цин не было, конечно, ни намерения, ни плана осуществления каких-либо общественно важных реформ. Да и сфера культуры все меньше стала интересовать ее. Она все более упивалась возможностью господствовать и слушать раболепные ответы и песнопения в ответ на самые нелепые указания. В этой обстановке в ее уме постоянно зрела идея наследования абсолютной власти Мао Цзэдуна.

Мао, надо думать, знал о ее вожделениях и планах, но его отношение к ним было неясным, половинчатым. В его последних письмах к ней были перемешаны разочарование результатами «культурной революции», опасения по поводу возможного поворота против его идеологии после его смерти, недоверие к способности Цзян Цин продолжить его дело.

В своем письме к Цзян Цин, написанном еще в июле 1966 года, Мао размышлял о том, что после его смерти «правые антикоммунисты» могли бы воспользоваться некоторыми его фразами, чтобы добиться власти; однако их власть была бы недолговечной, так как «левые» провели бы «акцию в масштабах всей страны».

10 лет спустя, незадолго до своей смерти, Мао направил Цзян Цин послание, на этот раз в форме стихотворения, которое цитируется Р. Уитке. Она распространила его среди своих сторонников, пока он еще был жив, как если бы это было его последним завещанием. «Ты была неправа, — писал он ей. — Сейчас мы расстаемся и будем находиться в разных мирах. Да будет мир каждому из нас. Эти несколько слов могут оказаться моим последним посланием тебе. Человеческая жизнь

ограничена, но революция не знает границ. В борьбе, которую я вел последние десять лет, я пытался достичь вершины революции, но меня постигла неудача. Но ты можешь достичь вершины. Если тебе это не удастся, ты упадешь в бездонную пропасть. Твое тело разобьется вдребезги. Твои кости поломаются».

Какое удивительное прозрение, как точно предугадана судьба Цзян Цин. скажет иной читатель вслед за Роксаной Уитке. Да, Мао был удачливым пророком. Сила его пророчеств была в том, что он обычно предсказывал не одну, а две возможности, как бюро погоды: либо дождик, либо безоблачное небо. Две возможности о мировой войне — либо она будет, либо не будет. Две возможности мировой революции — либо военная, либо невоенная. Две возможности в судьбе Цзян Цин: либо она преуспеет и вознесется, либо она падет и сломает свои кости. Куда как легко быть пророком!

На самом деле не произошло, да и не могло произойти ни того, ни другого. Цзян Цин не могла стать и не стала «красной императрицей» — ни в силу исторических обстоятельств, ни в силу своих личных свойств. Но и кости ее не будут переломаны. Скорее всего, произойдет то, о чем ей говорил Хуа Гофэн: она будет жить, получит сносную пенсию и достаточные условия для существования, которые вряд ли обеспечила бы ей актерская карьера. Доживая свой век в политическом захолустье, в стороне от всякой активной жизни, она будет, подобно Зое Монроз из знаменитого авантюрного романа Алексея Толстого, перелистывать страницы своего неправдоподобного политического романа — «культурной революции», когда судьба всей интеллигенции была зажата в ее маленьком остреньком кулачке.

Новое руководство

Мао Цзэдун не оставил завещания, которое дало бы напутствие новым руководителям, и, судя по всему, не остановил своего выбора ни на ком из них.

Вопрос о преемственности всегда был ахиллесовой пятой режимов личной власти. Не составил исключения и Мао Цзэдун. Вот что он говорил о преемственности руководства в одной из своих бесед, не предназначавшихся для печати.

«Перед своей смертью я хотел создать авторитет „преемников“, я не рассчитывал, что все может получиться наоборот. Первоначально у нас было намерение позаботиться о государственной безопасности; мы создали первую и вторую линии. Я был на второй линии. Другие товарищи — на первой линии. С сегодняшних позиций это было не очень удачно, результатом было большое раздробление. Я был на второй линии и не руководил повседневными делами; я предоставлял другим решать множество проблем, создавая другим людям авторитет, чтобы, когда я предстану перед богом, в нашем государстве дело не дошло до слишком больших потрясений.

Все были согласны с этой точкой зрения. Впоследствии оказалось, что товарищи, которые были на первой линии, не очень удачно уладили кое-какие дела. Отдельные дела, за которые я сам должен был взяться, не были улажены, и за это я несу ответственность. Нельзя все целиком взваливать на них».

Эго говорилось по поводу ухода Мао с поста председателя КНР. В качестве возможного преемника в ту пору выдвигался Лю Шаоци. Нам известно, какая судьба его вскоре постигла.

Затем, несмотря на неудачный опыт Лю Шаоци, на роль преемника выдвинулся Линь Бяо. Мао Цзэдун сам официально заявил об этом всему китайскому народу. Однако и этот кандидат в наследники был повержен, послужил очередным объектом проработок и поношений.

Кто же должен был быть следующим? И рискнул ли кто-либо включиться в эту игру, где шансы выигрыша устремлены к нулю?

Быть может, Мао рассчитывал на установление коллективного руководства после своего естественного ухода с политической арены? Или, быть может, он вообще не задумывался над этим? Трудно сказать. Опыт диктаторов прошлого и современности говорит о том, что это самая невыносимая для них тема, которая вызывает иной раз невероятные сдвиги в сознании и спонтанные решения.

Уж очень это болезненный вопрос — самоограничение

диктатора, пускай даже отнесенное к будущему времени. Болезненный для него самого и весьма щекотливый для окружающих. Это значит признать кого-то равным себе, также способным нести великое бремя власти. В пьесе А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» есть такая сцена: царь отказывается от трона, грозится принять схиму и уйти в монастырь. Грозит-то грозит, а сам в глаза боярам смотрит, как они реагируют на это: кто соглашается, а кто в ноги валится и молит не оставить народ без великого царя, который один только может удержать народ в повиновении. И вот начинается скольжение бояр вокруг этой темы, как во время гололедицы: пока стоишь на месте — ничего, как сдвинулся — того и гляди поскользнешься, а там и упасть недолго.

Но дело, конечно, не в выборе преемника. Должность председателя КПК отнюдь не равнозначна роли наследственного монарха. Дело в другом — в отсутствии сколько-нибудь отработанного механизма избрания или выдвижения преемника Мао Цзэдуна. Принятые в свое время в КПК нормы избрания руководителей уже давно были растоптаны самим Мао Цзэдуном. Сложилась новая традиция — групповой, верхушечной борьбы за власть, где все средства были хороши. Именно этой традиции и предстояло сказать свое слово в переходный период становления нового руководства партии и страны.

Был ли на самом деле прямой заговор в пользу Цзян Цин после кончины председателя КПК, а если был, то в какой форме? Сообщения китайской и зарубежной печати изобиловали слухами, почерпнутыми из резных источников.

В начале октября 1976 года Хуа Гофэн заявил на заседании Политбюро, что интервью Цзян Цин Р. Уитке привели Председателя в ярость, и с осени 1975 года, когда слухи о гневе Председателя впервые получили международную огласку, его здоровье ухудшилось. Цзян Цин якобы была столь назойливой, что Мао передал ей записку следующего содержания: «Мне уже 80 лет. Несмотря на это, ты беспокоишь меня разными вещами. Почему ты не проявляешь никакого сочувствия? Я завидую Чжоу Эньлаю и его жене».

Хуа сообщил также, что он вынудил Цзян Цин вернуть некоторые документы Мао, которые она будто бы сразу после кончины супруга захватила и фальсифицировала, намереваясь изобразить их в качестве его завещания в пользу Цзян Цин. После этого акта, как пишет Р. Уитке, она якобы позвонила Хуа по телефону и закричала: «Еще не остыл прах Председателя Мао, а вы уже хотите выбросить меня! Неужели вы хотите подобным способом выразить свою благодарность за всю доброту,

проявленную к вам Председателем Мао, который выдвинул вас на высокий пост?» Он ответил: «Я никогда не забуду доброту Председателя Мао… И я вовсе не собираюсь выбрасывать вас. Вы можете спокойно жить в собственном доме, и никто не посмеет выгнать вас».

Многие специалисты по Китаю предсказывали, что смерть человека, который сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и управлял по принципу разъединения групп, должна резко обострить борьбу среди руководства. Однако вряд ли кто ожидал, что события развернутся так стремительно, что враждующие силы схлестнутся так быстро, что одна из них за короткий срок потерпит поражение.

Основная расстановка соперничающих сил в КПК сложилась еще до кончины Мао Цзэдуна. Борьба за наследие Мао разгорелась уже при жизни слабеющего председателя КПК.

Эта борьба развернулась в основном между двумя группировками. Первая — это «леваки», или экстремисты, знаменем которых явилась идеология «культурной революции»; их лидер — Цзян Цин. Вторая — это «прагматики», выступающие за стабилизацию обстановки в стране и проявляющие заботу о развитии производства. Их духовным вождем был Чжоу Эньлай. Самостоятельную группу составляли военные, которые действовали в своих интересах и чаще всего поддерживали «прагматиков». На роль их лидера еще при жизни Мао выдвинулся член Политбюро, министр обороны Е Цзяньии.

8 января 1976 г. умер Чжоу Эньлай — один из ветеранов китайской Компартии, который с 20-х годов входил в состав высшего руководства. Хотя Чжоу никогда *не* претендовал на роль человека № 1 в партии, именно он потенциально мог бы стать наиболее вероятным претендентом на наследование руководства после смерти Мао. Потому-то ему была уготована та же участь, что и другим свергнутым или убиенным (Линь Бяо) претендентам на руководство партией.

После смерти Чжоу в зарубежной печати появилось сообщение о том, что Чжоу Эньлай сам отказался от лечения болезни — рака легких. Ему стало известно, что Мао на одном из закрытых совещаний выступил с критикой по его адресу. Лечивший Чжоу врач, приглашенный из-за границы специалист китайского происхождения, за несколько дней до смерти сказал ему, что Мао критикует одного из героев древнего романа «Речные заводи» Суп Цзяна как капитулянта. Зная методы Мао, Чжоу расценил это как косвенные нападки на него самого. В ответ Чжоу сказал: «В Китае самая ужасная болезнь — политическая. Если кто-нибудь болен в политическом смысле, он обречен». Чжоу

заметил также, что его болезнь только на 30% физическая и на 70% — политическая. В сообщении также говорилось, что жена Чжоу Эньлая опасалась, ч;о ее мужа отравят. Всю еду, которую приносили ему, она сначала пробовала сама.

В китайской печати последнее время утверждают, что Чжоу пал жертвой «четырех». Больше того, упоминается персонально Цзян Цин, которая будто бы приказала подмешать отраву в его лекарства. Так ли это? Пока неизвестно. Но без > словно, что смерть Чжоу Эньлая объективно означала устранение главного претендента на наследование руководящего поста на политическом Олимпе Китая.

Вскоре скончался еще один представитель «старой гвардии» — Чжу Дэ, герой «великого похода», легендарный командующий армией китайских коммунистов в период гражданской войны. Наиболее видным представителем этой генерации руководителей оставался, в сущности, Дэн Сяопин.

Как выяснилось впоследствии, именно при поддержке Чжоу Эньлая он стал первым заместителем премьера Китая в 1974 году, а во время болезни Чжоу Эньлая фактически исполнял обязанности премьера. Он-то и был избран главной мишенью кампании, которая развернулась после смерти Чжоу Эньлая. Сейчас эту кампанию все чаще приписывают «четверке» и лично Цзян Цин. Он, видите ли, имел неосторожность скептически отозваться о новых китайских операх, сочиненных под ее непосредственным руководством.

Но дело, конечно, не в расхождении эстетических вкусов. Дэн оставался едва ли не единственной крупной фигурой из «старой гвардии», которая могла реально претендовать на роль преемника Мао. Его надо было устранить еще до кончины последнего. И вот 1976 год прошел под лозунгом борьбы против Дэн Сяопина.

Непосредственным поводом для этого послужили беспорядки в Пекине на площади Тяньаньмэнь 5 апреля 1976 г., в день поминовения. В результате этих событий Дэн Сяопин был снят со всех своих постов и отправлен в изгнание.

Совсем недавно стала известна действительная картина того, что произошло во время беспорядков, получивших в то время название «контрреволюционного инцидента». Теперь, по-видимому под давлением Дэн Сяопина, это событие сравнивается с поджогом рейхстага в Берлине в 1933 году, который позволил Гитлеру развернуть кампанию антикоммунистического террора и укрепить свою власть.

В новом гонконгском журнале «Чжэн Мин», который, вероятно, создан по распоряжению нынешних руководителей Китая, опубликована серия статей, озаглавленных: «Я

присутствовал при инциденте на площади Тяньаньмэнь»[1].

Журнал возлагает вину за беспорядки на «банду четырех», и особенно на Ван Хунвэня. Он также утверждает, что Чжан Чуньцяо наблюдал за ходом беспорядков из осажденного Большого дома народных собраний и помогал их провоцировать.

Один из очевидцев этих событий приводит подробное описание того, как начались беспорядки. Он рассказывает, что он был на площади холодным вечером 4 апреля, после того как целый день толпы мирно настроенных людей несли венки к подножию Памятника жертвам и наклеивали листки стихотворений и дацзыбао, прославляющих покойного премьера Чжоу Эньлая. Неожиданно на площадь с шумом въехал десяток грузовиков, из которых начали выгружаться люди. Приехавшие убирали венки и кидали их в кузова машин. Некоторые из присутствующих на площади стали выражать протест по поводу этого, однако на них не обращали внимания.

Утром следующего дня люди, идущие на работу или возвращавшиеся с ночной смены на велосипедах, с удивлением останавливались, не видя венков. Группа старших школьников положила новый венок на ступеньки монумента, несмотря на противодействие нескольких лиц, одетых в гражданское. Число людей на площади начало расти.

Вскоре приехал пропагандистский автофургон с громкоговорителем и призвал толпу разойтись. Некоторые протестовали, и женщина-милиционер в автофургоне казалась смущенной: «Ничего не поделаешь, у нас приказ». Толпа, приведенная в ярость тем, что ей отказывают в возможности отдать дань уважения Чжоу, опрокинула автофургон.

Группа народных ополченцев во главе с «высоким и худым человеком» попыталась вмешаться. Затем, преследуемый толпой, которая была остановлена цепью солдат у здания, он скрылся в Большом доме народных собраний. Вскоре появились народное ополчение и милиция, вооруженные железными прутьями, среди которых были головорезы, привезенные из Шанхая Ван Хунвэнем. Полилась кровь.

После этого толпа сожгла штаб службы общественной безопасности на площади, а также подожгла несколько автомашин официальных лиц у здания Исторического музея. Мэр Пекина У Дэ выступил с призывом соблюдать спокойствие и осудил Дэн Сяопина как якобы тайного зачинщика этих событий. В то же время министр обороны Е Цзяньин и заместитель премьера Ли Сяньнянь отмежевались от расследования причин беспорядков. Впоследствии, после крушения «банды», все арестованные в связи с беспорядками (около 500 человек) были

освобождены, и их приветствовали как героев.

Отстранение Дэн Сяопина в 1976 году оказалось в центре острой борьбы за право наследования Мао Цзэдуну еще при жизни последнего. Оно произошло сразу же после событий 5 апреля 1976 г. Дело в том, что участники митинга не ограничились демонстрацией в пользу Чжоу, а стали выступать также в поддержку Дэн Сяопина, который уже подвергался в то время проработке в печати.

Немедленно после этого инцидента было опубликовано два решения ЦК КПК. По первому решению Дэн Сяопин был освобожден от всех занимаемых постов, хотя и не был исключен из партии. Второе решение объявляло Хуа Гофэна премьером и первым заместителем председателя ЦК КПК. Китайская печать в ту пору сообщала, что Дэн Сяопин имеет шансы остаться в руководстве, если он раскается, но вскоре появились сообщения, что он отказался признать свои ошибки, и тогда кампания развернулась в полную силу, приобретя общенациональные масштабы.

Па роль претендента выдвинулся новый человек — Хуа Гофэн. Его выдвижение поставило в тупик западных синологов. Лихорадочно листались справочники «Кто есть кто в Кигае» в поисках элементарных сведений о новом лидере.

Хуа Гофэн родился в 1922 году в провинции Хунань. Там же работал в партийном аппарате. В 1958–1967 годах был заместителем председателя Народного комитета провинции Хунань. Тогда же выступил в печати с восхвалением «большого скачка» и осуждением сторонников Пэн Дэхуая в провинции Хунань. В 1967 году стал заместителем председателя Революционного совета провинции Хунань. В апреле 1969 года Хуа Гофэн был избран членом ЦК КПК. В декабре 1970 года стал первым секретарем партии в Хунани. В 1972 году был назначен политкомиссаром Кантонского военного округа. С августа 1973 года — член Политбюро ЦК КПК.

В январе 1975 года Хуа Гофэн был назначен заместителем премьера Госсовета и министром общественной безопасности. Это — результат его участия в ликвидации наследника Мао — Линь Бяо. Хуа Гофэн выступил с основным докладом на Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дачжая (15 сентября 1975 г.).

Через месяц после смерти Чжоу Эньлая, 7 февраля 1976 г., он стал исполняющим обязанности премьера Госсовета, к величайшему удивлению всех, кто был уверен, что это место будет занято преемником Чжоу Эньлая Дэн Сяопином. 7 апреля 1976 г., после разгона массовых манифестаций, связанных с

именем Чжоу Эньлая. Хуа Гофэн выдвинулся на посты, которые занимал Чжоу в государстве и в партии.

В сообщении агентства Синьхуа от 17 мая 1977 г. приводились следующие подробности внутрипартийной борьбы, наступившей вскоре после кончины Председателя Мао Цзэдуна. Здесь говорилось, что на другой день после смерти Мао, то есть 10 сентября, за спиной Хуа Гофэна и других членов Политбюро Ван Хунвэнь незаконно от имени канцелярии ЦК КПК дал приказ местным парткомам, чтобы те обращались по важным вопросам непосредственно к нему, пытаясь таким образом прервать связь ЦК партии с провинциальными парткомами.

4 октября 1976 г. «четверка» опубликовала в газете «Гуанминь жибао» статью, в которой говорилось, что «плохо кончит тот, кто посмеет извратить курс, установленный Председателем Мао Цзэдуном». По словам агентства Синьхуа, это был прямой намек на Хуа Гофэна. В те дни «четверка» отдала приказ своим сообщникам в Шанхае немедленно вооружить ополченцев. Уже на второй день после кончины Мао Цзэдуна они раздали 6 млн. патронов шанхайским ополченцам. 27 сентября Чжан Чуньцяо послал в Шанхай своего человека с устным приказом об организации вооруженного мятежа. «Шанхай перед большим испытанием, — сказал он, — надо готовиться воевать». Если верить сообщениям агентств, в начале октября Чжан в своих тезисах открыто выдвинул план «подавления контрреволюции». Он имел в виду нанести удар по Хуа Гофэну и его сторонникам. Он сосредоточил в своих руках весь пропагандистский аппарат. «Четверка» использовала печать, радио, кино, информационные агентства, телевидение, театр и другие средства воздействия на общественное мнение, нападая на бывшего премьера Чжоу Эньлая, председателя Хуа Гофэна и других партийных, военных, административных руководителей.

«Четверка» самовольно организовала так называемую «авторскую группу» по массовой критике при Пекинском университете, Политехническом институте Цинхуа и «авторскую группу» по массовой критике при шанхайском горкоме партии. Мы уже имели случай разбирать статьи этих авторских групп выше. Теперь выясняется, что они были прямой креатурой «четверки». Агентства сообщают, что авторская группа по массовой критике при Пекинском университете и Политехническом институте Цинхуа опубликовала в печати 168 статей. Среди них по прямому указанию Цзян Цин напечатана была статья «Что за человек Конфуций», где в завуалированной форме содержались нападки на Чжоу Эиьлая, и статья «У Цзэтянь — выдающаяся политическая деятельница Древнего Китая», цель

которой состояла в том, чтобы подготовить общественное мнение к возможному переходу власти к Цзян Цин. За несколько дней до разгрома «четверки» ее сообщники в Шанхае самовольно стали перебрасывать войска, создавать командные пункты, разрабатывали «план», формулировали лозунги. По сообщению агентств, они намеревались взорвать мосты, сорвать снабжение и прекратить электроснабжение, пытаясь таким образом инспирировать вооруженный переворот. Однако оперативные меры, принятые Хуа Гофэном и его сторонниками, положили конец всем этим действиям[2].

Через два месяца после кончины Мао в Пекинском университете была вывешена дацзыбао со следующими словами по поводу Цзян Цин: «За свои грехи она заслуживает десяти тысяч смертей, но даже смертью она не смоет своих прегрешений. Она — худший враг».

В Пекине и Шанхае, как и во многих других городах Китая, участники демонстраций с радостными лицами предавались ритуалу казни чучела Цзян Цин и трех ее приспешников. В чем только не обвиняют эту женщину, в течение 37 лет являвшуюся женой и личным секретарем человека, которому до сих пор воздают все почести обожествляемого вождя!

Перед самой кончиной Мао в печати Китая одна за другой стали появляться статьи, имевшие прямой целью подготовить «платформу» для внутрисемейной преемственности власти в стране. Делалось это не прямо, а, как принято в Китае, обиняком, намеками на события древней и новой истории Китая. В официальной печати партии проводились достаточно прозрачные параллели с древними императрицами, которые наследовали своим мужьям и стали верными проводниками их заветов. Печать утверждает, что Цзян Цин примеряла специально приготовленную одежду по образцу той, которую в свое время носила императрица У Цзэтянь.

В Китае любят ссылаться на прецеденты, быть может, больше, чем в английском судопроизводстве. В этом духе официальная печать проводит исторические параллели между Цзян Цин и наложницами, которые незаконным путем узурпировали власть. Приводят пример из истории VII века нашей эры, когда наложница императора Таиской династии Тай Цзуна после его смерти в течение 15 лет правила страной под именем императрицы.

Почему, собственно, Цзян Цин изображается наложницей? Потому-де, что она незаконно заменила прежнюю (уважаемую) супругу Мао.

В полном соответствии с другим стереотипом публикуются

материалы о постоянном недовольстве Мао Цзян Цин, а также другими членами ее группы. В редакционной статье, опубликованной в октябре 1976 года в «Жэньминь жибао», приводятся следующие четыре высказывания Мао, адресованные Цзян Цин и ее группе. «Не сколачивайте узкосектантскую четверку», — будто бы говорил Мао 17 июля 1974 г. «Не занимайтесь сектантством. На сектантстве споткнетесь», — повторял он и 24 декабря того же года. В ноябре или декабре 1974 года шла подготовка к созыву Всекитайского собрания народных представителей. Мао как будто заявлял: «У Цзян Цин карьеристские устремления: она фактически хочет сделать Ван Хунвэня председателем Постоянного комитета ВСНП, а себя председателем партии». 3 мая того же года на заседании Политбюро Мао, если верить китайской печати, предупреждал «леваков»: «Не сколачивайте банду четырех! Не делайте этого! Почему вы упорно стремитесь к этому?».

В самом деле, почему? Остается не очень понятным, почему Цзян Цин, несмотря на это, оставалась при жизни Мао одним из самых влиятельных членов высшего руководства и даже выступала в роли главного толкователя его предначертаний?

Как сообщило 20 марта 1977 г. агентство Синьхуа, группа массовой критики при ЦК КПК выступила в столичной печати со статьей, которая «разоблачила и подвергла критике злонамеренные нападки Цзян Цин на доктора Сунь Ятсена» и «отрицание разработанной Мао Цзэдуном политики».

Как реагирует китайское население на нынешние поношения вдовы «великого кормчего»? Судя по сообщениям, идущим со всех сторон, простые китайцы не только удовлетворены, но даже радуются этому. Не исключено, что многие из них таким образом психологически расправляются с надоевшими атрибутами поклонения старым богам…

Личная компрометация Цзян Цин сопровождается острой критикой политических взглядов и деятельности всей злополучной «четверки».

В зарубежной печати был опубликован разосланный ЦК КПК всем партийным организациям на местах служебный циркуляр «чжунфа» № 24 от 10 декабря 1976 г. В этом циркуляре, озаглавленном «Доказательства преступлений антипартийной группы Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюаня (сборник документов № 1)», в качестве приложения приводятся отрывки из выступлений, статей «четверки», их личные письма, распоряжения, резолюции на официальных документах, показания личных секретарей Мао Цзэдуна, Чжана, Вана, Цзян и Яо, группы врачей, лечивших Мао, отдельных должностных лиц и

др., свидетельствующие о «преступных действиях» этой «банды четырех», а также комментарии к ним[3].

Цель этих материалов в том, чтобы подтвердить виновность «банды четырех» в стремлении узурпировать власть и се скрытую борьбу против Мао Цзэдуна. Ведь до сих пор остается неясным главный вопрос — действовала ли Цзян Цин и ее группировка в соответствии с его волей или даже в соответствий с его завещанием или она действительно жаждала узурпировать власть, завещанную Хуа Гофэну? Если Мао «завещал» власть Цзян Цин, то, по китайским партийным понятиям, ее борьбу никак нельзя квалифицировать как преступные действия.

Более 30 документов относятся к периоду после смерти Чжоу Эньлая (январь 1976 г.), когда «банда четырех», как утверждается в комментариях, развернула активную подготовку к захвату власти. Основная цель всех включенных в этот раздел документов и комментариев к ним состоит в том, чтобы показать, будто Хуа Гофэна действительно назначил лично Мао Цзэдун своим преемником, а «четверка» пыталась занять место Хуа и выступала против этого решения Мао. В этом разделе приведены также «доказательства» намерения «четверки» расправиться с большой группой руководителей в ЦК КПК и на местах— в партии, государственном аппарате и в армии.

Но все приведенные «доказательства» преступной деятельности «четверки» не могут служить свидетельством действий, направленных против Мао.

В одном из документов, например, рассказано, что спустя лишь месяц после смерти Чжоу Эньлая, в первой декаде февраля 1976 года, было принято решение ЦК КПК о созыве совещания «критики Дэна», на которое приглашались секретари провинций, городов центрального подчинения и автономных районов со всего Китая. Кто дал это указание? Вряд ли могут быть сомнения, что оно могло исходить только от Мао, даже если инициатива принадлежала Цзян Цин.

Мао поручил Хуа Гофэну председательствовать на совещании «критики Дэна», зная, что сопротивление этому решению будет большим. Положение Хуа было сложным. На совещании ему противостояли старые кадры, преисполненные решимости противодействовать критике Дэна. В конечном счете вопрос о критике Дэн Сяопина был решен в том смысле, что эта критика должна носить характер «противоречий внутри народа», а не «противоречий между нами и нашими врагами». Судя по документам, итоги этого совещания вызвали раздражение Цзян Цин и самого Мао. Возможно, тогда и наметился отход Хуа Гофэна от группы Цзян Цин и сближение со «старой гвардией».

Вслед за завершением этого совещания сама Цзян Цин, разумеется, не без одобрения Мао, немедленно собрала руководителей 12 провинций, городов и автономных районов с целью пересмотра решения предыдущего совещания с таким расчетом, чтобы квалифицировать критику Дэна не как «противоречия внутри народа», а как «противоречия между нами и нашими врагами».

В одном из документов приводится следующее критическое высказывание Мао в адрес Цзян Цин: «Цзян Цин слишком много вмешивается, самостоятельно собрала совещание 12 провинций и выступила на нем». Но это малоправдоподобно. Дело в том, что сразу после совещания с участием Цзян Цин Мао Цзэдун лично выступил с критикой Дэна. Как раз в момент, когда шло совещание, созванное Цзян Цин, газета «Жэньминь жибао» выступила с передовой статьей, в заголовок которой были вынесены слова Мао: «Не давать хода пересмотру дела». Сосредоточив огонь на «том, кто следует по капиталистическому пути и не желает раскаяться», газета призывала «сорвать замыслы представителя правоуклонистского поветрия пересмотра дел, которые направлены против Председателя Мао, против революционной линии Мао Цзэдуна». В печати приводились слова Мао о том, что Дэн Сяопин «никогда не говорит о классовой борьбе». Отсюда можно видеть, что Цзян Цин получила прямую поддержку Мао в своих действиях против Дэн Сяопина.

Выдвинув Хуа на пост и. о. премьера, Мао Цзэдун создал условия для того, чтобы Дэн Сяопин сошел со сцены.

Возможно, что значение этого акта состояло не в том, чтобы возвысить Хуа, а в том, чтобы низложить Дэна. Вероятно, назначение Хуа было задумано как переходная мера, которая должна была расчистить дорогу «банде четырех». Иначе, почему Хуа Гофэн сразу же не был назначен премьером и не получил руководящего поста в ЦК КПК? В пользу таких выводов говорит и тот факт, что Цзян Цин в своем выступлении на «совещании провинций» основной упор делала на критике Дэн Сяопина и приветствовала решение о назначении Хуа Гофэна.

Приведенные в сборнике документы говорят как раз о том, что именно Мао начал кампанию против Дэна; показательно, что доклад был поручен не Ван Хунвэню и не Хуа Гофэну, а Цзян Цин. Также неубедительно выглядят и другие документы, которые должны свидетельствовать о недовольстве Мао группой Цзян Цин. Нет, эха группа была проводником его воли, и борьба против старых кадров, несомненно, исходила от самого Председателя КПК.

В статье газет «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» от 27

апреля 1977 года сообщались данные о ходе расследования дела участников «группы четырех». Особое внимание уделяется здесь их «контрреволюционному прошлому»[4].

Остановимся на некоторых из этих «сенсационных» разоблачений, которые интересны не сами по себе (их достоверность невозможно проверить), а с точки зрения преемственности методов политической борьбы.

В статье сообщается, что Чжан Чуньцяо — выходец из семьи богатого помещика — еще в начале 30-х годов, обучаясь в средней школе, стал гоминьдановским агентом. Весной 1933 года, когда на его родине была создана первичная фашистская организация, Чжан Чуньцяо был одним из ее основателей. В 1938 году он проникает в Яньань будто бы по прямому указанию гоминьдановских разведчиков. Здесь он «скрыл свое контрреволюционное прошлое и пролез в партию».

Газеты сообщают, что Цзян Цин также происходит из помещиков. Она начала свою «контрреволюционную деятельность» в феврале 1933 года, когда вступила в КПК., однако вскоре утратила связь с партией. В то время Цзян Цин играла роли в пьесах и кинофильмах национального кино и старалась всячески выслужиться перед гоминьданом. В 1937 году она пробирается в Яньань и там «вновь проникает в партию».

Выясняется также, что отец Яо Вэньюаня — Яо Пэнцзю, будучи арестован в 1934 году, предал партию, а выйдя из тюрьмы, действовал под руководством главы контрольной службы гоминьдана, куда постепенно был втяну г и его сын Яо Вэньюань. В 1948 году Яо Вэньюань «скрыл, что знал об отце, о своей деятельности спецагента, о своем буржуазном происхождении и пролез в партию». Газета сообщает, что Ван Хунвэнь, хотя и писал, что он происходит из трудящихся и сам был рабочим, показал себя «с плохой стороны» на заводе. Выясняется, что он «не читал работ Мао Цзэдуна». Будучи в Шанхае, он пировал с самыми отъявленными элементами, братался с ними и проявлял ярко выраженные хулиганские манеры. В период «культурной революции» он сколотил в Шанхае шайку «маленькие братья», затем, пользуясь своим положением спецагента, сколачивал карьеристскую клику.

Нынешние китайские руководители продолжают упорно настаивать на том, что «четверка» — это «правые» элементы. Любопытно рассмотреть, какие доводы они используют для доказательства этих сомнительных утверждений. В этом отношении одну из самых пространных мотивировок высказал Ли Сяньнянь— заместитель премьера в интервью, которое он дал «Таймс ньюспейперс лимитед» весной 1977 года. «Некоторые

люди на Западе, — говорил он, — были введены в заблуждение тем, что о „банде четырех“ говорили как об „ультраправой группировке“, а о ее действиях — как об „ультралевых“. Они опирались на поддержку таких людей, как феодалы и богатые крестьяне, контрреволюционеры и правые, так как же о них можно говорить, что они левые?»

Чувствуя шаткость подобного рода аргументов, поскольку хорошо известно, что «четверка» проводила самую экстремистскую, «левацкую» линию, Ли Сяньнянь попытался обосновать официальную оценку их действий методом «от противного».

«Иностранные друзья пришли к странному выводу, — говорил он, — будто они настоящие радикалы и левые, а премьер Государственного совета — умеренный прагматист!» Говоря это, Ли Сяньнянь ударил по ручке кресла: «Я знал Чжоу Эньлая более 20 лет. Если они говорят, что он был умеренным, то они также обвиняют в умеренности Председателя Мао. Председатель Мао и Чжоу Эньлай возглавили революцию, они изгнали капиталистов, выгнали Чан Кайши и феодалов. Как можно называть их умеренными?»

Но кого могут убедить такого рода доводы? Прежде всего известны определенные расхождения во взглядах Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, особенно в последний период, когда Чжоу Эньлай делал упор на необходимость развития производства, а не на шумные политические кампании. Нетрудно также доказать, что и Мао, и Чжоу занимали левую позицию в сравнении с чанкайшистами. Ведь речь идет совершенно о другом: о соотношении политики нынешних руководителей с линией свергнутой «четверки». Речь идет о внутреннем размежевании сил в КПК в последние десятилетия.

Конечно, нынешним китайским руководителям не хочется примириться с тем, что кто-то «левее», чем они, поскольку «левизна» всегда была признаком хорошего тона в КПК, а «правизна» всегда означала прямое братание с буржуазией и помещиками. Но они напрасно хлопочут. В истории освободительного движения очень часто бывало, что крайние «леваки» выступали с самых реакционных позиций. Не случайно крупнейшая ленинская работа, написанная после победы Октябрьской революции, — «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» — была направлена не против правой, а против левацкой опасности.

Если представители «четверки» — это «правые», то кто же тогда «левые» в КПК? Нет, это группа «леваков», и критикуют ее за «левачество» и экстремизм.

Знамя «четверки» — «культурная революция» со всеми известными ее аксессуарами. В газете «Жэньминь жибао» из номера в номер публиковались материалы представителей различных партийных организаций, министерств, ведомств, университетов, школ, театров, больниц о «зловредных» вмешательствах «четверки» в деятельность этих учреждений.

В чем обвиняется «группа четырех»? Она обвиняется в том, что вела якобы скрытую борьбу против линии Мао и пыталась отравить Чжоу, что после смерти Мао выступила против назначения Хуа Гофэна и добивалась, чтобы преемником Мао стала Цзян Цин; систематически занималась избиением кадров, собирала «порочащие материалы», составляя досье на всех руководящих работников; стремилась захватить власть в народном ополчении и противопоставить его армии; отрицала первостепенное значение развития экономики и противопоставляла этому «углубление революции»; выработала теорию о «бесполезности знаний» и разрушала систему образования и научно-исследовательской деятельности; объявила многих представителей интеллигенции, особенно деятелей литературы и искусства, «ядовитыми травами» и подвергла их преследованиям.

Иными словами, на «четверку» возлагается вина за все неудачи и пороки политики прошедших лет. Но хотят или не хотят этого новые руководители КПК, тем самым заодно ставится под сомнение основное направление всей внутренней политики в прошлый период.

«Банде четырех» приписывается попытка изменить коренным образом самые основы КПК, ее идеологию и политику. Это одно из наиболее симптоматичных обвинений, поскольку оно косвенно отражает действительные установки «культурной революции», направленной на окончательное превращение марксистской партии в маоистскую.

В статье «Жэньминь жибао» (12 июля 1977 г.), озаглавленной «Какую партию хотела вновь создать „банда четырех“?», говорится, что, хотя «великая славная правильная Компартия Китая была лично создана и выпестована» Председателем Мао, «банда четырех» стремилась разрушить КПК. «На протяжении 10 лет они заявляли», что надо «реорганизовать и изменить характер нашей партии, разрушить организационную структуру партии». Эту работу оппозиция вела под лозунгом «смены династий».

Чжан Чуньцяо еще в 1967 году, если верить статье, заявил, что «на нынешние партийные организации нельзя положиться», «партию необходимо реорганизовать», «можно обойтись без парткомов провинций и городов». А в январе 1968 года он уже

прямо поставил вопрос: «В конце концов, нужна или не нужна партия? Могут ли ее заменить массовые организации?» Когда началось восстановление партийных организаций в 1969 году, Чжан предложил свой проект реорганизации партии: «В центре необходимо создать ревком, а в низах поручить нескольким лицам вести партийные дела. Шанхай — главный пункт связи цзаофаней; ревком должен подменить горком, а в низах пусть отряды цзаофаней играют роль партийных организаций».

Чжан Чуньцяо исходил из того, что именно отряды цзаофаней должны взять на себя руководящую роль, а не партия. Он утверждал, что КПК превратилась в старый государственный аппарат, который «надо разрушить, начиная с ЦК и кончая исполнительными органами».

Когда эта наиболее экстремистская из установок «культурной революции» была отвергнута (надо думать, Мао Цзэдуном), Чжан Чуньцяо стал утверждать, что «партия, по-видимому, еще нужна, однако надо вновь построить партию». Интересно, на каких же основах предполагалось перестроить партию? Речь шла о том, чтобы вычистить из партии старые кадры, пришедшие еще из освобожденных районов, которые «все стали каппутистами». Одновременно предлагалось подвергнуть чистке «от 50 до 80% членов партии из интеллигенции».

Кого же предлагалось принимать в партию взамен? Прежде всего цзаофаней, которые должны «получить превосходство в силах». При наличии отрядов цзаофаней «все вопросы будут разрешены». Под таким лозунгом, по словам газеты, Чжан Чуньцяо вел наступление на организационные принципы партии. В статье делается вывод, что лозунг о создании партии «означал ее превращение в фашистскую партию», «меньшевистскую троцкистскую организацию».

Сейчас становится явным то, что тщательно скрывалось во время «культурной революции». Главные ее организаторы действительно посягали на коренное изменение не только идеологических, но и социальных и организационных основ партии, а вероятно, и всей политической системы КНР. Конечно, как мы и предполагали, они и не собирались отказаться от опоры на партию как инструмент власти Мао Цзэдуна и его сторонников. Но они стремились видоизменить партию таким образом, чтобы она была абсолютно послушным инструментом группировки «леваков» и экстремистов во главе с. Мао Цзэдуном.

Однако сил для осуществления этой акции у них не хватило. Противостоящее им умеренное крыло, представлявшее свергаемое старое поколение кадров, которое было активно поддержано военными, сумело не допустить полного разгрома

самой партии и старых кадров в период «культурной революции». Видимо, в этом состояла одна из основных заслуг Чжоу Эньлая перед нынешними преемниками Мао Цзэдуна. Сохранив Дэн Сяопина, Е Цзяньина и многих других старых деятелей в партии, армии, государственном аппарате, Чжоу Эньлай создал условия для победы над «леваками» после смерти Мао Цзэдуна. Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и другие члены «четверки» могут лишь с тоской вспоминать о незавершенной работе по полной реконструкции КПК и уничтожении «старой гвардии».

Что касается Мао Цзэдуна, то он, по-видимому, не ставил перед собой столь далеко идущих целей, как его ретивые приближенные из числа «четверки». Он довольствовался полным утверждением собственного культа и своей власти, а главное — устранением всех, кого он только мог заподозрить в измене или отклонении от его идеологии и политики. Сильно «хромая на левую ногу» и активно поддерживая «экстремистов», Мао в то же время, верный принципу «шагать на двух ногах», не отказывался опираться и на более умеренное крыло в партии, демонстрирующее свою покорность его власти.

Китайская печать отмечает, что «четверка» придавала особое значение утверждению своего идеологического влияния в партии. Одним из методов ее работы в этой области было создание так называемой «авторской группы» в шанхайском горкоме партии. Теперь газета «Жэньминь жибао» называет эту авторскую группу штурмовым отрядом «банды четырех» в борьбе за узурпацию власти в партии и государстве[5]. «С помощью лиц из этой группы и еще нескольких лиц они публиковали черный материал, направленный против отдельных китайских руководителей». Чжан Чуньцяо, по утверждению газеты, ставил задачу создать в Шанхае многочисленный «теоретический костяк». Он говорил: «Как Чан Кайши создал лушаньское офицерское училище, так надо создать и воспитать собственную группу теоретических работников».

Еще при жизни Чжоу Эньлая «авторская группа» при шанхайском горкоме партии выступала с нападками против Чжоу, а после его смерти обрушилась на Дэн Сяопина и на Хуа Гофэна. Особенно реакционным было то, отмечается в упомянутой статье, что, следуя указаниям Чжан Чуньцяо, сторонники «четверки» из бывших членов авторской группы в августе 1976 года подготовили к изданию так называемый «Дневник нэпмана» об обстановке в Советском Союзе в конце 50-х годов, где «протаскивались нападки на товарища Хуа Гофэна». Под предлогом «извлечения уроков из советского опыта» они стали называть руководящие кадры, прилагавшие все силы для

осуществления модернизации, ревизионистскими элементами, проповедовавшими теорию примата производительных сил.

Борьба против сторонников «четверки» носила весьма ожесточенный характер. На Западе полагают, что более 30% всех мест в ЦК КПК было занято «леваками» и их сторонниками. Кроме того, существовали многочисленные опорные базы в городском ополчении, а также среди миллионов наследников хунвэйбинов в среде китайской молодежи.

Во многих провинциях вспыхнуло активное сопротивление Пекину. В октябре 1977 года в провинции Шаньдун произошло более 150 крупных вооруженных столкновений, сопровождавшихся большими жертвами. По сообщениям партийного комитета провинции Шаньдун, было убито и ранено более 1600 человек «военных кадров». Аналогичные сообщения поступали из других районов страны. В Шанхае, Гуанчжоу (Кантоне), по сообщению агентства Рейтер, были приговорены к смертной казни 29 человек — «активных контрреволюционеров».

Параллельно с этим развернулась кампания по реабилитации и восстановлению на партийных и государственных постах многих прежде отстраненных деятелей. Речь идет не только о наиболее известных в Китае руководителях, которые ранее подвергались гонениям. В печати постоянно сообщается о деятелях среднего звена — партийных, государственных, военных, которые были в свое время незаслуженно ошельмованы, сняты с постов.

Волна реабилитации жертв «четверки» поднималась все выше, подкатываясь к вершинам власти в КНР.

В первое время после смерти Мао по инерции продолжалась кампания против Дэн Сяопина. Однако вскоре она пошла на убыль. В неофициальных беседах все чаще высказывалось мнение, что эта кампания была не вполне справедливой. Затем стали осторожно говорить о возможной реабилитации Дэна, а потом и о предстоящем возвращении его на руководящие посты.

В зарубежную печать проникло сообщение о беседе Чжоу Эньлая с командующими военных округов НОАК 6 января 1976 г., за несколько дней до его смерти. В этой беседе Чжоу призвал военных сплотиться, поскольку «предстоит острая борьба против карьеристов. Вы должны быть непреклонными и сплачиваться снизу доверху».

Особое внимание Чжоу отвел Дэн Сяопину. Он говорил, что армия Лю Бочэня и Дэн Сяопина (2-я полевая армия) имеет большие заслуги перед страной. Чжоу отметил, что вместе с Дэн Сяопином он работал много десятилетий и легко находил с ним общий язык. «Вы должны поддержать Дэн Сяопина, заботиться о

нем. Вы должны до конца заботиться о старых товарищах». И дальше: «Возможно, это наша последняя встреча. Не надо плакать. Слезы не помогут — бог не смилостивится. Моя смерть, возможно, приведет к политической смерти Дэн Сяопина и ряда других товарищей. Не нужно бояться. Нужно бороться. Можно сказать, что это мое завещание».

Можно ли верить этому сообщению? Оно правдоподобно. И уж, во всяком случае, несомненно, что вопрос о реабилитации Дэн Сяопина и о его возвращении на руководящие посты был не только персональным вопросом. Это вопрос о «старой гвардии», о кадрах, которые пришли к руководству партией еще в 30-х годах, об участниках гражданской войны, словом, о всех тех, против которых была направлена вакханалия «культурной революции». В отличие от партийных руководителей, подавляющее большинство военных кадров старой генерации сумело избежать чистки. Они-то и выступали в качестве основной силы, борющейся за возвращение свергнутых руководителей, знаменем которых явился Дэн Сяопин.

Как формировалось новое руководство КПК и КНР? Выполнявший обязанности премьер-министра Хуа Гофэн за короткий срок после смерти Мао сосредоточил в своих руках основные посты в партии, армии и в государстве.

9 октября 1976 г. газета «Жэньминь жибао» впервые стала писать о Хуа Гофэне как о главе Политбюро.

10 октября в редакционной статье, опубликованной в этой газете, его назвали руководителем Центрального Комитета партии. 21 октября во время митинга на площади Тяньаньмэнь он был впервые назван председателем ЦК КПК и Военного совета при ЦК.

Переводчики испытали некоторое затруднение в связи с переводом глагола «жэнь», который, был употреблен в сообщении об этом событии. Газета «Жэньминь жибао» 31 октября 1977 г. писала: «Сегодня полтора миллиона военнослужащих и гражданских лиц собрались на митинг, чтобы радостно отметить занятие товарищем Хуа Гофэном поста председателя ЦК и председателя Военного совета при ЦК». Этот иероглиф «жэнь» повсеместно переводится как «занятие поста», а не как «избрание» или «назначение». Мотивируя именно такой подход к процедуре выдвижения нового руководителя, та же газета высказала следующее соображение: «Руководитель пролетарской партии не назначается, его выдвигают массы в ходе борьбы и действий».

Менее чем через месяц после назначения Хуа Гофэна на новые посты армейская газета «Цзэфанцзюнь бао» поместила редакционную статью, озаглавленную «Товарищ Хуа Гофэн —

достойный вождь нашей партии». В ней говорилось: «Товарищ Хуа Гофэн по достоинству является преемником, выбранным лично Мао Цзэдуном, рулевым, ведущим вперед дело Председателя Мао Цзэдуна, мудрым вождем Коммунистической партии Китая, основанной Председателем Мао Цзэдуном». И далее: «То, что Хуа Гофэн стал вождем нашей партии, есть требование революции, историческая необходимость, общее чаяние многомиллионного народа, надежный залог дальнейшего триумфального шествия вперед нашей партии и государства, согласно пролетарской революционной линии Председателя Мао Цзэдуна».

Позднее (в сентябре 1977 г.) агентство Синьхуа передало текст неизвестной прежде директивы Мао от 1963 года руководителям КПК. В этой директиве Мао Цзэдун якобы призывал изучать доклад, подготовленный Хуа Гофэном, который в ту пору был одним из секретарей парткома в провинции Хунань. Мао с похвалой отзывается о деятельности Хуа Гофэна и других членов хунаньского провинциального комитета партии за их усилия по изучению передовых методов ведения сельского хозяйства в провинции Гуандун. Мао Цзэдуну приписываются следующие слова, высказанные в этой связи: «Такое отношение, такое скромное изучение успешного опыта других провинций следует похвалить. Это важный способ содействия нашей экономической, политической, идеологической, военной, культурной и партийной работе». Публикация этого документа, приписываемого Мао, несомненно направлена на поднятие авторитета Хуа Гофэна как его преемника.

Чем объясняется сравнительно быстрая победа Хуа Гофэна и его соратников над группой Цзян Цин в Политбюро ЦК КПК? Решающее значение для Хуа Гофэна имела поддержка военных. Первостепенную роль сыграл упоминавшийся Е Цзяньин, находящийся, правда, в престарелом возрасте, а также командующий пекинским военным округом Чэнь Силянь и другие видные руководители армии. Но дело не только в этом. Главное— настроения среди самых широких слоев партийных, государственных, военных работников, а также среди всего населения Китая.

Люди устали от бесконечных перестроек, перетрясок, напряжения, жестокой борьбы групп, политических и идеологических кампаний, непрерывных чисток, которые лихорадили прежде всего аппарат управления, а затем и широкие слои китайского народа. «Четверка» во главе с Цзян Цин могла предложить 20–30 млн. «ганьбу» только новые испытания. Кроме того, «леваки» по самой своей природе не способны к единству, поскольку радикализм подобного рода имеет тенденцию к

созданию в собственной среде сверхрадикализма. А такое соревнование отнюдь не содействует сплочению.

С 16 по 21 июля 1977 г. в Пекине состоялся 3-й пленум ЦК КПК 10-го созыва, на котором и было закреплено новое руководство ЦК КПК. Работой пленума руководил председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, который, по сообщению агентства Синьхуа, выступил на нем с «важной речью». С «важными речами», по сообщению этого агентства, выступили также заместитель председателя ЦК КПК Е Цзяньин и Дэн Сяопин.

Пленум принял постановление об утверждении Хуа Гофэна на посту председателя КПК: «Согласно прижизненному распоряжению Мао Цзэдуна, пленум единогласно считает, что Хуа Гофэн — достойный ученик и достойный преемник Председателя Мао Цзэдуна, выдающийся вождь и замечательный главнокомандующий».

По сообщению агентства Синьхуа, пленум единогласно принял «Постановление о восстановлении товарища Дэн Сяопина в должности». При этом сообщалось о двух письмах Дэн Сяопина в адрес Хуа Гофэна, заместителя председателя ЦК КПК Е Цзяньина и ЦК партии от 7 мая 1977 г. О содержании этих писем не говорилось ничего. Пленум восстановил Дэн Сяопина во всех должностях: члена ЦК КПК, члена Политбюро, члена Постоянного комитета Политбюро, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК, заместителя председателя ЦК КПК, заместителя премьера Государственного совета и начальника генерального штаба НОАК.

Пленум принял постановление и об антипартийной группировке Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюаня. Основная заслуга в разгроме «четверки» приписывается не только Хуа Гофэну, но и заместителю председателя ЦК КПК Е Цзяньину. Пленум постановил «навсегда исключить» из рядов партии всю «четверку», снять их со всех занимаемых постов.

Из числа других принципов, провозглашенных пленумом, обращает на себя внимание установка, связанная с идейной и организационной подготовкой XI съезда КПК. «Следуя указаниям Председателя Мао Цзэдуна „опираться на коллективный опыт и коллективный ум“, пленум в полной мере осуществлял принципы марксизма-ленинизма». Принцип коллективного руководства, который декларируется пленумом, правда, не очень-то сочетается с указанием на особое положение «мудрого вождя» Хуа Гофэна.

Во внешнеполитическом плане пленум подтвердил борьбу против «гегемонизма двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов», особенно подчеркивая необходимость «довести до конца борьбу против современного ревизионизма»,

центром которого объявляется КПСС.

С 12 по 18 августа 1977 г. проходил XI съезд КПК, на котором новое руководство укрепило свои позиции. С основным докладом на нем выступил Хуа Гофэн.

Одно из главных мест в докладе заняла, разумеется, борьба против «четверки», которая, по словам Хуа, явилась одиннадцатым в истории партии «крупным сражением между двумя линиями». Проводя аналогию между повергнутыми «леваками» и прежними представителями оппозиции, Хуа начисто игнорировал и различие позиции, и полное расхождение целей, которые ставили борющиеся силы на протяжении истории КПК. Достаточно упомянуть такие имена, как Ван Мин, Лю Шаоци и Цзян Цин, чтобы понять, в какой степени странно ставить их всех в один ряд. У Ван Мина это была борьба интернационалиста против национализма. Лю Шаоци боролся — робко и непоследовательно — против волюнтаризма и экстремизма Мао Цзэдуна; борьба Цзян Цин — это борьба за продолжение и углубление экстремистского курса и внутри, и вне Китая (если вообще можно дальше углублять этот беспрецедентный экстремизм).

Цифра 11 была употреблена еще в одной связи. Хуа Гофэн заявил, что «культурная революция» продолжалась 11 лет, что, наконец, она завершается. Для обоснования этой рискованной в условиях КПК формулировки он сослался на слова Мао Цзэдуна, будто бы сказанные еще в 1974 году, что после восьми лет «культурной революции» стране пора успокоиться и объединиться.

Итак, только сейчас завершается «культурная революция», начатая в 1966 году. Что это означает? Это означает, по-видимому, установку на стабилизацию, на укрепление порядка и прекращение фракционной борьбы.

На XI съезде КПК Хуа Гофэн мимоходом заявил, что кампания критики Конфуция, которой в свое время придавалось такое огромное значение, была замаскированной атакой на Чжоу Эньлая и Е Цзяньина. Он с насмешкой говорил о попытке усмотреть современные параллели в героях романа «Речные заводи» и особенно резко высказался по поводу нападок на «эмпиризм» людей, которых клеймили как «каппутистов». Хуа Гофэн решительно высказался в защиту представителей «старой гвардии», которых не так давно обвиняли в оппортунистической идеологии. Правда, он все же признал, что в партии сохраняются «каппутистские тенденции», однако среди лишь незначительного числа людей.

На XI.съезде Хуа Гофэн утверждал, что Линь Бяо и

представители «четверки» извратили разработанную Мао идею. Но какие уроки извлекаются из данной кампании, как надо относиться к ее целям и в каком соотношении находится новый этап с предыдущим — на все это не было дано ответов.

Хуа Гофэн выдвинул на XI съезде КПК восемь положении, «требующих исполнения». К их числу относятся:

1. Доведение до конца разоблачения и критики «банды четырех».

2. Объединение и укрепление партии, поскольку «четверка» подорвала партию как единый организм, а также внесла разложение в нее (!).

3. Укрепление руководящих органов партии на всех ступенях, поскольку в этих организациях «завелась гниль».

4. Правильное понимание идеалов революции, содействие развитию производства с целью превратить КНР в конце текущего столетия в могущественное социалистическое государство.

5. Успешное завершение революции в сфере культуры и народного образования, поскольку «лишь меньшинство интеллигенции» понимает марксизм и занимает настоящую пролетарскую позицию, выступает с патриотических позиций.

6. Укрепление государственного аппарата.

7. Укрепление демократии и принципа демократического централизма, поскольку «четверка» «растоптала демократию среди народа и в партии».

8. Проведение политики учета всех факторов и гармоничной кадровой политики — сочетания опытных и молодых работников, а также учета требований национальных меньшинств.

Внешнеполитическая часть выступления Хуа Гофэна не вносила никаких новых элементов в сравнении с теми, что провозглашались на официальном уровне после смерти Мао. Основной тезис в этой области сводился к неизбежности новой мировой войны, к которой якобы приведет соперничество между СССР и США. «Война — это продолжение политики, то есть продолжение мира. Мир — тоже политика», — процитировал Хуа Гофэн Мао Цзэдуна. Осталось неясным при этом, почему Китай не хочет утвердиться на платформе мирного «продолжения политики».

С докладом о новом уставе партии выступил маршал Е Цзяньин. В уставе усиливаются положения о внутрипартийной дисциплине, о более строгом подчинении низовых организаций вышестоящим.

XI съезд КПК закрепил, таким образом, линию, которая формировалась в последний период. Она исходит из необходимости преодоления последствий деятельности «четырех»

в идеологических вопросах, в экономической и социальной политике. При этом обходится вопрос о том, что «четверка» полностью выражала установки и идеи Мао Цзэдуна. Эта линия в идеологии по-прежнему ориентируется на маоизм, во внутренней политике — на лозунг порядка и модернизации, а во внешней — целиком исходит из курса, который утвердился в период Мао Цзэдуна.

Новый состав Политбюро, избранный на XI съезде КПК, по-прежнему отдает приоритет военным руководителям. В него включены также экономисты и другие специалисты. Из 23 членов Политбюро 12 военные.

Как выглядит состав Центрального Комитета КПК, сформированного на XI съезде КПК? В ЦК девятого созыва насчитывалось 279 человек (170 членов ЦК и 109 кандидатов в члены); в ЦК десятого созыва (1973 г.) —319 человек (195 членов ЦК и 124 кандидата в члены). В ЦК одиннадцатого созыва — 333 человека.

Первое, что можно отметить, — это отсутствие 114 прежних членов и кандидатов в члены ЦК. Иными словами, речь идет о более чем одной трети прежнего состава ЦК КПК.

Кто же эти люди? По преимуществу это сторонники «банды четырех». Из числа членов ЦК десятого созыва 18 человек умерли (включая Ли Чжэня, министра общественной безопасности, который, как утверждают, был убит). Из нынешних 333 человек членов и кандидатов в члены ЦК одиннадцатого созыва насчитывается в общей сложности 187 человек из ЦК десятого созыва, что составляет 56%; 44% — новые члены и кандидаты в члены ЦК.

Еще живы несколько членов ЦК седьмого созыва, сформированного в Яньани в 1945 году. В ЦК девятого созыва их было 26 человек, а в ЦК десятого созыва — 23 человека. В ЦК одиннадцатого созыва их осталось 13 человек: Чэнь Юнь, Сюй Сянцянь, Лю Бочэн, Е Цзяньин, Не Жунчжэнь, Ли Сяньнянь, Чжан Динчэн, Су Юй, Ван Шоудао, Сяо Цзингуан, Ван Чжэнь и вдовы Чжоу Эньлая и Ли Фучуня — Дэн Инчао и Чай Чан.

Из состава ЦК выведены молодые хунвэйбины, последователи «леваков», но для камуфляжа «пролетарского состава» в ЦК включены некоторые рядовые «рабочие и крестьяне», личность и занятия некоторых неизвестны. Они преобладают среди кандидатов в члены ЦК и не имеют права решающего голоса.

В ЦК одиннадцатого созыва насчитывается 102 военных— 60 членов и 42 кандидата в члены. В ЦК КПК Девятого созыва насчитывалось 44% военных; в ЦК десятого созыва — 30,72%; в ЦК одиннадцатого созыва — 30,63% (с учетом членов и

кандидатов в члены ЦК).

99 человек, или 29,7% всех включенных в ЦК, работают в партийных или в правительственных центральных органах в Пекине. Среди них 81 член ЦК и 29 кандидатов в члены ЦК. Это означает, что более одной трети — 35,8% из 201 члена ЦК — работают в центральных органах партийной и государственной власти и в военном аппарате. Провинции располагают в ЦК разным числом членов — от трех членов ЦК от провинций Гуйчжоу и Шаньсн до 14 членов ЦК от провинции Сычуань.

Многие из нынешних членов и кандидатов в члены ЦК были смещены во время «культурной революции», других «культурная революция» возвела на высокие посты. 69 человек, которых возвысила «культурная революция» (32 члена ЦК. и 37 кандидатов в члены ЦК), были выведены из состава нынешнего ЦК. В ЦК КПК одиннадцатого созыва вошли очень многие из тех, кто пострадал во время «культурной революции». Можно смело утверждать, что реванш «старой гвардии» над рвущимся к власти следующим поколением молодых руководителей полностью состоялся.

Так завершился первый акт политической драмы наследования Мао Цзэдуну. Каков будет следующий акт и надолго ли удержится союз представителей новой генерации руководителей — Хуа Гофэна с представителями «старой гвардии» Дэн Сяопином и Е Цзяньином — покажет время.

Кто же входит в состав высшего руководства вместе с Хуа Гофэном?

Заместитель председателя КПК, министр обороны Е Цзяньин после XI съезда КПК занимает второй по значению пост в партии и в государстве. Он был вторым докладчиком на пленуме ЦК КПК, он же докладывал устав КПК на XI съезде. Е Цзяньин сыграл особенно заметную роль при ликвидации заговора «четверки».

По последним сообщениям, почерпнутым зарубежной печатью из разведывательных источников, излагается новая и более подробная версия драматических событий, разыгравшихся в ночь на 6 сентября 1976 г. Согласно этим сообщениям, Е Цзяньин осуществлял руководство всей операцией, в то время как Ван Дунсин отвечал за реализацию плана, составленного Хуа Гофэном и его сторонниками. Когда началась операция по аресту «банды четырех», Е Цзяньин и Ван Дунсин оставались в Доме народных собраний. Ван Дунсин позвонил Ван Хунвэню, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаню и вызвал их в Дом народных собраний, каждого в отдельности. Тут же они были арестованы по одному. Позднее Ван Дунсин явился в резиденцию Цзян Цин, находящуюся в Чжуннаньхае, и лично арестовал ее.

Что касается политических взглядов 80-летнего Е Цзяньина, то о них известно немного. Достоверно лишь, что он был близким человеком Чжоу Эньлая и отстаивал реабилитацию Дэн Сяопина.

Чжоу Эньлай и Е Цзяньин были близки на протяжении 50 лет. В 1924 году Чжоу Эньлай и Е Цзяньин, которым было по двадцать с лишним лет, были инструкторами Военной академии Вампу при Чан Кайши. В 1933 году оба занимали видные посты в 1-й армии Чжу Дэ. В 1939 году они работали вместе в коммунистической миссии связи в Чунцине, столице гоминьдановского правительства в военное время, а в январе 1946 года они представляли Коммунистическую партию в Чунцине на Политической консультативной конференции.

После провозглашения Народной Республики Е Цзяньин стал работать в Пекине. X съезд партии в августе 1973 года сделал его одним из пяти заместителей председателя ЦК КПК, а на сессии ВСНП четвертого созыва он был назначен министром обороны.

6 апреля 1977 г. на страницах «Жэньминь жибао» было опубликовано факсимиле стихотворения Е Цзяньина, переписанного самим Мао. Стихотворение — явно антисоветского содержания. В кратком объяснении говорится, что стихотворение было написано осенью 1965 года (!). 28 декабря 1976 г. Е получил письмо от Мао Аныпна, сына Мао Цзэдуна от Ян Кайхуэй — второй его жены. (Мао Аньцин — единственный известный сын Мао, оставшийся в живых. В течение многих лет о нем ничего не было слышно.) «Дядя Е, — говорится в письме, — вы помните, что, когда мы ходили навещать отца перед Новым годом, в 1966 году, он переписал ваше стихотворение „Глядящий вдаль“, чтобы учить нас и побудить нас продолжать революцию». В конверт, как пишет Е, была вложена фотокопия. «Я взял взаймы оригинал, — говорилось в письме, — и попросил товарища Ван Ецю сделать клише как сувенир, который будет храниться вечно».

«Жэньминь жибао» (6 апреля 1977 г.) поместила также статью Мао Аньцина и его жены, в которой говорится, что стихотворение, направленное против «советских ревизионистов», очень полезно в борьбе против «банды четырех», которая «направила тройственную стрелу» против уважаемого и любимого премьера Чжоу и против заместителя председателя Е.

Тот факт, что Мао сам переписал стихотворение Е Цзяньина и передал своему единственному сыну, чтобы учить его боевому духу, изображается как свидетельство большого доверия «великого кормчего» к Е Цзяньину.

Безусловно, что Е Цзяньин был одним из самых решительных противников «банды четырех». В газете «Цзефанцзюнь бао» 22 января 1978 г. появилась статья, перепечатанная вскоре в

«Жэньминь жибао», озаглавленная «Та же контрреволюционная старая песня» с подзаголовком «Разоблачение злобного плана „банды четырех“, пытавшейся искоренить „буржуазию в армии“». Что же это был за план? То был план замены старых руководителей армии во главе с Е Цзяньином ставленниками «четверки».

В статье утверждается, что задачу «искоренить буржуазию в армии» сформулировали Линь Бяо и Цзян Цин в 1967 году. Это злоумышленное извращение выражения Председателя Мао о «буржуазии в Коммунистической партии». Чжан Чуньцяо сказал своим приближенным в Шанхае: «Мы приобрели некоторый опыт в — вооруженных силах во время кампании „пи-Линь пи-Кун“». Речь шла о «трех стрелах, выпущенных вместе». Эти стрелы были направлены против Чжоу Эньлая и заместителя Е Цзяньина и других руководителей ЦК партии. Без санкции Председателя Мао, Центрального Комитета или Военного комитета ЦК они начали незаконную политическую кампанию в войсках. Цзян Цин возглавляла эту кампанию. Она бахвалилась, что сумеет «разделаться со старыми маршалами».

«Четверка», если верить статье, стала особенно активной во время серьезной болезни Председателя Мао и после его смерти. В июле 1976 года, когда Мао уже был тяжело болен, Ван Хунвэнь заявил: «Главную проблему в армии следует искать в верхах. Начальников нужно заменить». В августе Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань направили инструкции доверенным лицам о завершении последних приготовлений. «Они нацеливали свои атакующие стрелы на председателя Хуа и заместителя председателя Е».

Все это проливает новый свет на борьбу группировок в КПК еще при жизни Мао и показывает крупную роль, которую сыграл Е Цзяньин в крушении Цзян Цин и возвышении Хуа Гофэна.

Следующим лицом по официальному статусу, но вторым по реальному положению в партии и государстве является Дэн Сяопин, человек удивительной политической биографии. Реабилитированный и возвращенный на все посты после вторичного за короткий срок свержения, он снова стал одним из наиболее влиятельных лидеров КПК.

В состоявшейся в сентябре 1977 года беседе с иностранными гостями Дэн Сяопин ответил на ряд щекотливых вопросов, касающихся его недавнего прошлого. Его спросили, в частности, где он находился и чем занимался после того, как был смещен с занимаемых им постов в апреле 1966 года. «Когда меня сняли, — ответил Дэн, — я лишился контактов с внешним миром. Да я и не хотел никаких контактов. Как вам известно, они хотели убить

меня. В то время „банда четырех“ пользовалась исключительной властью». И продолжал: «Однако, к счастью, меня как члена партии защитил Председатель Мао. Он приставил ко мне специальную личную охрану. Председатель Мао объявил всем, что его решение по этому вопросу не подлежит обсуждению. Таким образом я жил в безопасности». Это утверждение мало похоже на правду. Хорошо известно, что на самом деле Дэна спасли и защитили военные — его бывшие соратники периода гражданской войны.

Дэн Сяопин, однако, не рассказал, где он находился в этот период. Между тем это также имеет значение для понимания расстановки сил внутри китайского руководства. Из различных сообщений можно сделать вывод о том, что Дэн пребывал на курорте около Гуанчжоу в Южном Китае, куда был вывезен своим другом — генералом Сюй Шию, командующим Гуандунским военным округом. Другим человеком, позаботившимся о Дэн Сяопине, был первый секретарь Гуандунского провинциального комитета КПК Вэй Госин, который сейчас вошел в состав Политбюро ЦК КПК и назначен начальником Главного политического управления НОАК.

Агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл сообщило интересную подробность о встрече Дэн Сяопина с государственным секретарем США Сайрусом Вэнсом. По заключению корреспондента агентства, Дэн во время этой встречи буквально излучал энергию и уверенность в себе. Он свободно отвечал на любые вопросы.

«Я читал кое-что из того, что вы писали, — сказал Дэн Сяопин, проходя мимо выстроившихся в ряд корреспондентов и пожимая им руки, — кое-что из этого верно, кое-что — нет».

Когда сотрудники службы безопасности провожали из комнаты корреспондентов, Дэн сказал им вслед достаточно громко, чтобы его слышали все корреспонденты: «Они, знаете ли, большая сила». Когда Дэн ушел, один из журналистов сказал: «Не хотел бы я быть на месте тех, которые думали, что они уже покончили с Дэном».

Политическая жизнеспособность Дэн Сяопина после таких стремительных падений и взлетов совершенно исключительна. Следует ли отнести это на счет особых личных качеств Дэн Сяопина или здесь играли роль какие-то иные факторы — сказать трудно. Но несомненно, что Дэн Сяопин занимает особое место среди тех политических руководителей, которые пришли к руководству в КПК после смерти Мао Цзэдуна.

Не случайно многие зарубежные политики и журналисты предпочитают из всех деятелей КПК встречаться с Дэном. В

сентябре 1977 года в американском журнале «Ньюсуик» была опубликована статья Ричарда Смита, озаглавленная «Кто все же № 1?» Он пишет: «Задайте любому серьезному китаеведу где-то в Пекине или в Гонконге вопрос, кто теперь самый могущественный человек в Китае, никто не назовет имя Хуа, все скажут— заместитель премьера Дэн Сяопин». Благодаря своему деловому стилю Дэн завоевал в какой-то мере популярность и поддержку, напоминающую о покойном премьере Чжоу Эньлае. Американский корреспондент полагает, что Дэн прочно утвердился как первый среди равных в китайском триумвирате, в который входят также Хуа Гофэн и маршал Е Цзяньин.

Действительный источник силы Дэна — это его могучие и давнишние союзники. Дэн Сяопин как участник гражданской войны и народной революции сохранил теснейшие дружеские связи с большинством командующих вооруженными силами провинций. Он связан также со многими членами партийного и государственного руководства, с которыми в разное время сотрудничал. «Нельзя сказать, — пишет Р. Смит, — что в случае столкновения у Хуа нет никаких козырей, чтобы вести игру. Как преемник Мао он унаследовал право интерпретировать учение покойного Председателя, а его положение дает ему легкий доступ к средствам массовой информации. 57-летний Хуа намного моложе 73-летнего Дэна, время явно на его стороне. И все же относительная молодость может помешать Хуа играть доминирующую роль в правительстве, если говорить о ближайшем будущем».

Эта оценка соотношения сил Хуа Гофэна и Дэн Сяопина нуждается в коррективах. Хуа Гофэн представляет собой довольно классический тип руководителя второй генерации после свершения национальной антифеодальной революции. Деятели этой генерации обыкновенно сильно отличаются от непосредственных участников революций, поскольку приходят они к руководству главным образом аппаратным путем, а не на основе заметной революционной деятельности. Как хорошо подготовленные аппаратные работники, знающие всю систему отношений внутри партии, в государстве, в армии, такие люди имеют даже определенные преимущества по сравнению с первой революционной генерацией руководителей. Эти преимущества: большая деловитость и осторожность, умение улаживать отношения в сложном коллективе руководителей. Это организаторы, а не трибуны и теоретики. Нередко они оказываются куда более приспособленными к новому периоду, когда требуется методичная, взвешенная, внешне неброская практическая работа по управлению.

В зарубежную печать проникла интересная информация о выступлении Дэн Сяопина на 3-м пленуме ЦК КПК (июль 1977 года), которая, по-видимому, заслуживает если не полного доверия, то, во всяком случае, внимания. Дэн Сяопин выразил благодарность участникам пленума, которые приняли решение о восстановлении его в прежних должностях. Он заявил, что полон решимости посвятить ограниченный остаток своей жизни работе в качестве достойного помощника председателя ЦК КПК Хуа Гофэна. Он сказал, что перед ним открыты два пути: первый — работать; второй — занять почетную должность. Сам он высказался целиком в пользу активной работы, поскольку более 55 лет участвует в партийной деятельности. Дэн Сяопин сказал, что его трижды освобождали с занимаемых постов и три раза он был восстановлен в правах. В последний раз он был освобожден со своего поста «группой четырех», и это произошло потому, что он не вел надлежащим образом борьбу с ними. Теперь «группа четырех» свергнута, и ему предоставлена возможность служить на благо партии и государства.

В выступлении Дэн Сяопина содержалось еще одно примечательное положение, которое касалось «группы четырех» и вынашиваемых ею планов. Он сообщил, что в 1975 году ему стало известно о высказывании Ван Хунвэня, посетившего Шанхай. Тот будто бы сказал одному деятелю: «Посмотри на нас через 10 лет». Тогда, замечает Дэн, я почувствовал беспокойство за будущее нашей партии и государства, приняв во внимание, что в то время Ван Хунвэню было всего лишь 40 лет, Яо Вэньюаню — 40 с лишним. Чжан Чуньцяо — 50 с лишним, Цзян Цин — немногим более 60 лет, а нам уже было 70. «Мы с премьером Государственного совета Чжоу Эньлаем и товарищами Е Цзяньином и Ли Сяньнянем посоветовались и поклялись друг другу в том, что мы должны воспитать молодых преемников».

В этом сообщении много интересного. Оно свидетельствует о планах «группы четырех», которая объединилась не только на почве «левачества», но и по возрастному принципу, домогаясь отстранения от руководства представителей старшего поколения. Оно говорит и о другом: уже в 1975 году укрепилась группировка, которая намеревалась противостоять «левакам»; во главе этой группировки стоял Чжоу Эньлай. В нее вошли Е Цзяньин и Ли Сяньнянь, сыгравшие решающую роль в возвращении Дэн Сяопина к руководству в КПК. Этот рассказ вполне совпадает с упоминавшимся сообщением о завещании Чжоу Эньлая.

Дэн Сяопину приписывают множество афоризмов, метких и остроумных, которые дают представление и о его личности, и о его политических предпочтениях. Об этом свидетельствуют

многочисленные дацзыбао, в которых цитировались его высказывания в период гонений на него.

На одном из студенческих митингов весной 1976 года он заявил: «Если меня только что отстранили, неужели я буду бояться вторичного отстранения?» Намекая на свои деловые качества, которые имеют большее значение по сравнению с навешиваемыми на него ярлыками, Дэн заметил: «Какая разница, черная кошка или белая кошка. Важно то, что она ловит мышей».

Когда «революционные» студенты особенно распоясались, Дэн бросил в толпу очередной афоризм: «Я стар и глух. Я не слышу вас». Это был намек на критическое замечание, которое Мао Цзэдун высказал по поводу него еще в 1965 году: «Дэн Сяопин глух, но на совещаниях это не мешает ему сидеть подальше от меня. Он уже шесть лет, начиная с 1959 года, ничего не говорит мне о своей работе. Он уважает меня, но предпочитает держаться от меня подальше».

Это замечание Мао, по-видимому, довольно точно отразило позицию Дэн Сяопина, которая сказалась на всей его судьбе. Он не стремился войти в число приближенных покойного председателя КПК. Он и не выступал против него, отсиживаясь в стороне, когда обсуждались самые острые вопросы борьбы с противниками Мао Цзэдуна в период «скачка» и «народных коммун». Дэну приписывают и такое высказывание: «Бесконечная борьба утомляет людей. Это фактически социальные репрессии». Приведенные слова были сказаны будто бы в августе 1965 года, и, конечно же, они не могли не сказаться на отношении к Дэну в период «культурной революции».

Дэн Сяопин в трудные периоды кампании выступал против ее некоторых аспектов, особенно гонений на людей науки и профессуру. «Вы не должны оскорблять и унижать учителей, — говорил Дэн, — как это было в прошлом. Вы должны уважать учителей, не сделавших никаких ошибок. Нужно сохранять порядок. Если главная задача учебных заведений не состоит в том, чтобы распространять знания, то зачем они нужны?»

Дэн Сяопин был одним из самых последовательных сторонников сохранения преемственности руководства представителей поколения, участвовавшего в гражданской войне и революции. Он говорил на одной из научных конференций в октябре 1975 года: «Маятник должен качнуться в другом направлении. Старые кадры должны решительно вооружиться. Они не должны бояться прошлого. Должны решительно бороться за себя. Может случиться так, что вас вторично свергнут. Ну и что же! Не теряйте мужества. Даже те, кто был свергнут, честно выполняли свои задачи. Какое значение имеет, если тебя

свергают, это даже заслуга… Старым кадрам нужно снова немедленно предоставить свободу и дать им такие посты, на которых они могли бы проявить организаторские способности. Науке и технике надо отдать приоритет в государстве».

Дэн Сяопин критически отзывался о так называемом революционном искусстве, насаждавшемся Цзян Цин. «Неправильно, — говорил он, — чтобы цвел только один цветок».

Дацзыбао в период проработки Дэн Сяопина цитировали его острые высказывания по поводу положения в вооруженных силах. Дэн Сяопин отмечал: «В армии имеется множество проблем. Я могу их резюмировать в пяти словах; тщеславие, недисциплинированность, нахальство, разгильдяйство и лень»… «Власть у вооруженных сил очень велика. Они стали своего рода побочной властью и пустились в фракционизм».

Трудно сказать, претендует ли Дэн Сяопин на дальнейшее продвижение в политической иерархии. Он заявил по этому поводу, отвечая на вопрос членов японской делегации из клуба «Новой свободы» 15 сентября 1977 г.: «Хотя в партии есть люди, которые считают, что мне следовало бы стать премьером, я не думаю становиться им. Я хочу оставаться заместителем».

Несомненно, что этот активный, динамичный деятель, который обрел третье дыхание, значительно укрепил свое влияние среди партийных и военных кадров, опирается на огромную популярность и будет оказывать растущее влияние на формирование политики КПК в ближайшем будущем.

Каково отношение Дэн Сяопина к Мао? Вряд ли он питал к Мао какую-то личную симпатию или сентиментальную привязанность. Не следует забывать, что Дэн Сяопин был как раз тем человеком, который остро критиковал культ личности на VIII съезде КПК и, опираясь на выводы XX съезда КПСС, настоятельно рекомендовал восстановить принципы коллективного руководства и партийной демократии. Да и его крушение в период «культурной революции» и после нее если и не исходило целиком от Мао Цзэдуна, то, безусловно, было им санкционировано. На протяжении последнего десятилетия Дэн Сяопин входил в группу «прагматиков», или умеренных, во главе с Чжоу Эньлаем. Можно предположить, что отношение Дэна к идеологии и политике Мао будет сугубо прагматическим. Вряд ли он будет противодействовать сохранению культа Мао Цзэдуна, а также тех или иных его аксессуаров. Что же касается политики, то здесь Дэн Сяопин едва ли будет связывать себе руки прежними установками Мао Цзэдуна. Можно предположить также, что в глубине души он не только отвергает политику «большого скачка», «народных коммун», но и «культурную революцию»,

которая задела его лично и так дорого обошлась китайской Компартии и всему народу.

Дэн Сяопин — один из наиболее активных сторонников политики ускоренного превращения Китая в перворазрядную державу с мощной экономикой и ракетно-ядерным потенциалом. С его деятельностью связывал свои надежды Чжоу Эньлай, когда выдвигал тезисы о «четырех модернизациях». Известно, что Дэн Сяопин считал необходимым для этого использовать зарубежный опыт, прежде всего западный, приобретать лицензии, новую технологию, в том числе для военного производства.

Что касается взглядов Дэн Сяопина на внешнюю политику, то на протяжении последних 10–15 лет он не обнаружил особых, отличных от Мао Цзэдуна, позиций в отношениях с СССР и другими странами социализма — ни по вопросу об отношениях КПК с коммунистическим движением, ни по поводу теоретических концепций о сверхдержавах и разделении мира на три группы стран. Быть может, здесь кроется причина того, почему Мао Цзэдун сравнительно терпимо относился к Дэн Сяопину. Чего никогда не прощал Мао на протяжении всей своей деятельности — это симпатии к Советскому Союзу, проявления подлинного интернационализма. По-видимому, этим Дэн Сяопин никогда не грешил. Как мы видели ранее, для выступлений Дэна в 70-х годах характерен самый резкий антисоветизм.

В последнее время Дэн Сяопин неоднократно делал антисоветские заявления.

Новая фигура, которая появилась на высшем политическом небосклоне КПК не так давно, — Ван Дунсин. Он занимает пост заместителя председателя ЦК КПК и одновременно возглавляет аппарат внутренней безопасности ЦК. Он был также избран генеральным секретарем президиума XI съезда КПК. Ван Дунсин — самый молодой среди заместителей председателя КПК: ему 63-й год. Происходит он из бедной крестьянской семьи, свою карьеру начал в качестве телохранителя Мао еще в период «великого похода».

Политическое выдвижение Ван Дунсина относится к периоду «культурной революции». В то время когда был ликвидирован пост генерального секретаря ЦК КПК, Ван Дунсин стал заведующим канцелярией ЦК КПК — неуставного органа, который, по-видимому, взял на себя какие-то функции секретариата партии.

Но подлинный вес Вана определялся не только тем, что он на протяжении длительного времени возглавлял канцелярию ЦК КПК. Выясняется, что он давно является шефом воинской части № 8341-специального военного подразделения, несущего охрану

особого района Пекина— Чжуннаньхая, где живут и работают руководители КПК. До последнего времени ничего не было известно о функциях руководимого им органа, и только в годовщину смерти Мао Цзэдуна появилось сообщение о функциях канцелярии компартии Китая и специальной воинской части № 8341.

В газете «Жэньминь жибао» в сентябре 1977 года была опубликована статья, написанная группой по изучению теории при ЦК КПК по случаю первой годовщины кончины Мао Цзэдуна, под заголовком: «Всегда твердо помнить указания Председателя Мао Цзэдуна — продолжать революцию при диктатуре пролетариата». Здесь приоткрывается одна из самых любопытных тайн пекинского двора. Судя по этой статье, Мао Цзэдун, ликвидировав многие партийные и государственные посты, сделал свою личную канцелярию и специальную воинскую часть прямым орудием осуществления самых доверительных акций внутри партии, в армии и в других организациях.

В статье сообщается, что все работники канцелярии ЦК КПК, все состоящие в воинской части № 8341 «не один год имели счастье работать вместе с Председателем Мао Цзэдуном, долгое время воспринимать его сердечную заботу и наставления». Канцелярия ЦК называется здесь «чрезвычайно важным» рабочим органом КПК. На нее были возложены такие обязанности, как охрана безопасности Мао Цзэдуна и ЦК КПК и «владение важнейшими секретами» в партии. «Нахождение канцелярии ЦК КПК в руках штаба во главе с Председателем Мао Цзэдуном, обеспечение безопасности Мао и Центрального Комитета партии — от этого зависели коренные интересы всей партии, всей армии, всего народа, всей страны».

В статье сообщается, что различные группировки — Лю Шаоци, Линь Бяо, «четверка» — всеми силами стремились установить контроль над канцелярией ЦК, сделать ее своим орудием, но «Председатель Мао Цзэдун лично руководил нами в ожесточенной борьбе двух классов, двух линий». Еще в декабре 1965 года, по утверждению авторов статьи, Мао Цзэдун указал работникам канцелярии: «Очень важна работа секретной части, охраны. Надо тщательно хранить партийную тайну, чтобы ее не использовал ревизионизм, предотвратить возникновение ревизионизма в своих рядах».

Еще интересный факт: именно эта канцелярия в апреле 1966 года отобрала высказывания покойного Председателя и сделала из них сборник цитат, предоставив на его утверждение.

В период «культурной революции» Мао Цзэдун лично просматривал спецвыпуски дацзыбао канцелярии и воинской

части № 8341, критикующие Лю Шаоци. «Председатель Мао Цзэдун наказывал нам: развертывать движение в соответствии с характером и особенностями работы канцелярии ЦК, не устанавливать внешних контактов с обществом и обеспечивать нормальный ход работы органов, обслуживающих ЦК партии».

Выясняется, что представители оппозиции Мао Цзэдуну неоднократно пытались ослабить влияние канцелярии ЦК КПК. Цзян Цин «обрушивалась со злобной клеветой на воинскую часть № 8341, заявив, что на нее, дескать, полагаться нельзя». Но она получила достойный отпор от Мао Цзэдуна. «Председатель Мао Цзэдун сурово осудил эту наглую ложь и со всей суровостью отметил: если бы на воинскую часть № 8341 действительно нельзя было положиться, то Линь Бяо было бы очень легко меня погубить. Ему незачем было бы затрачивать так много сил, пускать в ход „флоты“ и „флотилии“, бомбардировщики да огнеметы».

Канцелярия держала в своих руках всю партийную переписку, и только через нее могли направляться документы в партийные организации КПК. В статье сообщается о том, как канцелярия боролась против попыток «четверки» распространять по стране свои партийные документы. «Мы докладывали об этом Председателю Мао Цзэдуну, исходя из его указания: „все документы, телеграммы, идущие от имени ЦК, можно посылать только после моего, просмотра, иначе они будут недействительными“».

Мао Цзэдун никого не допускал к руководству канцелярией и специальной воинской частью, в том числе Цзян Цин. Если верить авторам статьи, Мао Цзэдун нередко негативно высказывался о ней, беседуя с работниками канцелярии. «Председатель Мао Цзэдун говорил, что Цзян Цин — бумажный тигр, ткните ее пальцем, и она лопнет. Она обижает слабых, а сильных боится. Она боится также вас. Вы должны бороться с ней. Бояться нечего, ведь я здесь».

В статье утверждается как особая заслуга канцелярии и воинской части № 8341 то, что они сыграли решающую роль в аресте «четверки» в ключевой момент, когда «четверка» замышляла совершить контрреволюционный переворот. А когда Хуа Гофэн и возглавляемый им ЦК партии, следуя заветам Председателя Мао Цзэдуна, приняли решительные меры, воинская часть № 8341 под руководством ЦК партии, под руководством и под личным командованием Хуа Гофэна и Е Цзяньина твердо выполнила приказ ЦК партии и, немедленно приступив к действию, нанесла «четверке» сокрушительный удар.

Судя по всему, и сейчас сохраняются названные канцелярия и

специальная воинская часть. Об этом говорит концовка статьи, в которой заявляется: «Мы обязуемся под руководством ЦК партии и председателя Хуа Гофэна высоко нести светлое знамя марксизма-ленинизма и маоцзэдунизма. Пусть процветает революция, начатая Мао Цзэдуном».

Какова численность воинской части № 8341? Она определяется по-разному — от 15 тыс. до 45 тыс. человек. В эту часть как будто бы входят два отряда охраны, отдельный бронетанковый полк и несколько специальных подразделений ПВО, связи, инженерных войск. Известно, что во время «культурной революции» эта воинская часть заняла более шести крупных промышленных предприятий и два главных учебных заведения — Пекинский университет и Политехнический институт Цинхуа.

Сенсационное сообщение о личной канцелярии Мао Цзэдуна и специальной воинской части, находившейся в его непосредственном подчинении, напоминающее детективную историю, приоткрывает личность и позиции их руководителя Ван Дунсина. Газета «Нью-Йорк тайме» поместила 2 сентября 1977 г. статью под примечательным заголовком: «Влиятельная закулисная фигура в Китае начинает играть главную роль в китайской иерархии», посвященную этому деятелю. В ней говорится: «Если преемником Мао на посту председателя ЦК КПК является Хуа Гофэн, фактическим правителем Китая — Дэн Сяопин, то Ван Дунсин, как может показаться, является влиятельным закулисным деятелем, который одновременно возглавляет аппарат внутренней безопасности ЦК и выступает в качестве арбитра в споре о наследовании Мао».

Ван Дунсин является одним из самых преданных лично Мао Цзэдуну людей. Вряд ли, впрочем, он проявлял интерес к изучению теории и большой политике. Поэтому о его идейных и политических позициях можно будет судить только в будущем.

Заместитель председателя ЦК КПК и заместитель премьера Ли Сяньнянь на протяжении многих лет занимается экономикой, финансами, а также внешней политикой.

Ли Сяньнянь является одним из старых членов высшего руководства КПК; он родился в 1907 году в провинции Хубэй, северо-западнее Уханя, в бедной крестьянской семье. Около 1930 года организует партизанское сопротивление в провинциях Хубэй, Хэнань и Аньхой. В 1934–1935 годах участвует со своими партизанскими отрядами в «великом походе».

С 1937 года Ли Сяньнянь учился в военно-политической академии в Яньани. После падения Уханя он в октябре 1938 года был послан на свою родину организовывать партизанское

сопротивление против японских оккупантов. В 1939 году руководил уже всей партизанской армией в районе Пекина — Ханькоу. Весной 1949 года его армия и армия Линь Бяо вместе преодолели реку Янцзы и затем завоевали весь Южный Китай.

С 1954 года Ли Сяньнянь является членом Военного совета в Пекине. В том же году его назначили на пост министра финансов. В 1956 году он был избран в Политбюро партии. Вместе с Мао Цзэдуном был в Москве в 1957 году. С 1962 года — заместитель председателя ЦК КПК.

Ли Сяньнянь выступал с многочисленными заявлениями, которые касались вопросов внутренней и внешней политики КПК. 14 августа 1977 г. было опубликовано интервью, которое он дал органу промаоистской, так называемой коммунистической партии Швеции, газете «Гнистан», а в конце месяца газета «Нью-Йорк тайме» опубликовала пространное интервью сразу же после ознакомительного визита в Пекин государственного секретаря США С. Вэнса. В этих заявлениях он достаточно полно изложил не только официальную позицию руководства КПК, но и свои собственные взгляды.

Много места посвятил Ли Сяньнянь вопросу о «группе четырех». Он утверждал, что их разгром был обеспечен в значительной степени самим Председателем Мао Цзэдуном. На X съезде ЦК КПК Мао подвергал их критике, а в 1974 году сказал, «чтобы они не образовывали „фракцию четырех“». В мае 1975 года Мао будто бы отметил, что «если проблема, связанная с „группой четырех“, не будет решена в первую половину 1975 года, то она должна быть разрешена во втором полугодии. Если она не будет разрешена во втором полугодии, то она должна быть разрешена в будущем году, через год». Мао, таким образом, был решительно настроен довести дело до конца, но он был слишком болен, чтобы заниматься этим самому.

Приведенная хронология должна, по-видимому, показать степень проницательности Мао Цзэдуна, потому что разоблачение этой группы произошло как раз в «предусмотренные» Мао Цзэдуном сроки — год спустя. Ли Сяньнянь сказал, что Мао назначил преемником «своего ученика Хуа Гофэна», у которого есть богатый опыт руководителя в низшем и среднем звеньях и в центре, а также опыт теоретической и практической деятельности.

Говоря о деятельности «группы четырех», Ли Сяньнянь утверждал, что, по мнению Мао, 95% кадровых работников были хорошие, а представители «группы четырех» разработали теорию, будто все старые кадры, которые участвовали в демократической революции в Китае, стали пособниками капиталистов.

Ли Сяньнянь пролил свет на судьбу «четверки». В одном из своих заявлений он сказал, что Цзян Цин, как и другие члены «четверки», живы. «Они хорошо питаются, и, пока продолжается расследование, их держат поодиночке». Далее он добавил: «Они ведут себя как люди в присутствии других людей и как бесы — за их спинами».

Ли обратил особое внимание на необходимость нейтрализовать идеологическое влияние разгромленной группировки. Для этого, по его мнению, необходимо продолжать развивать в экономике генеральную задачу, которую поставили перед ними Мао и Чжоу: за нынешнее столетие провести «четыре модернизации».

В ответ на вопрос о том, будут ли члены «банды четырех» преданы суду, Ли Сяньнянь сказал: «Мы не будем их убивать, мы позволим им жить и будем кормить их». Председатель Мао, мол, всегда считал, что коммунисты «не должны убивать слишком много людей». «Необходимо лишать людей, делающих зло, всех политических прав, удалять из рядов и смещать со всех постов внутри Коммунистической партии и за ее пределами. В то же время не позволять им пользоваться свободой», — заметил Ли Сяньнянь.

Оба выступления Ли Сяньняня изобиловали нападками на Советский Союз и его политику. «Если сравнивать Советский Союз и Соединенные Штаты, то кажется, что США занимают оборонительную позицию, пытаясь сохранить приобретенное, тогда как Москва во всех отношениях ведет экспансионистскую политику». Особенно Ли Сяньнянь запугивал руководителей НАТО «советской угрозой». «Если уж говорить о том, кем хочет закусить северный медведь, то это не обязательно будет Китай. Быть может, это будет Европа!»

Ли Сяньнянь заявил, что Китай не заинтересован в Белградской встрече, и назвал ее «взаимным обманом». «Мы называем эту встречу не конференцией по безопасности, — сказал Ли Сяньнянь, — а конференцией „небезопасности для Европы“».

Нападки на политику Советского Союза по поводу границ между КНР и СССР, на внешнюю политику СССР, враждебное истолкование конфликта между Китаем и СССР делают выступление Ли Сяньняня одним из наиболее антисоветских по сравнению с выступлениями других четырех членов Постоянного комитета ЦК КПК. Неся с 1959 года ответственность за политику руководства КПК прежде всего в сфере внешней политики, Ли Сяньнянь, судя по всему, не склонен пересматривать свою устоявшуюся позицию.

Из числа других руководителей привлекает внимание член

Политбюро, командующий Гуанчжоуским военным округом Сюй Шию. Это один из известных китайских генералов, участников гражданской войны, который особенно близок к Дэн Сяопину и Е Цзяньину. Сюй Шию известен как человек, который выступает за модернизацию армии и оснащение ее современной боевой техникой, а в области внутренней политики — как сторонник Дэна.

Как обстоит дело с руководителями «второго эшелона»?

После XI съезда КПК в газетах был опубликован полный перечень руководителей 28 провинций и городов центрального подчинения и районов. В этих перечнях дан подробный отчет о собраниях, проведенных на местах 9 сентября 1977 г. в связи с первой годовщиной со дня смерти Мао Цзэдуна.

В течение периода, предшествовавшего XI съезду, и после его окончания по всему Китаю продолжаются чистки и расследования. Политическая обстановка во многих районах долгое время оставалась весьма напряженной. Хотя Хуа Гофэн обещал закончить выявление сторонников «четверки» и расследование до конца 1977 года, пока еще кампания находится в самом разгаре.

Смещение партийных и военных руководителей происходит по ритуалу, хорошо проработанному в период «культурной революции». Многие осуждаются на массовых митингах, с некоторыми кончают в тюрьмах.

Вот, например, 7 марта 1977 г. был устроен массовый митинг с участием 50 тыс. человек в провинции Юньнань. На нем выступил заместитель секретаря партии всей провинции Чжан Чжэнсюнь. Он говорил о том, что ЦК партии принял решение провести в каждом правительственном учреждении, на каждом предприятии, во всех деревнях, в войсках, в магазинах расследование по поводу «банды четырех». Он говорил, что «все контрреволюционеры, участвовавшие в избиениях, погромах и грабежах, все, кто выступал против Председателя Мао, председателя Хуа, будут подавлены». Он призывал «решительно бить по плохим элементам», виновным в подрывной деятельности и нарушении общественного порядка. Активная борьба против поверженной группировки «четырех» развернулась во многих провинциях Китая и особенно в городе Шанхае, где находилась ее центральная опорная база.

Разгромив оппозицию, китайские руководители приступили к постепенной замене руководства на провинциальном уровне. В течение первого года после смерти Мао Цзэдуна новые первые секретари были назначены в 12 из 26 китайских провинций и в двух автономных районах. Были заменены первый, второй и

третий секретари парткомов города Шанхая, где «леваки» имели особенно сильные позиции. Никто из новых руководителей не был избран, как это полагается по уставу КПК.

Хотя ЦК КПК был создан недавно (в августе 1977 г.), уже пять его членов успели исчезнуть. Едва ли не главным обвинением по адресу изгоняемых людей является их участие в кампании против Дэн Сяопина. В последнее время в Пекине нередко появляются дацзыбао, напоминающие об инциденте на площади Тяньаньмэнь 5 апреля 1976 г., ответственными за который объявляют У Дэ, первого секретаря парткома Пекина, ныне снятого со своего поста, и Чэнь Силяня, командующего Пекинским большим военным округом.

Одной из острых проблем внутренней борьбы в среде нового руководства КПК стала проблема отношения к прежним хунвэйбинам, особенно к тем, которые во время «культурной революции» совершали зверства. Эти молодые люди успели подрасти, и даже сейчас их фракционная борьба еще не вполне закончилась. Многие местные партийные руководители не осмеливаются трогать подпольные организации.

Поначалу сообщалось, что «герои» «культурной революции», которые унижали, бросали в тюрьмы, линчевали «старую гвардию», будут сурово наказаны. Так происходило в ряде провинций. 3 декабря 1977 г., например, на большом обличительном митинге в Ухани, в провинции Хубэй, были приговорены к смерти и тут же казнены бывшие хунвэйбины — сторонники «банды четырех». Как указывалось в сообщении, «все с возмущением заявляли, что эти „тухлые яйца“, действуя под крылышком „банды четырех“, более десяти лет выступали против народа, выступали против социализма. У них были свои программы, свои планы, свои организации. Они повергли Ухань в состояние хаоса и приложили руку ко многим сферам, саботируя революцию и производство и совершая разного рода злодеяния, вызывая тем самым глубокий гнев масс».

Но эта волна вендетты «старой гвардии» была вскоре остановлена руководством ЦК КПК. Видимо, появились опасения, что она способна захлестнуть всех выдвиженцев «культурной революции». Фан И, член Политбюро и вице-президент Академии наук, говорил: «По решению ЦК КПК упор при разоблачении и критике контрреволюционной ревизионистской линии „банды Четырех“ и в расследовании следует делать на годы после X съезда партии и особенно на период после критики Линь Бяо и Конфуция». Он добавил: «Злодеяния „банды четырех“, конечно, охватывают более длительный период, и нельзя провести четкого различия между периодами. Но следует пояснить, на что нужно

делать упор»[6].

Иными словами, под удар ставятся прежние противники Дэн Сяопина, но не те, кто выступал против Лю Шаоци и других «каппутистов» в период «культурной революции». Главное, что особенно подчеркивает печать, — это необходимость реабилитировать представителей «старой гвардии» и интеллигенции, которые подвергались гонениям и несправедливостям.

В январе 1978 года обозреватель «Жэньминь жибао» цитировал фразу из доклада Хуа Гофэна на XI съезде партии: в работе по проверке кадров некоторые проблемы остались нерешенными; их следует решать рассудительно, быстро и надлежащим образом. Обозреватель ссылался на сообщение, опубликованное в том же номере «Жэньминь жибао», где похвалы удостоился партийный комитет района Байсэ в провинции Гуанси за то, что он форсировал это дело. С 1975 года он рассмотрел, в соответствии с инструкцией партийного комитета Гуанси, дела 2361 кадрового работника, дела времен «культурной революции», — по которым были вынесены неправильные приговоры или которые все еще ожидали решения. «Некоторые люди были обеспокоены тем, как бы этот пересмотр старых дел не бросил тень на достижения великой культурной революции. Нельзя отрицать, что великая культурная революция принесла небывалые результаты. Но следует указать, что великой культурной революцией манипулировали Линь Бяо и „банда четырех“. Они вмешивались в стратегические планы Председателя Мао и ЦК партии и саботировали их, жестоко выступали против линии и политики Мао в отношении кадровых работников, причиняя вред многим кадровым работникам и угнетая их, в особенности кадровых работников, которые были руководителями на всех уровнях»[7].

Итак, реабилитация и восстановление на постах «старой гвардии» и выборочное наказание лишь тех, кто был активным участником «банды четырех» на последнем этапе ее деятельности, — такова нынешняя линия в кадровых вопросах.

По-видимому, борьба вокруг кадровой политики будет продолжаться. Об этом свидетельствует и новая платформа критики неугодных руководителей. Речь идет о некоей группировке лиц, которых называют «флюгерами». Было время, говорилось в газете «Цзефанцзюнь бао» в январе 1978 года, когда они втайне критиковали шанхайскую мафию, затем, когда «банда четырех», казалось, была близка к захвату власти, они повернулись на 180 градусов и кричали: «Долой людей, идущих по капиталистическому пути, долой старичков!» Эти люди держат

две разные кисти в двух карманах. Одной кистью они пишут похвалы воякам, идущим против течения, другой пишут, что они, бедняги, были обмануты. У них пронырливый ум и острый нюх, который чует перемену в политической атмосфере; у них толстая шкура и эластичные кости. Среди них есть люди, говорящие, что жизнь — это игра. Вначале они поддержали Линь Бяо, затем они встали на сторону «банды четырех».

Вторая статья «Цзефанцзюнь бао» была посвящена группировке «скользких людей». Эти люди, по словам газеты, следовали за Линь Бяо и «бандой четырех». Они сделали много зла, но делали вид, что они поступают правильно. Скользкий человек не признает своей вины и не изменяется. Его подошвы смазаны маслом. Он смотрит вам прямо в лицо — он величайший враг «банды четырех»! Или же он может изображать смирение: вы видите, я страдал при «банде четырех». Как может кто-то говорить, что я был неправ? Даже если ему показывают письменный документ, свидетельствующий против него, он говорит: «Мог ли я написать это?» Вы говорите, что вы располагаете фактами. Он говорит, что он полагается на свою память. Он скажет, что ошибки были допущены его подчиненными или что все допускают их. Такой человек старается втянуть в неприятности других. Главное для него — проскользнуть через трудности. Нельзя допускать, чтобы такие скользкие люди оставались на руководящих постах.

Еще один ярлык, навешенный газетой «Цзефанцзюнь бао» в одном из ее январских (1978 г.) номеров отрицательным персонажам, — это «группировка потрясателей», тех, кто хочет вызвать политическое потрясение, честолюбивых ренегатов, преступников и хулиганов. Далее идет описание «молодых героев» — руководителей группы бунтарей во время «культурной революции», которые ничего не боялись и считали, что судьба страны находится в их руках. «Они хотели ликвидировать партийные комитеты и осуществить революцию; они хотели „разбить вдребезги“ и выкинуть руководителей и буржуазию из армии. Они заявляли, что они были только левыми. Они били себя в грудь и скандировали „самый, самый, самый революционный“ (пародия на фразу Линь Бяо), но они были фальшивыми левыми, на деле они были правыми. Если вы не слушали их, вы оказывались человеком, который хочет восстановить капитализм и „совершить монархический переворот“, или человеком, отрицавшим значение „культурной революции“.

Как следует поступать с этими скандальными юнцами? Большинство из них не следует наказывать, скорее их нужно

отрезвить, и исцелить. Но нельзя позволить им ускользнуть под предлогом, что это только „противоречия внутри народа“. Им нужно обломать рога и шипы, чтобы они не вызвали еще одно потрясение и чтобы другим было неповадно следовать их примеру».

В подспудную полемику по вопросу о новой кадровой политике в КПК включился и журнал «Хунци». В апрельском номере за 1978 год была опубликована статья обозревателя журнала «Правильно осуществлять курс Председателя Мао, выражающийся в заботе и уважительном отношении к кадрам». То, что в ней говорится о принципах работы с кадрами, очень мало напоминает идеи Мао, а тем более практику последних десятилетий его деятельности. Статья призывает предоставлять кадрам свободу действий в работе, оказывать им помощь, руководствуясь марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна; кадровые работники должны смело мыслить и дерзать, а не бояться всего и оглядываться на мелочи, уходить от ответственности. Статья призывает в работе по воспитанию кадровых работников обращать большое внимание на овладение наукой и культурой. Надо поставить дело так, чтобы кадры не только понимали марксизм, но и разбирались также в какой-нибудь области естественных наук, были знатоками и специалистами в некоторых областях. Журнал обращается ко всем партийным организациям с призывом проявлять заботу и чуткое отношение к кадровым работникам и в политическом, и в идеологическом плане, а также, насколько это возможно, и в решении конкретных житейских трудностей, с которыми они сталкиваются.

Надолго ли хватит этой «житейской мудрости» в новом руководстве или этот непозволительный в прежние времена «либерализм» — лишь до первого нового тура внутрипартийной борьбы — покажет время.

Укрепление нового руководства внутри партии распространилось затем и на государственные органы. В феврале — марте 1978 года в Пекине проходила сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва. Сессии предшествовал 2-й пленум ЦК КПК, который состоялся 18–23 февраля 1978 г. На пленуме был утвержден доклад о работе правительства, проект 10-летнего плана развития национальной экономики, проект новой конституции и доклад по поводу нее, список должностных лиц, намеченных к избранию на сессии ВСНП, а также на сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК).

Первая сессия Всекитайского собрания народных

представителей пятого созыва была проведена лишь через три года после первой и единственной сессии ВСНП четвертого созыва, состоявшейся в январе 1975 года. Первая сессия ВСНП третьего созыва состоялась в декабре 1964 — январе 1965 года. Затем началась «культурная революция», и сессий больше не было.

На этой сессии, которая продолжалась с 26 февраля по 5 марта 1978 г., председательствовала Сун Цинлин, вдова Сунь Ятсена, основателя Китайской Республики. На трибуне во время подготовительного заседания сидели председатель и четыре заместителя председателя ЦК КПК и все члены Политбюро, кроме двух маршалов — Лю Бочэна и Сюй Сянцяня, а также 11 других лиц.

Сессия ВСНП открылась в большом зале Дома народных собраний, высоко — на просцениуме — портреты Мао Цзэдуна и Хуа Гофэна. Хуа Гофэн зачитал свой доклад о работе правительства, который продолжался три с половиной часа.

Доклад был озаглавлен «Сплотимся на борьбу за построение могучей современной социалистической державы» и состоял из шести разделов: 1. Борьба за последние три года и генеральная задача на новый период; 2. Довести до конца борьбу за разоблачение и критику «четверки»; 3. Ускорить социалистическое экономическое строительство; 4. Обеспечить расцвет социалистической науки, просвещения и культуры; 5. Усилить строительство органов государственной власти и укрепить великую сплоченность всех народов страны; 6. Международная обстановка и внешняя политика Китая.

Хуа уделил большое внимание критике «банды четырех». По его словам, она ставила своей целью узурпацию партийной и государственной власти. «При этом она направляла острие своих нападок на ЦК партии во главе с Председателем Мао Цзэдуном, бешено выступала против премьера Чжоу Эньлая и заместителя Председателя Е Цзяньина и тщетно стремилась свалить большую группу руководящих кадров в центре и на местах. Из-за помех и вредительства „четверки“ немало партийных, правительственных и армейских учреждений оказались не в состоянии нормально вести свою работу, в некоторых же районах руководство было захвачено ее сообщниками, что привело к разгулу сил капитализма, причинило огромный ущерб социалистической экономике и серьезно подорвало дело науки, просвещения и культуры».

Хуа Гофэн привел примечательные слова Мао Цзэдуна: «Уже восемь лет ведется великая пролетарская культурная революция, и сейчас хорошо бы установить стабильность. Вся партия и вся

армия должны сплотиться». «Председатель Мао Цзэдун своевременно разоблачил темные планы „четверки“ и со всей остротой указал, что у Цзян Цин карьеристские устремления».

После смерти Чжоу Эньлая, если верить докладчику, Мао Цзэдун принял чрезвычайные меры. «В конце января 1976 года по его личному предложению и после обсуждения и утверждения на Политбюро ЦК было произведено персональное назначение исполняющего обязанности премьера Государственного совета и ответственного за руководство текущей работой ЦК. А в начале апреля снова по его личному предложению и после обсуждения и утверждения на Политбюро ЦК было произведено персональное назначение на пост первого заместителя председателя ЦК партии и на пост премьера Госсовета». Тем самым назначение Хуа Гофэна освящается — теперь уже с официальной трибуны — волей самого Мао Цзэдуна.

Далее Хуа Гофэн рассказывает о кознях «четверки» после смерти Мао, «наиболее преступными из которых была Фабрикация „посмертного завещания“ Председателя Мао Цзэдуна, якобы гласящего, что нужно „действовать по установленному курсу“, и выдвинутое вслед за этим клеветническое обвинение в адрес ЦК партии в „измене установленному курсу Председателя Мао Цзэдуна“, что явилось открытым подстрекательством к свержению ЦК партии… „Четверка“ собралась вот-вот начать контрреволюционный переворот. В этот исключительно критический момент ЦК партии, выполняя заветы Председателя Мао Цзэдуна и выражая общие чаяния и коренные интересы всех народов нашей страны, 6 октября 1976 г. одним ударом сокрушил „четверку“ наголову».

В докладе Хуа Гофэна намечается общая линия политики нового руководства КПК: «Генеральная задача нашего народа на новый период развития социалистической революции и социалистического строительства состоит в том, чтобы, решительно претворяя в жизнь линию XI съезда партии и твердо продолжая революцию при диктатуре пролетариата, развернуть вглубь три великих революционных движения — классовую борьбу, производственную борьбу и научный эксперимент — и к концу нынешнего века превратить нашу страну в великую могучую социалистическую державу с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной, современной наукой и техникой». (Мы еще вернемся к установкам доклада в области экономики и внешней политики.)

С докладом о новой конституции КНР выступил Е Цзяньин. В нем были обоснованы определенные изменения в сравнении с прежними конституциями страны. Националистическая

конституция была разработана в 1946 году. Первая конституция КНР была принята в 1954 году и содержала 106 статей, вторая была принята в 1975 году. Она состояла лишь из 30 статей. Нынешняя конституция по объему представляет собой среднюю между двумя предыдущими: в ней 60 статей.

Как и в конституции 1975 года, в новой конституции провозглашается тезис о «продолжении революции при диктатуре пролетариата» (введение) и указывается, что Коммунистическая партия Китая является руководящим ядром всего китайского народа (ст. 2). В новой конституции сохранилась статья о том, что «вооруженные силы Китайской Народной Республики возглавляет председатель Центрального Комитета Коммунистической партии Китая».

Новая конституция КНР в «конституционном» порядке закрепляет не только культ личности Мао Цзэдуна, но и его политические и социальные установки. В ней восхваляется «культурная революция», которая названа «первой», что предполагает возможность проведения новых подобных кампаний, и содержатся лозунги, призывающие к усилению китайских вооруженных сил.

Е Цзяньин заявил, что конституция направлена на поддержание в китайском обществе «железной дисциплины», якобы необходимой для осуществления «четырех модернизаций». Он предостерег против увлечения «большой демократией» и порекомендовал проводить «демократию» в масштабах всего китайского общества так, как это делается в китайской армии, где якобы царят «политическая, военная и хозяйственная демократии».

По словам Е Цзяньина, особенностью новой конституции является то, что она предусматривает «усиление народной государственной машины и диктатуры в отношении врагов».

Внимание иностранных обозревателей привлекло одно немаловажное обстоятельство. Так, в-, статье, определяющей функции ВСНП, снято положение о том, что оно действует под руководством КПК. Учитывая, что о роли КПК как «руководящего ядра» всего китайского общества говорится в другой статье, это изменение, видимо, следует понимать лишь как определенную подготовку к расширению межпарламентских контактов КНР с западными странами. Структура государства осталась неизменной: не восстановлен пост председателя республики, который существовал в 1954 году; имеется ВСНП с Постоянным комитетом, председатель которого исполняет функции главы государства, и Государственный совет (кабинет министров).

В то же время новая конституция КНР содержит и некоторые

отличия от конституции 1975 года. Восстановлена прокуратура, ликвидированная в 1975 году. Возрождена система народных судов, существовавшая в 1954 году, ныне называемая «системой судов представителей народных масс». Однако не восстановлено важное положение конституции 1954 года о том, что «народные суды независимы, подчиняются только закону».

Из 16 статей в главе об основных правах и обязанностях граждан 14 повторяют конституцию 1954 года. Дополнительно включено положение о том, что граждане «имеют право на широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао». Новая статья гласит: «Граждане обязаны поддерживать руководство Коммунистической партии Китая».

По сравнению с конституцией 1975 года расширены статьи о свободах и правах населения. Однако их анализ свидетельствует о сохранении той же социальной демагогии, которая была характерна для конституции 1975 года. Так, в приведенном в ст. 45 перечне конституционных свобод сохранено положение о «свободе забастовок», однако в ст. 2 оговаривается, что «государство запрещает любому лицу какими бы то ни было средствами нарушать экономический порядок общества, срывать государственные хозяйственные планы». Столь же демагогический характер имеет «нововведение» — право «выступать через дацзыбао». Зато «упущено» право — на свободу передвижения. В Китае невозможно приобрести билет на самолет или поезд без предъявления документа, удостоверяющего цели поездки, то есть, по сути дела, без разрешения местных органов власти или администрации предприятия на такую поездку. Говоря о праве на труд, конституция не отменяет практику принудительной посылки городской молодежи на «закалку» в деревню. Никаких законодательных гарантий всех указанных прав конституция не содержит.

Более существенное значение, видимо, имеют статьи о роли государства в управлении экономикой, свидетельствующие о тенденции к активному использованию государственного и правового механизма в осуществлении «четырех модернизаций». Ревкомы сохранились лишь как исполнительные органы местных собраний народных представителей, в хозяйственных органах восстановлена система персональной ответственности руководителей.

Установлен новый принцип о единстве полевых войск, местных войск и народного ополчения, что имеет целью усилить контроль армии за всеми видами войск. Новым также является заявление о коммунах, о том, что, хотя трехступенчатая система

собственности коммун, больших бригад и бригад сохраняется и бригада является основой организации, «роль основной хозрасчетной единицы может передаваться большой производственной бригаде, если для этого созрели соответствующие условия».

5 марта 1978 г. было проведено последнее заседание сессии ВСНП. Доклады Хуа Гофэна и Е Цзяньина и измененная конституция были приняты единогласно. Затем были избраны председатель, заместители председателя и члены Постоянного комитета ВСНП. Премьер был избран «в соответствии с предложением ЦК партии». Другие члены Государственного совета были избраны «в соответствии с предложением премьера». Были также избраны председатели Верховного суда и Верховной прокуратуры, Академии наук Китая и Академии общественных наук Китая, которая прежде была частью Академии наук.

Были одобрены новые слова государственного гимна. Первые три строки старого гимна гласили:

> Поднимайтесь все, не согласные быть рабами!
> Нашей плотью и кровью
> Давайте строить нашу новую Великую стену…
> Нынешний вариант таков:
> Шагайте, смелые люди нашей страны!
> Наша Коммунистическая партия
> Ведет нас в наш новый Великий поход…

В старом тексте Мао не упоминается; в новом «вздымается знамя Мао Цзэдуна».

ВСНП избрало Постоянный комитет в составе 175 членов с начальником секретариата Цзи Пэнфэем, который в 1972–1975 годах был министром иностранных дел. Е Цзяньин был избран председателем Постоянного комитета ВСНП, а 20 других лиц были избраны заместителями председателя. Первая из этих заместителей — Сун Цинлин. За ней идут два маршала — Не Жунчжэнь и Лю Бочэн. Далее следуют У Дэ, Вэй Гоцин, Чэнь Юнь, Го Можо, Тань Чжэньлинь, Ли Цзинцюань, Чжан Динчэн, Цай Чан (вдова Ли Фучуня), Дэн Инчао (вдова Чжоу Эньлая), Сайфуддин, Ляо Чэнчжи, Цзи Пэнфэй, Чжоу Цзяньжэнь. Все названные, кроме Сун Цинлин, являются членами ЦК КПК. Не Жунчжэнь, Лю Бочэн и У Дэ являются членами Политбюро. Помимо Сун Цинлин среди заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП имеется только три человека, которые не являются членами ЦК КПК: Нгапод Нгагвандзигмед, тибетец, Сюй Дэхэн, руководитель одной из мелких политических партий — общества Цзюсань, который

часто появляется во время церемоний в Пекине, и Ху Цзюевэнь, столь же незаметная беспартийная фигура.

На сессии ВСНП первого созыва премьер Чжоу Эньлай имел 12 заместителей премьера. Не лишено смысла то, что сейчас их 13. Это может означать, что, хотя Хуа Гофэн, председатель партии, сохраняет титул премьера, практически власть находится в руках Дэн Сяопина.

Заместителями премьера сейчас являются кроме Дэн Сяопина Ли Сяньнянь, Сюй Сянцянь, Цзи Дэнкуй, Юй Цюли, Чэнь Силянь, Гэн Бяо, Чэнь Юнгуй, Фан И — все члены Политбюро, Ван Чжэнь, Гу Му и Кан Шиэнь — члены ЦК и Чэнь Мухуа — женщина-министр внешних экономических связей.

В период «культурной революции» наряду с Дэн Сяопином пострадали Ван Чжэнь, Гу Му, Кан Шиэнь. Другие, например Ли Сяньнянь, Юй Цюли, Фан И, Сюй Сянцянь, Гэн Бяо, Чэнь Мухуа, тоже подвергались гонениям, вытаскивались на «обличительные митинги» или, как это говорилось в свое время, «отправлялись на запасные пути», то есть лишались власти[7].

В руководящем составе Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) 21 человек, включая председателя и его заместителей. По сравнению с сессией ВСНП четвертого созыва его состав уменьшен, на два человека. Впервые вошли в состав ПК ВСНП Е Цзяньин (председатель), Ляо Чэнчжи и Цзи Пэнфэй (соответственно, заместитель председателя и начальник секретариата), а остальные 18 человек— из прежнего состава ПК. В период 1975–1976 годов умерли председатель ПК ВСНП Чжу Дэ, его заместители Дун Биу и Кан Шэн. Два заместителя председателя ПК — Ли Сувэнь и Яо Ляньвэй были в мае 1978 года сняты с этих постов в связи с причастностью к делу «банды четырех». Бывший заместитель председателя ПК ВСНП Сюй Сянцянь освобожден от этой должности в связи с его назначением заместителем премьера Государственного совета КНР и министром обороны КНР.

В составе Постоянного комитета ВСНП 175 членов, то есть на 31 человек больше по сравнению с прежним составом четвертого созыва. Из 1,44 человек, которые входили в прежний состав Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва, в новый состав вошли только 73 человека. От члена ПК ВСНП до заместителя председателя и начальника секретариата ПК возвысились трое — Дэн Инчао, Ляо Чэнчжи и Цзи Пэнфэй. Не были включены в состав ПК ВСНП 68 человек, умерли — 5 человек. Подверглись гонениям за причастность к делу «банды четырех», а также «были изолированы и находились под следствием» по этому же делу 36

человек.

В системе Государственного совета КНР на предыдущей сессии ВСНП четвертого созыва было учреждено 29 министерств и государственных комитетов. После октября 1977 года были дополнительно созданы Государственный комитет по делам науки и техники, министерство текстильной промышленности. В настоящее время в состав Государственного совета КНР входят в общей сложности 29 министерств, 6 государственных комитетов, Народный банк, Всекитайская федерация снабженческо-сбытовых кооперативов. Государственный совет также контролирует и руководит работой Академии наук КНР и Академии общественных наук КНР.

Из вышеназванных министерств и ведомств к экономике (включая финансы, промышленность, коммуникации, сельское хозяйство) относятся 20 структурных единиц; к обороне и оборонной промышленности — 7; именно они определяют особый характер структуры теперешнего Государственного совета, а другими словами — тенденцию к «плановой экономике», «централизованной власти».

Из состава Государственного совета, назначенного на прошлой сессии ВСНП, свои посты руководителей ведомств сохранили лишь 8 человек. Из состава руководителей министерств и ведомств Государственного совета 22 человека подвергались гонениям во время «культурной революции».

В подчиненных Государственному совету учреждениях Академию наук КНР возглавлял бессменно, с самого начала ее образования, Го Можо. Всеми делами Академии наук КНР ведает вице-президент академии Фан И. Ректор Академии общественных наук КНР Ху Цяому в прошлом был кандидатом в члены секретариата ЦК КПК. Он подвергся гонениям в самом начале «культурной революции», но после 1973 года вновь появился на политической арене. Вторично он пострадал в 1976 году вместе с Дэн Сяопином и вновь был реабилитирован опять-таки с Дэн Сяопином.

За два дня до сессии ВСНП открылась сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), который со времени «культурной революции» существовал только номинально. На открытии присутствовали председатель ЦК КПК Хуа Гофэн и четыре его заместителя. В сессии НПКСК приняли участие 1988 человек, неизвестно кем приглашенных или избранных.

Группой, названной первой, была Коммунистическая партия. Далее следовали мелкие демократические партии — небольшие группы, относящиеся еще к временам до 1949 года, которые

сотрудничали с коммунистами и существование которых сегодня является анахронизмом (Революционный комитет гоминьдана, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального-строительства Китая, Китайская ассоциация содействия развитию демократии, Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая, Чжигундан, общество Цзюсань и Тайваньская лига. В 1964 году последняя партия была названа Лигой демократического самоуправления Тайваня. Поскольку под «самоуправлением» можно подразумевать «два Китая», ее сейчас называют Тайваньской лигой). Далее шли четыре массовые организации — комсомол, Всекитайская федерация профсоюзов и крестьянские и женские союзы. Были названы также ассоциации промышленников и торговцев, отдельно — ученые-естественники и ученые в области общественных наук, работники образования, представители спортивных организаций, информационной службы и издательств, здравоохранения; общества дружбы с зарубежными странами; организации по оказанию помощи и социальному обеспечению; представители национальных меньшинств, зарубежных китайцев («хуацяо») и, наконец, представители религиозных кругов.

Среди участников сессии НПКСК было немало крупных деятелей, которые появились из забвения «культурной революции», — старые ученые, писатели и художники, а также ряд более молодых людей. В числе последних был математик У Инфу, который вернулся из США в 1973 году и сейчас преподает в Пекинском университете[8].

Если в целом оценить состав высшего руководства партии и государства, то можно отметить абсолютное превалирование «старой гвардии», которая пошла на определенный компромисс с некоторыми выдвиженцами периода «культурной революции».

Группа, возглавляемая Хуа Гофэном, также имеет немалую опору в КПК. Достаточно сказать, что большинство членов 36-миллионной Компартии Китая вступили в нее в период «большого скачка», «народных коммун» и в особенности во время «культурной революции» и после ее окончания. Эти люди не имеют ничего общего с опытом гражданской войны и народной революции. Они взросли на идеях маоизма и антисоветизма. Их — близость к «левакам» и их стремление потеснить и заменить «старую гвардию» у кормила власти не могут вызывать никаких сомнений. В настоящее время в составе высших органов политической системы Китая — ЦК КПК и Политбюро, а также Постоянного комитета ВСНП, кабинета министров — большинство принадлежит сторонникам Дэн Сяопина и Е Цзяньина. Среднее звено — «ганьбу» в основном представлено

деятелями нового поколения. В этом основной источник силы Хуа Гофэна, в противном случае группировке Дэн Сяопина было бы нетрудно одержать над ним верх.

Последующие события в Китае будут определяться компромиссом и борьбой между этими двумя группировками.

В области внутренней политики — экономической, социальной, культурной, государственного строительства — здесь сталкиваются две основные линии: Дэн Сяопина и других представителей «старой гвардии» и линия Хуа Гофэна и его сторонников, которые пытаются сочетать линию на модернизацию с наименее одиозными установками «культурной революции» и непосредственно предшествовавшего ей периода.

Часть четвертая

Мумизация маоизма

9 сентября 1977 г. был открыт Дом памяти Председателя Мао Цзэдуна. По сообщению агентства Синьхуа, на строительство Дома памяти ушло девять месяцев. 24 ноября 1976 г. Хуа Гофэн бросил первую лопату земли на месте будущего мемориального сооружения, и уже после закрытия XI съезда КПК — 30 августа 1977 г. — все его делегаты поклонились мумии Мао в Доме памяти.

Здание возвышается к югу от памятника героям на площади Тяньаньмэнь. Оно имеет более 33 м в высоту, а его застроенная площадь — свыше 20 тыс. *кв.* м. Над южным и северным входами здания помещены монолиты из белого мрамора с позолоченными иероглифами: «Дом памяти Председателя Мао Цзэдуна» — надпись, сделанная рукой Хуа Гофэна. Здание имеет 48 колонн, по 12 на каждой стороне, двухъярусную крышу, выложенную глазурованной черепицей, балюстраду, сложенную из плит белого мрамора, и двухъярусный постамент, облицованный темно-красным гранитом. Вокруг Дома памяти высажены сосны, пальмы, кедры и другие деревья, а также цветы. Тело Мао Цзэдуна, покрытое флагом, покоится в хрустальном гробу, установленном в зале для посетителей. «Лицо Председателя Мао Цзэдуна остается таким же твердым и спокойным, каким было при его жизни», — говорится в сообщении агентства Синьхуа. Там же отмечается, что здание строилось под руководством Центрального Комитета партии во главе с Хуа Гофэном, который «лично выслушивал» доклады о ходе строительства, начиная с проектирования и строительных работ и кончая монтажом оборудования и художественной отделкой. После десяти месяцев научных исследований медицинским работникам из Пекина, Шанхая, Хунани и других мест «удалось сохранить тело Председателя Мао Цзэдуна».

На торжественном митинге, посвященном памяти Мао Цзэдуна, присутствовали председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, его заместители Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Ван Дунсин и другие партийные и государственные руководители, а также 10 тыс. представителей населения столицы. На митинге выступил Хуа Гофэн. Он призвал всю партию, всю армию и все народы страны выполнять заветы Мао Цзэдуна, проводить линию XI съезда партии, сплачиваться на завоевание все более великих

побед. Он сказал: «Высоко держать великое знамя Председателя Мао Цзэдуна, твердо держаться основной линии партии в исторический период строительства социализма, ухватившись за решающее звено, установить всеобщий порядок в стране, продолжать революцию, бороться за строительство могучей, современной социалистической державы».

Хуа Гофэн высоко оценил 5-й том «Избранных произведений» Мао Цзэдуна и прежде всего «великую теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата». Из числа других идей Мао он назвал «идею скачка» в экономике, «революционизирование строительства Народно-освободительной армии и подготовки на случай войны», идею «народной демократии», «стратегическую идею Председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира» и некоторые другие. XI съезд КПК, по его словам, восстановил и развил выработанные Председателем Мао Цзэдуном славные традиции и стили, в результате чего партия стала «еще более сплоченной, еще более единой, ещё более крепкой». «Мы обязаны передавать великое знамя Председателя Мао Цзэдуна из поколения в поколение как ценнейшее наследие», — заявил Хуа Гофэн.

Хуа Гофэн еще раз подтвердил намерение новых руководителей КПК сохранить Мао Цзэдуна на знамени партии. Он отдает себе отчет в том, что борьба против его ближайших сподвижников, вошедших в «банду четырех», не может не бросать тень на покойного председателя КПК. С тем большим усердием нужно бороться за сохранение культа Мао, чтобы, опираясь на него, укрепить свою власть.

Давайте подумаем, чем объясняется приверженность нового руководства КПК культу Мао Цзэдуна. Была ли иная альтернатива на этом начальном этапе борьбы вокруг его идейного и политического наследства?

В пользу сохранения Мао Цзэдуна в качестве непререкаемого идеологического и политического авторитета говорила прежде всего традиция. Более сорока лет китайских коммунистов приучали поклоняться Мао Цзэдуну, считать каждое его слово провидением, каждое указание — законом, каждое действие — перстом самой судьбы. Руководители партии, средства пропаганды, точно так же как армия, государственный аппарат, общественные организации, общими силами воздвигали египетскую пирамиду, символизирующую величие и непререкаемый авторитет прежнего председателя КПК. Ни один руководитель, ни один рядовой коммунист не стоял и не мог стоять в стороне от этой гигантской работы, которой уделялось едва ли не большее внимание, чем решению задач

экономического и социального развития страны. Кто решится замахнуться на эту пирамиду с риском быть раздавленным под ее развалинами? Да и возможно ли развалить ее на протяжении короткого исторического периода, переломить массовое сознание, заставить усомниться в святости того, что считалось святыней № 1?

Слишком велик соблазн идти под прежним знаменем, опереться на уже сложившиеся авторитеты, оседлать традицию, двигаться в ее русле. Свергнуть Мао с пьедестала трудно и по другой причине. Мао Цзэдун возглавлял партию в период народной революции, стоял у истоков создания Китайской Народной Республики. С его именем связывались успешные начальные преобразования, такие как аграрная реформа, национализация промышленности, кооперирование сельского хозяйства. Покуситься на Мао Цзэдуна — не значило ли бы бросить тень на самое революцию, на основы китайской Компартии и государства? Такие опасения, вероятно, не могли не приходить в голову его преемникам.

Надо, кроме того, иметь в виду, что подавляющая часть нынешних руководителей в партии была выдвинута самим Мао Цзэдуном или с его согласия. Крушение его авторитета могло бы бросить тень и на законность их пребывания на политическом Олимпе страны.

Отказаться от идейного наследства Мао Цзэдуна значило бы, далее, передать его на вооружение оппозиции, прежде всего «банды четырех», а затем и любых потенциальных противников Хуа Гофэна, всего нынешнего руководства КПК. Да и сама борьба вокруг Мао могла стать причиной все новых расколов в КПК, где слишком долго насаждались его идеи, слишком активно и усердно вытравлялись подлинные представления о научном социализме.

Имеются, кроме того, и соображения международного престижа КПК, пускай ложно понимаемого, но существующего как реальный факт политического сознания китайских руководителей. Усилиями китайской пропаганды вокруг Мао был создан ореол «идеолога и вождя международного освободительного движения» среди групп и группок так называемых «марксистско-ленинских партий» во многих странах. В основе их идеологии — маоизм. Разрушить эту основу значило бы полностью распроститься с политическим влиянием среди этих многочисленных, хотя и маломощных группировок, которыми Пекин очень дорожит.

Новые руководители КПК оказались в чрезвычайно трудном положении в отношении оценки личности, деятельности,

идеологии и политики Мао Цзэдуна. Легче было оставаться под знаменем Мао и рискованно убрать его имя со знамени. Но тогда возникала другая и, быть может, не менее острая проблема. Это проблема — каким путем идти дальше, проблема наследования политики Мао Цзэдуна, линии, форм и методов его деятельности, политики, которая явно завела в тупик экономику, культуру, внутреннюю и внешнюю жизнь страны.

Если проблема наследования власти как будто бы подталкивала на путь сохранения и гальванизации культа Мао, то проблема разработки линии и политики требовала разрыва с его наследием, по крайней мере, с той линией, которая была навязана Мао Цзэдуном после VIII съезда КПК, — линией «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции».

Пытаясь совместить несовместимое, новые руководители КПК встали перед трудной дилеммой — как одновременно сохранить наследие Мао Цзэдуна и отказаться от устаревших или явно обанкротившихся и дискредитирующих его установок. На помощь тоже пришла традиция, сложившаяся в предыдущий период: любому лозунгу можно придать новое толкование, любому лицу можно подрисовать новые черты. Если Мао Цзэдуну удалось «китаизировать» марксизм, то почему его преемники не могут рискнуть модернизировать маоизм? Этот подход, конечно, заранее обрекает вырабатываемую линию на противоречивость, половинчатость, зигзагообразность. Но таковы объективные и субъективные трудности переходного периода, в котором, по-видимому, находится китайское руководство.

Китай стоит перед острой необходимостью ряда крупных реформ. Однако их осуществление связано с пересмотром прежней политики, а значит, и прежней идеологии, которая служила ее обоснованием. Невозможно двигаться дальше и осуществлять сколько-нибудь крупные преобразования в экономике, социальных отношениях, науке, культуре, если исходить из идеологии и политики «культурной революции». Невозможно планировать производство, стимулировать труд рабочих, если исходить из идеологии и политики «большого скачка». Невозможно модернизировать сельское хозяйство, опираясь на идеологию и политику «народных коммун». Иными словами, трудно, а вероятно, и невозможно долго «идти на двух ногах», шагающих в противоположных направлениях, — вырабатывать новую политику и сохранять верность идеологии Мао Цзэдуна.

Интересно проследить прежде всего, как отражается это противоречие нынешнего периода в сфере теории. Как раз здесь новые руководители вынуждены так или иначе формулировать

свой ответ на вопрос: какое наследие они принимают и от какого отказываются?

Какие же идеологические ветры дуют на политическом Олимпе Пекина?

Первое, что можно отметить, — это постоянная демонстрация верности знамени Мао Цзэдуна. На сессии ВСНП пятого созыва Хуа Гофэн говорил: «Великое знамя Председателя Мао Цзэдуна является для народов нашей страны знаменем сплочения, борьбы и продолжения революции, победоносным знаменем во всех боях и сражениях. Сплотимся же еще теснее вокруг ЦК партии, поднимем еще выше великое знамя Председателя Мао Цзэдуна, пойдем смело вперед широкой поступью».

Такие клятвы верности знамени Мао характерны и для других выступлений руководителей Китая. Но это не все.

Во введении к новой конституции КНР Мао Цзэдун назван «основателем КНР». Здесь же провозглашается готовность «всегда высоко держать и решительно защищать великое знамя Председателя Мао Цзэдуна». В ст. 2 конституции заявлено: «Руководящей идеологией КНР является марксизм-ленинизм-маоцзэдунизм».

Второе, менее заметное на первый взгляд, что происходит в идеологической жизни Китая, — это тщательная пересортировка идейного багажа. Точнее, можно было бы сказать не пересортировка, а пересортица, когда идеи, которые входили в первый разряд, постепенно переходят на второе и третье место, а те, о которых говорилось мимоходом, выдвигаются на передний план. Иными словами, по-новому расставляются акценты в пропаганде того же давно знакомого нам набора «идей Мао Цзэдуна».

Третье, что можно отметить, — это постепенная эволюция в подходе китайского руководства к идейному наследству Мао Цзэдуна: заявления, которые делались вчера, отличаются от тех, с которыми выступали сразу после смерти Мао, а то, что говорится сегодня, тоже в определенной степени в чем-то непохоже на вчерашний день.

И четвертое — это усиливающееся разнообразие в высказывании оценок различными представителями высшего руководства КПК и даже отдельных органов официальной китайской печати.

В этом отношении представляет особый интерес статья Хуа Гофэна «Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата» (к изучению 5-го тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна), опубликованная в первомайских номерах ведущих китайских газет в 1977 году.

В ней дается самая высокая оценка деятельности и личности Мао Цзэдуна как политика и идеолога. «Великий вождь и учитель, — говорится в статье, — является основателем нашей партии, нашей армии и нашей народной республики, самым великим марксистом-ленинцем нашей эпохи… Обобщив опыт революционного движения в Китае и мирового революционного движения современности, Председатель Мао Цзэдун внес выдающийся вклад во все области марксизма-ленинизма — философию, политэкономию и научный социализм и в огромнейшей степени обогатил теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма».

Эта оценка почти дословно воспроизводит ту, которую мы читали в свое время в выступлении Яо Вэньюаня в 1967 году на гребне «культурной революции».

Все успехи китайской революции приписываются Мао, а все неудачи и ошибки — его противникам, которых анонимно зачисляют в разряд «правых и левых оппортунистов всех мастей и оттенков». Но дело не ограничивается оценкой прошлого. Хуа Гофэн утверждает, что успехи Китая целиком зависят от верности идеологии Мао Цзэдуна.

Далее рассказывается любопытная история подготовки 5-го тома сочинений Мао Цзэдуна. Последний будто бы поручил подготовку этого тома Чжоу Эньлаю и Кан Шэну еще в 1969 году, но этот том не удалось выпустить из-за «помех и обструкций ревизионистов» — Линь Бяо и Чэнь Бода, а в последнее время — со стороны группировки «четырех». В чем же заключались их обструкции? Они заключались в том, если верить сообщениям, что «четверка» силилась захватить руководство работой по редактированию и изданию работ Мао Цзэдуна, ставя своей целью «срубить великое знамя» Председателя и тем самым осуществить преступную узурпацию партийного руководства, захват власти и реставрацию капитализма.

Если отбросить невероятное сообщение о попытках «четверки» «растоптать знамя Мао и реставрировать капитализм», то можно поверить, что вокруг дела издания «Избранных произведений» Мао Цзэдуна разгорелась борьба. Приобщение к этому делу считалось верным доказательством близости к Председателю Мао и укрепляло права на наследование после его кончины.

Но это частный момент. Куда интереснее проследить за тем, как расставлены в выступлении Хуа Гофэна акценты при изложении основных идей Мао.

Вопрос первый — о характере власти в Китае после победы народной революции. Мы помним, что Мао Цзэдун выдвинул

накануне революции идею так называемой «новой демократии» и утверждал, что на первом этапе — на этапе демократической революции — будет установлена диктатура союза сил — рабочих, крестьян, интеллигенции, мелкой буржуазии, что в этом союзе будет участвовать даже национальная буржуазия. Эта идея, однако, подвергается пересмотру в упомянутом выступлении Хуа. Он говорит: «Согласно идее Председателя Мао Цзэдуна, необходимо с того дня, как революция одержит победу, гегемонию пролетариата в демократической революции без всякого колебания развить в государственную власть, руководимую пролетариатом. Так и было сделано. Установленная таким образом демократическая диктатура народа, руководимая пролетариатом, по своей сути, была именно диктатурой пролетариата».

Здесь мы сталкиваемся с явным «выпрямлением» идеи «новой демократии», которое практически сводит на нет ее значение. Если власть в Китае с самого начала представляла собой диктатуру пролетариата, то какой смысл имеет существование самого этапа демократической революции и тем более идеи «новой демократии», которая так сенсационно изображалась Мао Цзэдуном специфической особенностью Китая в сравнении с опытом Советского Союза?

Носителем «нового демократизма» оказывается вовсе не Мао Цзэдун, а Лю Шаоци. Хуа утверждает, что главные проявления оппортунизма Лю Шаоци заключались в выдвижении концепции о так называемом «прочном установлении новодемократического общественного порядка, уклонении от социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли, добровольном отказе от руководящей роли государственного сектора в экономике, в отрицании необходимости и возможности развертывания движения взаимопомощи и кооперации сразу после аграрной реформы, в равнодушном отношении к поляризации деревни». Но это и была линия VIII съезда КПК, предусматривавшая постепенное планомерное строительство социализма в городе и деревне в соответствии с назревшими экономическими и социальными условиями. В противоположность этому, Мао Цзэдуну приписывается основная заслуга в том, что 500-миллионное крестьянство быстро встало на путь социализма, что «благодаря правильному руководству Председателя Мао эта перемена совершилась в очень короткий срок». Тем самым в вопросе о спорах относительно темпов кооперирования крестьянства предпочтение целиком отдается торопливой тактике Мао Цзэдуна.

Далее происходит особенно показательный акт

«выпрямления» идей Мао Цзэдуна. Рассматривая его высказывания, а также политические события второй половины 50-х годов, Хуа Гофэн концентрирует внимание на проблеме «противоречий внутри народа» и почти не затрагивает вопрос о политике «большого скачка» и «народных коммун». Отказ от этих лозунгов можно было бы расценивать как свидетельство того, что новое руководство Китая извлекает какие-то уроки из прошлого и не считает возможным солидаризироваться с экономическими и социальными утопиями, которые нанесли столь очевидный ущерб развитию страны. Но как быть с теоретическими постулатами, которые лежали в основе этой политики? Как можно считать эти теоретические установки «особо выдающимся вкладом Мао Цзэдуна в международный опыт социализма»?

«В 1956 году в нашей стране было в основном завершено социалистическое преобразование собственности на средства производства, — говорится в упомянутой статье. — Существуют ли после этого в социалистическом обществе противоречия, классы и классовая борьба, нужно ли продолжать социалистическую революцию, как ее продолжать — таков был новый вопрос, вставший перед китайской революцией. Этот же вопрос долгое время не находил правильного ответа в международном коммунистическом движении… Маркс и Энгельс… не имели опыта победы пролетарской революции. Такой вопрос еще не встал перед ними. В. И. Ленин умер слишком рано… Ему не пришлось своими глазами увидеть завершение социалистического преобразования собственности на средства производства, поэтому он не мог дать четкого и конкретного решения этого вопроса. И. В. Сталин на практике вел решительную борьбу против различного рода контрреволюционных представителей буржуазии, пролезших в партию, но теоретически не признавал, что после завершения коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе все еще существуют противоречия между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путями». Этим, по словам автора статьи, воспользовались Лю Шаоци и Чэнь Бода —.рекламируя «затухание классовой борьбы, они ставили себе цель ликвидации социалистической революции».

И только Мао Цзэдун «впервые в истории коммунистического движения» дал научный ответ на вышеуказанный вопрос, затрагивающий историческую судьбу диктатуры пролетариата, и создал великую теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата. «Основываясь на этой теории, Председатель Мао разработал в 1962 году основную линию партии на весь исторический этап социализма. Благодаря практике пролетарской

культурной революции, начавшейся с 1965 года, эта теория еще более пополнилась и обогатилась».

Обратим внимание на дату — 1962 год. В то время осуществлялась линия «упорядочения», пришедшая на смену политике «большого скачка» и «народных коммун», линия, инициатором которой был как раз Лю Шаоци. Если верить новой версии, то именно Мао Цзэдун был инициатором выработки линии на этом этапе. Тогда приходится думать, что линия «большого скачка» и «народных коммун» исходила не от него, а от Лю Шаоци. Но для нас важнее не этот персональный вопрос, который сейчас ушел в область истории, а тот факт, что нынешнее руководство, беря на вооружение «культурную революцию», фактически обходит предшествующую ей политику «большого скачка» и «народных коммун».

Правда, тогда возникает серьезная трудность с другими датами. Как справедливо говорится в статье, идея обострения классовой борьбы внутри народа была изложена Мао главным образом в его трудах, относящихся к периоду с 1956 по 1957 год. Мы хорошо помним его нашумевшую статью «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», относящуюся к 1957 году. Получается, что теория была разработана в 1957 году, а адекватная ей практика — новая политическая линия — возникла только в 1962 году. Пять драматических лет между этими двумя датами куда-то проваливаются, хотя именно тогда была в полной мере овеществлена вновь созданная теория и в такой же мере полностью опровергнута практическим опытом.

Дальше встает новый вопрос: как оценить тот размах, который получили массовые репрессии внутри партии и за ее пределами, служившие практическим выражением установки на «углубление революции в условиях диктатуры пролетариата»? Надо ли целиком оправдывать эти репрессии или только частично, либо вообще признать их неправильными?

Здесь снова начинается некоторое «выпрямление» теоретических постулатов Мао. «Учитывая опыт борьбы против правых элементов в 1957 году, Председатель Мао Цзэдун указал, что из общего числа населения нашей страны одобряющие социализм составляют 90%, а не одобряющие или выступающие против социализма-10%. Из числа последних посредством нашей работы можно-завоевать еще 8% и, таким образом, число одобряющих социализм можно довести до 98%. Твердолобые же элементы, решительно выступающие против социализма, составляют лишь 2%… Дав в 1965 году научное определение лиц внутри партии, облеченных властью и идущих по

капиталистическому пути, Председатель Мао Цзэдун четко указал, что главная опасность реставрации капитализма исходит от внутрипартийных каппутистов».

Предложенная арифметика по поводу числа врагов революции и указание на их главный адрес — внутрипартийное руководство — обнаруживают политическую цель статьи. Речь идет о том, чтобы, полностью оправдывая борьбу Мао против своих политических противников внутри руководства ЦК КПК, в то же время дать понять, что не было необходимости распространять так далеко борьбу внутри народа — на всю партию и на беспартийные массы интеллигентов, рабочих, крестьян. Речь идет и о том, чтобы вывести из-под удара ту часть «старой гвардии», которая ныне содействовала победе нового руководства и вошла в его состав.

Об этом говорится достаточно прямо: «„Четверка“ пыталась с помощью дубинки, на которой было начертано „борьба против эмпиризма“, свалить все кадры, имеющие опыт длительной борьбы, с помощью наклеивания ярлыков „демократ“ и „каппутист“, свалить все кадры, выдержавшие испытания в ходе новодемократической и социалистической революции».

Защита «старой гвардии» тут же, разумеется, находит свое обоснование в одной из сентенций Мао. «Имея такую армию кадров, — говорил он, — кадров, прошедших испытание в различные периоды революции, мы можем, как говорится, сидеть спокойно в рыбацком челне, как бы ни бушевали ветры и волны». Выясняется, таким образом, что Мао отстаивал «старую гвардию», стремился ее сохранить, облечь ее властью, опирался на нее в своей деятельности. Кто же тогда проводил «культурную революцию» против «старой гвардии»? Остается предположить, что это сделала «четверка» вместе с Лю Шаоци и Линь Бяо, случайно оказавшимися жертвами «культурной революции», вопреки Мао Цзэдуну, который «спокойно сидел в рыбацком челне» и наблюдал, «как бушуют ветры и волны»…

За этими сложными движениями политической мысли, по-видимому, стоят довольно простые соображения и интересы. Сам Хуа Гофэн выдвинулся в период «культурной революции» и относится к числу новых кадров, которые «участвовали в погромах партии» и ряда членов ее «старой гвардии». С другой стороны, реабилитация Дэн Сяопина и возвышение ряда представителей «старой гвардии» после смерти Мао также должны найти свое теоретическое обоснование. Поэтому с историей последних пятнадцати лет приходится обращаться так, как она этого заслуживает, — перекраивать, штопать, перетряхивать, замалчивая одно и выпячивая другое.

Названное выступление навеяно в основном необходимостью политической борьбы, развертыванием дальнейшей критики «четверки» и проблемами формирования нового состава руководства. Здесь еще не взвешиваются, по существу, насущные вопросы экономической, социальной, культурной, внешней политики. Дело ограничивается общей установкой на «продолжение революции в условиях диктатуры пролетариата», которая пока еще либо устремлена в прошлое, либо служит оправданием очередного тура политической борьбы, на сей раз против «банды четырех». Дальнейшая переоценка идейного наследия Мао Цзэдуна связана уже не только с непосредственными интересами этой борьбы или с кадровыми проблемами, но и с самим содержанием политики нового руководства. И как раз в этой связи появляется настоятельная потребность пересмотра самих основ идеологии, послужившей обоснованием «культурной революции».

Начавшаяся реабилитация представителей «старой гвардии» поставила китайскую пропаганду перед большими трудностями, прежде всего в отношении распространявшихся высказываний Мао, направленных против тех или иных представителей этого поколения руководителей. И вот началась лихорадочная работа по новому толкованию таких высказываний. «Существуют люди, пришедшие в социалистическую революцию, которые не знают тем не менее, где находится класс буржуазии. Между тем он находится внутри коммунистической партии. Это — власть имущие в партии, вступившие на капиталистический путь, каппутисты, которые продолжают идти по этому пути». Эти слова были приведены в газете «Жэньминь жибао» (10 марта 1976 г.) и имели в виду прежде всего Дэн Сяопина и других представителей «старой гвардии».

Теперь высказыванию Мао придается совершенно иной смысл. В той же газете «Жэньминь жибао» в марте 1977 года была опубликована статья, в которой говорилось, что «банда четырех» исказила смысл слов Председателя. В чем же состояло это искажение, по мнению газеты? Оно состояло в том, что, согласно комментариям Яо Вэньюаня, этих «каппутистов» в свете указания Мао «следует именовать классом». На самом деле, утверждает газета, следует говорить не о каком-то классе внутри политической партии, а о «представителях буржуазного класса». И дальше: «„Банда четырех“ стремилась доказать, что более 70% старых кадровых работников все еще воображают, что они живут в период демократической революции (до 1949 г.) и принадлежат к буржуазному классу». Цитата Мао, оказывается, была неправильно понята и отсюда — крайности в период «культурной

революции».

Аналогичным образом толкуется и известное заявление Мао: «Идти против течения — марксистский принцип». Китайская печать утверждает, что «банда четырех» использовала эти слова, чтобы насаждать хаос и анархию, направляя всю партию против ее руководителей. Какой же смысл следует вкладывать в эти слова? Оказывается, следующий: «Марксистско-ленинский принцип необходимости идти против течения и соблюдать дисциплину представляет собой единую мысль: идти против течения значит противодействовать анархизму, который ослабляет и подрывает дисциплину».

В последнее время подспудное обсуждение идейного наследия Мао Цзэдуна стало постепенно и осторожно распространяться и на оценку «культурной революции». Если в первоначальных выступлениях нового руководства КПК эта кампания оценивалась в самых восторженных выражениях, то теперь все чаще просматривается стремление разграничить положительные и отрицательные стороны «культурной революции».

В апреле 1977 года в печати было опубликовано сенсационное высказывание Мао Цзэдуна по поводу «культурной революции». Вот как оно звучит: «Мао Цзэдун говорил, что в культурной революции следует отделять семь от трех: 70% достижений, 30% ошибок». Китайская печать следующим образом комментирует это неожиданное, неизвестно откуда почерпнутое заявление Мао: «Достижения, составляющие 70%, завоеваны под руководством Председателя Мао, ошибочные 30% порождены вмешательством и подрывом со стороны Линь Бяо, Чэнь Бода, а также Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня». Дальше в статье приводятся данные о результатах, полученных в ходе расследования деятельности участников «группы четырех», в частности об их контрреволюционном прошлом.

Это покушение на «чистоту» идеологии «культурной революции» (пускай половинчатое и частичное) чрезвычайно знаменательно. Оно показывает, в каком направлении развертывается процесс идейного наследования Мао. В самом деле, невозможно так долго не сводить концы с концами по вопросу об этой кампании. Если основные ее проводники — а к их числу несомненно принадлежат представители «четверки» — подвергнуты суровой критике не только за попытку узурпации власти, но и за ошибочную линию в прошлом, то очевидно, что не может оставаться в нетронутом виде основное их детище — «культурная революция». И тут, на счастье, оказывается вполне подходящая цитата Мао, который, как утверждается, не вполне

одобрял «культурную революцию» и ее результаты. Можно надеяться, что это не последняя его оценка «культурной революции». По истечении времени будут обнаружены новые цитаты, где соотношение позитивных и негативных элементов «культурной революции» изменится, очевидно, еще дальше в пользу последних…

В своей статье «Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата» Хуа Гофэн остановился на вопросе о сроках индустриализации и строительства социализма в Китае. Он утверждает, будто еще в 1954 году Мао Цзэдун отмечал, что для осуществления социалистической индустриализации и механизации сельского хозяйства, построения великого социалистического государства понадобится примерно 50 лет, или 10 пятилеток, что в 1956 году Мао Цзэдун поставил задачу догнать и перегнать США. Хуа приводит следующие слова Мао: «Это своего рода долг. Ведь у тебя столько народа, столько территории, столько богатых ресурсов, к тому же, говорят, ты строишь социализм, у которого, как слышно, есть преимущества, но спустя 50–60 лет окажется, что ты еще не перегнал США. На что это будет похоже? Тогда тебя придется лишить земного гражданства! Поэтому перегнать США не только возможно, но необходимо и нужно. Иначе наша китайская нация останется в долгу перед всеми нациями мира и наш вклад в дело человечества будет незначительным».

Сентябрь 1977 года — месяц годовщины со дня смерти Мао — привнес новые любопытные моменты в оценку его личности и его наследия.

В другом выступлении по случаю годовщины смерти Мао Цзэдуна Хуа Гофэн заявил: «Мы обязаны передавать великое знамя Председателя Мао Цзэдуна из поколения в поколение как ценнейшее наследие. Возвышающийся над площадью Тяньаньмэнь Дом памяти Председателя Мао Цзэдуна есть великий и благородный символ этой нашей твердой решимости и священной клятвы»[1].

Казалось бы, недвусмысленное заявление, но в сентябрьском номере журнала «Хунци» за 1977 год в статье «Великие свершения в истории пролетарской революции» содержится чрезвычайно показательный пассаж по поводу Мао Цзэдуна. В статье утверждается: «Председатель Мао Цзэдун при жизни говорил, что за всю свою жизнь он совершил два дела. Первое — сверг Чан Кайши и выгнал его на Тайвань, победил японский империализм и изгнал его из Китая; второе — победоносно провел великую пролетарскую культурную революцию». Комментируя это заявление Мао, автор статьи пишет: «Совершив первое большое

дело, Председатель Мао Цзэдун разрешил вопрос о переходе полуколониальных стран к социализму через национально-демократическую революцию. Второе большое дело не только имеет исключительно важное значение для продолжения революции и диктатуры пролетариата в нашей стране, но и для мирового коммунистического движения».

Итак, из всего идейного наследия Мао Цзэдуна автора статьи привлекает идея демократической революции, имеющая значение для угнетенных наций и народов, и все та же идея продолжения революции при диктатуре пролетариата. А как же со всем остальным идейным багажом Мао? Разве другие его весьма многочисленные высказывания по вопросам внутренней и внешней политики, стратегии и тактики коммунистического движения утратили свою актуальность?

Ответ на этот вопрос мы находим в напечатанной тогда же (10 сентября 1977 г.) совместной статье газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци» и газеты «Цзефанцзюнь бао». Здесь, кажется, впервые получила обоснование мысль, которой, по-видимому, принадлежит будущее при подходе китайского руководства к идейному наследию Мао Цзэдуна. Эта мысль состоит в том, что идеологию Мао необходимо рассматривать как единую систему, а вовсе не как собрание отдельных цитат, приложимых к любым обстоятельствам и в любое время.

«Идеи Мао Цзэдуна, — говорится в статье, — есть целостная научная система, продолжение и развитие марксизма-ленинизма. Председатель Мао Цзэдун развил марксизм-ленинизм не в отдельных, а во всех областях». Что же отсюда следует? А вот что: «Выступая против идей Мао Цзэдуна, Линь Бяо свел изучение их стройной идейной системы к зубрежке „трех статей“ или „пяти статей“; причем он оторвал идеи Мао Цзэдуна от марксизма-ленинизма. Группировка же „четырех“ прибегала к прагматическим приемам и, исходя из нужд осуществления своей особой цели, выдергивала из произведений Мао отдельные фразы и давала их в произвольном толковании. Таким образом, идеи Мао Цзэдуна были расчленены и искажены до неузнаваемости».

Далее цитируются указания Хуа Гофэна, содержащиеся в его политическом отчете съезду партии: «Необходимо… целостно и точно усваивать систему маоцзэдуновских идей и овладевать ею». «Это требует от нас, — продолжает автор статьи, — не оперировать механически отдельными словами и фразами, взятыми из произведений Мао Цзэдуна без учета конкретного времени, места и условий, а вникать в их суть, исходя из всей системы. Правильны слова Председателя Мао Цзэдуна, сказанные по тому или иному вопросу, в определенное время, при

определенных условиях. Так же правильны его слова, сказанные по тому же вопросу в иное время. Однако его слова, сказанные по одному и тому же вопросу в разное время и при разных условиях, иногда могут отличаться… даже постановкой вопроса. Поэтому вопросы одного аспекта или одной области следует понимать правильно в свете целостности темы».

Итак, теперь уже не каждое слово маоистского «евангелия» священно. Игра в цитаты, которой на протяжении последних десятилетий особенно усердно занимались различные комментаторы Мао, вызвала, надо думать, довольно сильную отрыжку не только у их потребителей, но и у их производителей. Кроме того, современная политика не может быть обоснована в каждом отдельном случае необходимым набором цитат, многие из которых значительно расходятся и с нынешней экономической политикой, да и между собой. Отсюда делается не лишенный тонкости вывод, ориентирующий на изучение идейного наследия Мао как системы взглядов.

Этот вывод мог бы принести пользу при условии действительного анализа «системы» идей Мао Цзэдуна, во-первых, и сопоставления ее с подлинной системой взглядов основателей марксизма-ленинизма — во-вторых. Однако об этом, разумеется, нет и речи. Бросая тень на метод цитирования отдельных положений из произведений Мао Цзэдуна, которые сами по себе разительно противоречивы, китайские руководители не ставят вопрос о том, в каком соотношении находятся взгляды Мао Цзэдуна, взятые как единое целое, с марксистско-ленинской идеологией. Сама постановка такого вопроса сделала бы их положение весьма затруднительным, поскольку полностью подорвала бы доверие к Мао как «величайшему марксисту-ленинцу нашей эпохи».

Из всего этого можно видеть, что новые руководители КПК усиленно заняты сейчас инвентаризацией идейного наследия Мао и тщательным отбором тех положений и установок, которые отвечают, по их мнению, требованиям сегодняшнего дня. Полностью сохраняя Мао Цзэдуна как символ идеологического единства партии, они в то же время ищут способ опереться на некоторые из его установок, замалчивая и опуская другие или давая им совершенно новое толкование, не отвечающее их действительному смыслу. Но при всем том нельзя не видеть, что маоизм по-прежнему остается источником самого острого столкновения сил, позиций, мнений в КПК.

Достаточно сказать, что идеологией Мао прикрывалась свергнутая «четверка» и прикрываются сейчас ее непримиримые противники. Обе стороны настаивают на том, что каждая дает

самое ортодоксальное истолкование его идей, обвиняя друг друга в явном ревизионизме. Но дело не только в «четверке». И среди нынешних высших руководителей КПК нет единства по вопросу об оценке идейного наследия Мао Цзэдуна и в особенности «культурной революции». Если Хуа Гофэн говорит о ней исключительно в мажорном тоне, то другие руководители охотно цитируют вновь обнаруженное указание Мао о том, что «культурная революция» на 70% была положительным и на 30% — отрицательным явлением. Что касается Дэн Сяопина, то он вообще обходит этот вопрос. Да и как ему восторгаться «культурной революцией», когда в тот период он был свергнут со всех занимаемых им постов и объявлен «бандитом № 2»?

Напомним, что важнейшей идеей этой кампании было «углубление революции», а не забота о развитии производства. Ныне эта идея, в сущности, перечеркивается. Хуа Гофэн толкует «углубление революции» именно как установку на развитие производства и модернизацию промышленности, сельского хозяйства, науки, военного дела. Многие другие руководители, рассматривая дилемму — революция или производство, — без всяких стеснений отдают приоритет последнему. И с этих позиций критикуют линию «четверки».

В то же время сейчас еще очень далеко до подлинного пересмотра культа Мао. В одном из сообщений агентства Синьхуа (31 мая 1977 г.) говорится, что издательства Пекина в последнее время выпустили множество произведений литературы и искусства. В числе этих произведений называют сборник стихотворений Председателя Мао Цзэдуна «Пусть он вечно живет в наших сердцах», семь произведений, посвященных покойному Председателю. Другое издательство выпустило 27 «лучших произведений живописи». Сюда относятся картина «Торжество по случаю провозглашения Республики», в центре которой, естественно, находится Мао Цзэдун; картина под названием «Раз дело находится в ваших руках — я спокоен», показывающая, как Мао Цзэдун дает поручение Хуа Гофэну; работа «Соратники», отражающая былую дружбу между Мао Цзэдуном и его супругой Ян Кайхуэй. Сборник стихотворений «Премьер Чжоу Эньлай всегда вместе с нами», в который входит более 90 «трогательных, волнующих стихотворений, благоговеющих перед памятью премьера», сборник народных песен «Песня о председателе Хуа Гофэне», сборник сказаний «Сердце пылает любовью к председателю Хуа Гофэну», «Народные песни за движение Дачжай» и др.

Нет нужды комментировать тематику и политическую направленность этих изданий. Глубокое русло, проложенное

«четверкой» и другими в период «культурной революции» в искусстве, оказалось вполне пригодным для современного периода. Поток четко канализируется по официально обозначенным политическим адресам. Если «обновление» искусства и дальше будет идти таким путем, то трудно будет найти существенные перемены по сравнению с прошлым — несколько меняются и подновляются лица, но не принципы и содержание творчества. Впрочем, энтузиастов и охотников до такого рода пенкоснимательской деятельности всегда хватало…

Итак, внешние аксессуары культа Мао Цзэдуна как будто бы полностью сохраняются. И все же такой вывод был бы не вполне точным. Прежде всего совершенно очевидно, что нынешнее поклонение не может идти ни в какое сравнение с тем, каким оно было при жизни Мао и особенно в период «культурной революции». Мао Цзэдуну отводят особое место как человеку, который возглавил народную революцию и стоял у основ китайского государства, как ведущему теоретику КПК. Ему отводят особую роль и в международном коммунистическом движении, где он будто бы поднял на новую ступень идеи марксизма-ленинизма. Но вокруг его имени нет тех неуемных песнопений, которые мы наблюдали при его жизни. Культ поставлен в определенные рамки и приобрел скорее ритуальные и деловые формы, чем религиозные.

«Мертвый мирно спи во гробе, жизни радуйся живой», — писал Данте. Некоторые из живущих ныне руководителей КПК уже и сейчас удостаиваются почти таких же похвал, как и Мао Цзэдун: «мудрый вождь», «выдающийся марксист-ленинец» и др.

Об этом же говорит тот факт, что нынешнее китайское руководство, как и печать, стали все больше отдавать должное бывшим соратникам Мао Цзэдуна, роль которых всеми силами замалчивалась при его жизни. Это касается прежде всего Чжоу Эньлая. Этот деятель КПК, который при своей жизни всегда предпочитал оставаться в тени, ныне выведен под яркий свет рампы. Многие западные исследователи пишут даже о вновь создаваемом «культе Чжоу Эньлая» — настолько широко и восторженно ведется кампания вокруг его имени и его духовного наследия.

Прославление Чжоу Эньлая началось еще при жизни Мао Цзэдуна, точнее, незадолго до его кончины. Мы рассказывали о событиях на площади Тяньаньмэнь в начале 1976 года, когда массы, руководимые частью коммунистов, вопреки намерениям Мао Цзэдуна и его группы, продемонстрировали свою самую глубокую симпатию к покойному премьеру.

Крушение «четверки» как будто бы сломало плотину,

сдерживавшую активное прославление Чжоу Эньлая, которое происходит не только стихийно, но и стимулируется сверху. Трудно сказать, какие цели ставят при этом перед собой новые китайские руководители. Не исключено, что цели эти различны у разных представителей нынешнего руководства КПК. Для Дэн Сяопина это не только политический, но и личный вопрос, поскольку его реабилитация после «культурной революции» состоялась исключительно благодаря Чжоу Эньлаю и поскольку его личная и идейная близость к этому выдающемуся прагматику давно известна. Для некоторых других представителей нынешнего руководства КПК восхваление Чжоу Эньлая представляет собой важное средство для укрепления авторитета Мао Цзэдуна. И для всех представителей руководства прославление Чжоу Эньлая несомненно является одним из средств борьбы против «банды четырех», которая ненавидела и боялась его. А самое главное — линия Чжоу, то есть более умеренного крыла маоизма, близка многим нынешним руководителям страны.

Китайская печать усматривает важнейшую заслугу Чжоу Эньлая в том, что во всех политических баталиях, которые потрясали КПК, он последовательно и твердо стоял на стороне Мао Цзэдуна, был самым верным проводником его линии. Но так ли это?

Действительно, Чжоу Эньлай, как мы видели, с конца 30-х годов выступал на стороне Мао. Как человек осторожный и предусмотрительный, он ни разу не рискнул противопоставить свое мнение мнению Мао или открыто поддерживать его противников. На IX и X съездах КПК он выступал с докладами, в которых подвергалась резкой критике оппозиционная деятельность Линь Бяо, Чэнь Вода и других повергнутых китайских лидеров. Неверно другое — будто Чжоу Эньлай был «самым близким», «самым верным», «самым последовательным» соратником Мао Цзэдуна.

Начать с того, что, несмотря на более чем сорокалетний период сотрудничества, у Мао и Чжоу никогда не было сколько-нибудь близких личных отношений. Мао ни разу не сказал доброго слова о Чжоу Эньлае. На роль второго человека в государстве Мао выдвинул в свое время Лю Шаоци, а затем Линь Бяо, но не Чжоу Эньлая. Да и после крушения всех ведущих деятелей КПК, когда на политическом горизонте из наиболее крупных лидеров оставался, в сущности, один Чжоу, Мао Цзэдун и не подумал разделить с ним власть при своей жизни или как-то закрепить в его лице преемника на случай своей смерти. Больше того, незадолго до кончины Чжоу Эньлая Мао фактически отдал

его на расправу «банде четырех». Когда после шумной кампании против Конфуция началась критика «Речных заводей», инспирированная лично Мао Цзэдуном, многие в КПК поняли, что на этот раз действительным объектом проработок становится Чжоу Эньлай.

Сейчас в китайской печати приводятся многочисленные примеры, характеризующие взаимоотношения «четверки» и Чжоу Эньлая, через которые, однако, просматривается и отношение к нему Мао Цзэдуна. В печати рассказывается, в частности, эпизод, связанный с четвертой сессией ВСНП. Во многих статьях сообщается, что в тот период Ван Хунвэнь по заданию «четверки» отправился к Мао Цзэдуну, с тем чтобы «оклеветать» Чжоу Эньлая и попытаться создать свой «кабинет министров». В октябре 1974 года Ван Хунвэнь встретился с Мао и обвинил Чжоу Эньлая в том, что он является главным представителем буржуазии внутри партии, и попросил Мао одобрить принесенный им список нового руководства Государственного совета. Этот список передавал всю руководящую власть и большинство министерств и комитетов в руки «четверки». Мао, если верить этому рассказу, отверг домогательства «четверки» и взял под защиту Чжоу Эньлая. Однако и после этого Ван Хунвэнь продолжал свои нападки на Чжоу, чему Мао, по крайней мере, не препятствовал.

Что сделал Мао? Мао направил представленный «четверкой» список Чжоу Эньлаю в госпиталь, где тот находился, и просил высказать свое мнение. Чжоу, разумеется, не решился ничего возразить. Но когда этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро, старые кадровые работники и военные заявили свой протест. Чжу Дэ сказал, что, если Чжоу Эньлай не будет избран премьером, тогда премьером должен стать он. Заседание Политбюро закончилось ничем. Старые кадры и военные направили своих представителей в госпиталь к Чжоу Эньлаю с требованием, чтобы он остался на своем посту и, по меньшей мере, внес коррективы в представленный список Государственного совета. Утверждают, что в госпитале около кровати Чжоу Эньлая произошел большой скандал между представителями двух группировок. В такой обстановке Мао Цзэдун не рискнул полностью пойти навстречу представителям «четверки». Старые кадры сохранили в новом составе Государственного совета большинство основных постов.

Распространяемые ныне сообщения о дружественном отношении Мао к Чжоу Эньлаю опровергаются и другим фактом. Когда стало известно о тяжелом состоянии здоровья Чжоу Эньлая, ЦК КПК создал группу, ответственную за его лечение. И начальником этой группы был назначен не кто иной, как Ван

Хунвэнь. Он стал настаивать на проведении операции, хотя врачи решительно возражали против этого, доказывая, что операция ускорит смерть Чжоу Эньлая. Операция так и не была проведена. Чжоу Эньлай скончался год спустя.

Не так давно в Пекине появилась дацзыбао, требующая построить Дом памяти Чжоу Эньлаю отдельно от Дома памяти Мао, а внутри Дома памяти Чжоу оставить Комнату памяти Чжу Дэ. В этом требовании отражено подлинное отношение массы коммунистов и беспартийных к Чжоу Эньлаю как к такому представителю «старой гвардии», который на протяжении всей своей деятельности отстаивал более эффективную линию в деле строительства нового Китая.

С этим действительно нельзя не согласиться. Чжоу Эньлай, не случайно получивший в зарубежных комментариях характеристику «самого последовательного прагматика», конечно, не противостоял маоизму, однако неизменно выступал в роли амортизатора при осуществлении неровной, скачкообразной, часто непродуманной экономической, социальной и культурной политики Мао Цзэдуна. Он выступал с разумными установками планомерного строительства социализма на VIII съезде КПК; не будучи в числе энтузиастов политики «большого скачка» и «народных коммун», он в то же время был активным участником последовавшей за этим политики «урегулирования»; входя в комитет по проведению «культурной революции», он и здесь воздерживался от каких-либо инициатив. А после ее окончания то тайно, то явно он стал добиваться сохранения старых кадров в руководстве, стабилизации экономического и политического положения, усиления внимания к производству. Его деятельность и авторитет были нужны Мао Цзэдуну для делового управления страной, к чему Мао был не склонен, сосредоточиваясь на идеологии и общей политике и в особенности на излюбленном деле стравливания и уничтожения своих бывших соратников.

Разумеется, нет никаких оснований питать какие-то иллюзии относительно самостоятельной линии Чжоу. В коренных вопросах политики и идеологии он выступал вместе с Мао и разделяет с ним ответственность за попытку раскола коммунистического движения и антисоветизм.

И все же если при жизни Мао Чжоу действительно служил важной «опорной базой» его культа, то после смерти положение существенно изменилось. Прославление Чжоу Эньлая, вопреки тому, что могут думать многие теперешние руководители КПК, объективно работает против культа Мао Цзэдуна, выступает как альтернатива умеренного курса экстремистскому.

В том же направлении действует также восхваление памяти

других представителей «старой гвардии», имя и деятельность которых замалчивались и предавались забвению при жизни Мао Цзэдуна. По случаю 50-й годовщины со дня создания НО А К в августовском номере журнала «Хунци» за 1977 год была опубликована большая статья, озаглавленная: «Памяти любимого председателя Постоянного комитета ВСНП Чжу Дэ». Это — официальная статья, написанная теоретической группой Генерального штаба НОАК. В ней впервые за всю историю КПК воздается должное этому старейшему военному деятелю, который возглавлял армию китайских коммунистов в период гражданской войны.

В статье говорится, что Чжу Дэ «совершил бессмертные подвиги во имя партии и народа, в строительстве и развитии всепобеждающей народной армии, в строительстве и укреплении революционных опорных военных баз. в свержении реакционного господства империализма, феодализма, бюрократического капитализма и завоевании победы в новой демократической революции, строительстве демократической власти, упрочении диктатуры пролетариата и развитии социалистической революции и строительства».

«Героическое имя его никогда не померкнет в истории китайской революции», — подчеркивается в статье, которая называет Чжу Дэ «верным слугой народа» и «ветераном революции»,

В то же время статья особенно подчеркивает близость Чжу Дэ и Мао Цзэдуна, его верность линии, проводимой Мао, на всех этапах истории КПК. Ответственность за скрытые и явные нападки на Чжу Дэ статья возлагает, разумеется, не на Мао, а на «четверку» и Линь Бяо. «В течение длительного периода времени, — говорится в статье, — они обрушивались со злостными нападками на товарища Чжу Дэ, разнузданно фальсифицировали историю. Линь Бяо и его компания даже позволили себе извратить великое событие — соединение войск под командованием Мао Цзэдуна и Чжу Дэ в Цзинганшане, пытаясь изобразить дело так, как будто в Цзинганшан войска привел не Чжу Дэ, а Линь Бяо. „Четверка“ велела даже не упоминать имя главнокомандующего Чжу Дэ, когда приходилось писать о Наньчанском восстании и „великом походе“. Они силились принизить роль пролетарских революционеров — свести на нет славную историю нашей партии в преступных целях захвата власти в партии и государстве».

Очень сомнительная интерпретация истории. На самом деле роль Чжу Дэ как самого выдающегося военачальника периода «великого похода», борьбы против японской агрессии и

гражданской войны замалчивалась, поскольку на эту роль претендовал Мао Цзэдун. Это общеизвестно. Так же как известно, что после окончания гражданской войны Чжу Дэ был отодвинут на второстепенные роли в ЦК КПК, с которыми он вынужден был смириться.

Восстановление подлинной правды о Чжу Дэ, независимо от тех целей, которые непосредственно ставятся теми или иными китайскими руководителями, также едва ли содействует укреплению посмертного культа Мао.

В том же направлении идет и реабилитация многих других деятелей КПК. Газета «Жэньминь жибао» в августе 1977 года опубликовала большую статью, посвященную памяти Чэнь И, бывшего члена Политбюро и министра иностранных дел КНР. Заголовок этой статьи говорит сам за себя: «Человек с открытой душой, революционер до конца жизни». После смерти товарища Чэнь И, говорится в статье, сектантская «четверка» возвела на него злостную клевету и даже приказала подвергнуть критике кадровых работников и народные массы Шанхая, которые чтили память Чэнь И.

Интересно, что Чэнь И приписывается теперь заслуга в том, что он выступал против крайностей «культурной революции». Оказывается, что Чэнь И боролся против. лозунга, выдвинутого «четверкой»: «Долой все!», и затеянной ими «всеобщей гражданской войны».

Вряд ли содействует укреплению культа Мао и реабилитация тех деятелей, которые стали прямой жертвой «четверки» в последние годы. В конце августа 1977 года Дэн Сяопин принял участие в митинге, посвященном памяти Чжоу Жунсиня — бывшего министра просвещения, который погиб от рук экстремистов в 1976 году, а ныне посмертно реабилитирован. Чжоу Жунсинь, как и Дэн Сяопин, подвергался гонениям в период «культурной революции», а в январе 1975 года был восстановлен в правах и занял пост министра просвещения. Когда началась кампания против Дэна, одной из ее первых жертв стал Чжоу Жунсинь. Он был заключен в тюрьму, и по нескольку раз в день его со связанными сзади руками и склоненной головой выставляли на «митингах борьбы». Сейчас стало известно, что в результате этих оскорблений и издевательств у него во время одного из таких митингов произошло кровоизлияние и он умер в больнице. Ответственность за эту смерть возлагается исключительно на «четверку». Но трудно верить, чтобы в сознании многих китайцев не возникал вопрос о подлинном инициаторе и вдохновителе подобного рода расправ.

Постоянные восторженные оценки «любимого премьера Чжоу

Эньлая», «любимого главнокомандующего Чжу Дэ», восстановление доброй памяти и реабилитация многих других представителей «старой гвардии» отражают стремление нынешних руководителей КПК укрепить линию преемственности своей власти и своей политики. В круг наследования входят тогда уже не только Мао Цзэдун, но и многие другие деятели прежнего периода, особенно те, которые, подобно Чжоу Эньлаю, по своим позициям ближе стоят к нынешней линии Пекина.

Мы — уже пытались представить себе, из каких элементов прошлого складывается идеология нынешнего руководства. Теперь попробуем проследить, из каких элементов настоящего складывается она.

Идейное наследие Мао Цзэдуна, как мы видели, не стало и не могло стать платформой для сплочения его преемников, напротив, оно стало источником самой ожесточенной борьбы и соперничества. Это касается не только группы «леваков», но и умеренной прагматической группировки. И те, и другие клялись в верности Мао Цзэдуну. Эта верность не спасла часть руководства от полного политического поражения. Теперь победившая сторона всеми средствами доказывает, что «четверка» не только не была верна Мао и его идеям, а, напротив, при его жизни вела скрытую борьбу с ним, давала ложную интерпретацию его идей, извращала его установки. Но при таком подходе трудно ответить на простейший вопрос: почему Мао Цзэдун терпел это?

Последние публикации, говорящие, будто Мао многократно предупреждал «четверку» по поводу ее раскольнической и антипартийной деятельности, не оставляют места для предположения, что он просто не знал об их закулисной работе. Тогда остается сделать вывод, что он был бессилен что-либо предпринять в отношении них. Но и это предположение опровергается указанием на то, что Мао был настолько всесилен до самой своей смерти, что сумел, вопреки резкому сопротивлению «четверки», назначить своим преемником мало известного в ту пору Хуа Гофэна. Интерпретация последних событий, таким образом, содержит зияющие бреши, которые невозможно заполнить, не впадая в противоречие с элементарной логикой.

На самом деле поражение потерпели наиболее близкие Мао Цзэдуну люди. Близкие не только в силу родственных связей (жена, зять), близкие в идейном и политическом плане. Все они были прямыми выдвиженцами Мао Цзэдуна, который позаботился о том, чтобы укрепить их позиции в последние годы, и опирался на них при проведении «культурной революции». Несомненно, что Мао выдвигал именно их на роль гаранта против ревизии

маоизма после его кончины. Если они потерпели столь быстрое поражение, то это объясняется и тем, что они имели недостаточную опору внутри ЦК КПК и всей партии, и в равной мере явной непопулярностью многих аспектов внутренней политики Мао Цзэдуна в последние годы. Иными словами, поражение «четверки» означает одновременно и поражение идеологии маоизма в его самой одиозной части.

Но маоизм был достаточно эклектичен и широк, включая с самого начала и «левые», и «правые» направления. Поэтому речь идет о частичном, а не полном поражении маоизма. Более всего опасаясь обвинений в ревизии маоизма, победившие руководители КПК с особой страстью доказывают свою приверженность идеям покойного Председателя, но сама их интерпретация идейного наследия Мао чем дальше, тем больше обнаруживает глубокую противоречивость нового идейно-политического курса.

В этом отношении представляет интерес выступление Не Жунчжэня — члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК в статье, опубликованной в сентябрьском (1977 г.) номере журнала «Хунци». Определяя важнейшие вопросы восстановления и развития «лучшего стиля, выработанного Председателем Мао, для КПК», автор называет три момента: реалистический подход, линию масс и демократический централизм. Что касается «линии масс», то мы помним, какое истолкование она получила в период «культурной революции», когда массы хунвэйбинов были использованы для избиения кадров внутри самой КПК. Но реалистический подход и демократический централизм явно представляют собой принципы, против которых Мао вел серьезную борьбу последние 10–15 лет. Не случайно Не Жунчжэню для обоснования этих идей пришлось прибегнуть к ссылкам на работы Мао, написанные еще в 30-х годах, — «Относительно практики» и «Относительно противоречия», — основательно отредактированные к тому же при публикации в «Избранных сочинениях».

Интересны и толкования, которые дает этим работам автор статьи. Изучая и применяя на практике марксизм-ленинизм и маоцзэдуновские идеи, утверждает он, мы обязательно должны усвоить их суть, взять на вооружение их подход, взгляды и методы, рассматривать их основные положения как руководство к действию и решительно выступать против практики тех людей, для которых отдельные слова и фразы из классики марксизма-ленинизма и маоцзэдуновских идей служат голыми формулировками, рассматривающими все в мире без определенной связи со временем, местом и условиями.

Такой подход служит платформой для модернизации идей Мао Цзэдуна на основе новых задач. Нет нужды говорить, что сама постановка вопроса таким образом была совершенно невозможна при жизни председателя КПК. Автор далее выступает против тех, кто рассматривает марксизм-ленинизм как «верхушку и абсолютный авторитет». Утверждая, что маоцзэдуновские идеи несовместимы с догматизмом, эмпиризмом, несовместимы с идеализмом и метафизикой, Не Жунчжэнь выступает против пустословия и особенно лжи. Связывая такой подход с линией масс, автор требует проверять правильность и разумность замыслов всех органов в соответствии с практикой народных масс. Интерпретируя принципы демократического централизма, Не Жунчжэнь призывает кадровых работников участвовать в коллективном производительном труде, хотя бы третью часть своего времени проводить в низах для ведения обследования положения дел на местах, требует бороться со злоупотреблениями служебной властью для получения привилегий, проводить обмен кадрами между вышестоящими и нижестоящими организациями и т. д.

Сопоставляя это выступление с официальными докладами Хуа Гофэна, нетрудно заметить большую амплитуду оценок идейного наследия Мао. Непрерывные клятвы в верности, идущие от нового председателя КПК, встречают все меньше сочувствия со стороны ряда достаточно крупных китайских руководителей, которые думают о более радикальном пересмотре политических установок Мао Цзэдуна. Их лозунг — реализм и рационализм. Характерно, что в статье Не Жунчжэня, в сущности, полностью обходится «культурная революция» и ее главный тезис — «продолжение революции в условиях диктатуры пролетариата», который все еще получает восторженную оценку в выступлениях Хуа Гофэна.

Особенно сильны подобные веяния за рамками высшего руководства КПК. Об этом можно судить по ряду косвенных свидетельств. В последнее время в Китае распространяются в рукописных списках романы, рассказы и политические документы анонимного содержания, прямо направленные против Мао, его идеологии и его ставленников. Один из таких романов под названием «А Ся» рассказывает о. судьбе рабочей девушки, которую изнасиловал руководитель партийной организации ее завода. Другой подпольный роман — «Волны реки Хунань окрасились в красный цвет» рассказывает о самоубийстве сына партийного функционера, который преисполнился отвращением к образу жизни своего отца. В Китае распространяются любовные песенки, исполняемые на мотив торжественных гимнов,

посвященных Мао Цзэдуну.

Японская газета «Санкей симбун» 30 августа 1977 г. опубликовала статью под заголовком «Загадка завещания Мао». Напоминая о том, что в докладе Хуа Гофэна говорится по поводу «группы четырех», что «очень скверно то, что они подделали завещание председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна на смертном одре», газета приводит содержание этого подделанного завещания. Газета ссылается на итальянский еженедельник «Эспрессо», который опубликовал документ под названием «Завещание Мао». Он представляет собой копию письма, якобы направленного Мао Цзэдуном в адрес Цзян Цин 10 июня 1976 г., примерно за три месяца до его смерти. Вот что здесь говорится: «Прошло тридцать лет после того, как мы поженились. То, что я скажу сейчас, может показаться вам громом среди ясного неба. С этого момента наши дороги расходятся, но, несмотря на это, мы будем сохранять спокойствие». И дальше: «Если вы будете ловко развертывать свою деятельность, то, сколько бы ваши враги ни оказывали сопротивления, их попытки в конечном счете потерпят неудачу. Если же в ходе борьбы потерпите поражение вы, то вновь вернетесь в горы и будете продолжать партизанскую войну с целью осуществления политики, которую мы выбрали. Десять лет моя голова переполнена этой мыслью».

Итальянский журнал высказывает сомнение по поводу достоверности «завещания» и спрашивает: «Не является ли оно документом, сфабрикованным четырьмя злоумышленниками с целью внести беспорядок в международное коммунистическое движение, как об этом говорят сторонники Хуа Гофэна?»

О развертывающейся борьбе внутри партийного руководства в Китае говорит и гуляющий по Китаю подпольный циркуляр, написанный в марте 1977 года. Он озаглавлен: «Открывайте огонь по Хуа Гофэну». Циркуляр представляет собой страницу убористого текста, который заканчивается словами: «Напечатан и распространен штабом НОАК № 637, спартаковскими войсками Чжуньшаньского университета». Здесь говорится: «„Банда четырех“ пала, но еще имеются некоторые лица в Китае, склоняющиеся к тому, что она представляла. Руководитель этих „некоторых лиц“ — человек, который пытается представлять себя „блестящим вождем“, — это Хуа Гофэн… Если массы рабочих, крестьян, солдат поднимутся и будут решительно бороться против Хуа Гофэна, который находится в той же банде, что и Ван Чжан — Цзянь Яо, то только тогда плоды движения на площади Тяньаньмэнь 1976 года можно будет ощутить, только тогда народ страны сможет освободиться второй раз». Предлагая сорвать маску с Хуа Гофэна, авторы циркуляра рассказывают длинную

историю, касающуюся его матери и ее взаимоотношений с Кан Шэном, благодаря покровительству которого Хуа Гофэн будто бы был привлечен на работу в Пекин в качестве руководителя органов безопасности. Кан Шэн также, по утверждению циркуляра, содействовал сближению Хуа Гофэна с Цзян Цин. Он же обратил внимание Мао Цзэдуна на никому не известного в ту пору руководителя одной из провинциальных партийных организаций.

Циркуляр атакует нового председателя ЦК КПК с позиций более последовательной защиты «старой гвардии», прежде всего Дэн Сяопина. Если верить зарубежной печати, то в Китае распространяется немало документов близкого содержания.

По всем этим соображениям трудно согласиться со многими оценками, которые даются событиям в Китае после смерти Мао Цзэдуна в западной печати. Газета «Франкфуртер альгемайне» в статье под заголовком «Пекин на национальном курсе» (29 августа 1977 г.) пишет: «Пекин утвердил новую генеральную линию. Эра Мао завершена. Должна начаться новая эра, которая будет существенно отличаться от прежней».

«Уважение и почитание Мао Цзэдуна, — пишет газета, — определяется не столько марксистскими идеями, приспособленными к китайским условиям, сколько тем, что ему удалось удовлетворить глубокое стремление народа к национальному умиротворению. Благодаря победе коммунистов в 1949 году Мао Цзэдуну удалось восстановить единство страны. Разрыв с Москвой в 1963 году принес стране независимость. Взорвав первую атомную бомбу, Китай Мао Цзэдуна оказался в состоянии эффективно защищать свою независимость. Это — этапы пути национального возрождения после столетий оскорблений и унижений.

Нынешнее десятилетие внутренних беспорядков, начало которому положила „культурная революция“, привело к застою в национальном вопросе… Первым увидел опасности такого пути Чжоу Эньлай. За год до смерти, в январе 1975 года, он выступил с последней программной речью, в которой вновь признал приоритет национальных целей. Это получило подтверждение со стороны нового партийного руководства. После достижения единства и независимости задача состоит теперь в достижении равного положения с могущественными державами мира». В такой трактовке последних событий в Китае и оценке его исторического прошлого кое-что справедливо, а многое неверно. Справедливо то, что Китай утверждается на национальном, вернее, на националистическом курсе. Справедливо и то, что происходит некоторое видоизменение этого курса после смерти

Мао Цзэдуна. Нельзя, однако, согласиться с другими утверждениями статьи.

Следует целиком. отбросить как несостоятельный тезис о том, что национальное освобождение началось с 1963 года на основе конфликта с СССР. Оно должно быть отнесено к 1949 году, когда острие борьбы было направлено как раз против тех, кто и поставил Китай в зависимое положение, — империалистических колониалистских держав, послушным орудием которых стал гоминьдан. Конфликт с СССР и другими странами социализма, который был затеян Мао Цзэдуном и его окружением на рубеже 50-х и 60-х годов, когда на первый план вновь были поставлены задачи великоханьского гегемонизма, как раз-и был связан с той самой непрерывной внутренней борьбой, прикрываемой революционной фразой, которую автор справедливо называет «эрой Мао Цзэдуна». Поспешным, пожалуй, можно считать и вывод автора о завершении этой, эры. Китай находится только в начале нового этапа своей истории, но действительные возможности для осуществления крупных преобразований связаны не с преодолением марксистских или, говоря иначе, социалистических принципов, о чем мимоходом пишет газета, а с их восстановлением и утверждением, с продолжением линии VIII съезда КПК применительно к новым современным условиям развития Китая. Беда в том, что в политическом руководстве КПК не видно сил, которые отстаивали бы именно такой подход, сил, способных открыть действительно новую эру в жизни страны.

Симптоматичны суждения буржуазной печати по поводу ожидаемой эволюции политической жизни Китая в отношениях КНР с Западом. Газета «Вашингтон пост» опубликовала 28 июля 1977 г. статью «Человек, дважды поверженный, возвращается на сцену». В статье говорится, что своего рода политическое междуцарствие при временном правительстве пришло к своему концу. Теперь оно уже приступило к выполнению новой внутренней программы, и похоже на то, что оно вот-вот приступит к выполнению внешней программы, что будет благоприятной возможностью улучшить отношения с Вашингтоном. За долгое время царствования Мао Цзэдуна, говорится в статье, сменялись люди, стоявшие на втором месте по значению, принося с собой самые различные изменения в политических акцентах. Последнее правительство при правлении Мао возглавлял премьер Чжоу Эньлай, и оно просуществовало приблизительно с 1971 года до смерти Чжоу Эньлая в 1976 году.

В соответствии с темой модернизации Чжоу выступил за установление контактов с Западом, что привело к визиту президента Никсона в Пекин в 1972 году. Дальше газета писала,

что внутренние соображения толкнут новых руководителей к возобновлению контактов, инициатором которых был Чжоу. По их мнению, внутренняя программа Дэн Сяопина требует специальных знаний, оборудования и кредитов от Японии, Европы и, в меньшей степени, от США.

Близкое к этому мнение высказывала газета «Джапан таймс» в редакционной статье «Китай восстанавливает порядок» (27 июля 1977 г.). В статье говорилось, что Китай, наконец, установил внутренний порядок и наметил курс своих национальных усилий. «Продолжая кампанию осуждения „банды четырех“ за их проступки, новые китайские руководители отвергают идеологические эксцессы — первый шаг в сторону строгого руководства всей деятельностью страны, производством и образованием».

Смена лидеров в КПК означала не более чем осуществление общего курса, исходящего от Мао Цзэдуна. Трудно рассчитывать на быстрое и существенное изменение всей линии. Огромный политический корабль с колоссальным грузом идеологии и политики Мао Цзэдуна вряд ли сможет развернуться в новом направлении в короткие сроки, хотя симптомы некоторого изменения курса несомненны.

Судя по всему, нынешние китайские руководители рассчитывают ограничиться прагматическим пересмотром политики в некоторых областях, особенно в экономической жизни, и не хотят пересмотра идеологии маоизма, его коренных целей и задач. Но одно невозможно без другого. И если они пойдут на радикальные перемены в политике, им раньше или позже придется отказаться от основ теории маоизма. Но захотят ли они идти новым путем?

Бремя наследования

Тяжкое бремя наследования оставила политика Мао Цзэдуна в экономике, культуре и образовании, общественных отношениях и нравах, — словом, во всей внутренней жизни китайского народа. Продолжающаяся критика «четверки» выплескивает наружу острые и неотложные проблемы, которые накопились в предыдущий период. И хотя все эти проблемы и трудности приписывают злополучной группе Цзян Цин, даже неискушенному наблюдателю очевидно, что ответственность за них несет поп, а не приход.

В докладе на пятой сессии ВСНП Хуа Гофэн был вынужден признать, что «за период с 1974 по 1976 год страна недополучила промышленной продукции общей стоимостью примерно в 100 млрд. юаней, стали — 28 млн. т, а финансовых поступлений — в сумме 40 млрд. юаней; все народное хозяйство оказалось почти на грани катастрофы. В ряде районов и отраслей, где „вредные элементы“ прибрали к своим рукам власть при поддержке, покровительстве и попустительстве „четверки“, наблюдались простои и остановка производства на промышленных предприятиях, возврат в деревне к единоличному труду на самовольно разделенных земельных участках, разгул коррупции, хищений и спекуляции, неистовство классовых врагов, разнузданные вылазки неперевоспитавшихся помещиков, кулаков, контрреволюционеров и „вредных элементов“ с целью взять реванш и свести счеты, а кое-где дело даже приняло совсем серьезный оборот — произошла реставрация капитализма. Дальнейшее усугубление этой ситуации неизбежно изменило бы цвет нашей страны и ввергло бы. народ в пучину еще больших бедствий». Разгром «четверки», заявил Хуа, «избавил нашу партию от большого раскола, а наше государство — от большого регресса в его историческом развитии, он позволил нашему народу продолжать свое поступательное движение в социалистическом направлении, указанном Председателем Мао Цзэдуном».

Тем самым косвенно признается, что социалистические завоевания в Китае поставлены под угрозу.

Продовольственные пайки населению, по сообщениям иностранцев, посетивших Китай, были сокращены. О трудностях в сельском хозяйстве говорит тот факт, что общие закупки пшеницы за границей в 1977 году возросли до 6–8 млн. г. Чтобы обеспечить население продовольственным зерном, Китай должен каждый год увеличивать его прирост на 5 млн. т, поскольку население Китая растет на 1,5–2% в год. По оценочным данным,

урожай зерновых 1975 года составил 240–250 млн. г, что составляет увеличение не более чем на 1–2%, не покрывающее роста населения.

Трудное положение сложилось на железнодорожном транспорте. Он эксплуатировался под лозунгом: «Лучше запоздавший пролетарский поезд, чем точный капиталистический». Такая линия сильно дезорганизовала железнодорожное хозяйство, что отрицательно сказалось на всей экономике Китая, поскольку 80% перевозок в стране осуществляется по железным дорогам.

По заключению специалистов, 1976 год оказался самым трудным годом для экономики страны со времени народной революции в Китае. Это объяснялось прежде всего политическими причинами. Но положение осложнилось еще и в результате тяжелого землетрясения в районе Тянь-Шаня в июле 1976 года, сила которого достигала 8,2 балла по шкале Рихтера. В одном из официальных документов, который распространялся среди членов КПК, признавалось, что в результате землетрясения погибло в общей сложности 650 тыс. человек. По мнению зарубежных специалистов, из-за этого, а также по ряду других объективных причин был нанесен серьезный ущерб развитию экономики Китая. В 1976 году валовой национальный продукт страны вырос всего на 3,5%, а по заключению других специалистов — на 3% против 5-7% в 1975 году.

Вот один из многочисленных примеров, характеризующих обстановку в промышленности Китая в предшествующий период. Газета «Дейли телеграф» в номере от 4 октября 1977 г. описывала со слов должностных лиц тракторного завода в Наньчане — административном центре провинции Цзянси, что завод не работал 21 месяц в 1975–1976 годах, поскольку попал под власть представителей «четверки». Рабочие, вооружаясь дубинками, камнями и бутылками с кислотой, создавали фракционные боевые группы. Они были убеждены, что с политической точки зрения неправильно делать упор на производство. Тех же, кто противился этому, рабочие избивали. Сторонники «четверки» нарушали электро- и водоснабжение на предприятиях, оттаскивали рабочих от станков, создавали хаос на заводе, посылали банды хулиганов громить помещения провинциальных и городских органов власти и избивать руководителей. Установив контроль над десятью отрядами местного ополчения, «леваки» пытались завладеть оружием и боеприпасами. В результате всего этого на тракторном заводе в Цзянси было недополучено 12 тыс. тракторов. Руководители завода утверждали, что только за первые пять месяцев 1977 года на заводе было выпущено почти в

три раза больше тракторов, чем за весь 1976 год. Аналогичное положение было и на многих других предприятиях.

Тяжкое наследие оставил Мао Цзэдун и в сфере культуры, науки, образования, искусства.

С 20 июня по 7 июля 1977 г. в Китае было проведено рабочее совещание Академии наук КНР, на котором присутствовали ответственные лица от Академии наук, от провинций, городов центрального подчинения, от основных районов страны, а также ученые и научные работники. В этом совещании приняли участие Хуа Гофэн и другие китайские политические руководители. Участники совещания остро критиковали «четверку», которая, по их утверждению, саботировала развитие науки и запутывала вопросы соотношения идеологии и науки. «Четверка» не позволяла проводить научные исследования, не позволяла изучать зарубежную технику, затормозив тем самым важные научно-исследовательские работы. Широкие массы научных работников, по утверждению выступавших, не могли развертывать свой талант и способности из-за того, что «четверка» произвольно наклеивала им ярлыки «реакционные авторитеты» и «основа реставрации».

Известный китайский физик, председатель научного общества КНР Чжоу Пэйюань в статье, посвященной годовщине со дня кончины Мао Цзэдуна (журнал «Хунци», сентябрь 1977 г.), утверждал, что в 1956 году «при сердечной заботе Председателя Мао Цзэдуна и под руководством Чжоу Эньлая у нас был разработан 12-летний перспективный план развития науки и техники». Благодаря «большому скачку» этот план был реализован уже в 1968 году, что, по словам ученого, заложило основы для модернизации науки и техники страны. Автор статьи сетует в то же время по поводу ущерба науке, который был нанесен действиями «четверки».

Более всего Китаю, где около 400 млн. неграмотных, нужна современная культура — культура труда, культура управления, культура образования и научных исследований. Но именно здесь особенно много проблем. Как мы видели, злополучная вдова Председателя самолично занималась «реформой» системы образования, а также всех областей культуры и вложила в это дело всю свою запоздалую страсть. Вместе с другими участниками «группы четырех» (а вероятно, не только с ними) она сумела за десять лет основательно потрясти всю эту сферу жизни народа. Судите сами, как она преуспела.

Все учебные заведения (школы и вузы в том числе) были переданы в управление «ревкомов учебных заведений», преобразованных впоследствии в парткомы, куда вошли

«революционные кадровые рабочие и солдаты». Сроки обучения были сокращены в соответствии с весьма «тонким» суждением Мао: «Чем больше книг читаешь, тем становишься глупее». В высших учебных заведениях сроки обучения были установлены в три года.

Вступительные экзамены в вузы были фактически отменены. Абитуриенты поступали по принципу «рекомендация — отбор». Главный критерий — преданность идеям «культурной революции».

Прежние учебные программы были осуждены как «феодальные и буржуазные ядовитые сорняки» и отменены. На смену им пришли программы, созданные «революционными преподавателями и студентами».

По указанию «четверки» место отмененных гуманитарных наук фактически заняли труды Мао Цзэдуна. В начальных школах надо было изучить три ранние статьи, в средних школах изучить «отдельные произведения Мао», в вузах — «Сборник избранных произведений». Много внимания в процессе преподавания стало уделяться занятиям по военно-спортивной подготовке.

Прежние преподаватели и профессура были объявлены носителями ревизионизма и буржуазного мировоззрения. Ревкомы вместе с хунвэйбинами приступили к формированию «новой армии учителей» из числа демобилизованных военнослужащих и кадровых работников народного ополчения. Они захватили ведущие места среди преподавателей школ и вузов.

Иными словами, вся система образования была перестроена на основе развертывания «классовой борьбы и линии масс». Можно представить себе, как это отразилось на уровне подготовки молодежи.

«Четверка» не ограничилась системой образования и совершила активное вторжение в сферу науки, литературы, искусства.

Не так давно Академия наук Китая организовала собеседование, на котором научно-технические работники обменялись соображениями относительно курса «пусть соперничают сто школ». В собеседовании участвовали также ученые старшего поколения. Они рассказывали, что в результате замены науки «идеалистической философией» была опорочена и удушена инициатива ученых и погублены многие научно-исследовательские кадры. По их утверждению, «четверка» саботировала исследования в области фундаментальной теории естественных наук, доказывая, что такой теорией являются лишь идеи Мао Цзэдуна.

Противоречивый подход к идеологическому наследию Мао Цзэдуна, основанный на попытке опереться на культ Мао для укрепления позиций нового руководства, создает большие трудности при выработке экономической, социальной и культурной политики применительно к современному этапу развития Китая. Реальные потребности прогресса китайской экономики пришли в явное противоречие с установками покойного председателя КПК в этой области. Невозможно двинуться вперед в деле восстановления и развития народного хозяйства, если по-прежнему исходить из линии, которая нашла свое проявление в политике «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции». Как же быть? Как совместить это с политическими замыслами, как идти дальше под знаменем Мао Цзэдуна, не беря на себя риск, связанный со свержением его культа или, по крайней мере, с дифференцированным подходом к его наследию?

Зажатые в тисках этого явного противоречия между реальными экономическими потребностями и собственными политическими планами новые руководители КПК пытаются найти выход в частичном и по преимуществу скрытом пересмотре экономических установок Мао Цзэдуна. В сущности, они стремятся применить формулу, приписываемую самому Мао, о 70 положительных и 30 отрицательных процентах последствий «культурной революции», к оценке экономической, а возможно, также социальной и культурной политики последних лет.

Но ориентироваться на, так сказать, 30%-ное исправление линии — значит двигаться в рамка. х того же заколдованного круга, который завел экономику Китая в тупик. И самое главное: постановка в качестве основной цели милитаризации экономики не может не тормозить всего дела экономической модернизации.

Ну, а что же дальше? Как исправить в короткое время ущерб, нанесенный политикой Мао Цзэдуна или, по официальной терминологии, действиями «четверки»? Какой должна быть программа развития Китая, его ориентация на длительную перспективу? Пока бросаются в глаза две главные идеи нового руководства страны: твердого порядка и модернизации.

В сущности, Хуа Гофэн пришел к власти под лозунгом — твердого порядка. Именно этот лозунг явился поначалу основной платформой и главным капиталом нового руководства страны. Не разобщение, не стимулирование «классовой» борьбы внутри партии, что было знаменем последних 15 лет и нашло свое официальное отражение в решениях IX и X съездов КПК, а всеобщий порядок, дисциплина во всех сферах жизни — вот что предлагает Пекин партии и стране. Правда, эта установка внешне

заимствуется из того же идейного источника, что и прежние идеи «всеобщего беспорядка в Поднебесной».

Любопытно? И победители, и побежденные, и те, кто чинит «заговоры», и те, кто их подавляет, клянутся в верности одному и тому же знамени. Невольно напрашивается вопрос: а само это знамя — основа единства или разобщенности? Источник сплочения или постоянной борьбы?

Пятая сессия ВСНП закрепила лозунг экономического и военного строительства. Ключевой программой в осуществлении «четырех модернизаций» является экономический план развития на 1976–1985 годы, основные положения которого были одобрены этой сессией.

Текст основных положений этого плана, по имеющимся сведениям, публиковаться не будет. Из доклада Хуа Гофэна известно, что он предусматривает довольно высокие темпы развития как промышленности — 10% в год, так и сельского хозяйства — 4–5%. Хуа Гофэн сообщил, что, согласно положениям плана, КНР должна произвести в 1985 году 400 млн. т зерна и 60 млн. т стали. Он, однако, не объяснил, каким образом намечается достижение столь высокого роста производства. Даже если учесть, что в основу плана положены завышенные оценки текущего производства, для достижения таких показателей требуются более высокие темпы прироста, чем это объявлено в докладе Хуа Гофэна. Не случайно в последнее время эти планы пересматривают в сторону заниженных показателей.

Хуа Гофэн заявил о необходимости планомерного пропорционального развития, составления для этого комплексного баланса, конкретизировал требование осуществления принципа распределения по труду, рекомендовал использовать премии, сдельную оплату труда и т. п. Хотя в докладе Хуа подтвердил такие догмы маоизма, как принцип «политика — командная сила», он одновременно упомянул о том, что китайское руководство стоит перед проблемой выработки методов управления современным производством.

По завершении сессии ВСНП китайская печать снова сосредоточила внимание на продолжении дискуссии относительно путей осуществления «четырех модернизаций». Выдвигая новые установки в хозяйственной области, руководители Китая настойчиво доказывают, что они не являются повторением осужденной «ревизионистской» практики в Самом Китае, и тем более — советского опыта. Так, возобновившему свое издание экономическому журналу «Цзинцзи яньцзю» было прямо предписано наряду с изучением проблем политэкономии заниматься критикой советской экономической практики. Авторы

первых номеров журнала, бродящие пока в дебрях «царства непознанной необходимости», еще мало уделили внимания этому аспекту. На помощь пришел престарелый Чунь Ефан. Он заявляет, что Институт экономики, который он возглавлял до «культурной революции», боролся сразу на два фронта — против «левого ревизионизма» Чэнь Бода и Чжан Чуньцяо и «правого ревизионизма» Либермана. В свете этого высказывания следует ожидать, что по мере определения собственных позиций в экономических вопросах китайские идеологи не преминут открыть огонь и на «втором фронте».

В этом отношении особенно показательно выступление Хуа Гофэна (6 мая 1977 г.) на Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина на промышленном фронте. Противоречивость собственных взглядов нашла свое отражение в его докладе, сделанном еще до сессии ВСНП. Это начинание, по его утверждению, «высоко несет великое знамя Мао Цзэдуна и отстаивает собственный китайский путь развития промышленности». В чем же состоит этот «собственный путь»?

Он, по мнению нового председателя КПК, основан на «великой теории Мао Цзэдуна» «о продолжении революции при диктатуре пролетариата». Опираясь на эту теорию, Мао разработал линию и целый комплекс политических установок и методов для осуществления социалистической индустриализации по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее».

В основе китайского подхода к данной проблеме лежит представление о том, что в социалистическом обществе имеются противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между надстройкой и экономическим базисом. «Развитию производительных сил соответствует та часть производственных отношений, которая не соответствует производительным силам, и та часть надстройки, которая не соответствует экономическому базису. Это и требует, чтобы мы, взявшись за классовую борьбу как за решающее звено, продолжали революцию в области надстройки для приведения ее в соответствие с экономическим базисом, продолжали революцию в области производственных отношений для приведения их в соответствие с развитием производительных сил, всемерно развертывая техническое новаторство и техническую революцию, быстро развивая производительные силы с целью создания все крепнущей материальной базы социалистического, политического и экономического строя».

Нужно согласиться с Хуа Гофэном в том, что в китайском обществе действительно имеются противоречия: между базисом, в основе которого лежит государственная собственность на орудия

и средства производства в городе и кооперативная — в деревне, и надстройкой, которая была деформирована в последние годы под воздействием личной власти Мао Цзэдуна, что привело к волюнтаризму и произволу в экономической и социальной политике. Имеются серьезные противоречия между формами и методами руководства экономикой в целом, между отношениями на производстве и требованиями его эффективного развития. Фактическая ликвидация механизма планирования в экономике КНР, руководство предприятиями через систему военизированных парткомов означали отказ от социалистических методов управления экономикой, основанных на научном подходе, требующих компетентных людей, делового анализа. Параллельно с ликвидацией плановых начал резко упало также использование социалистических форм материального стимулирования на производстве, а также участие самих рабочих в управлении. Отсюда можно видеть, что объективная потребность развития экономики требует восстановления подлинно социалистических принципов руководства производством. Вот что действительно составляет главную проблему для китайской экономики. Но это ли имеет в виду Хуа Гофэн? Судя по всему — нет.

Коренная задача революции в области надстройки на предприятии, по мнению Хуа Гофэна, заключается в том, чтобы в ходе ожесточенной борьбы между двумя классами, двумя путями и двумя линиями осуществить «укрепление диктатуры пролетариата в низовых организациях». Для достижения этой цели необходимо проводить «революционную линию Председателя Мао Цзэдуна» на предприятиях, «вооружать людей идеями Мао Цзэдуна» и всемерно содействовать революционизированию сознания людей. Трудно понять, чем это отличается от тех установок, которые проповедовались в период «культурной революции».

Дацинские нефтепромыслы рассматриваются как образец для всех предприятий страны. В чем видит Хуа Гофэн их особенности? В Дацине, по его мнению, вырос и закалился революционный отряд людей типа «железного человека», воспитанного на идеях Мао Цзэдуна. Этот отряд отличает революционность и самоотверженность, способность доведения любого начатого дела до конца, непоколебимая воля в преодолении всевозможных трудностей. Самое ценное и самое волнующее у дацинцев — «переносить грузы на плечах при отсутствии механизмов», «начать революцию с пятью лопатами», и 10 «не», то есть не бояться трудностей; не бояться смерти; не гоняться за личной славой; не гоняться за выгодой; не обращать внимания на условия труда; не обращать внимания на продолжительность работы; не

считаться с вознаграждением; не считаться со своим служебным положением; не ограничиваться кругом своих обязанностей не считаться с тем, «фронт» это или «тыл». Какой же это дух? — спрашивает Хуа Гофэн и отвечает: это дух беззаветного служения революции.

Дальнейшие высказывания Хуа Гофэна оставляют еще меньше сомнений относительно направленности всей кампании вокруг опыта Дацина. Главное в этом опыте то, что он перенес в промышленность методы, применяемые в армии, опыт проведения политической работы в НОАК. «Таким образом сформировалась промышленная армия, в высшей степени революционизированная, красная и квалифицированная… Дацинцы — это именно развитие в социалистической революции и социалистическом строительстве кипучей энергии, того революционного энтузиазма и того духа самоотверженности, которые были у нас в годы революционных войн».

Итак, главное в экономической политике — это установка на революционный энтузиазм и самоотверженность. Но ради чего? Во имя каких целей? Повышения производительности труда и уровня жизни народа или милитаризации? Хуа Гофэн явно отдает предпочтение последней.

В противовес установке Мао Цзэдуна в период «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции» рассматривается Хуа Гофэном проблема темпов индустриализации и социалистического строительства в Китае. По его словам, именно Мао «много раз указывал на необходимость за не очень длинный исторический период превратить Китай в великую современную социалистическую державу». Хуа Гофэн говорит, что Чжоу Эньлай выдвинул на сессии ВСНП четвертого созыва задачу модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику и к концу столетия превратить Китай в могучее социалистическое государство, ссылаясь на указание Мао Цзэдуна. Мы анализировали эволюцию, которую проделал Мао в этом вопросе после VIII съезда КПК, и могли убедиться, что шла она как раз в противоположном направлении — в направлении скачкообразного развития и форсированного строительства не социалистического, а уже «коммунистического» общества.

Какие же уроки предлагает извлечь Хуа Гофэн? Главный урок состоит в необходимости правильно претворять в жизнь «революционную линию Председателя Мао Цзэдуна». Необходимо, чтобы «воспрянул революционный дух у кадровых работников и широких масс». Необходимо высоко поднять «красное знамя Дацина».

Мы испытываем большие сомнения в том, что именно таковы главные уроки последних 10–15 лет в области экономической политики. На самом деле главное — это вернуться к линии VIII съезда КПК, продолжить ее применительно к современному этапу развития Китая в соответствии с правильно найденной целью модернизации его экономики. Этой цели, как показал опыт экономики Китая и других социалистических стран, отвечают методы социалистической индустриализации, сочетание планирования и стимулирования производства, все более широкого приобщения масс к управлению хозяйством. Идеология «скачка» и «культурной революции» должна при таком подходе уступить место действительно социалистическому взгляду на методы руководства экономикой.

Еще меньше элементов новой экономической политики можно найти в выступлении на том же совещании заместителя председателя ЦК КПК Е Цзяньина. Он считает, что два красных знамени — Дацин и Дачжай, — водруженные Председателем Мао Цзэдуном, представляют собой направление поступательного движения китайского народа, что, высоко подняв эти два знамени, он безусловно придет к бурному расцвету социалистической революции и социалистического строительства, при котором люди будут догонять и перегонять друг друга и который приведет к «непрерывному скачку» народного хозяйства. Итак, идея «скачка», правда «непрерывного», снова привлекает внимание китайских руководителей. Е Цзяньину импонирует мысль, выдвинутая в 1958 году Мао Цзэдуном, относительно «объединения народа в огромную коммуну», которая составит основную единицу китайского общества. Е Цзяньин восторженно отзывается «о бескорыстном коммунистическом духе 10 „не“ данцинцев».

Особенно настоятельно новые китайские руководители рекомендуют перенесение военных методов в сферу управления экономикой, а также участие армии в производственной деятельности и в работе среди масс. В то же время Е Цзяньин исходит из реалистической оценки объема задач и темпов социалистического строительства. Он говорит о том, что социалистическое общество охватывает довольно длительный исторический этап, что осуществление коммунизма будет достигнуто только через сто или несколько сотен лет.

Больше всего бывшего министра обороны интересует проблема укрепления и развития оборонной промышленности. В 1964 году Мао Цзэдун говорил: «Есть два кулака и один крестец: сельское хозяйство — один кулак, оборонная промышленность — другой. А чтобы наносить удары кулаками, надо иметь сильный

крестец. Отрасли промышленности являются этим крестцом». Е Цзяньин призывает «непрерывно усиливать оборонную мощь», мотивируя это существованием империализма и «социал-империализма», под которым имеется в виду Советский Союз. Вопреки господствовавшим в последние годы жизни Мао установкам на народ как на решающую военную силу, Е Цзяньин делает упор на модернизацию обороны. «Без мощной современной промышленности не будет в достатке современного вооружения, средств сообщения и транспортировки, средств разведки, не будет развитой системы связи и управления, не будет современной национальной обороны. Нам обязательно надо ускорить развитие основных отраслей промышленности с упором на производство стали, чтобы создать опору для нашей оборонной промышленности, добиться большого ее прогресса».

О чем свидетельствуют названные выступления высших руководителей Китая? Они свидетельствуют о том, что поиск более целесообразных методов борьбы за осуществление модернизации экономики находится еще в самом начале. Они говорят и о том, что препятствием на пути этого поиска остается преемственность идейного наследства Мао Цзэдуна.

Пожалуй, несколько более свободно и раскованно излагают свое представление о новом подходе к экономической политике Дэн Сяопин и в особенности многие специалисты по экономическим вопросам из числа работников Госплана КНР, министерств и ведомств, научных учреждений. Для Дэн Сяопина характерно следующее высказывание, сделанное им во время встречи с генеральным директором европейской организации по ядерным исследованиям Д. Б. Адамсом. Он сказал, что цель развития науки и техники в Китае заключается в том, чтобы к концу XX века приблизиться к мировому уровню, чтобы известные отрасли промышленности догнали этот уровень, а отдельные отрасли — перегнали его. Чтобы достичь указанной цели, необходимо признать свою отсталость. «Лишь таким путем мы можем двигаться вперед. Мы должны прилежно и добросовестно учиться, перенимать все передовое в науке и технике, причем открывать новые формы учебы». У Хуа Гофэна мы не находим сколько-нибудь категорично сформулированных требований.

Аналогичные высказывания можно обнаружить и у других работников экономического фронта Китая. В статье, написанной представителями Государственного планового комитета и посвященной первой годовщине со дня кончины Мао Цзэдуна, воспроизводятся тезисы Хуа Гофэна о противоречиях между производственными отношениями и производительными силами, между надстройкой и экономическим базисом — все его

теоретические установки в области управления народным хозяйством. В то же время, рассматривая практические вопросы о темпах, строительства социализма, Госплан предлагает ряд мер по их ускорению, основанных на учете объективных закономерностей социалистического строительства. К числу этих мер авторы статьи относят: хорошо урегулированные взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством, а также между различными отраслями промышленности и между различными отраслями сельского хозяйства; сочетание развития промышленности в центре и местной промышленности; проведение принципов трудолюбия и бережливости; правильное регулирование накопления и потребления; забота о росте производства; улучшение жизни народа; внедрение передовой техники; развертывание технического новаторства; твердое проведение социалистического единого планирования; серьезное налаживание комплексного балансирования. Социалистическая экономика, пишут авторы статьи, в корне отличается от капиталистической тем, что она является плановой. Госплан выдвигает как первоочередную задачу создание самостоятельной целостной системы промышленности и всего народного хозяйства, обеспечивающей независимость страны в политическом отношении.

В этом выступлении, хотя в нем и воздается должное всей политической фразеологии, идущей от Мао Цзэдуна, содержится больше реализма в подходе к хозяйствованию, который, по-видимому, отражает современную практику плановых органов, активизирующих свою работу.

Интересный материал для размышлений представляет дискуссия китайских экономистов, которая развернулась летом и осенью 1977 года на страницах китайской печати и среди китайских ученых и экономистов вообще. Это было обсуждение принципов распределения по труду. В ходе дискуссии, проводимой в соответствии с лозунгом «пусть соперничают сто школ», выявилось существование двух точек зрения по двум аспектам этой проблемы. Один из аспектов — разграничение между распределением по труду и материальным стимулированием. Первая точка зрения на данный вопрос заключается в том, что оба понятия совершенно противоположны и не имеют ничего общего между собой. Согласно такой точке зрения, принцип распределения по труду ставит политику на командное место, правильно регулирует интересы государства, коллектива и личности, в то время как материальное стимулирование — деньги и премии — ставит личные,

материальные интересы на первое место.

Вторая точка зрения по своей направленности близка к первой, она лишь акцентирует внимание на том, что помимо различия между этими явлениями есть и общие моменты. Оба реализуются в форме заработной платы, решают вопросы оплаты, связи труда и личной материальной заинтересованности. Сторонники еще одной точки зрения заявляют, что между распределением по труду и материальным стимулированием трудно провести четкую разграничительную линию. Они считают, что ошибочно лишь пренебрежение принципом «политика — командная сила», одностороннее подчеркивание личной материальной заинтересованности и толкование ее как главной движущей. силы развития производства.

Существуют разногласия по вопросу о том, является ли распределение по труду материальной базой для рождения буржуазных элементов новой формации. Одни полагают, что, несмотря на определенное неравенство в распределении материальных благ, которое несет этот принцип, он не имеет никакого отношения к эксплуатации и не ведет к поляризации масс. А другие, напротив, полагают, что проведение принципа распределения по труду может послужить причиной появления буржуазных элементов.

Показательно, что эта дискуссия разгорелась вскоре после реабилитации Дэн Сяопина, который всегда был известен как сторонник осуществления социалистического принципа материального стимулирования общественного производства. Можно только пожалеть, что китайские экономисты не вправе включить в качестве объективного материала для анализа этого и других вопросов опыт социалистических стран, которые широко разработали механизм материального стимулирования производства и распределения по труду в соответствии с требованиями социалистического производства и интересами всех трудящихся.

Как обстоит дело с политикой модернизации в области науки, провозглашенной новым руководством КПК? В своем докладе на сессии ВСНП Хуа Гофэн говорил, что для ускорения развития науки, просвещения и культуры, для строительства могучей современной социалистической державы огромное значение имеет полное выявление роли интеллигенции. «Абсолютное большинство нашей интеллигенции горячо любит партию и дело социализма и поддерживает революционную линию Председателя Мао Цзэдуна», — говорил Хуа. Утверждая, что «четверка» клеветнически называла широкие массы китайской интеллигенции «девятыми поганцами», Хуа Гофэн выдвинул

задачу продолжать ширить и укреплять ряды интеллигенции из рабочего класса, чтобы создать большое количество первоклассных ученых, инженеров, профессоров, преподавателей, врачей, литераторов, деятелей искусства, журналистов и марксистов-теоретиков. Он поддержал курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» как основной курс, обеспечивающий «расцвет социалистической науки и культуры нашей страны».

Хуа Гофэн отмечал, что не следует требовать абсолютного совершенства и безупречности при проведении курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Требовать абсолютного совершенства и безупречности, требовать, чтобы золото было чистым золотом, человек — совершенным, безупречным человеком, есть проявление метафизики.

По словам Хуа Гофэна, «четверка» всеми силами противилась установленному Председателем Мао Цзэдуном курсу «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», «ставить древнее на службу современности, а зарубежное — на службу Китаю», насаждала фашистский деспотизм в культуре и политику запретов. Она опечатала, говорил Хуа, все наши лучшие фильмы, выпущенные до «великой культурной революции», и все прогрессивные зарубежные фильмы, изгнала из театра великолепные исторические и традиционные пьесы, умертвила множество жанров местного театрального искусства, песен и танцев различных национальностей, много драм, а также прекрасных произведений китайского и зарубежного музыкального искусства, прекратила издание замечательных произведений китайской и зарубежной литературы, распустила общественные научные и культурные организации, произвольно наложила запрет на книжный фонд.

Как же обстоит дело с осуществлением на практике лозунга модернизации науки?

В марте 1978 года в Пекине было созвано всекитайское совещание по науке. 25 марта «Жэньминь жибао» и «Гуанминь жибао» поместили сообщение с фотографиями о выступлении на этом совещании с «важной речью» Хуа-Гофэна. Он заявил о наличии пяти возможных путей модернизации— капиталистического и империалистического, ревизионистского и социал-империалистического, отвергаемых Китаем, и «социалистического», которого Китай собирается придерживаться. В ходе обсуждения, говорилось в информации, выступавшие подчеркивали необходимость повышения научно-культурного уровня китайской нации, «развенчания предрассудков, раскрепощения сознания, преодоления ложного

чувства собственной неполноценности, искоренения самоуничижения, развертывания не знающей страха творческой инициативы, требующей смелости мышления, смелости высказываний и смелости в действиях».

Вскоре в Пекине было созвано всекитайское рабочее совещание по вопросам набора студентов в вузы. В связи с этим было опубликовано интервью, взятое корреспондентом агентства Синьхуа у ответственного работника министерства просвещения КНР. В интервью подчеркивалось, что проведенная в 1976/77 году реформа набора студентов в вузы является «абсолютно правильной». Отмечалось, что в 1977 году число подавших заявления о желании сдавать вступительные экзамены составило 5,7 млн. человек; из них было зачислено 278 тыс. человек — на 60 тыс. больше в сравнении с запланированным числом — за счет «выявления скрытых резервов». 80% поступивших — рабочие, крестьяне, военнослужащие НОАК, демобилизованные военнослужащие, революционные служащие. 74% из них — члены КПК и КСМК.

Официальная печать Китая декларирует, что в будущем некоторые методы набора студентов «будут улучшены», с тем чтобы на учебу попадали действительно лучшие, чтобы соблюдались указания об отборе кандидатов в вузы, лучше проводилась разъяснительная работа о специализации того или иного вуза и учитывались пожелания абитуриентов при выборе специальности. «Дети не должны нести ответственность за политические просчеты которые имелись в прошлом или имеются в настоящее время у их родителей», — отметил работник министерства просвещения.

Первые шаги в области науки и образования, таким образом, выглядят обнадеживающими, но на долго ли утверждают этот курс, который лежал в основе политики в области культуры еще на VIII съезде КПК и впоследствии был полностью отброшен, — опять-таки покажет время.

Как обстоит дело с наследием Мао Цзэдуна в области обороны и модернизации армии, о которых сейчас постоянно твердят китайские руководители?

Во французской печати в сентябре 1977 года сообщалось о заявлении китайской военной делегации, находившейся во Франции, под руководством начальника Генерального штаба армии Ян Чэну, человека, близкого Дэн Сяопину.

Китайские военные весьма откровенно признавали, что их армия находится в совершенно плачевном состоянии, что отставание Китая в области военной техники зашло очень далеко. Они говорили французским офицерам о том, что их армия

располагает устаревшими самолетами пятнадцатилетней давности и несовершенной артиллерией. К этому, по их утверждению, надо добавить хроническую недисциплинированность из-за политических неурядиц.

Небезынтересные выводы делает по поводу военной программы модернизации Китая английская «Файнэншл тайме» (14 сентября 1977 г.). В статье Коллины Макдугал «Голоса военных в коридорах власти» утверждается, что в Пекине все больше усиливаются просьбы военных, обращенные к правительству. Автор пишет: «Очень похоже, что догмат Мао о том, что на войне люди важнее машин, претерпит сенсационный пересмотр. Теперь, когда в состав Политбюро включены командующие ВМС и ВВС, а также руководители сухопутных вооруженных сил, голос военных на высшей ступени руководства звучит все более внушительно».

Главный упор в военном планировании — делается на ядерную программу. Приступив к ее. разработке в 50-х годах, китайцы произвели более 20 ядерных испытаний. На испытании, например, в ноябре 1976 года проверялось ядерное устройство мощностью в 4 мегатонны. Однако средства доставки по-прежнему сильно отстают. Теперь развернуто производство ракет средней и промежуточной дальности действия (максимальный радиус действия 1750 миль). Около 40 ракет дальне-промежуточного действия, по утверждению газеты, расположены в Северо-Восточном Китае, поблизости от советской границы. Основным недостатком китайских ракет является то, что они работают на жидком топливе. На запуск таких ракет уходит около 36 часов, тогда как на запуск ракет, работающих на твердом топливе, — всего лишь несколько минут.

После первого запуска китайского спутника в 1970 году к настоящему времени предпринято еще шесть запусков. Сейчас китайцы уже достигли того, что могут возвращать на землю — капсулы. Но, кроме ракет, у китайцев на вооружении находятся чрезвычайно устаревшие образцы вооружения. НОАК, по утверждению «Файнэншл тайме», располагает всего лишь 10 тыс. тяжелых, средних и легких танков устаревших моделей. Китайские ВВС насчитывают 5 тыс. машин устаревших образцов. Газета предсказывает, что сейчас какая-то доля ассигнований на научные исследования, а также на закупки за рубежом, которые до сих пор всецело поглощал ядерный сектор, может быть направлена на разработку обычных видов оружия.

Как же сказывается лозунг модернизации вооруженных сил Китая, выработанный под руководством Мао Цзэдуна, в области военной идеологии? Здесь военным и политическим деятелям

приходится иметь дело с доктриной «народной войны», которая на протяжении четырех десятилетий господствовала в китайской военной стратегии.

Выступления военных руководителей Китая показывают их стремление как-то приспособить эту концепцию к идее модернизации армии и ее оснащения современной боевой техникой.

Об этом можно, в частности, судить по статье члена Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК. Су Юя, опубликованной в газете «Жэньминь жибао» 6 августа 1977 г. Называется она «Великая победа линии Мао Цзэдуна в руководстве ведением войны». Написанная в связи с 50-летием НОАК статья представляет собой самое крупное выступление китайской печати в последнее время по военным вопросам.

Провозглашая верность концепции «народной войны», которая «представляет наше коренное преимущество», Су Юй, известный как сторонник ускоренной модернизации армии, вносит существенные коррективы в эту концепцию. Он выдвигает тезис об условиях ведения «народной войны». Таким условием Су Юй считает оснащение НОАК самым современным оружием. «Мы с полным вниманием относимся к роли применения современного оружия и одновременно, решительно опираясь на собственные силы, улучшаем нашу оснащенность оружием. Мы должны иметь то, что имеет наш противник, а также то, чего наш противник не имеет». Такому же скрытому пересмотру автор подвергает и другие военные концепции Мао Цзэдуна. Пассивной обороне, на которой постоянно настаивал Мао, он противопоставляет активную оборону, разумеется, со ссылкой на Мао Цзэдуна, а на место позиционной войны, которую он называет «вспомогательной формой ведения боевых действий», он ставит маневренную войну. «Необходимо непрерывно изучать и осваивать самую новейшую тактику боя, соответствующую развитию техники и вооружений», — призывает автор.

В статье говорится, что «империализм может развязать агрессивную войну, особенно советский социал-империализм, который может совершить внезапное нападение на нас, поэтому надо поддерживать высокую бдительность, проводить высокую моральную и материальную подготовку». Аналогичные антисоветские выпады содержатся в статье теоретической группы Академии НОАК, опубликованной 5 августа 1977 г. в газете «Жэньминь жибао». «Советские ревизионисты ни на минуту не отказываются от мысли поработить нашу страну. Схватки между Советским Союзом и США за гегемонию рано или поздно приведут к мировой войне». В этой связи авторы призывают

ускорить темпы индустриализации, модернизации китайской армии, для того чтобы «выиграть время в борьбе с врагом».

В указе, опубликованном после заседания Постоянного комитета ВСНП, говорилось: «…Приняты решения осуществлять систему сочетания обязательной воинской повинности и добровольной службы в армии, в связи с чем существующие сроки службы для военнообязанных будут соответственно продлены». В сухопутных вооруженных силах, за исключением некоторых технических специальностей, срок службы будет составлять минимально три года. В военно-воздушных силах срок службы будет повышен до четырех лет, а в военно-морских силах — до пяти лет. Именно таковы были сроки службы в 1974 году, но вскоре после сессии ВСНП, состоявшейся в том же году, они под нажимом «леваков» были уменьшены на один год — хотя официального объявления об этом не было. Новый указ — всего лишь часть программы упрочения дисциплины и повышения боевой выучки в НОАК, поскольку условия службы добровольцев не отличаются от условий службы военнообязанных.

В упоминавшемся докладе маршала Е Цзяньина на сессии ВСНП 1978 года о новой конституции подчеркивалась необходимость «идти по линии революционизирования и модернизации НОАК». «Необходимо, — говорил он, — усилить строительство народного ополчения и осуществить триединую систему вооруженных сил, соединяющую полевые войска, местные войска и народное ополчение». Речь идет не о том, чтобы влить 100-миллионное народное ополчение в регулярные силы НОАК. Речь идет о другом — об усилении контроля военных над народным ополчением, об улучшении его боевой выучки и координации его действий с регулярными воинскими частями, а со временем — о включении его в стратегические планы, разрабатываемые на случай войны.

Сейчас народное ополчение в третий раз реорганизовано. Первая реорганизация была проведена в 1962 году, вторая — в 1973–1974 годах, когда группа Цзян Цин пыталась превратить ополчение в свою опорную базу. В китайской печати утверждается, что «четверка» создавала из ополчения во многих городах Китая «вторые вооруженные силы». Организовывались штабы ополчения, которые были проводниками многих политических акций «четверки». Теперь это ополчение снова находится под полным контролем НОАК. Летом 1977 года был опубликован документ Государственного совета КНР и Военного совета КПК, который регламентирует статус Народного ополчения. В течение 1977 года НОАК «навела порядок в народном ополчении, усилила выполнение им военных задач и

резко ограничила использование ополчения для решения внутриполитических проблем».

Если говорить в целом о внутренней политике нового руководства КПК, то, судя по всему, ему особенно близки идеи и линия Чжоу Эньлая. Сейчас, пожалуй, нет более популярного документа в Китае, чем выступление Чжоу Эньлая по поводу экономических задач Китая на первой сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.). Тогда был выдвинут лозунг модернизации сельского хозяйства, промышленности и национальной обороны, науки и техники для достижения цели — занять одно из первых мест в мире и фактически стать военной сверхдержавой.

Эта же цель составляет главное содержание намечающейся повой линии Хуа Гофэна: «Уже в нынешнем столетии осуществить всестороннюю модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники».

Лозунг «четырех модернизаций» означает отказ от той иррациональной экономической и социальной политики, которая проводилась в последние годы под влиянием «леваков». Но это еще не ответ на вопрос о программе, об ориентации и конкретных планах социально-культурного строительства.

Каким путем идти к модернизации экономики? Путем планомерного строительства социализма или путем использования капиталистических методов? Или каким-то третьим — не капиталистическим и не социалистическим путем, в поисках которого сломали себе шею «леваки»? Идти ли путем сотрудничества с социалистическими странами при их экономической поддержке или опереться на связи с капиталистическими странами? Иными словами, лозунг модернизации определяет цель, но он не содержит конкретной программы, ее еще предстоит выработать, и вокруг этого еще будет сломано немало копий. Но несомненно: главная цель модернизации состоит в том, чтобы в короткие сроки превратить Китай в могучую военную державу и тем самым коренным образом изменить его роль в современном мире. На этом сходятся все руководители КНР, что особенно наглядно обнаруживает вся внешняя политика современного Китая, носящая откровенно гегемонистский характер.

Тяжкое бремя наследования Мао Цзэдуну особенно давит на внешнюю политику нового пекинского руководства. Нельзя сказать, что все остается без изменений в сфере международных отношений Китая. Напротив, имеется множество факторов, которые обнаруживают существенные коррективы, вносимые новыми китайскими руководителями, в его взаимоотношения со

странами современного мира. Но в каком направлении идет дело?

Главное направление, которое все более обнаруживается во всех активных движениях Китая на международной арене в последнее время, — это улучшение отношений с капиталистическим миром, в том числе с США, и попытки создания военно-политических союзов, направленных против СССР, мирового социалистического сообщества, международного коммунистического движения.

В одном из своих первых выступлений Хуа Гофэн заявил, что в международных делах Китай руководствуется стратегическими идеями Председателя Мао Цзэдуна о Делении на «три мира» и выступает за то, чтобы довести До конца борьбу против «сверхдержавного гегемонизма».

Он сказал, что нынешняя международная обстановка весьма благоприятна, что, однако, наравне с нарастанием факторов мира заметно нарастают и факторы войны. «Для того чтобы установить свою гегемонию над всем миром, обе сверхдержавы везде и всюду ведут между собой схватку, которая рано или поздно приведет к войне». В основу такого вывода положены стратегические установки Мао, на которые ссылается Хуа Гофэн.

Прежде всего это утверждение Мао о неизбежности и даже благотворности для «дела мировой революции» мировой термоядерной войны. «Войны не нужно бояться, — говорил Мао Цзэдун. — Будет война — значит, будут мертвые. Сидящие здесь товарищи видели смерть. Смерть не страшна. Если из 600 млн. человек половина погибнет, останется 300 млн. человек. Со времен императора У Ди до эпохи Троецарствия, до Северных и Южных династий население Китая с 50 млн. человек сократилось почти до 10 млн. В период царствования династии Тан вспыхнуло восстание Ань Лушаня, которое продолжалось до эпохи Пяти династий, когда Китай снова распался на 10 государств. Войны длились более столетия. К моменту объединения страны династией Сун в Китае осталось лишь 10 с лишним млн. человек, то есть население снова сильно сократилось.

По-моему, атомная бомба не страшнее большого меча. Во время второй мировой войны Советский Союз потерял 20 млн. человек, да другие европейские страны потеряли 10 млн. человек. Итого потеряно 30 млн. человек. После танских и минских императоров войны велись мечами, и во время этих войн было убито 40 млн. человек.

Если во время войны погибнет половина человечества— это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через сколько-то лет население снова увеличится. Я

говорил об этом Неру. Он не поверил. Если действительно разразится атомная война, не так уж это плохо, в итоге погибнет капитализм, и на земле воцарится вечный мир…»

Так рассуждал Мао Цзэдун на одном из совещаний в ЦК КПК в 1958 году. Он только что вернулся из Москвы, где принял участие в международном Совещании представителей коммунистических и рабочих партий (1957 г.). С трибуны совещания Мао развивал аналогичные взгляды, но не встретил поддержки, напротив, выступление Мао вызвало удивление и протест со стороны его участников, выработавших программу борьбы за мир и социализм. И вот, вернувшись в Пекин, Мао Цзэдун развивает те же взгляды, апеллируя к китайским коммунистам.

Нужно ли комментировать его бесчеловечные сентенции о термоядерной войне, его чудовищную арифметику?! Два миллиарда человек сгорит в термоядерном огне — что за дело! Ведь капитализм погибнет!.. Любопытно было бы спросить у Мао, какую участь он отводит малым народам, народам Европы, народам многонаселенной Азии?

Но подобные взгляды не просто игра ума, не просто больная фантазия Мао. Нет, он упорно развивал их как один из канонов официальной идеологии КПК. И новое руководство страны не отмежевалось от этих идей, более того, оно также твердит о неизбежности мировой термоядерной войны, хотя и обходит вопрос о ее благотворности для построения «быстрыми темпами новой коммунистической цивилизации».

В докладе Хуа Гофэна на сессии ВСНП пятого созыва говорилось, что в последние три года международная обстановка продолжает развиваться в направлении, благоприятном для народов мира, что все более обостряются основные противоречия на мировой арене, но «с особой силой обостряются борьба между двумя гегемонами— СССР и CELIA и их противоречия со всеми народами». Небывалый подъем борьбы всех народов мира против двух гегемонов, СССР и США, в особенности против советского «социал-империализма», и широкое развертывание международного единого фронта борьбы против гегемонизма, основной силой в котором выступает «третий мир», — яркий показатель чрезвычайно благоприятной международной обстановки.

СССР, который обычно именуется «социал-империализмом», выставляется на передний план в качестве «врага народов», хотя формально делается кивок в сторону США — для словесной преемственности с заявлениями о борьбе против «двух гегемонов».

Перед лицом угрозы со стороны сверхдержав среди стран «второго мира» в Западной Европе и в других регионах несколько усилилась тенденция к объединению на борьбу с гегемонизмом, утверждает Хуа. «Развитие международной обстановки служит новым доказательством полной правильности теории Председателя Мао Цзэдуна о трех мирах».

Хуа Гофэн, как и его предшественники, запугивает народы неизбежностью третьей мировой войны и пытается возложить ответственность за это прежде всего на Советский Союз. «Два гегемона, СССР и США, не мирясь со своим поражением, по-прежнему усиленно борются за мировую гегемонию и бешено проводят политику агрессии и войны. Наряду с нарастанием факторов революции заметно нарастают и факторы войны, опасность мировой войны все более серьезно угрожает народам мира. Пока существуют социал-империализм и империализм, война неизбежна. Схватка между двумя гегемонами идет во всех частях земного шара. Два гегемона вовсю трубят о „разрядке“ и „разоружении“, однако лишь для того, чтобы обмануть народы и закамуфлировать гонку вооружений и подготовку войны».

Дальше выступает уже совершенно неприкрытое острие «разоблачений», направленных непосредственно против СССР. «Будучи империалистической державой, появившейся позднее других, Советский Союз в своей экспансии опирается главным образом на военную мощь и, кроме того, везде и всюду занимается аферами, прикрываясь флагом „социализма“ и „поддержки революции“. Он является самым опасным очагом новой мировой войны. Но, поскольку положение в странах мира разное, народ каждой страны определяет задачи борьбы исходя из конкретного положения в своих странах, однако с точки зрения мировой ситуации в целом народы всех стран имеют общую стратегическую задачу, а именно: укреплять и расширять международный единый фронт борьбы против гегемонизма, бороться против политики агрессии и войны, проводимой сверхдержавами, в частности советским социал-империализмом, и добиваться отсрочки мировой войны».

Отсрочка термоядерной катастрофы — это все, что обещает Хуа Гофэн народам земли. Не ограничиваясь призывами к созданию фронта народов против СССР, он адресует провокационные призывы к США, которые уже не именует носителем «гегемонизма». «В настоящее время на Западе есть люди, — говорит он, — которые проводят в отношении Советского Союза политику умиротворения в попытках уберечь себя, принеся в жертву других. Это лишь поощряет алчные устремления агрессоров и приближает войну». «Борьба народов

мира сурова и длительна, путь извилист, но перспективы у мира светлые, победа непременно будет за народами мира».

Хуа Гофэн полностью воспроизводит маоистскую теорию «о трех мирах», внеся в нее некоторые новые акценты, которые еще более подчеркивают ее неклассовое, националистическое содержание. «Мы должны, руководствуясь теорией Председателя Мао Цзэдуна о трех мирах, крепить сплоченность с пролетариатом, угнетенными народами и нациями всего мира, сплоченность с социалистическими странами и сплоченность, со в. семи странами третьего мира, объединяться со всеми странами, подвергающимися агрессии, подрыву, вмешательству, контролю и третированию со стороны сверхдержав, и образовать широчайший единый фронт борьбы против сверхдержавного гегемонизма. Мы готовы устанавливать и развивать отношения с другими государствами на основе пяти принципов: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Мы поддерживаем революционную борьбу всех угнетенных народов и наций».

Хуа Гофэн называет Китай социалистической страной, но относит его одновременно к «третьему миру», с которым у Китая имеется «общность пережитого».

Что касается ссылок на Мао в вопросе об отношениях с социалистическими странами, то достаточно упомянуть секретную директиву съезду Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, которая была направлена Мао еще 8 декабря 1956 г. Мао пишет: «Развалится ли социалистический лагерь? Я думаю, даже если он развалился бы, в этом не было бы ничего страшного, ничего неслыханного».

«Сейчас еще находятся отдельные люди, которые… говорят, что можно занять позицию середины, стать между Советским Союзом и Америкой и тем самым взять на себя функцию моста. Этот метод означает: брать деньги у обеих сторон, брать здесь что-нибудь и там что-нибудь.

Разве хорошо так поступать? Я думаю, что занять позицию середины — никудышный метод, и он не принес бы стране никакой выгоды. Дело в том, что на одной стороне оказывается могущественный империализм. Китай долгое время подвергался эксплуатации со стороны империализма. Если бы мы стали между Советским Союзом и Америкой, это выглядело бы прекрасно. Мы были бы независимы, но на самом деле это не было бы независимостью.

На США полагаться нельзя, американец подкинет кое-что, но

опять же не очень много — можно подумать, что империализм способен накормить нас досыта. Он не станет никого кормить досыта».

Итак, развал социалистического лагеря не страшное дело. Но тогда Китаю еще было выгодно в нем оставаться: американский империализм ненадежен и платит не так уж много за выход из социалистического лагеря…

А что если впоследствии конфронтация с СССР станет выгодной для Китая? Ответ напрашивался сам собой, и он был дан всего лишь через несколько лет, когда Китай развернул ожесточенную кампанию против СССР, других стран социалистического содружества, которая продолжается до настоящего времени.

Наиболее усердными учениками Мао выглядят его наследники, когда повторяют и частично модернизируют его пресловутую теорию «трех миров». Если мы вспомним теорию «трех миров», как она была сформулирована Мао, то новым у Хуа Гофэна является, во-первых, отнесение Китая к «третьему миру», а не к социалистической системе; во-вторых, указание на сотрудничество с некими социалистическими странами (какими — не уточняется, но, по-видимому, с теми, кто приемлет антисоветскую политику КНР); в-третьих, словесное распространение принципов мирного сосуществования на все государства, независимо от их социального строя (в том числе социалистические); в-четвертых, отрицание факта существования социалистической системы.

Нападки на Советский Союз и его политику стали излюбленным занятием нового руководства Китая. Пекинские руководители чувствуют себя при этом совершенно раскованно, считая возможным использовать любую небывальщину по поводу Советской страны, которая «виновата» перед Китаем разве что в том, что на протяжении 30 лет поддерживала КПК в ее борьбе против гоминьдана и оказывала всяческую политическую, экономическую и военную поддержку народной власти после победы революции.

Заместитель председателя Ли Сяньнянь в интервью главному редактору компании «Тайме ньюспейперс лимитед» осенью 1977 году говорил исключительно об угрозе, исходящей от «советского империализма». Он говорил, что Россия проявляет в основном интерес к Западу и в данный момент делает стратегический упор на Европу и Ближний Восток, но в особенности опасны планы СССР в Африке. Дальше шли совершенно фантастические утверждения о том, что Советский Союз хотел бы напасть на Китай, сопровождаемые плохо скрытыми угрозами: «России

придется плохо, если она начнет войну с Китаем…»

В выступлении Ли Сяньняна не было и попытки опереться на какие-либо данные для обоснования подобных инсинуаций. А нужны они китайским руководителям совсем для другого дела. Ли Сяньнянь без перехода тут же начал говорить о возможном нападении СССР на Западную Европу. В качестве доказательства такого чудовищного обвинения Ли Сяньнянь привел тот довод, что Россия «показала себя» на африканском континенте. Однако ему пришлось самому оправдывать политику Китая в Африке. «Китай не поставляет Африке оружия в большом масштабе. Мы поставили немного оружия трем группировкам в Анголе, когда мы были против португальцев, но совсем бесплатно. Мы не хотим быть торговцами смертью. Мы помогли также Пакистану. Но мы не располагаем достаточными ресурсами, чтобы оказывать помощь в большом объеме». (Если ресурсы увеличатся, по-видимому, можно ждать расширения продажи оружия Китаем!)

«Если русские попытаются осуществить экспансию где-нибудь в мире, Китай никогда не останется в стороне», — сказал Ли Сяньнянь. Что означают подобного рода высказывания? Они свидетельствуют о полной безответственности руководителей КНР, которые полагают возможным пускать в ход любую выдумку на манер тех, которые так часто используются во внутриполитической борьбе.

Агентство Синьхуа передало из Токио статью, напечатанную в японской газете «Дзин мин симбун», посвященную стратегической установке о «трех мирах», выдвинутой Мао Цзэдуном. Здесь уже совершенно недвусмысленно обосновывается необходимость объединения сил не против двух сверхдержав, а против Советского Союза. Вот какие занимательные аргументы придумало. агентство Синьхуа вкупе с японскими экстремистами. «Между двумя сверхдержавами — СССР и США, — отмечается в публикации, — также существуют различия и Противоречия. Советский социал-империализм есть империализм, возникший во второй половине 60-х годов. А американский империализм — империализм старого типа, начавший свое глобальное господство после второй мировой войны. Первый занимает наступательную позицию; последний — оборонительную. Американский империализм вынужден частично вобрать свои щупальца, протянувшиеся слишком далеко во все части света, в попытках собраться с силами и уцепиться за свои главные объекты». Отсюда делается вывод, что в борьбе против гегемонизма сверхдержав страны и народы мира «должны повысить свою бдительность, особенно по отношению к советскому социал-империализму».

Для этой цели предлагается привлекать на свою сторону

большинство стран «второго» и «третьего мира», используя тактику единого фронта, а не тактику замкнутости. Так выбалтывается основная установка Китая— беспринципное объединение и братание с любым союзником в борьбе против Советского Союза и других стран социализма.

Наибольшее раздражение у новых руководителей Китая вызывает политика разрядки международной напряженности, проводимая СССР и другими странами социализма. В современном мире нет сейчас державы, которая столь открыто, категорично и упорно выступала бы против разрядки. Известно, что успехи, которые были достигнуты в осуществлении этой политики Советским Союзом и другими социалистическими странами, дались нелегко. Они связаны с преодолением серьезного сопротивления, которое оказывает разрядке международной напряженности консервативное и реакционное крыло империалистических государств.

Непосредственная цель внешнеполитических усилий китайских руководителей состоит сейчас в том, чтобы сорвать разрядку международной напряженности… Теперь это уже совершенно очевидно. Китай отказался присоединиться к договору о запрещении ядерных испытаний в трех средах и является единственной страной, которая активно продолжает испытания в атмосфере. Китай развертывает производство ракетно-ядерного оружия, усиленно домогаясь перевооружения армии за счет помощи стран Запада. Китай решительно сопротивляется любым инициативам, направленным на сокращение и ограничение гонки вооружений.

Деятельность КНР в Организации Объединенных Наций целиком носит деструктивный характер. На XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН китайская делегация выступила против предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению, на XXVII сессии — против неприменения силы в международных отношениях и запрещения навечно ядерного оружия; на XXVIII сессии — против сокращения военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10% и использования части сэкономленных средств для помощи развивающимся странам; на XXIX сессии — против принятия определения агрессии; на XXX сессии — против проекта договора о полном и всеобщем запрещении ядерного оружия, а также против резолюции о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных враждебных человечеству целях; на XXXI сессии — против заключения Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях; на XXXII сессии — против Декларации об

углублении и упрочении разрядки международной напряженности, а также отказалась участвовать в голосовании по проектам резолюции о всеобщем и полном разоружении, о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения, новых систем такого оружия, о запрещении химического, бактериологического (биохимического) видов оружия и т. д.

В своем выступлении на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 29 мая 1978 г. министр иностранных дел Китая Хуан Хуа заявил, что «ни в коем случае не следует лелеять нереальную мечту о разоружении». Он решительно высказался против ограничения вооружений и разоружения, мотивируя это лживым утверждением о «советской угрозе». Китай поддерживает действия агрессивных кругов Североатлантического блока, которые утвердили на сессии совета НАТО в Вашингтоне в 1978 году программу вооружений на сумму 80 млрд. долл. Официальные представители Пекина постоянно высказываются в пользу расширения военных ассигнований США и Западной Европы[1].

Свою обструкционистскую политику в отношении любых предложений, направленных на ограничение вооружений, КНР мотивирует «советской угрозой». Этот мотив прежде всего не делает чести изобретательности китайских пропагандистов. Он давно набил оскомину, помогая империалистическим государствам, использующим жупел «советский угрозы» для безудержного наращивания вооружений. Но какими, с позволения сказать, доводами может Пекин доказать наличие «угрозы с Севера»? Таких доводов нет и не было во всей истории советско-китайских отношений.

Хорошо известно, что не Советский Союз, а КНР заявила территориальные претензии к нашей стране и к МНР, ко многим государствам Азии. Не Советский Союз, а Китай саботирует переговоры об урегулировании пограничных проблем между СССР и КНР. Не Советский Союз, а Китай отказывается принять многочисленные предложения Советского Союза, имеющие целью осуществить принципы мирного сосуществования между нашими двумя странами. СССР, как всем известно, был и остается верным другом и союзником китайского народа. И в период торжества этой дружбы в первые годы существования Китайской Народной Республики, и в период крутого поворота в сторону антисоветизма группы Мао Цзэдуна. И в нынешний период Советский Союз не выступал и не выступает ни с одной акцией, которую можно было бы истолковать как проявление «угрозы» Китаю. Нет, эта «угроза» — чистейшая выдумка китайских

руководителей, которая используется для прикрытия усиленной милитаризации КНР.

В то время как мировая общественность решительно борется против нейтронной бомбы, когда Вашингтон не решается в настоящее время запустить в серийное производство это смертоносное оружие, Пекин открыто высказывается в пользу «нейтронной смерти». Газета «Жэньминь жибао» по этому поводу разъясняла, что нейтронная бомба — это «не такое уж плохое оружие».

13 июня 1977 г. вблизи Лондона открылась выставка вооружений и военной техники, на которой было представлено более 10 тыс. образцов продукции примерно 250 английских компаний. Здесь было все, начиная от дубинок военной полиции и кончая новыми танками и боевыми ракетами. В числе почетных гостей, специально приглашенных начальником штаба обороны Великобритании Н. Камероном, была китайская военная делегация. Она посетила крупные военные предприятия Англии, а также присутствовала на демонстрации боевой техники. Английская печать, ссылаясь на позицию официальных лиц, заявила о большой заинтересованности Великобритании в продаже оружия Китаю. «Англия более чем когда бы то ни было заинтересована в продаже вооружения Китаю», — писали газеты. Они ссылались при этом на заявление министра обороны о том, что Англия готова ответить на заинтересованность Китая по поводу закупок вооружения[2].

Гонка вооружений, несомненно, представляет вполне определившееся и долгосрочное направление политики Китая. Формирование термоядерного потенциала и перевооружение армии страны, которая не хочет считаться ни с какими международно-правовыми решениями, направленными на прекращение наращивания вооружений, страны, которая считает войну неизбежной, страны, которая всеми силами стремится сорвать разрядку международной напряженности, несомненно создает потенциально чрезвычайно опасный очаг мирового термоядерного пожара.

Перевооружение Китая опасно и в другом отношении— оно взламывает то равновесие военных сил, которое сложилось между СССР и США, между странами социалистического содружества и мировой капиталистической системой. Этот баланс военных сил послужил одной из важных основ для переговоров об ограничении стратегических вооружений, а также всей политики разрядки международной напряженности, главной точкой отсчета в переговорах об ограничении стратегических и обычных вооружений между США и СССР, которые согласились исходить

из принципа равенства в обеспечении безопасности. Перевооружение Китая, политика которого своим острием направлена против Советского Союза, служит новым негативным фактором, осложняющим всю современную систему международных отношений.

Все более важное место во внешней политике Пекина начинают занимать взаимоотношения с Соединенными Штатами. Улучшение отношений с Китаем, а тем более экономическое сотрудничество и военную помощь, США рассматривают как важный козырь в попытках оказать давление на СССР и добиться уступок в различных вопросах, и прежде всего в переговорах об ограничении стратегических вооружений. «Китайская карта» широко используется и в ООН для торпедирования важных инициатив СССР и других стран социализма, направленных на ограничение гонки вооружений, решение конкретных задач мировой политики в духе разрядки. Американский представитель в ООН «проглатывает» всю беспрецедентную антисоветскую пропаганду китайских представителей и фактически не реагирует на обструкционистскую позицию КНР по вопросам укрепления мира в тех или иных регионах и во всем мире в целом. Создается впечатление, что американские представители молчаливо возложили на Китай главное бремя борьбы против миролюбивых предложений стран социализма, а также прогрессивных развивающихся стран. Тем самым Вашингтон разделяет и ответственность за эту негативистскую линию одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности.

После установления дипломатических отношений между США и КНР обе страны все чаще оказываются партнерами, когда дело идет об острых проблемах международной политики. Это особенно наглядно проявилось в совпадении позиций и даже политических действий в Анголе, Заире и в Южной Африке. Пекин поддержал так называемые межафриканские силы, создаваемые НАТО для подавления национально-освободительных и прогрессивных движений в Африке. Он выступает на стороне тех арабских стран, которые проводят сепаратистскую и антикоммунистическую линию. Китай оказался в одной упряжке с США и в своем сотрудничестве с фашистским режимом Пиночета в Чили. Все факты говорят о том, что китайские руководители и администрация Белого дома все чаще поддерживают альянс, когда речь идет о борьбе против политики мирового социалистического содружества, против сил социального прогресса.

Китайское руководство заходит так далеко в своем стремлении объединить силы в борьбе против «социал-

империализма», что предлагает Вашингтону прочный союз на антисоветской платформе. 22 мая 1978 г. министр иностранных дел Китая Хуан Хуа во время приема в честь помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского заявил: «Сегодняшний мир полон противоречий, и международная ситуация переживает стремительные потрясения и перемены. Борьба за гегемонию является главным источником беспокойства в мире. Тень социал-империализма можно видеть почти во всех изменениях и волнениях, происходящих в различных районах нашей планеты. Под флагом „разрядки“, „сотрудничества“ и „разоружения“ он расширяет и готовит войну, всюду занимается экспансией и агрессией, с тем чтобы установить мировое господство. Перед лицом этой реальности все страны должны объединиться, быть готовыми к внезапным событиям и не давать себя обмануть иллюзиями о мире, они должны выступить против политики умиротворения и проводить политику „острием против острия“, чтобы расстроить стратегические планы гегемонистов…»

Весьма красноречив ответ З. Бжезинского. Он как будто бы принимает платформу борьбы против «гегемонизма» как общую для КНР и США. З. Бжезинский отметил: «Наше обязательство дружбы с Китаем базируется на общей заботе и исходит из долговременного стратегического соображения. США не рассматривают свои отношения с Китаем как какую-нибудь тактическую целесообразность. Мы осознаем и разделяем решимость Китая сопротивляться усилиям любой страны, направленным на установление глобальной и региональной гегемонии… Народы мира стремятся к государственному суверенитету и соблюдению прав человека. В связи с чем мы уверены в том, что никакая попытка установить гегемонию в таком мире не удастся. Наша цель и решимость тоже подводят солидную базу под такую уверенность». З. Бжезинский после своего визита в Китай, как пишет японская газета «Акахата», «выразил активную поддержку курса Пекина, проводящего специфическую стратегию в отношении СССР, и подчеркнул единство политики Пекина и США в этом вопросе».

Так становится явным то, что скрывалось за дымовыми завесами слов о принципиальной борьбе КНР против гегемонизма «великих держав» — США приглашаются на роль потенциального союзника в борьбе против самих себя…

Агрессия Китая против Вьетнама придает особенно зловещий характер политике КНР в Азии и в других регионах современного мира. Поощряя Пекин на подобные действия, правящие круги Запада играют с огнем, поскольку ставят на карту стабильность

всей системы международных отношений и судьбы мира.

Какова политическая плата за экономическую и военную поддержку КНР со стороны стран Запада? В эту плату, по-видимому, входит самая активная защита Китаем НАТО, выступления на стороне реакционных сил в Анголе, братание с режимом Пиночета в Чили, борьба против коммунизма в Португалии, как, впрочем, и во всей Западной Европе, насаждение так называемых «марксистско-ленинских» партий, выступающих против коммунистических партий, нападки на политику разрядки напряженности и всю миролюбивую внешнюю политику СССР, всего социалистического содружества, на международное коммунистическое движение.

После смерти Мао Цзэдуна пекинские руководители оказались перед историческим выбором: каким путем идти во внешней политике?

Один путь — полное восстановление дружбы и сотрудничества с СССР и другими странами социализма. Это естественный путь для страны, если она хочет возвращения на рельсы социалистического строительства, страны, заинтересованной в бескорыстной помощи и сотрудничестве для модернизации своей экономики. Судя по всему, они безусловно отвергли этот путь.

Другой путь — это путь «моста» между двумя мировыми системами, о котором писал еще Мао Цзэдун. Это путь лавирования между СССР и США, путь извлечения экономических и политических выгод посредством игры на противоречиях двух мировых систем. Судя по всему, они отвергли и этот путь.

Наконец — путь, которого Китай придерживался в последние 15 лет, — сближение с капиталистическим Западом на платформе совместной борьбы против мирового социализма. Судя по всему, они утвердились на этом пути.

Оставим в стороне моральные оценки по поводу двух последних вариантов — они очевидны. Возьмем за основу модель прямой национальной выгоды Китая, предложенную Мао Цзэдуном. Не будем при этом закрывать глаза на простой, хотя и негативный, по сути, факт: второй и в особенности третий путь способны принести Китаю на определенном этапе экономические, а возможно, и политические дивиденды. Но как это скажется в будущем?

Приведет ли это к укреплению независимости Китая или поставит его в зависимость — глубокую и жесткую — от Запада? Найдет ли Китай подлинных союзников среди стран капиталистического мира или напрасно растеряет своих естественных союзников на другой стороне социального барьера?

Будет ли такая социально-политическая ориентация совместима с действительной борьбой за социализм в современном Китае? Официальный Пекин не может не задумываться над этими вопросами, над которыми задумывался Мао Цзэдун еще двадцать лет назад.

В свете последних событий особенно наглядна вся дальновидность и принципиальность позиции Советского Союза, которую определил XXV съезд КПСС — готовность улучшить отношения с КНР — и не только на максимально желаемом, но и на минимально возможном уровне. «Мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования, — говорил Л. И. Брежнев. — Более того, можно с уверенностью заявить: если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной»[3].

Прошло совсем немного времени после кончины Мао Цзэдуна. Пока еще рано судить, а тем более делать окончательные выводы относительно направления внутренней и внешней политики, проводимой наследниками Мао, об их отношении к идейному и политическому наследию покойного председателя КПК. И все же некоторые тенденции уже наметились с большей или меньшей определенностью.

Первый — наиболее очевидный вывод, который напрашивается сам, заключается в тщетности надежд на то, что кончина «великого кормчего» приведет к укреплению единства его преемников. Как известно, Мао Цзэдун проделал гигантскую по своим масштабам и усилиям и неслыханную по своей жестокости работу, направленную против всех тех, кого хотя бы в малейшей степени можно было заподозрить в оппозиционных настроениях к его идеологии, политике, к его культу. Вся «культурная революция», с ее драматическими последствиями для политической системы, для высшего руководства, для всей партии, для всего китайского народа, имела в качестве одной из своих главных целей гарантировать при жизни и после смерти Мао полную ликвидацию оппозиционных сил, обеспечить единство на платформе «идей Мао Цзэдуна».

Мы видим теперь, насколько иллюзорна была эта надежда, насколько безрезультатны гигантские усилия и жертвы. Смерть Мао Цзэдуна привела к самому острому столкновению сил на

политическом Олимпе Китая. Идейная платформа маоизма, точно так же как и те «одиннадцать великих политических кампаний», о которых упомянул Хуа Гофэн на XI съезде КПК, не создали даже минимальной гарантии против нового тура острой борьбы за власть, за влияние, а также вокруг проблем идеологии и политики.

Второе и в определенной степени сенсационное событие — катастрофическое крушение «леваков» — именно тех руководителей, которые стояли ближе всего к Мао Цзэдуну. Поражение «банды четырех» — это поражение людей, оказавших едва ли не самое сильное влияние на Мао Цзэдуна в последние 10 лет. Вдова и зять Мао, его выдвиженцы периода «культурной революции» — Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, которому Мао Цзэдун доверил доложить о новой конституции КНР 1975 года, — были опорой опор экстремистской внутренней и внешней политики Мао Цзэдуна. И именно на них обрушился первый удар в борьбе за наследие Мао.

Еще более поразительно то, как легко была одержана победа над ними. По сути дела, все выглядело как «дворцовый переворот». Арест руководителей «леваков» почти парализовал движение их сторонников, силы которых, по подсчетам западных специалистов, насчитывали около трети состава ЦК КПК, а стало быть, и всей партии. Мы видим в этом приговор экстремистской линии Мао Цзэдуна, в особенности во внутренней политике, которая началась с «большого скачка» и нашла свою кульминацию в «культурной революции». Пускай новое руководство и не декларирует подобную оценку, но она напрашивается сама собой: поражение «леваков» — это поражение всей линии Мао, осуществлявшейся на протяжении последних 10–15 лет.

Третий вывод, который можно сделать, — это достижение временного компромисса внутри нового политического руководства КПК. Сближение представителей «старой гвардии» — Дэн Сяопина, Е Цзяньина и др. с выдвиженцем периода «культурной революции» Хуа Гофэном на определенное время укрепило руководство КПК и КНР. Но только на время. Коренные проблемы политики еще по-настоящему не обсуждены, линия внутренней, а в особенности внешней политики еще вырабатывается, и можно предвидеть острую борьбу, прежде чем эта линия стабилизируется на длительный период. Несомненно, как было и прежде, борьба вокруг политики и идеологии тесно переплетется с борьбой за власть и влияние.

Четвертое — можно констатировать определенные сдвиги во внутренней политике нового руководства КПК по сравнению с

линией Мао Цзэдуна.

Это касается прежде всего экономической политики, политики в области науки, культуры, военного дела. Установка на «четыре модернизации», провозглашенная, впрочем, еще при жизни Мао Цзэдуна, легла в основу всей внутренней политики нынешних китайских руководителей.

Сложнее обстоит дело с идеологией, и в особенности с культом Мао. Руководители Компартии Китая сочли целесообразным опереться на этот культ в надежде укрепить свою власть и консолидировать силы в партии. Пересматривая те или иные, явно неэффективные и нерациональные, установки Мао, новые руководители тем не менее «сохраняют лицо» и пытаются опираться на самого Мао в борьбе против тех или иных его крайностей. Основы идеологии маоизма пока еще не поколеблены. В этом главное противоречие нынешнего момента, поскольку борьба за осуществление провозглашенной линии «четырех модернизаций», продвижение вперед в этом направлении становятся все менее возможными при сохранении маоизма в качестве идеологической основы КПК и китайского государства.

Можно также констатировать — и в этом самая драматическая сторона дела — явное усиление экстремистской линии Китая в области внешней политики, направленной против Советского Союза, других стран социалистического содружества, против проводимой ими политики разрядки международной напряженности. Здесь полностью унаследован курс Мао Цзэдуна и особенно сильна преемственность. Может ли это служить предметом гордости для маоизма? Очень сомнительно.

Внешнеполитическая ориентация Китая исходит из простейшей предпосылки о национальных выгодах и интересах, толкуемых, однако, с позиций радикал-национализма и подчиненных целям великодержавия. Понимаемые в этом духе национальные интересы породили и стимулируют ориентацию пекинских руководителей на те страны, которые проявляют заинтересованность в милитаризации Китая, в укреплении его могущества, в его еще большем утверждении на позициях радикал-национализма. Ясно, что это страны капитализма — участницы империалистического блока НАТО и другие государства, которым импонирует именно такая новая роль Китая.

Антисоветизм является козырной картой в этой националистической игре. Используя политику антисоветизма, нагнетая всякие страхи и ужасы, якобы исходящие от СССР, китайские руководители получают немалые дивиденды —

военную и экономическую помощь развитых стран Запада, активную политическую поддержку, полную моральную реабилитацию. Китайские руководители обретают свободу рук для любых акций внутри страны — Западу нет дела до этого, только бы сохранилось противостояние Китая СССР и другим социалистическим странам.

Странно, но это бесспорный факт, что реакционный гоминьдановский режим не был так обращен вовне, так агрессивен и великодержавен. И нельзя сказать, что сегодня национализм китайских руководителей вызван исключительно усилением мощи этой страны. На самом деле относительная мощь Китая по отношению к ведущим державам мира стала меньшей, а не большей в сравнении с периодом гоминьдана. Значит, причину надо искать в самой ориентации социальной жизни Китая, в идеологии и политике нынешних пекинских руководителей.

Экстремизм внешней политики Китая — несомненно сложившаяся тенденция. Куда он будет обращен?

Уже в настоящее время в практической политике Китая все больше выходит на первый план стремление утвердить свою гегемонию в Азии. Не исключено, что в ближайшей перспективе Китай устремится в Африку. Национализм и великодержавие находят свое проявление в экстремистской внешней политике, векторы которой могут быть направлены в разные стороны.

Концентрированным выражением внешнеполитического курса новых руководителей Китая явилась его агрессия против Вьетнама. Эта агрессия не только отразила гегемонистские претензии Пекина в Юго-Восточной Азии, не только обнаружила на деле жестокость и коварство китайского руководства по отношению к свободолюбивому народу Вьетнама. Она отразила общую стратегию КНР на международной арене, стратегию, направленную против разрядки международной напряженности, на расшатывание всей системы международных отношений, на подготовку термоядерной войны.

В заявлении Генерального секретаря Компартии США Гэса Холла (6 марта 1979 г.) по поводу китайской агрессии во Вьетнаме говорилось: «В своем гнусном и коварном замысле китайские лидеры преследуют несколько целей: вовлечь весь мир и особенно Советский Союз в новую конфронтацию; установить свое господство— политическое, военное и экономическое — в Юго-Восточной Азии; захватить определенные территории, о чем свидетельствует, например, карта, изданная в 1954 году, на которой китайцы по примеру Гитлера включили в состав своей территории районы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи; разграбить

жизненно важные стратегические ресурсы Вьетнама: нефть, хром, магний и др.; служить мировому империализму посредством ослабления и подрыва сил мирового революционного процесса».

Ни одной из этих целей Китаю достигнуть, разумеется, не удалось. Дэн Сяопин — Один из главных инициаторов агрессии — в своих многочисленных развязных заявлениях во время пребывания в США и после возвращения в Пекин говорил о намерениях Китая «преподать урок Вьетнаму». После 17 дней боев Китай был вынужден объявить о выводе своих войск с вьетнамской территории. Вьетнамский народ нанес поражение еще одной великой державе, которая покушалась на его независимость и свободу. К такому выводу пришли не только противники китайской агрессии, но и те, кто явно или скрытно ее поощрял и поддерживал. Газета «Уолл-стрит джорнэл» (8 марта 1979 г.) в статье «Кто кому преподал урок» писала: «Если взвесить все плюсы и минусы „карательного“ вторжения Китая во Вьетнам, остальное человечество может согласиться, что Китай вышел из этой войны с подпорченной репутацией и разбитым носом».

Западные политики и идеологи пишут о неподготовленности вооруженных сил Китая, а также о несостоятельности его стратегии, которая обнаружилась в его вооруженном нападении на Вьетнам. Но они обходят главные политические выводы, которые следуют из этой агрессии. «Своим беспрецедентно наглым разбойничьим нападением на соседнюю небольшую страну — социалистический Вьетнам — нынешние пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики, — говорил Л. И. Брежнев в своей речи перед избирателями 2 марта 1979 г. — Теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире».

Правящие круги Запада склонны игнорировать эту угрозу и даже поощрять экстремизм Китая в отношении социалистических стран. Долгое время они твердили, будто Китай ведет только «чернильную войну», (выражение Мао). «Горячая война» Китая против Вьетнама разрушила эти иллюзии. То там, то здесь в оценках буржуазных политиков и журналистов слышатся нотки отрезвления и беспокойства.

Однако Запад отнюдь не намерен отказаться от своих планов вооружения Китая. Это мотивируется, во-первых, тем, что Китай-де увязает в своей конфронтации с СССР и в своих конфликтах в Азии и потому не будет опасен Западу. Второй мотив — Китай-де постепенно «цивилизуется», войдя в систему отношений мирового сообщества.

Так могут думать только люди, которые не хотят заглядывать в будущее. Кто дал гарантию Западу, что через 5-10 лет Китай не начнет разыгрывать вместо советской карты антияпонскую или даже антиамериканскую карту? И откуда гарантия, что китайские руководители «цивилизуются» до получения достаточного термоядерного потенциала?..

В высшей степени показательно, что антивьетнамскую авантюру затеяли «правые», «прагматики» во главе с Дэн Сяопином. А откуда гарантия, что через какое-то время в Пекине не придут к руководству «леваки», настроенные еще более экстремистски?

Тогда уже будет поздно принять меры, которые пока еще возможны. Речь идет прежде всего о коллективном контроле всех государств, которым дороги интересы мира и безопасности, за термоядерным и обычным вооружением Китая. Пока еще возможно коллективными усилиями предотвратить его термоядерную гонку, что, кстати, только пойдет на пользу самому многострадальному-китайскому народу.

В этом — главный урок, который преподала китайская авантюра во Вьетнаме всему человечеству.

И наконец, последнее: что представляет собой современный Китай? Куда он идет? Это сложный вопрос, пожалуй, наиболее трудный из всех вопросов, которые занимают умы современного человечества.

Мировое общественное мнение внимательно следит за борениями, исканиями, жертвами этого миллиарда людей и жаждет понять, чего можно ждать от Китая в будущем? Не будем строить прогнозов на далекую перспективу. Она окутана туманом, подобно горе, с которой Мао сравнивал свою опрометчивую подругу жизни. Задумаемся над другим: что можно считать относительно устоявшимся, определившимся как тенденция в жизни современного Китая? У нас перед глазами тридцатилетний опыт существования послереволюционного Китая — двадцать семь лет при Мао Цзэдуне и три года при его наследниках.

Современный Китай представляет собой явление, в сущности, уникальное и парадоксальное. Страна, которая именует себя социалистической, государство, которое именует себя диктатурой пролетариата, партия, которая именует себя «самой последовательной марксистско-ленинской партией», проводят явно антисоциалистическую внешнюю политику, направленную против стран социалистического содружества, международного коммунистического движения, против политики мира и социального прогресса во всем мире. В середине 50-х годов, когда зародился этот экстремистский курс, можно было думать, что мы имеем дело со случайным зигзагом политической истории Китая, можно было ждать, что в стране найдутся силы, которые восстановят прежнюю внутреннюю и внешнюю политику, приблизятся к позициям научного социализма и интернационализма. Но теперь, когда прошло уже более двух десятилетий «зигзага», не пора ли заново оценить происходящее, переоценить ценности и подумать, не представляет ли собой этот «зигзаг» подлинную историю современного Китая, которая в том или ином виде найдет свое продолжение и в будущем.

Когда свершилась Великая китайская народная революция 1949 года, китайские руководители объявили свою страну социалистической, и все мировое коммунистическое движение присоединилось к их оценке, рассчитывая, что китайский народ с течением времени займет свое достойное место в растущей семье социалистических народов и стран. Впоследствии, когда произошло огосударствление собственности в городе и

кооперировалась деревня, эта характеристика была прочно закреплена за Китайской Народной Республикой.

Теперь мы стоим перед проблемой: можно ли признать, что «китайский» социализм совместим с антисоветизмом, борьбой против мирового социалистического содружества, с агрессией против Вьетнама, экстремистской политикой на мировой арене, с неустойчивой политической системой, где проходит постоянная беспринципная борьба за власть различных группировок, словом, со всеми теми явлениями, которые мы наблюдаем в Китае на протяжении последних 15–20 лет. И дело даже не в дефинициях, не в социально-политических ярлыках. Проблема состоит в том, чтобы действительно понять, каковы же тенденции развития Китая и чего от него можно ожидать в будущем?

Первое, к чему хотелось бы призвать читателя, — это избавиться от магии слов и понятий. Все мы помним, какое радостное ликование вызвала в наших сердцах революция в Китае в 1949 году. СССР оказал помощь Китаю как своему близкому другу и союзнику, и мы гордились, что еще 700 млн. человек избрали тот же путь, который избрал Советский Союз.

Эта эйфория слов, эта щедрость социальных оценок до сих пор иногда мешают нам трезво взглянуть в глаза очевидным фактам. Современный Китай вовсе не такой, каким его изображают китайские руководители. Лишь краткий период, менее десяти лет (с 1949 по 1958 г.), Китай выступал в роли страны, осуществляющей начальные социалистические преобразования, поддерживающей дружественные отношения с другими странами социализма. Но вот уже более 20 лет мы наблюдаем противоположный процесс: элементы социализма, заложенные в первые годы, все время колеблются под сильными политическими ветрами, а весь политический корабль явно двинулся по другому курсу: из союзника СССР, всего социалистического содружества Китай превратился в их ожесточенного противника.

Не пора ли, учитывая эти действительные факты, произвести переоценку ценностей — не для того, чтобы избавиться от нашего страстного желания восстановить утерянную дружбу и союз, а для того, чтобы избавиться от магии слов и понятий, которая застит глаза на реальные и, повторяем, очевидные факты.

Итак, перелистаем снова основные главы биографии страны и ее вождей — рассмотрим основы политической, культурной, социально-экономической системы Китая. Теперь можно говорить о вполне выявившихся тенденциях в развитии Китая, которые пробивали себе дорогу через все перепады борьбы руководящих политических сил с ее движениями «вправо» и «влево». Кстати

сказать, «правые» и «левые» течения есть во. многих движениях, и переход господствующего влияния от одной группировки к другой, вообще говоря, не меняет сути политики, а тем более социальной и политической системы.

Бросим прежде всего общий взгляд на эволюцию, которую проделало политическое руководство этой страны:

1. 1949–1958 годы: у руководства стоял непрочный союз «левых» (Мао Цзэдун), «правых» (Лю Шаоци), «умеренных»(Чжоу Эньлай) и интернационалистов (Гао Ган, Пэн Дэхуай).

2. 1958–1961 годы: в руководстве превалировали «леваки» (во главе с Мао Цзэдуном). Позиции «правых» (Лю Шаоци) ослабли, интернационалисты (Гао Ган, Пэн Дэхуай) были изгнаны или уничтожены.

3. 1961–1964 годы: позиции «леваков» (во главе с Мао Цзэдуном) ослабли, позиции «правых» (Лю Шаоци) окрепли, усилились также позиции «умеренных» (Чжоу Эньлай).

4. 1964–1971 годы: резкий перелом в сторону господства «леваков» (Мао, Линь Бяо), ликвидация «правых» (Лю Шаоци), ослабление «умеренных» (Чжоу Эньлай).

5. 1971–1976 годы: крушение одной группы «леваков» (Линь Бяо). Укрепление новой группировки «леваков» — пресловутой «четверки» (возглавляемой Цзян Цин), дальнейшее ослабление влияния «умеренных» (Чжоу Эньлай).

6. 1976–1979 годы: крушение «леваков» («банды четырех» во главе с Цзян Цин), реванш «правых» (Дэн Сяопин, Е Цзяньин) в союзе с «умеренно левыми» (Хуа Гофэн, Ван Дунсин).

Так выглядят, при очень поверхностной и условной хронологии, перемены политических ветров в «высшем эшелоне» китайских руководителей. Связаны ли были с этим серьезные перемены внутреннего и внешнего курса? В определенных пределах — связаны. Особняком стоит период 1949–1958 годов, когда в руководстве КПК еще находились интернационалисты и когда продолжали действовать общие тенденции единства, дружбы, сотрудничества КНР с СССР и другими социалистическими странами. Что касается последующих периодов, то можно констатировать, что внешняя политика шла, в сущности, в одном и том же направлении, хотя и наблюдались определенные сдвиги от изоляционизма и дипломатической пассивности к высокой активности на международной арене. Внутренняя политика была подвержена большим изменениям. Однако общий курс экономической, социальной и культурной политики, при всех колебаниях в 1958–1979 годах, также идет, в одном — маоистском направлении.

Сами китайские руководители называют одиннадцать

крупных политических битв. Мы назвали только пять перепадов в борьбе политических группировок на уровне высшего руководства КПК. Но этого наблюдения достаточно, чтобы прийти к определенным выводам.

Читатель имел возможность познакомиться в этой книге (в большей или меньшей степени) с различными деятелями китайской революции и современного Китая. Перед ним прошла вереница портретов — разумеется, прежде всего и в основном это Мао Цзэдун, затем многие его соратники, противники и наследники — Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Пэн Чжень, Линь Бяо, Дэн Сяопин, Чэнь Бода, Кан Шэн, Цзян Цин, Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ван Дунсин, Ли Сяньнянь и другие.

Конечно, эти деятели во многом непохожи друг на друга; каждый из них отличается своей, нередко достаточно самобытной и яркой, индивидуальностью; во многом различны и их взгляды по тем или иным вопросам идеологии и политики. Тем не менее всех их роднят некоторые общие типические черты: это деятели радикального левонационального движения. Ли Сяньнянь прав, когда он говорит, что все они «левые» — левые по сравнению с правыми деятелями национально-освободительного движения типа Чан Кайши. Поэтому, независимо от того, являются ли они «умеренными», подобно Чжоу Эньлаю, «правыми», — подобно Лю Шаоци, «левыми», подобно Линь Бяо, или «ультралевыми», подобно Цзян Цин, всех их роднит радикализм, безусловная склонность к насилию, социальный утопизм (в большей или меньшей степени) и, наконец, как главная черта — национализм.

И в индивидуальном плане, и как общественное движение всех этих деятелей объединила неистовая ненависть к национальному угнетению и к национально-колониальному угнетению, которому подвергался Китай, неистовая жажда восстановления его независимости, его самостоятельности, его величия. Эти справедливые, если хотите, святые чувства сыграли, однако, со многими из китайских руководителей злую шутку, когда прогрессивность национально-освободительного движения исчерпала себя. Возникла совершенно новая, гигантская по своему масштабу проблема: приобщить многомиллионный китайский народ к современной индустриальной и культурной, более того — социалистической жизни. Вот тут-то национализм, который имел перед собой знак плюс, неожиданно приобрел минусовый знак, стал балластом, бременем, тяжелейшей помехой на пути борьбы за решение новых задач.

Большим несчастьем для страны явилось то, что новая генерация руководителей, воспитанная в условиях разгула маоистского левачества, экстремизма, национализма, была еще в

меньшей степени, чем ее предшественники, подготовлена к решению новых трудных задач.

Главная тенденция — это, несомненно, национализм в идеологии руководящих политических сил. Причем перед нами новый тип националистического Китая. Он отличается от гоминьдановского типа националистического Китая и вместе с тем схож с ним. Это отличие можно было бы, с известной долей условности, определить как радикал-национализм. Речь идет о национализме, имеющем определенную социально-классовую направленность. Это национализм, который отражает наиболее радикальные течения, выросшие в рамках национально-освободительного движения и выплеснувшиеся за эти рамки. Это национализм, заквашенный на мелкобуржуазной революционности со всеми ее крайностями как в отношении социальных преобразований, так и в отношении внешнеполитической линий. Мы склонны называть эту новую линию радикал-национализмом, а не социал-национализмом, поскольку наиболее характерная ее черта — экстремизм, склонность к крайним методам и формам своего проявления. Этот радикализм может либо иметь, либо не иметь социальную окраску, служить внутренним классовым преобразованиям либо игнорировать их, но он остается верным себе в отношении склонности к насилию, крайностям, в способности преследовать различные и даже противоположные социальные цели.

Что бы ни говорили Мао Цзэдун, его последователи и наследники, национальное величие Китая для них — синоним великодержавия. То, что это типичное проявление национализма, — не вызывает сомнений ни у одного сколько-нибудь серьезного исследователя и публициста, пишущего о современном Китае. В лице Мао Цзэдуна и его приспешников мы имеем дело с идеологами национализма прежде угнетенной нации, к тому же нации великой, которая на протяжении тысячелетий сама выступала в роли угнетателя окружающих ее «варварских» народов.

=Национализм подобного рода удесятерен воспоминаниями о своем былом многовековом господстве и оскорбленным чувством униженности в период колониальной зависимости.

Основной лозунг этого радикал-национализма — превратить Китай в могущественную державу. Мао Цзэдун говорил о могущественной военной державе. Новые руководители Китая твердят о могучей социалистической державе. Однако их лозунг «четырех модернизаций» в своей сердцевине имеет военную модернизацию. Нетрудно предвидеть, что чем дальше, тем больше именно эта цель будет выходить на передний план.

Военная модернизация — как основная опора политического авторитета в современном мире, престижа страны и ее руководителей; военная модернизация — как действенный паллиатив общей национальной цели, объединяющей все слои китайского общества, как опора власти; военная модернизация — как гарантия новой, быть может, господствующей роли миллиардного Китая в начале будущего тысячелетия…

Мы — самая великая страна по числу населения, богатству духовных традиций прошлого и одна из самых отсталых стран в экономике и технике — эта сентенция буквально не сходила с уст Мао Цзэдуна и усвоена современными деятелями Китая. Когда не удается за короткий срок догнать промышленно развитые страны («большой скачок»), когда не удается превзойти другие страны в духовном радикализме («культурная революция»), выбирается единственная оставшаяся альтернатива — милитаризация. Лозунг «сталь и бомбы» преобразуется в «сталь для бомбы».

И тогда символом национального величия становится главным образом модернизация армии, обретение ракетно-ядерного потенциала.

Заметьте, как все названные деятели, включая самых «правых» (Дэн Сяопина), сошлись на теории «трех миров». Роль Китая в этих «трех мирах» им видится вовсе не как роль одной из развивающихся стран. Нет, они претендуют на главенство — на роль объединителя двух миров в борьбе против двух «сверхдержав», а теперь уже исключительно против Советского Союза и других стран социалистического содружества. Это роль «сверхдержавы наизнанку», основой могущества которой должна послужить система союзов, символизирующих новый передел современного мира.

Конечно, это очередная утопия: невозможно переделить мир, игнорируя объективно существующие социальные условия, а также сложившиеся традиционные политические связи и предпочтения. Но эта новая социальная утопия способна кружить голову не меньше, чем прежняя, касающаяся внутреннего развития Китая («большой скачок», «народные коммуны», «культурная революция»). Обращенная на этот раз вовне, эта утопия чем дальше, тем все больше способна наносить ущерб делу борьбы за мир и социальный прогресс на международной арене.

Нас не должна вводить в заблуждение приверженность китайских руководителей к лозунгам социализма. Да, многие из них были и остаются социальными утопистами, а некоторые, по крайней мере внешне, приобщились к марксизму, хотя и не овладели им. Но являются ли они на самом деле сторонниками

социалистического идеала, вот в чем вопрос. Понимают ли они, что такое социалистический идеал? Исходят ли они действительно из интересов, потребностей, чаяний рабочих людей, всех трудящихся?

Социализм стал знаменем XX века, подобно тому как демократия была знаменем XIX века. Теперь социалистическими лозунгами никого не удивишь. Собственно, уже в середине XIX века социалистические движения значительно размножились, отражая все особенности интересов различных противостоящих капитализму сил и все особенности и разнообразие социалистической теоретической мысли.

Если во времена К. Маркса сторонниками социализма объявляли себя такие абсолютно несхожие между собой деятели, как Бабеф, Сисмонди, Оуэн, а в конце века — милые социалисты пиквикского типа — Уэбб, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, то в наше время течения, называющие себя социалистическими, включают сотни самых разнообразных движений. Наряду с коммунистами, выступающими за научный пролетарский социализм, этот поток подлинных или мнимых, действительных или демагогических, искренних или лживых борцов за социализм включает социал-демократов, троцкистов, левых радикалов, христианских социалистов, арабских, африканских социалистов и даже террористов из «красных бригад».

Маоизм как идеология и политическая практика занимает свое особое место в этом движении. Какое же?

Реальный научный социализм — это социализм, который отражает интересы и идеалы рабочих; мелкобуржуазный «социализм» — соответственно интересы мелкой буржуазии; крестьянский — соответственно крестьян и т. д. Это элементарно. Чего хотят рабочие? Избавиться от эксплуатации и гнета буржуазии и буржуазного государства, но вовсе не для того, чтобы попасть под гнет мелкой буржуазии и его государства, а для того, чтобы покончить со всяким гнетом, жить в достатке, культурно, участвовать в управлении производством. Нынешнее китайское государство и не ставит подобных целей. Его цель ясна — военно-промышленный рост; его интересы — сохранение господства «ганьбу».

Идеалы реального научного социализма глубоко и всесторонне сформулированы в новой Конституции СССР. В ней говорится, что социализм — это такое общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и техника, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Это общество, законом

которого является забота всех о благе каждого, забота каждого о благе всех. Это общество подлинной демократии, политическая — система которого обеспечивает эффективное участие трудящихся в управлении всеми общественными делами, все более активное их участие в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с обязанностями и ответственностью перед обществом.

Что касается идеала «социализма», который проповедуют и осуществляют в Китае и который нашел отражение в официальных документах страны — конституции КНР и уставе КПК, — то они исходят совсем из других предпосылок и носят иной социально-классовый характер. Это «социализм» без достойного жизненного уровня и благосостояния, без демократии и участия масс в управлении, без свободы и всестороннего развития личности. Это «социализм», основанный на эксплуатации трудящихся в интересах правящей военно-бюрократической группы и формулируемых ею социальных целей (военное производство, национальное величие). Иными словами, это «социализм» мелкобуржуазно-бюрократический с сильно выраженными феодальными чертами.

Чтобы яснее представить себе характер социально-экономической и политической системы в Китае, подумаем еще раз над более общим вопросом — о критериях, определяющих природу этой системы. Таких главных критериев два: структура общества (прежде всего собственности и власти) и образ жизни народа — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Вопрос в конечном счете сводится к тому, какова социально-экономическая и политическая структура общества, каков образ жизни трудящихся в широком смысле этого слова, включающем и жизненный уровень, и удовлетворение экономических и социальных прав, и участие трудящихся в управлении. Важным компонентом характеристики социально-политической системы является политика — экономическая, социальная, культурная, а также внешняя политика. Куда идет национальный доход? Идет ли он на удовлетворение нужд руководящей группы «ганьбу»? Идет ли он на развитие военного производства, которое не вытекает непосредственно из интересов безопасности китайского общества? Идет ли он на достижение националистических сверхзадач, на превращение Китая в короткие сроки в господствующую державу в современном мире? Или национальный доход идет на развитие общественного производства и все более полное удовлетворение потребностей трудящихся? Кто распоряжается собственностью? Участвуют ли трудящиеся в управлении государством, в определении

экономических и социальных целей развития? Иными словами, осуществляется ли социалистическая демократия? Какова роль государства на международной арене, подчиняет ли оно свою политику интересам китайских трудящихся, выступает ли оно в союзе с другими социалистическими народами и странами или подчиняет свою деятельность достижению великодержавных целей?

Если подходить с такими критериями к пониманию социализма — а это единственно научный подход, основанный на более чем полувековом опыте становления социализма в странах социалистического содружества, — то невозможно не прийти к выводу, что современный Китай чрезвычайно далек от подлинно социалистического идеала. Мы видим в нем то, что Маркс называл проявлением мелкобуржуазного социализма в экономике и социальных отношениях и радикал-национализма и великодержавия в идеологии и внешней политике. Такова реальность, таков современный этап развития Китая.

Самое драматическое наследие феодального прошлого Китая — это социально-политическая пассивность многомиллионного китайского народа. Фактически он и сейчас еще является объектом, а не субъектом, не творцом социальных преобразований, которые намечаются где-то наверху в рамках высшего политического руководства и которые принимаются как должное всем народом.

В сущности, на протяжении последних 15 лет мы наблюдаем почти исключительно жизнь поверхностного слоя Китая — этих 20–30 млн. «ганьбу», которые никак не рассядутся на политической лестнице. Их борьба за власть со всеми ее аксессуарами: навешивание преувеличенных и нелепых ярлыков, поношение противников, вплоть до физической расправы с ними, их непристойная идеологическая и политическая полемика, за которой с трудом можно отыскать рациональное зерно действительных расхождений, их метание из крайности в крайность— от «правой» политики к «левой»; от «левой» к еще более «левой»; от еще более «левой» к «правой», — все это зыбь на огромном море почти миллиардного населения великой страны.

Как живут китайские крестьяне, которые и сейчас еще составляют подавляющее большинство населения? Не исключено, что они живут так же или почти так же, как жили до народной революции 1949 года, приспособившись к новым формам с мудростью людей, за плечами которых стоят три тысячелетия приспособления к разным властям со всеми их причудами. Они так же усердно обрабатывают свой клочок земли, который теперь называют приусадебным участком, и одновременно почти

бесплатно отрабатывают на общественном поле, точно так же как они отрабатывали на помещика. Они живут в таких же или почти таких же домиках, которые в любом цивилизованном государстве называются трущобами, и имеют на весь день те же несколько щепоток риса. Они так же подчиняются местным «ганьбу», покорно реагируя на принудительные общественные работы и принудительное участие в идеологических и политических кампаниях.

Почти половина крестьянского населения остается неграмотной, а стало быть, продолжает верить в то, во что верили их отцы и деды, и все споры китайских руководителей о китайской культуре, будь то Чэнь Бода, Линь Бяо или Цзян Цин, отскакивают от них, как пинг-понговый шарик, поскольку это находится вне их обыденного сознания и их психологии. Точно так же вряд ли можно видеть какие-то существенные перемены в образе жизни армии чернорабочих, которые и сейчас составляют подавляющее большинство рабочего класса Китая. Не видно перемен в жизни и других слоев китайского народа, кроме тех, которых непосредственно затрагивают, в качестве участников или жертв, последние политические кампании.

Одно из наиболее впечатляющих свидетельств — это сообщения тех иностранных представителей, которые проехали хотя бы по какой-то части Китая поездом. Им рисуется обычно самая унылая и убогая картина бедности, отсталости от современных форм жизни цивилизованного человечества.

В жизни простых китайцев в больших городах иностранные путешественники наблюдают качественно новые черты — обилие велосипедов на дорогах. Китайский народ переживает период «велосипедной» цивилизации. Каждая китайская семья мечтает иметь в своем доме хотя бы один велосипед, и не только как средство передвижения, но и как символ приобщения к современному образу жизни. Пройдет не менее пятидесяти — ста лет, в течение которых китайский народ сможет осуществить переход от «велосипедной» к «машинной» цивилизации, когда каждая китайская семья будет располагать автомобилем, хорошей современной квартирой со всеми удобствами, питаться мясом, фруктами и рисом, иметь собственный телевизор, получит возможность пользоваться достижениями современной науки, искусства, кино, музыки, когда каждый взрослый китаец будет участвовать в управлении производством, будет чувствовать себя полноправным гражданином, защищенным законами своей страны от произвола и гонений.

В конце концов именно для них, для этих миллионов простых рабочих, для этих трудящихся, бывших кули, и осуществлялась

великая революция, а вовсе не для того, чтобы у власти пожизненно стояли Мао Цзэдун или другие маоистские руководители, рассматривающие народ как «чистый лист бумаги», как поле для экспериментов.

Для понимания природы маоизма и социально-политической природы Китая глубоко примечательны высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу различных политических и социальных течений, выступающих под лозунгом социализма. Этому посвящен последний раздел «Манифеста Коммунистической партии». Здесь дается характеристика четырех видов социализма: 1) реакционного социализма, который включает феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм, немецкий, или истинный, социализм; 2) консервативного, или буржуазного, социализма; 3) критического утопического социализма; 4) коммунизма.

Особое значение с точки зрения интересующей нас проблемы имеет характеристика феодального и мелкобуржуазного социализма, отражающего интересы двух классов, которые так или иначе противостоят развитию капиталистического общества. Феодальный социализм, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, — это «наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего».

Отметим мысль, что феодальный социализм не только отражает прошлое человеческой истории, но и представляет собой угрозу будущему, и пойдем дальше к особенно важной для нас характеристике мелкобуржуазного социализма. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм… Этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен»[1].

Обратим внимание читателя на три важных момента: 1) указание на то, что крестьянство, где оно составляет большинство населения, служит источником мелкобуржуазного социализма; 2)

что это течение защищает дело рабочих с мелкобуржуазных позиций; 3) что его идеалом является восстановление старых форм производства и обмена или попытка втиснуть насильственно современные средства производства и обмена в рамки старых отношений.

Конечно, было бы неверно утверждать, что история современного Китая является простой иллюстрацией этих выводов К. Маркса и Ф. Энгельса, относившихся, по преимуществу, к литературному отражению еще не оформившегося социального движения. И все же как раз эти ценнейшие прогностические идеи основателей научного социализма дают нам ключ к анализу происходящего в Китае.

Исходные позиции для борьбы за социализм в Китае были едва ли не менее благоприятными, чем во Франции до революции 1848 года, о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Китай накануне революции 1949 года был полуфеодальным обществом, подавляющее большинство которого составляли патриархальные крестьяне, страной, где сохранялось помещичье землевладение, где капитализм получил довольно однобокое развитие, приобретя формы государственно-бюрократического капитализма, в котором тесно переплелись интересы крупных чиновников, компрадорской буржуазии и иностранного капитала. Рабочий класс к моменту революции еще не успел сформироваться в самостоятельный класс и тем более руководящую силу народной революции. В этих условиях основной движущей силой революции стало крестьянство, а возглавляла его радикальная часть мелкой буржуазии города и деревни. Именно поэтому революция приобрела характер народный, антифеодальный и антиимпериалистический. Именно поэтому такую роль в революции страны сыграли радикально-националистические элементы, типичным представителем которых был Мао Цзэдун.

В дореволюционном Китае было чрезвычайно мало предпосылок для перехода к социализму: неразвитая экономика, еще несформировавшийся рабочий класс, отсутствие сколько-нибудь значительного слоя специалистов, колоссальный груз полуфеодальных отношений, традиций имперской власти и патриархальной идеологии. В таких условиях на очереди стояла сравнительно длительная историческая эпоха, на протяжении которой происходило бы перерастание национально-освободительного движения в социалистическое. На этом этапе центральное место объективно занимали задачи индустриализации, модернизации народного хозяйства, активного роста всех производительных сил как основы для постепенной и последовательной перестройки общественных

отношений на социалистических началах. Такая линия была выработана VIII съездом КПК. Однако радикал-националистические элементы, возглавляемые Мао Цзэдуном, не желая мириться с перспективой длительной борьбы за осуществление вожделенной задачи (превращения Китая в могучее государство), стали форсировать самые радикальные преобразования в сфере собственности, а затем и во всей системе экономических отношений. Хотя это выдавалось за социализм и даже за коммунизм, однако носило мнимо социалистический характер и послужило прекрасной иллюстрацией приведенной выше мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о насильственном втискивании современных средств производства в рамки старых отношений собственности, где в роли совокупного владельца и распорядителя всего народного достояния выступало военно-бюрократическое государство с сильно выраженными феодальными и. имперскими чертами.

Все дело в том, что огосударствление собственности — как предсказывали К. Маркс и Ф. Энгельс и подтвердила наша эпоха — вовсе не однозначно утверждению социалистической собственности и социалистических производственных отношений.

Несомненно, что господство частной собственности порождает эксплуататорское общество, но всегда ли государственная собственность неизбежно имеет своим результатом социальное равенство и социализм?

Государственная собственность становится социалистической не потому, что она является государственной, а потому, что она находится в руках социалистического государства, которое распоряжается ею в интересах рабочего класса и всех трудящихся. Это значит, что государственная собственность играет ту роль, которую играет само государство. Исторический опыт и теория в одинаковой степени свидетельствуют о том, что государственная собственность в нашу эпоху может иметь совершенно различное социальное назначение. Можно разграничить следующие виды государственной собственности в различных социальных системах:

1. Государственно-монополистическая собственность в условиях развитого капитализма. В таких условиях государство в общем и целом выражает интересы монополий (и, в той или иной степени, всей буржуазии), а государственная собственность в конечном счете служит интересам тех же монополий. В наше время в развитых странах капитализма государственный сектор составляет 20–30% в промышленности. Этот государственный сектор служит важным подспорьем всей капиталистической экономики. Он образуется не только по соображениям

экономическим, но и политическим. Значительную часть этого сектора составляет военная промышленность. Прибыль от государственного сектора распределяется таким же образом, как и в целом вся остальная часть национального дохода, и идет на нужды защиты капиталистической системы, ее устойчивости, ее безопасности, ее развития.

2. Государственно-капиталистическая собственность характерна для стран слаборазвитого капитализма, которые не достигли своей монополистической стадии. Это можно наблюдать прежде всего в развивающихся странах капиталистической ориентации, а также во многих среднеразвитых капиталистических странах, например в Латинской Америке. Государственная собственность в развивающихся странах капиталистической ориентации достигает 50, а иной раз 70–80% в промышленности, но она отнюдь не служит базой для социалистических отношений и преобразований. Ее социальная роль определяется социальной сущностью государства. В тех государствах, где во главе стоит национальная буржуазия, государственный капитализм целиком служит буржуазному классу. В тех странах, где у власти находится союз сил — национальной буржуазии, мелкой буржуазии, средних слоев, — государственная собственность служит капиталистическому преобразованию общества, а также выполняет некоторые прогрессивные социальные задачи.

3. Феодальная государственная собственность. Этот вид собственности можно наблюдать в ряде развивающихся стран, прежде всего в Африке. Во многих случаях феодальная государственная собственность переплетается с государственным капитализмом, примером чего служит Саудовская Аравия.

Государственная социалистическая собственность в странах, где у власти находятся трудящиеся, возглавляемые рабочим классом, имеет противоположное социальное содержание в сравнении с названными выше видами государственной собственности. Такая собственность характерна для стран социалистического содружества.

Основной порок всей экономической и социально-политической ориентации Мао Цзэдуна и его наследников заключается в непонимании природы социализма и его экономических, законов, исторического места социализма как самостоятельного и длительного этапа развития общества на пути к коммунизму. Социализм, по сути дела, рассматривается маоистами под углом зрения переходного периода от капитализма к коммунизму, как кратковременная полоса, через которую надо перескочить как можно скорее, и который надо

изжить в максимально короткие исторические сроки. Эти взгляды уходят своими корнями в социальную психологию крестьянского радикализма.

Судя по высказываниям Мао, он не отдавал себе отчета в главной проблеме, которая возникла перед отсталым и слаборазвитым Китаем. Это проблема перехода от отсталости к современному уровню развития промышленного и сельскохозяйственного производства, к развитой социальной структуре с преобладанием рабочего класса, с новым, растущим слоем интеллигенции, способной обслуживать производство и социальные нужды, с высоким уровнем современного образования рабочих, крестьян, всех трудящихся.

Мао не понял, что переход к социализму, минуя капиталистический этап развития, вовсе не означает отказа от решения тех задач, которые осуществляет капитализм в обычных условиях своего развития, — создания современной промышленности с высоким уровнем производительных сил, модернизации всего национального хозяйства, налаживания огромной сети организационных связей, обеспечения высокой социальной и политической активности всех слоев и групп населения. Эти задачи нельзя обойти, их нужно решить, опираясь на рычаг власти, используя содействие народного государства, механизм товарно-денежных отношений, все стимулы повышения производительности труда. До того как развивающаяся страна вырастет в высокоразвитую в экономическом и социальном отношении, бессмысленны какие бы то ни было коммунистические преобразования. Они превращаются лишь в свою противоположность и означают возврат к докапиталистическим методам внеэкономического, а стало быть, феодального или полуфеодального принуждения к труду. Этап индустриализации предшествует так или иначе этапу строительства развитого социалистического общества.

Конечно, все это требует времени, и время для такой страны, как Китай, исчисляется многими и многими десятилетиями. Что же делать? Надо набраться терпения, отложить в сторону утопии о «скачке» в коммунизм при жизни одного поколения. Ибо эти утопии на деле означают возврат к реакции, ведут к замедлению темпов экономического и социального развития, насаждению форм общественной жизни и механизмов управления, не свойственных ни капитализму, ни социализму, а уходящих корнями в период первоначального накопления, когда феодальная власть расчищала почву для капиталистического производства.

Вопреки тому, что думал Мао Цзэдун, коммунизм означает

переход к совершенно новым стимулам человеческой деятельности. На место экономической заинтересованности он ставит исключительно сознательность и творческое отношение к труду. Этот принцип, казалось бы, такой простой на словах, на деле означает гигантский скачок в развитии всего человеческого общества.

На протяжении столетий и тысячелетий существования антагонистических обществ людьми правили страх и выгода. Добиться коренного перелома в сознании людей посредством простого изъятия собственности у богатых и лишения их возможности эксплуатировать наемный труд абсолютно невозможно. Само общества и каждый его член должны подняться на совершенно новую ступень. Во-первых, общество должно достичь изобилия товаров и услуг, которые перестают быть проблемой как для самого малоквалифицированного труженика, так и для инвалида, для неработающего старика или ребенка. Это значит, что производительные силы должны не только превзойти нищенский уровень Китая, но и уровень самых высокоразвитых промышленных держав мира. Китаю, чтобы достигнуть такого уровня, нужны десятилетия, а, быть может, даже столетие, если учесть прирост населения этой страны, который пока еще постоянно опережает прирост производства товаров и услуг.

Но и этого недостаточно. Нужно, чтобы люди, сами члены общества стали иными — достаточно культурными и достаточно сознательными, чтобы брать от общества не более того минимума, который им необходим для удовлетворения их собственных потребностей. Люди сами должны отказаться не только от стремления к обогащению, но и от всякого стремления к власти и господству над другими людьми.

Что касается Мао Цзэдуна, то для него коммунизм означал лишь внешнее, формальное преобразование собственности. Все остальное, полагал он, приложится. Каким образом? Откуда возьмутся общественные богатства? Откуда возьмется высокий уровень культуры и сознательное отношение к труду?

Мао Цзэдун не задумывался над этими вопросами. У него в запасе были иные средства. Если люди не хотят добровольно и бесплатно работать на общество, то их надо принудить к этому. Тогда на место экономической заинтересованности и экономического принуждения, то есть тех стимулов, которые породил капитализм, становились внеэкономические методы: военная дисциплина труда, подкрепляемая массовыми арестами и идеологическими кампаниями. Это, в сущности, возврат к феодальным методам, но уже в условиях господства государственной собственности.

Есть и другая сторона этой проблемы. Проводя «коммунизацию», Мао явно рассчитывал использовать многомиллионную рабочую силу Китая, объединенную в трудовые армии, для осуществления задач индустриализации в самые короткие сроки. Как раз в этот период в Китае делался особый упор на тезис Мао, что решающей силой являются не техника, а люди. Это была установка на то, чтобы попытаться использовать сотни миллионов рабочих рук китайского населения, прежде всего в деревнях, но также и в городах, для «скачка» в развитии страны-. Мао полагал, что крестьяне, которые кормятся сами, могут быть использованы не только для производства в рамках своей местности, но и стать даровой рабочей силой, перебрасываемой в любом направлении на решение любых хозяйственных задач.

В марксистской литературе достаточно сказано о китайском варианте «казарменного коммунизма». Задумаемся над другим вопросом: действительно ли огосударствление собственности в том виде, как оно проводилось в китайской деревне в пору «коммунизации», представляет собой шаг вперед в сравнении с кооперативными формами собственности?

Напомним, что Мао и его сторонники с самого начала предпринимали лихорадочные усилия для того, чтобы резко сократить сроки обобществления собственности в городе и деревне. Если в Советском Союзе обобществление промышленности и сельского хозяйства заняло почти 20 лет, то в Китае — немногим больше 5 лет.

В Советском Союзе период индустриализации занял не меньше 15 лет; в Китае была предпринята попытка одолеть этот исторический рубеж за 10 лет, несмотря на более низкий уровень экономического развития. «Большой скачок» и «коммунизация» были, следовательно, продолжением и углублением той политики торопливого и скачкообразного «броска в коммунизм», которую Мао Цзэдун и его сторонники стремились навязать стране после победы народной революции. И это в условиях, когда была полная возможность учесть опыт других стран социализма и опереться на их поддержку.

Между тем социалистическое преобразование собственности — многосторонний акт. Он преследует различные задачи: ликвидацию эксплуататорских классов и социальной почвы для эксплуатации человека человеком, приобщение масс к управлению хозяйством, повышение уровня производительности общественного труда. Само обобществление должно быть достаточно подготовлено в экономическом, социальном и культурном отношении. Иначе оно может приобрести

односторонний и даже уродливый характер, не содействуя повышению производительности труда и приобщению масс к управлению производством. Именно это и произошло в Китайской Народной Республике.

Победа общественной собственности на орудия и средства производства — основа социалистического строя. Но разве можно все сводить к собственности? А что же производительность труда, уровень распределения материальных благ, культура, положение личности?

Разумеется, победа государственной собственности в городе и кооперирование в деревне — крупнейшее завоевание китайской революции. Но это лишь рубеж, хотя и весьма важный, что особенно надо было учитывать в Китае, где имелись длительные традиции государственного обобществления при феодализме.

Возникновение современной промышленности в Китае в конце XIX — начале XX века было связано как раз с развитием государственного капитализма, и первые предприятия находились во владении и распоряжении государства. В Китае не было или почти не было независимого от государства сословия, подобного тому, каким была буржуазия в Европе в период первоначального накопления и первой промышленной революции. Крупные промышленные и торговые компании, возникшие тогда, подобно китайскому коммерческому пароходству, каменноугольным копям и др., принадлежали государству либо чиновникам. Развитие и процветание тех или иных частных компаний также целиком находилось в зависимости от государства, от его лицензий и субсидий за счет налоговых средств. Не случайно чанкайшистское правительство не только не стремилось разрушить эту традицию, а, напротив, содействовало ее укреплению. В своей книге «Судьбы Китая» Чан Кайши отстаивал, в частности, идею развития государственной экономики.

Учитывая все это, китайским руководителям необходимо было проявить особую осмотрительность, проводя огосударствление собственности, с тем чтобы оно действительно носило подлинно социалистический характер. Но, вопреки реалистически настроенным силам в КПК, Мао Цзэдун, увлеченный идеей тотального огосударствления всего и вся, полагал, что это само по себе автоматически приведет к необходимым социальным результатам, обеспечит не только ликвидацию эксплуататорского слоя, но и повышение эффективности производства.

В связи с анализом опыта Китая возникает принципиальный вопрос: должен ли переходный период в таких странах

начинаться непосредственно с создания основ социализма?

Более или менее длительная политика укрепления государственного сектора в промышленности, постепенное, поэтапное кооперирование деревни, использование частного сектора с постоянным и неуклонным преобразованием экономики на социалистических началах в соответствии с достигаемым уровнем хозяйственного и социального развития — такая политика, по-видимому, больше отвечала потребностям Китая. Часть руководителей КПК, судя по всему, понимала это, в то время как Мао и его сторонники стремились форсировать переходный период, встали на путь искусственного и резкого сокращения расстояния между началом революции и строительством социализма даже в сравнении с более развитыми социалистическими странами. Очевидно, в Китае в пору «коммунизации» мы имели дело с попыткой осуществления мелкобуржуазных представлений о социализме со всеми их специфическими особенностями, связанными с прошлым этой страны.

Подлинная суть теории «углубления революции в условиях диктатуры пролетариата» особенно наглядно проявляется в непомерном выпячивании роли насилия. Представители мелкой буржуазии всегда грешили преувеличением значения насилия. Им импонирует в марксизме лишь эта сторона, которую они абсолютизируют, по существу превращая насилие из средства борьбы в самоцель.

Известно, что марксисты отличаются от реформистов тем, что стоят за классовое принуждение в борьбе против эксплуататоров, оказывающих сопротивление трудовому народу. Как подчеркивал В. И. Ленин, без революционного насилия, направленного против прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление эксплуататоров, невозможно защитить социализм, дело революции.

Однако классовое принуждение для марксистов никогда не было самоцелью.

Что же сделал с этим принципом Мао Цзэдун? Он превратил его в универсальный закон для решения любых вопросов — социальных, политических, экономических, педагогических. Он полагал, будто с помощью насилия можно решать не только задачи экспроприации, но даже чисто хозяйственные и культурные проблемы.

Отсюда выросла теория «скачка», которая не дает покоя маоистам. Отсюда Же выросла и теория «взрывов и потрясений», которым будто бы надо периодически подвергать общество, чтобы поддерживать гаснущий энтузиазм масс.

Бернард Шоу говорил: «Прогресс определяется тем, хватает ли у нас сил отказываться от жестоких средств, даже если они приближают великую цель». Конечно, это крайнее суждение фабианского социалиста, уповавшего единственно на пропаганду и просвещение в борьбе за достижение социальной справедливости. Но в приведенном суждении есть и некое рациональное зерно, которое заключается в том, что жестокие средства деформируют саму цель. В этом суть проблемы соотношения средств и цели: они должны быть адекватны. Не только цель предопределяет средства, но и средства предопределяют цель — в этом вся суть дела. Больше жестокости, чем это вызывается необходимостью, и вот уже благородная цель превращается в свою противоположность. Жестокость становится нормой политической жизни, затем нравственной нормой, затем одной из сторон образа жизни людей. Она пронизывает всю систему отношений — и не только в сфере власти, но и во всем обществе. И само оно приобретает новые черты, постепенно превращается в то, что Никколо Макиавелли назвал «развращенным обществом».

Кромвель говорил: «Тот человек идет дальше всех, кто не знает, куда он идет»[2]. Это удивительно подходит к Мао Цзэдуну — он не знал, куда идет страна. Поиск собственно китайского пути к социализму, который нашел свое отражение в политике «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции», окончился полным провалом.

О том, чтобы вернуться на путь «ревизионистского социализма», воплощенного в опыте СССР и других стран социалистического содружества, Мао Цзэдун не мог и помыслить. Что же оставалось? Оставалось бунтовать, разрушать, заниматься политическими кампаниями, которые отвлекали бы партию и массы от признания очевидного факта: китайская «модель социализма» оказалась социальной утопией или откровенной демагогией.

Обратите внимание: Мао Цзэдун ничего не завещал своим преемникам, ничего, кроме продолжения кампании «культурной революции», которая нашла свое теоретическое выражение в лозунге «продолжение революции в условиях диктатуры пролетариата», целиком воспринятом его наследниками. Мы говорили, что Мао Цзэдун не позаботился о преемственности власти — не в персональном смысле — в этом не было необходимости, а в смысле установления работающего механизма преемственности — посредством выбора или отбора, или любого другого эффективного решения. Но он не оставил никакого «завещания» и по поводу социально-политической программы

дальнейшего развития Китая. Все его высказывания, письма, реплики на протяжении последних лет были посвящены исключительно проблеме борьбы с «каппутистами», иными словами, проблеме власти. Он не обмолвился даже намеком о дальнейшей социально-политической программе.

Такую программу незадолго до смерти Мао Цзэдуна изложил Чжоу Эньлай в лозунге «четырех модернизаций», подхваченном впоследствии наследниками Мао — новыми руководителями Китая. Но остается совершенно неясным, каково было отношение Мао Цзэдуна к этому лозунгу. Ни в одном его произведении или высказывании, ни в одной цитате, приводимой новыми руководителями, нет и упоминания о линии «четырех модернизаций», хотя бесконечно и назойливо повторяются темы идеологической и политической борьбы во имя превращения Китая в могучую военную державу.

Вот и весь «конструктивный» багаж Мао Цзэдуна, который люди типа Роже Гароди, явно по соображениям антисоветизма, называют «китайской моделью социализма».

Еще раз подтвердилась та истина, что маоизм взял кое-что у марксизма относительно методов борьбы за социализм и не взял, по сути дела, ничего из самого социалистического идеала.

Многие буржуазные исследователи маоизма заняты поиском прямых аналогий нынешним китайским событиям в тех явлениях, которые имели место в этой стране столетия, а то и тысячелетия назад. Они ищут объяснение ожесточенной политической борьбы и неудачных реформ современного Китая в далеких, забытых и полузабытых традициях. И все чаще в их трудах звучит знакомый киплинговский мотив о том, что Восток остается Востоком. Они утверждают, что даже тогда, когда Восток воспринимает нечто у Запада, он перерабатывает это на свой лад таким образом, что полностью меняется природа воспринимаемого.

Мы не будем приводить здесь примеры западных исследований антикоммунистического толка, в которых ставится знак равенства между маоистской и марксистской философией. В таких работах вся ответственность за неудачи КПК возлагается на теорию марксизма, якобы непригодную в условиях Китая и других экономически слаборазвитых стран. Подобных работ все еще немало, хотя более типичными для буржуазной синологии становятся трактовки маоизма как преимущественно национального явления.

Единственно правильную и надежную платформу для анализа и критики маоизма дает пролетарский социалистический интернационализм.

История народа подобна широкой реке, которая течет то

плавно, спокойно, величественно и размеренно, то бурно, раскованно, грозно, преодолевая преграды, размывая плотины, круша все на своем пути. Но даже вспененная и грозная, это все та же река, все тот же поток, который затем, войдя в новое русло, будет течь дальше и дальше.

Народы, в том числе и такие великие, как китайский, имеющий за своими плечами тысячелетия развития, знают и ровные, сравнительно спокойные периоды, и бурные, скачкообразные, насыщенные ожесточенной борьбой и коренными преобразованиями. Но при всем том нельзя забывать, что все это— история одного народа, не разделенная на куски, а непрерывная в своей прерывистости, единая в своих перепадах. И даже такой крутой перелом, как китайская революция, которая захватила все стороны социальной жизни страны, проникла во все уголки китайского общества, не мажет рассматриваться вне связи с предыдущей историей, с уровнем экономического, социального, политического развития, с традициями культуры и национальной психологии, с бытом, нравами, привычками многомиллионных масс.

Раньше многим казалось, что с 1949 года Китай стал таким или почти таким, как другие страны социализма: установил народную власть, проводит национализацию промышленности, индустриализацию, кооперирование деревни, провозглашает своей идеологией марксизм-ленинизм. А в каком соотношении находятся день сегодняшний и день вчерашний, какие процессы подспудно развиваются в тех же внешне привычных для нас формах — об этом думалось меньше.

Все это так. Но отсюда вовсе не следует, что правы те поверхностные наблюдатели, которые доказывают, что Китай возвращается на свой традиционно-националистический путь, стоящий в стороне от мировой цивилизации. Отсюда не следует, что можно проводить прямые аналогии между восточным способом производства, характерным для Китая на протяжении многих столетий, и его нынешней экономической структурой. Отсюда не следует, что можно ставить знак равенства между древней имперской властью и современным политическим строем страны. Отсюда не следует, что можно сводить маоизм к конфуцианству или другим философским течениям прошлого Китая, столь богатого разнообразием школ и направлений теоретической мысли. Словом, отсюда не следует, что можно закрыть глаза на противоборствующие тенденции, которые не могут не заявить о себе раньше или позже, заявить основательно, крупно, могуче. Кроме того, и само прошлое страны далеко не однозначно. Негативизм в отношении китайской цивилизации так

же нетерпим, как пренебрежительное отношение со стороны азиатов к европейской или американской цивилизации.

Мы, марксисты, больше чем кто бы то ни было переживаем нынешнюю трагедию китайского народа, ввергнутого во многие беды и страдания Мао и маоистами. Именно потому, что нам близки и дороги его интересы, интересы китайской революции, интересы единства прогрессивных сил Востока и Запада, Севера и Юга, мы сохраняем и отстаиваем объективную оценку прошлого великого народа. Только это позволит сохранить с огромным трудом достигнутый союз с прогрессивной и революционной частью китайского народа, а не толкнуть ее в коварные, но, увы, столь крепкие объятия националистов.

Разумеется, все это, однако, не означает попыток уклониться от исторического анализа при оценке событий в КНР. Напротив, мы видим, что Мао и маоисты преднамеренно и сознательно восстанавливают, поощряют и усиливают очень многие отрицательные националистические, антигуманистические и антиинтеллектуальные традиции, которые накапливались в различных слоях китайского общества в прошлом. Обожествление личности Мао, милитаризация управления, пренебрежение к человеку и народу в целом, жестокое подавление всякого инакомыслия — все эти формы и методы социальной жизни руководящей группе легче насаждать, поскольку они имели сходные прецеденты в прошлом. Трудно, а точнее невозможно, было надеяться на то, что в течение 30 лет из сознания масс начисто выветрятся имперские представления о власти, которые насаждались на протяжении тысячелетий. Дело, однако, заключается в том, чтобы не смазать вопрос о личной ответственности Мао, а также всех тех китайских руководителей, которые поддерживают его политику, за созданные этой политикой трудности в развитии Китая. Нельзя считать, что все эти трудности были неизбежны и обусловлены историческими традициями китайского общества, китайской мысли.

Влияние национальных традиций не в меньшей мере можно проследить и в зарождении социальных утопий, осуществлявшихся в последние годы в Китае. Идея «коммун» непосредственно была почерпнута, разумеется, из околомарксистских источников анархистского толка. Но реальное наполнение этой идеи, принципы организации коммун, характер взаимоотношений в них, степень обобществления собственности, организация работ и управления, отношения в семье — все это уходит своими корнями в далекое прошлое Китая.

В трактате «Ли Цзи» так изображалось идеальное общество «датун» («великое единение»): «Когда осуществлялось Великое

дао, Поднебесная принадлежала всем. Для управления Поднебесной избирались мудрые и способные люди. Между людьми царили доверие и дружелюбие. Поэтому люди считали близкими себе не только одних своих родителей и по-отечески относились не к одним только своим детям. Престарелые могли спокойно доживать свой век, взрослые люди находили применение своим способностям, а малолетние получали возможность спокойно подрастать. Все одинокие, вдовы, сироты, бездетные, калеки и больные были окружены заботой. Мужчины выполняли свой долг, женщины обладали самостоятельностью; богатства не выбрасывались понапрасну, так же как и не скапливались у отдельных лиц; способности людей использовались полностью и не служили выгоде отдельных лиц. Тогда не было предательства, лжи, интриг, не было грабежей, краж, смут, и люди, уходя из дому, не запирали дверей. Это было общество датун».

Тайпины истолковали древнее «датун» как общество, основанное на общности собственности, на равном участии в распределении общественного продукта, на участии всех граждан в управлении государством. Несомненно, что для значительных слоев китайского крестьянства, а возможно, и для многих представителей «ганьбу» «коммуна» ассоциировалась с обществом «датун» в большей степени, чем с плохо знакомыми им фалангами Фурье или коммунами, организованными «левыми» коммунистами в России в первые годы Советской власти.

Мы уже говорили выше, что, проводя сопоставление с прошлым, нужно обращать особое внимание на традиции крестьянской революционности, а не на феодальные традиции вообще. Напомним, например, о восстании тайпинов — этой великой крестьянской войне, которая на протяжении 15 лет сотрясала всю страну.

Попытки крестьянских реформации с их тяготением к уравнительности и сохранением монархических иллюзий в сфере власти и управления можно проследить не только на протяжении XIX века, насыщенного до предела бурными антифеодальными и антиимпериалистическими восстаниями. Эти традиции с большей или меньшей силой проявляли себя на протяжении всей многовековой китайской истории.

Конечно, можно найти прецеденты многих негативных явлений современного Китая и в действиях правящих классов, господствовавших в далеком прошлом этой страны. Можно не сомневаться, что многие просвещенные китайцы, глядя на бесчинства хунвэйбинов, разжигавших костры из книг классиков китайской и иностранной культуры, вспоминали о варварском

сожжении конфуцианских трудов при императоре Цинь Шихуане. Не исключено, что, слушая истошные выкрики и призывы хунвэйбинов в защиту Мао, видя проявления их злобной нетерпимости к любому инакомыслию, китайцы вспоминали изречение Конфуция: «Сколь прискорбно, однако, следование учениям, отклоняющимся от ортодоксального!» Вероятно, и мессианство маоистов, которые рассматривают китайскую революцию и «идеи Мао Цзэдуна» как образец для всего мира, не может не напомнить традиционных претензий на роль Китая как цивилизующей силы, оказывающей благотворное влияние на все окружающие страну «варварские» народы.

Да, несомненно, в Китае чрезвычайно много специфического, связанного исключительно с условиями исторического развития страны, ее традициями. Но в то же время там наблюдаются и некоторые явления, которые пусть в иной форме, но так или иначе сопутствовали и сопутствуют революционному движению во всем мире, особенно в развивающихся странах.

С момента зарождения социализма и коммунизма как научной теории за ними следовало как тень то, что сейчас так уродливо расцвело в Китае. В XIX веке это течение было представлено анархистами типа Бакунина, в начале нашего столетия — эсерами, троцкистами и другими представителями так называемого «левого» коммунизма.

Приведем несколько примеров из истории рабочего движения, взятых из опыта разных стран и эпох.

Сто лет назад Маркс и Энгельс готовили очередной конгресс Интернационала, который должен был состояться в Базеле 22 июля 1869 г. И как раз тогда впервые мировому коммунизму пришлось столкнуться с попыткой взорвать его изнутри. Эту попытку предпринял известный русский анархист Михаил Бакунин. Он был руководителем полуанархического, полулиберального объединения «Альянс социалистической демократии», которое незадолго до этого вошло в Интернационал. Несмотря на устав Интернационала, запрещавший сохранение каких-либо самостоятельных международных организаций внутри него, Бакунин тайно сохранял «Альянс социалистической демократии» в виде подпольной организации. Опираясь на нее, он рассчитывал захватить руководство Интернационалом и навязать ему свою программу. Известно, что этот план Бакунину не удалось осуществить, и Базельский конгресс отверг все его домогательства.

Другая примечательная особенность программы Бакунина состояла в том, что признавались только вооруженные, военные

методы и отвергалась политическая борьба. А раз так, то движущей силой «социальной ликвидации» капитализма должен был, по его замыслу, стать не рабочий класс, а наиболее недовольная, «взрывная» часть общества — люмпен-пролетариат, деклассированные элементы социального дна, интеллигентская богема. И еще одна особенность — негативизм. Бакунин знал, что он хотел разрушить, но мало задумывался над тем, что надо создать взамен.

Взгляды Бакунина были отвергнуты Интернационалом, а впоследствии он и его группа были исключены из Международного товарищества рабочих. Но анархизм в том или ином виде снова и снова возрождался в других странах и в другие эпохи.

Большой след оставили анархисты в Испании в период антифашистской освободительной войны 1936–1939 годов. Они были весьма влиятельной силой и-противостояли коммунистам, хотя формально и находились в союзе с ними. Анархисты насильно загоняли крестьян в кооперативы, поспешно национализировали производство, разгоняли инженеров, расстреливали священников, сжигали храмы, ликвидировали денежную систему. Одним словом, их «работа» в пользу социализма на самом деле крайне вредила ему. Такого социализма люди не хотели.

Или возьмем другой пример. Мао Цзэдуну, который гордился идеей военизации труда, можно было бы напомнить следующие высказывания Троцкого на IX съезде РКП (б): «В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой… Рабочая масса… должна быть перебрасываема, назначаема, командуема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда…» А вот и о скачках у него же: «…Ясно, что после того, как мы преодолеем первую нищету, мы сможем перескакивать через целый ряд последующих ступеней…» Не правда ли, как похоже на рассуждения пекинских поклонников «больших скачков»?

Не следует забывать, что человечество в нашу эпоху уже сталкивалось и с апологией насилия, и с разгулом национализма, и с вождизмом, и с вакханалией обманутой толпы. Сейчас это проявилось в новой форме: полигоном для подобных идей стала великая страна. Ее руководители, располагая термоядерным оружием, играют такими вещами, как мировая война. Иными словами — это специфический случай давно знакомой социальной болезни мелкобуржуазности.

Ретивые поклонники маоизма поспешили объявить опыт КПК, особенно опыт «культурной революции», китайской моделью социализма. В этом отношении типична позиция бывшего члена Французской компартии Роже Гароди. В своей книге «Большой поворот социализма» он пишет, что, даже если «культурная революция» и была мистифицирована в силу свойственных Китаю условий, отход на определенную, необходимую для критики дистанцию позволит нам рассматривать «культурную революцию» как трудный, но необходимый этап осуществления социализма в Китае.

Отстаивая идею самых различных моделей социализма — «советской», «китайской», «чехословацкой», «французской», Р. Гароди упускает главное — социализм — и вольно или невольно подменяет его критерии национализмом, едва прикрытым социальным содержанием и революционной фразой. Что остается от «новой модели социализма», если, по словам самого Р. Гароди, с ним связана «авантюристическая политика», основанная на «извращениях и даже преступлениях», «неистовый антисоветизм во имя попытки установить китайскую гегемонию над международным коммунистическим движением», «раскол лагеря социализма» и т. д.? Что остается от социалистического идеала, если народ становится жертвой. авантюристических экспериментов, бесконтрольной власти человека, претендующего на роль создателя нового символа веры?

Сама постановка вопроса о различных моделях социализма не выдерживает критики. При всех особенностях тех или иных стран существует единый исторический тип социализма, как и единый тип капитализма, несмотря на его существенные отличия, скажем, в США, ФРГ, Японии, Франции.

Это отнюдь не противоречит необходимости творческого применения принципов социализма к конкретным условиям каждой страны, каждого народа, каждого данного исторического периода. Это требование особенно важно, когда речь идет о таких странах, как Китай, который не прошел сколько-нибудь значительного этапа капиталистического развития и несет на себе груз восточного способа производства, имперских традиций власти, что находит свое отражение в особенностях культуры, идеологии, массового сознания.

В марксистской литературе последних лет все более утверждается мнение, что социальная и политическая структура Китая, который находился на начальном этапе социалистического строительства, деформировалась под влиянием режима личной власти Мао Цзэдуна и его идеологии.

Борьба внутри КПК, о которой мы рассказывали ранее,

происходила не только в сфере идейной. Затрагивая коренные вопросы экономического, социального и политического развития страны, она неизбежно находила отражение в характере, формах и темпах осуществляемых социальных преобразований. Противоречивая и ошибочная политика неизбежно отражалась в экономике и социальных отношениях. Отсюда не мнимые «скачки», а подлинные перепады в ходе строительства нового общества Китая: от великих побед на его начальном этапе до экономических спадов в последующие годы; от крупных завоеваний в борьбе против феодализма и империализма, в экономическом строительстве до резкого упадка в развитии производительных сил и ослаблении страны; от поистине беспредельного народного энтузиазма, обращенного на созидательные цели в первые годы существования КНР, до разгула национализма и одновременного роста пассивности масс как результата гибельных экспериментов маоистов.

Очевидно, в Китае мы имеем дело с попыткой осуществления мелкобуржуазных представлений о социализме со всеми их специфическими особенностями, связанными с прошлым этой страны.

Как можно с учетом этого определить этап, на котором находится сейчас Китай? На наш взгляд, это государство накануне «культурной революции» находилось на самом раннем этапе социалистического строительства. Там были осуществлены преобразования собственности: государственная собственность победила в городе, а кооперативная — в деревне. Объективно страна стояла перед крупнейшими экономическими и социально-политическими проблемами, и прежде всего перед проблемами осуществления индустриализации, превращения в промышленно развитую державу с преобладанием в социальной структуре рабочего класса и научно-технической интеллигенции. В политической области страна стояла перед необходимостью преодоления режима личной власти и осуществления демократии трудящихся масс в интересах победы социализма.

Однако эти объективные потребности общественного развития пришли в противоречие с руководящими политическими силами, представляющими мелкобуржуазный социализм и национализм. Разрешение противоречий между объективными потребностями страны и режимом военно-бюрократической диктатуры и ее идеологией создало мучительный период, насыщенный самой ожесточенной борьбой. Она не закончилась и поныне.

Последний вопрос: куда идет Китай?

Гипотетически можно представить себе несколько вариантов

развития страны.

Первый путь — постепенное продвижение к научному социализму на основе развития экономики, роста рабочего класса, народной интеллигенции и развития социалистической демократии.

Второй путь — реставрация капитализма и возврат вспять к дореволюционным отношениям.

Третий путь — длительная консервация мелкобуржуазных и полуфеодальных форм «социализма», последующее развитие которого в будущем невозможно обозреть даже в теоретическом плане.

Конечно, мы всей душой стоим за первый путь развития Китая, однако пока он представляется маловероятным. Дело в том, что в стране взяли верх радикал-националистические силы, которые, отражая длительные традиции прошлого, эксплуатируют социальную, культурную и политическую отсталость масс, объективные трудности некапиталистического пути перехода к социализму страны, крайне отсталой в экономическом и социальном отношении.

Представляется маловероятной и реставрация капитализма в Китае, поскольку в стране нет ни одного класса или социальной группы, которая была бы заинтересована в реставрации частной собственности. В этом не заинтересованы ни рабочие, ни крестьяне, ни интеллигенция. Что касается растущей группы «ганьбу», то она и сейчас пользуется всеми привилегиями власти и благосостояния в Китае. Эта группа фактически распоряжается государственной собственностью, и передача ее в руки тех или иных частных лиц, пусть даже крупных руководителей, нанесла бы ей серьезный ущерб.

Тогда, по-видимому, наиболее вероятно длительное развитие Китая в существующих формах, которые достались новым руководителям в наследство от прошлого периода— говоря фигурально, от Мао Цзэдуна. Лозунг «четырех модернизаций», который не предусматривает сколько-нибудь значительных социальных преобразований в общественной и политической системе, отражает именно эту тенденцию. Это технологический и технократический лозунг, но не социально-политический.

Народные массы будут жить в тех же условиях и при таких же отношениях, как и прежде. Их жизненный уровень, благосостояние, образ жизни, участие в управлении будут зависеть не от них самих, а от усмотрения руководящих политических сил. А эти последние на длительную историческую перспективу выбрали ориентацию — превращение страны в могущественную державу с мощным военно-промышленным

потенциалом. Это ориентация на сохранение, а может быть, увеличение бедности бурно растущего многомиллионного населения Китая. В социальном плане — это ориентация на постоянное увеличение группы «ганьбу» как главной опоры китайского государства. Во внешнеполитическом плане — это растущий великодержавный национализм, обращенный прежде всего против соседних стран на юго-западе, юго-востоке и севере Китая. Иными словами, Китай на протяжении длительного периода будет представлять собой угрозу для своих соседей и в целом для дела мира во всем мире.

Конечно, этот прогноз, как всякий теоретический прогноз, будет корректироваться временем. Существует ряд факторов позитивного характера, которые могут в конечном счете вывести Китай на дорогу к подлинно пролетарскому, научному социализму. Это прежде всего неуклонный рост рабочего класса, интеллигенции, повышение культуры всего китайского населения, в том числе руководящих политических сил, наконец, приход к власти новой генерации руководителей.

Этот последний фактор заслуживает особого внимания. Мы видели, что молодое поколение руководителей, начало выдвижению которого положила «культурная революция», оказалось куда более левацким, экстремистским и даже иррациональным, чем их предшественники — представители «старой гвардии». Восстановление у руля власти «старой гвардии» ознаменовало возврат к более умеренному курсу, во всяком случае, в области внутренней политики.

Однако выдвиженцы «культурной революции» — это специфическое явление, которое не обязательно отражает действительные настроения, взгляды и намерения следующего за «старой гвардией» поколения китайских руководителей. Эти выдвиженцы выросли и заняли руководящие посты в особой обстановке — апофеоза культа Мао Цзэдуна и режима его военно-бюрократической власти. В такой обстановке только и можно было «левачить», и преуспеть могли лишь те люди, которые целиком и полностью вливались в проложенное покойным Председателем русло.

По-иному может выглядеть дело, если курс «четырех модернизаций» на длительный период станет основой внутренней политики КПК. Не исключено, что в этой обстановке будет преуспевать более культурная и рационально мыслящая часть КПК, способная понять и осуществлять руководство новым курсом. Эту часть китайских руководителей можно было бы назвать партийной технократией. Повторяем, не исключено, что именно ей принадлежит будущее, и тогда на место крикливых

идеологов придут деловые управленцы, исходящие прежде всего из требований эффективного развития производства. Растущий контингент новых руководителей, который постепенно будет заменять у руля управления биологически выбывающих представителей «старой гвардии», быть может, принесет с собой новый дух, более высокую культуру и цивилизованность. Тогда может наступить новый этап в развитии Китая, тенденции которого невозможно предвосхитить, ибо диагноз зависит от многих внешних и внутренних факторов. Сейчас же нам приходится иметь дело с тем Китаем, который едва оправился от длительного господства Мао Цзэдуна и только еще начинает осмысливать тяжкое бремя наследования его идеологии и политики.

Китай — это не просто река. Это море людей. Чего может ожидать человечество от этого моря? Шторма? Потрясения в Поднебесной? Или постепенного развития, основанного на углублении индустриального и социального прогресса, подобного тому, который происходит у других революционных народов? Не заглядывая далеко в будущее, мы хотим верить, что это море раньше или позже вольется в великий океан социалистической цивилизации, которой принадлежит будущее.

Вернемся к последним годам жизни Мао Цзэдуна. Несмотря на признаки старческой немощности, он и в конце своей жизни был обуреваем жаждой активности, стремлением постоянно быть в центре внимания китайского народа, да и народов других стран и континентов. Он не уставал тормошить и взрыхлять жизнь китайского общества, не прекращал плести свои тонкие сети. В них один за другим увязали его бывшие соратники и друзья: Лю Шаоци, Линь Бяо, Чэнь Бода и др.

Быть может, прав был Эдгар Сноу, который еще в 30-х годах называл его «человеком магической силы»? Впрочем, Сноу имел случай пересмотреть восторженные оценки того периода. Он встречался с Мао Цзэдуном в 1960 и 1971 годах. Главное впечатление, которое он вынес, касалось бесчисленных атрибутов обожествления Мао, наделенного такими прерогативами власти, которыми едва ли кто-либо обладал в Китае да и за его пределами.

Здесь уже, как видим, дело не в «магической личности», не в «спасителе» Китая, как об этом писал Сноу в 30-х годах, дело в неизбежной преемственности исторических традиций имперской власти.

На это накладывается к тому же такая черта характера Мао Цзэдуна (мы наблюдали ее на протяжении всей его деятельности), как жестокость, жестокость не в обыденном

смысле этого слова, не та жестокость, которая проявляется в готовности той или иной личности причинить зло другому человеку, совершить убийство. Это, мы бы сказали, специфическая имперская жестокость, жестокость фюреризма, который готов жертвовать жизнью миллионов людей ради своих собственных ложных идей, не имеющих ценности для народов.

Мао сказал как-то Ван Мину, что величие той или иной исторической личности измеряется количеством пролитой крови. Мы склонны верить тому, что это не случайная игра ума, а выражение глубокого убеждения Мао. Только в этом случае становится понятным его преклонение перед такими деятелями, как Наполеон, Бисмарк, Лю Бан, Цинь Шихуан. Хотя, разумеется, историческая роль да и человеческие характеры этих деятелей совершенно различны, но для Мао все они — высокие образцы полководцев и властителей, не стеснявших себя рамками морали и способных на любую жестокость ради достижения поставленных целей.

В одной из зарубежных работ приводилась таблица жертв маоистского режима[3].

Из этой таблицы видно, что в период справедливой борьбы китайского народа за свое национальное и социальное освобождение погибло более 1,5 млн. человек. Это цена, которую заплатил китайский народ за свое священное право на независимость, национальное единство, свободу и социализм. Но неизмеримо большие жертвы понес китайский народ в результате осуществления «идей Мао Цзэдуна» — 1 млн. (или 2 млн.) в период «большого скачка» и «народных коммун»; 500 тыс. (или 1 млн.) в период кампании против национальных меньшинств; 250 тыс. (или 500 тыс.) в период «культурной революции»; 15 млн. (или 25 млн.) погибли в «школах перевоспитания» (в пограничных инцидентах погибло не более нескольких тысяч человек). Иными словами, «героика» Мао Цзэдуна обошлась китайскому народу примерно в 17 млн. (или, по другим оценкам, в 29 млн.) человек. Это в несколько раз превышает неизбежные жертвы китайской революции. И конечно же, эти масштабы человеческих жертв не имеют прецедентов в истории Китая, насыщенной жестокими междоусобными войнами.

Нужны ли были эти жертвы реакционных социальных экспериментов?

Не сбылась мечта Мао об экономическом скачке, который обеспечил бы Китаю положение самой развитой державы мира. Неверная социально-экономическая ориентация на весь период деятельности Мао законсервировала Китай как державу с неразвитой экономической и социальной структурой.

Мао как-то сказал: «Только когда мы перегоним Америку, я предстану перед Марксом». Тщеславная фраза: здесь перемешаны и неизжитые надежды на «экономическое чудо» Китая, и претензии на собственное величие, и затаенное ощущение неизбежного поражения…

Не сбылась мечта Мао о скачке в коммунизм, который обеспечил бы Китаю положение ведущей державы в социальном развитии мира. Не сбылась мечта о духовном превосходстве Китая как источнике революционных идей, преображающих мир. Маоистский идеологический режим привел в упадок культурную жизнь в самом Китае, а маоизм отвергнут мировым коммунистическим движением, не принят как руководящая доктрина ни одним сколько-нибудь крупным отрядом национально-освободительного движения, ни одной развивающейся страной мира. Идеология национально-государственного мессианства вызывает активный протест у всего прогрессивного человечества. Усилиями Мао и маоистов Китай превратился в опасный центр национализма и экстремизма. Нетрудно предсказать крушение и последней мечты Мао Цзэдуна о военном превосходстве. В 1964 году Китай испытал свою первую атомную бомбу, в 1967 — свою первую водородную бомбу, в 1970 году вывел на орбиту спутник весом 170 *кг*. На протяжении всего этого периода Китай лихорадочно создавал свое термоядерное и ракетное оружие, но и эта лихорадочная гонка, эта последняя ставка Мао Цзэдуна на величие не может сократить огромный разрыв между военной мощью Китая и военно-промышленным потенциалом высокоразвитых в экономическом отношении держав.

Тогда что же осталось? Все еще осталось прославление и обожествление личности Мао Цзэдуна, остались бесчисленные бюсты и портреты по всей стране, его мумизированные останки в монументальном Доме памяти.

Так ли уж это много? Стоило ли это тех гигантских жертв, которые принес китайский народ? И надолго ли это? Уже сейчас можно различить черты будущего, когда все эти безжизненные символы власти и величия найдут себе место лишь в музее рядом с другими архаическими экспонатами этой древнейшей цивилизации Земли.

Комментарии

От автора[*]

(1) Эдгар Сноу (род. в 1906 г. в США) г-журналист. В 1936 году впервые посетил Китай, где впоследствии прожил 13 лет. Был в дружеских отношениях с Мао Цзэдуном, со слов которого записал его биографию. Издал ряд книг о Китае.

(2) Агнесса Смэдли — американская писательница и журналистка. Работала в Китае в качестве корреспондентки. Умерла в 1950 году в Китае.

(3) Анна Луиза Стронг (род. в 1885 г.) — американская журналистка и поэтесса. Доктор философии Чикагского университета. Работала в Китае, была свидетельницей событий периода «коммун» и «скачка». Автор ряда работ о Мао.

(4) Эми Сяо (род. в 1896 г.) — литературный псевдоним Сяо Саня. Известный китайский писатель. Член КПК с 1921 года. С 1928 по 1939 год жил в Москве. Автор книги о Мао.

(5) П. П. Владимиров (1905–1953 гг.) — видный советский журналист и дипломат. С мая 1942 по ноябрь 1945 года находился в Яньани в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК, одновременно исполнял обязанности военного корреспондента ТАСС.

(6) Ван Мин — видный деятель КПК, интернационалист, руководитель китайской делегации в ИККИ. Член ЦК КПК в 30-60-х годах. Автор воспоминаний и статей о Мао и маоизме. Умер в 1974 году в Москве.

(7) Отто Браун (род. в 1900 г.) — немецкий коммунист, представитель Коминтерна при КПК. В Китае носил имена Ли Дэ и Хуа Фу. Работал в качестве военного советника при ЦК КПК с 1932 по 1937 год. Вместе с Красной армией совершил «великий поход» и закончил свою миссию в Яньани. Написал книгу о деятельности КПК.

(8) Стюарт Шрам (род. в 1924 г. в США) — бакалавр искусств, доктор философии, является профессором Лондонского университета. Написал ряд работ о Мао Цзэдуне.

(9) Р. Лифтон (род. в 1926 г.) — американский профессор психиатрии. Имеет ученую степень доктора медицины. Неоднократно посещал Гонконг. Автор исследований о Китае, в частности о «культурной революции».

(10) С. Карноу (род. в 1925 г.) — американский журналист. Автор ряда книг, в том числе «Mao and China». N. Y. 1972. Начиная с 1960 года в течение 11 лет жил в Гонконге, где встречался с дипломатами, журналистами и беженцами из КНР.

Несколько раз бывал в КНР.

(11) Чжан Готао (род/в 1895 г.) — видный деятель КПК. Вступил в революционное движение в 1918–1919 годах. Принимал активное участие в подготовке I съезда КПК в 1921 году. Был противником Мао Цзэдуна в период борьбы за руководство Красной армией. В 1929–1935 годах — один из руководителей КПК. Исключен из КПК в 1938 году. В настоящее время живет в Гонконге в качестве частного лица.

Идейный инфантилизм*

(1) Кроме Мао Цзэдуна в семье было еще трое детей: два сына и дочь. Младшие братья Мао Цзэдуна — Мао Цзэминь и Мао Цзэтань, сестра — Мао Цзэхун. Все они впоследствии стали коммунистами и в годы революции погибли.

(2) Кан Ювэй — китайский ученый, сторонник либеральных реформ. Был привлечен в 1898 году императором Гуасюем к участию в управлении государством. Однако вскоре он был изгнан реакционной кликой Цыси. См. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М., 1959.

(3) Эми Сяо. Мао Цзэдун. Чжу Дэ. М., 1939, с. 3, 5–6.

(4) Цит. по: Schram S. Political Leaders of the Twentieth Century. Mao Tsetung. L., 1966, p. 22–23. (Далее: Mao Tsetung.)

(5) См. Ленин В. И. Поли. собр. соч, т. 23, с. 140.

(6) Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4. М., 1953, с. 128.

(7) Siao Yu. Mao Tsetung and I were beggars. Syracuse, 1959, p. 129–132.

(8) Троецарствие. М., 1954; Речные заводи. М., 1958 — один из известных китайских исторических романов. Автор романа «Речные заводи» Ши Найань (XIV в.) описывает крестьянские восстания, не позволяя себе критических высказываний в адрес имперской системы, а порицая лишь злоупотребления властью.

(9) Чэнь Дусю — один из основателей Коммунистической партии Китая, руководитель ЦК КПК в 1921–1927 годах. Обвиненный в «правом» уклоне в КПК, в 1929 году был исключен из партии. Умер в 1942 году.

(10) Ли Дачжао (1888–1927 гг.) — профессор Пекинского университета, один из первых пропагандистов марксизма-ленинизма в Китае. Организатор первых марксистских кружков, сыграл выдающуюся роль в создании КПК. Зверски убит реакционерами в Пекине в 1927 году.

(11) Schram S. Op. cit., p. 80–81.

(12) Цит. по: Snow E. Red Star over China. N. Y., 1961, p. 157.

(13) Цит. по: Революционный Восток, 1927, № 2, ч. I, с. 119,

121.

(14) Материалы по китайскому вопросу, 1928, № 10, с. 9.

(15) Там же.

(16) Стюарт Шрам считает, что Мао избрал Цзинганшань в качестве базы под влиянием любимой им в юности книги «Речные заводи», герои которой обосновались именно в этом районе. См. Schram S. Op. cit., p. 43.

(17) Чжу Дэ — видный деятель КПК. Род. в 1886 году в бедной крестьянской семье. В 1922 году в возрасте 36 лет вступил в КПК. В 1946–1954 годах — главнокомандующий НОА. С 1954 года — председатель Постоянного комитета ВСНП. Чжу Дэ являлся заместителем председателя ЦК КПК и членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Имел воинское звание маршала.

Политический человек*

(1) Цит по: Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4, с. 334, редакционные примечания.

(2) Цит. по: VI съезд КПК. Стенографический отчет, кн. 4. М., 1930, с. 13.

(3) Там же, с. 27.

(4) Цит. по: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 286–287.

(5) Материалы по китайскому вопросу, 1928, № 10, с. 19.

(6) Цит. по: Эми Сяо. Указ. соч., с. 33.

(7) Там же, с. 46–47.

(8) См. Опасный курс. По поводу событий в Китае. Вып. первый. М., 1969, с. 67.

(9) См. Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942–1945. М., 1973.

(10) Snow E. Op. cit., p. 79–80.

(11) Ibid., p. 87.

(12) Ibid., p. 73.

(13) Ibid., p. 161–162.

(14) Snow E. The Other Side of the River. Cambr. (Mass.), 1960, p. 68.

(15) Цит. по: Владимиров П. П. Указ. соч., с. 228–229.

(16) Эми Сяо. Указ. соч., с. 73–74, 106–107.

(17) Владимиров П. П. Указ. соч., с. 14.

(18) Там же.

(19) Эми Сяо. Указ. соч., с. 51.

(20) Владимиров П. П. Указ. соч., с. 208.

(21) См. Макиавелли Никколо. Соч., т. 1. М., 1934.

(22) Владимиров П. П. Указ. соч., с. 122, 150.

(23) Там же, с. 464.

«Китаизация» марксизма*

(1) Цит. по: Лит. газ., 1973, 5 дек.

(2) Flegant R. S. Masters of Red China (Political Biographies of Chinese Communist Leaders). N. Y., 1951, p. 198.

(3) Цвейг Стефан. Жозеф Фуше. Портрет политического деятеля. Соч., т. 2. М., 1956, с. 154.

(4) Владимиров П. П. Указ. соч., с. 20.

(5) Там же, с. 83.

(6) Там же, с. 539.

(7) Там же, с. 28.

(8) Цит. по: Schram S. Op. cit., p. 201.

(9) Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 36.

(10) Там же, с. 42–43.

(11) Там же, с. 43–44.

(12) Цит. по: Schram S. Mao Tsetung and the Theory of the Permanent Revolution. — China Quarterly. L., 1971, p. 188–189.

(13) Имеются в виду три народных принципа Сунь Ятсена в формулировке, данной в манифесте 1 съезда гоминьдана (январь 1924 г.).

(14) Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, с. 246–247.

(15) Мао Цзэдун. О новой демократии. М., 1960, с. 98–101,

Комплекс страха и величия*

(1) Цит. по: Правда, 1953, 9 февр.

(2) Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974, с. 145–146.

(3) Мериме П. Избр. соч. в 2-х томах, т. 1. М., 1956, с. 400–401.

(4) Гао Ган (1891–1954 гг.) — член КПК с 1926 года, один из создателей и руководителей пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Встретился с Мао Цзэдуном лишь осенью 1935 года, когда части Красной армии, участвовавшие в «великом походе», пришли в Северную Шэньси. На VII съезде был избран членом ЦК КПК. С 1945 по 1953 год руководил партийной организацией и народным правительством Северо-Восточного Китая. Известен как сторонник укрепления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

(5) О «деле Гао Гана и Жао Шуши» см. Harrison. The Long March to Power. A History of the Chinese Communist Party. N. Y. — Wash., 1972, p. 468.

(6) Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 76.

(7) Там же, с. 132.

(8) Там же, с. 5.

(9) Здесь и далее упоминаются выступления Мао Цзэдуна за период с 1950 по 1967 год, тексты которых ранее не публиковались в китайской печати и были предназначены только для «внутреннего пользования». Сборник этих выступлений с грифом «для внутреннего пользования» появился за пределами КНР и комментировался иностранной печатью. Цитаты из высказываний Мао Цзэдуна на пленумах ЦК КПК и перед активом партийных и государственных работников проникали также на страницы хунвэйбиновских газет «Хунвэйбин», «Дунфанхун» и др. во время «культурной революции».

(10) Цинь Шихуан — основатель цинской династии (221–207 гг. до н. э.), при котором в результате многолетних войн были покорены независимые царства, существовавшие на территории Китая в V–III веках до н. э., и создана первая в истории Китая единая империя с деспотическим режимом власти. В 213 году до н. э. учинил массовую расправу над конфуцианскими учеными, заподозрив их в антиправительственной деятельности: были сожжены все произведения конфуцианской литературы, хранившиеся в частных собраниях; 460 человек из арестованных конфуцианцев были заживо закопаны в землю.

(11) Чжан Лян и Чэнь Пин — государственные деятели Китая (III в. до н. э.).

(12) Гаоцзу — храмовое имя Лю Бана, основателя династии Хань, оказавшегося победителем во внутренних войнах (конец III в. до п. э.).

Больная тень коммунизма*

(1) Проблемы и противоречия индустриального развития КНР, с. 154— L56.

(2) New China News Agency, 1958, Aug. 12.

(3) Resolution of the Central Committee of the Chinese Communist Party on the Establishment of People's Communes in Rural Areas, 1958, Aug. 29 — In: Communist China, Policy Documents with Analysis. Cambr. (Mass.), 1962, p. 456.

(4) Цит. no Schram S. Mao Tsetung, p. 316, 322, 330.

(5) Cm. Der Spiegel, 1974, 7. Okt.

Перманентные потрясения*

(1) См. Schram S. Mao Tsetung and the Theory of the Permanent Revolution, p. 300.

(2) Жэньминь жибао, 1967, 16 нояб.

(3) См. Желоховцев А. «Культурная революция» с близкого

расстояния. — Новый мир, 1968, № 2.

(4) IX Всекитайский съезд КПК. Документы. Пекин, 1969, с. 63.

Радикал-националист*

(1) Цинь Шихуан — китайский император. Правил в III веке до н. э. (см. подробнее сноску на с. 396).

(2) Беседа с представителями журналистских кругов 10 марта 1957 г. Цит. по: Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. М., 1974, с. 91.

(3) Schram S. Mao Tsetung, p. 16.

(4) Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957, с. 26.

(5) Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3, с. 270.

(6) Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 20, с. 88.

(7) Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, т. 2. М., 1972, с. 264–283.

(8) Там же, с. 266, 281.

(9) Макиавелли Никколо. Соч., т. 1. М., 1934, с. 287, 288–289.

(10) Там же, с. 282–283.

(11) Цит. по: Schlesinger A. On Heroic Leadership and the Dillema of Strong Man and Wear People. — Encounter, 1960, Dec, № 87, p. 3–11.

(12) Cm. Shaw B. Three Plays for Puritans. L., 1909, p. XXXI–XXXII.

Несостоявшаяся императрица*

(1) Witke Roxane. Comrade Chiang Ch'ing. Boston — Toronto, 1977. Далее высказывания Цзян Цин и комментарии к ним цитируются в данном разделе по названной книге.

Формирование альянсов*

(1) Шоу Бернард. Избр. произв. в двух томах, т. 1, с. 5.

(2) Цит. по: Пирсон Ш. Бернард Шоу. М., 1972, с. 235.

Новое руководство*

(1) См. Чжэн Мин, 1978, янв.

(2) См. Гуанминь жибао, 1976, 4 окт.

(3) Чжунгун янцьзю, 1974, июль.

(4) См. Жэньминь жибао, 1977, 27 апр.

(5) Жэньминь жибао, 1977, 28 окт.

(6) China News Analysis, 1978, Febr. 17.

(7) Ibid.

(8) Чжунгун янцьзю, 1978, март.

Мумизация маоизма[*]
(1) См. Жэньминь жибао, 1977, 9 сент.

Бремя наследования[*]
(1) См. Правда, 1978, 13 июня.
(2) См. Правда, 1978, 20 июля.
(3) Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.

Против магии слов[*]
(1) Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 450.
(2) См. Пирсон Ш. Указ. соч., с. 228.
(3) См. Deleyne I. L'économie chinoise. P., 1971, p. 127.

Выходные данные

Федор Михайлович Бурлацкий
МАО ЦЗЭДУН и его наследники

Редактор Б. К. МИХАЙЛОВ
Оформление художника О. Н. КОНЯХ.ИНА
Художественный редактор В. В, СУРКОВ
Технический редактор И. Г. МАКАРОВА
Корректор Е. В. АРХИПОВА

ИБ № 404
Сдано в набор 18.04.79. Подписано в печать 04.10.79.
А 12577. Формат 84х108/32. Бумага тип. № 3.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,0. Уч. изд. л. 23,0.
Тираж 45 000 экз. Заказ № 299. Цена 1 р. 50 к.
Изд. № 15110.

Издательство «Международные отношения».
103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24.
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.